

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ПСИХОЛОГИЯ И

ПСИХОТЕХНИКА

научно-практический журнал

*www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com*

*AURORA Group s.r.o.
nota bene*

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-07-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт философии Российской академии наук, Главный научный сотрудник, руководитель сектора истории антропологических учений, руководитель Научно-образовательного центра, 109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, с.1, оф. 322, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2454-0722

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-07-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna - doktor filosofskikh nauk, Federal'noe gosudarstvennoe byudzhethoe uchrezhdenie nauki Institut filosofii Rossiiskoi akademii nauk, Glavnyi nauchnyi sotrudnik, rukovoditel' sektora istorii antropologicheskikh uchenii, rukovoditel' Nauchno-obrazovatel'nogo tsentra, 109240, Rossiya, g. Moskva, ul. Goncharnaya, 12, s.1, of. 322, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2454-0722

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Харитонов Александр Николаевич — кандидат психологических наук, доцент, президент Русского психоаналитического общества.
119002, Россия, Москва, ул. Арбат, 25-2.

Богоявленская Диана Борисовна — доктор психологических наук, профессор, почётный работник Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, зав. лабораторией Психологического института Российской академии образования. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 9, строение 4.

Леонтьев Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Розенова Марина Ивановна — доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры Научных основ экстремальной психологии Факультета "Экстремальная психология" Московского государственного психолого-педагогического университета (МГППУ)

Россохин Андрей Владимирович — доктор психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11, строение 9.

Белинская Елена Павловна - доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова .

Пазухина Светлана Вячеславовна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого", 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125pazuhina@mail.ru

Борзова Татьяна Владимировна – доктор психологических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тихоокеанский государственный университет», профессор кафедры психологии. 680000, Россия, Хабаровск, ул. Карла Маркса, 68, borzova_tatiana@mail.ru

Куликов Леонид Васильевич - доктор психологических наук, профессор кафедры социальной психологии. Санкт-Петербургский госуниверситет, 3. 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова 6, СПбГУ факультет психологии leon-piter@mail.ru

Шаповалов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, кандидат психологических наук, доцент профессор кафедры экономики и управления Сочинского государственного университета, первый проректор Института непрерывного профессионального образования.

Алексашкина Людмила Николаевна — доктор педагогических наук ведущий научный сотрудник Центра социально-гуманитарных дисциплин Института стратегии развития образования Российской академии образования.

Поляков Виктор Павлович – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории психолого-педагогического и учебно-методического обеспечения развития информатизации образования Центра информатизации образования Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления

образованием Российской академии образования», 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, стр. 1Б, polvikpal@mail.ru

Гогиберидзе Георгий Меджидович — доктор педагогических наук, профессор профессор кафедры социологии и политологии Московского городского педагогического университета.

Аринушкина Анна Александровна – доктор педагогических наук, ФГБНУ ИУО РАО. Центр информатизации образования федерального государственного бюджетного научного учреждения «Институт управления образованием Российской академии образования», главный научный сотрудник, 105062, г. Москва, ул. Макаренко, д. 5/16, anna.arin@mail.ru

Дорофеев Андрей Викторович – доктор педагогических наук, кандидат физико-математических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы", кафедра педагогики и психологии профессионального образования, 450000, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а

Филатов Олег Константинович — доктор педагогических наук, профессор.

Гельман Виктор Яковлевич – доктор технических наук, профессор, профессор кафедры медицинской информатики и физики ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И.Мечникова», 191015, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Кирочная, д.41, gelm@sg2104.spb.edu

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5/1.

Берд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук. 119991, Россия, Москва, ул. Гончарная, 10

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра теории и истории культуры Института фундаментальных и прикладных исследований, профессор Московского гуманитарного университета. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, 5/1.

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный сотрудник Института философии Российской академии наук, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество». 119991, Россия, Москва, ул. Гончарная, 10.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук,

главный редактор журналов «Философская мысль», "Психология и психотехника". 119991, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 10.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Шестопад Елена Борисовна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической социологии и психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Артемьева Ольга Аркадьевна - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Иркутский государственный университет", профессор, руководитель лаборатории методологии и истории психологии, 664025, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, каб. 205, oaartemeva@yandex.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Галяшина Елена Игоревна - доктор юридических наук, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», Директор Центра правовой экспертизы в сфере противодействия идеологии терроризма и профилактики экстремизма, 123995, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудриснская, 9, каб. 721, eigaljashina@msal.ru

Енгальчев Вали Фатехович - доктор психологических наук, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Руководитель Научно-исследовательского центра судебной экспертизы и криминалистики , 248002, Россия, Калужский область, г. Калуга, ул. Лесная, 59, valiyen@gmail.com

Каширский Дмитрий Валерьевич - доктор психологических наук, ФГБОУ ВО "Российский государственный социальный университет", профессор факультета психологии, 129226, Россия, г. г Москва, ул. В. Пика, 4, оф. стр. 1, psymath@mail.ru

Краснянская Татьяна Максимовна - доктор психологических наук, АНО ВО "Московский гуманитарный университет", профессор кафедры общей, социальной психологии и истории психологии, 107207, Россия, столичный, г. Москва, ул. Уральская, д.6, к.5, кв. 34, ktm8@yandex.ru

Леньков Сергей Леонидович - доктор психологических наук, ФГБУ "Российская академия

образования", главный аналитик , 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, 27, кв. кв. 77, new_psy@mail.ru

Неволина Виктория Васильевна - доктор педагогических наук, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный медицинский университет", Профессор, ФГБОУ ВО "Оренбургский государственный университет", Профессор, 460040, Россия, г. Оренбург, Мира, 8А, кв. 10, nevolina-v@yandex.ru

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Ростовцева Марина Викторовна - доктор философских наук, ФГАОУ ВО "Сибирский федеральный университет", заведующая кафедрой, 660062, Россия, г. Красноярск, ул. Вильского, 18а, marin-0880@mail.ru

Рубцова Надежда Евгеньевна - доктор психологических наук, АНО ВО "Российский новый университет", профессор кафедры общей психологии и психологии труда, 170008, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Склизкова, дом 27, корпус 1, кв. кв. 77, hope432810@yandex.ru

Толстолуцкий Владимир Юрьевич – доктор медицинских наук, профессор, Нижний Новгород, ННГУ, юридический факультет, кафедра уголовного права и процесса, 603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23, tolvlad@yandex.ru

Шевелёва Светлана Анатольевна - доктор медицинских наук, заведующий лабораторией, ФГБУН «ФИЦ питания и биотехнологии», 109240, Россия, Москва, Устьинский проезд, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Council of editors

Kharitonov Alexander Nikolaevich — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, President of the Russian Psychoanalytic Society.
Arbat str., 25-2, Moscow, 119002, Russia.

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Honorary Worker of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Head. laboratory of the Psychological Institute of the Russian Academy of Education. 125009, Russia, Moscow, Mokhovaya str., 9, building 4.

Leontiev Dmitry Alekseevich — Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Rozenova Marina Ivanovna — Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State Psychological and Pedagogical University (MGPPU)

Rossokhin Andrey Vladimirovich — Doctor of Psychological Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University. 11 Mokhovaya str., building 9, Moscow, 125009, Russia.

Belinskaya Elena Pavlovna - Doctor of Psychological Sciences, Professor, Department of Social Psychology, Lomonosov Moscow State University.

Svetlana V. Pazukhina – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Tolstoy Tula State Pedagogical University", 300026, Tula, Lenin Avenue, 125pazuhina@mail.ru

Borzova Tatiana Vladimirovna – Doctor of Psychological Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education "Pacific State University", Professor of the Department of Psychology. 680000, Russia, Khabarovsk, Karl Marx str., 68, borzova_tatiana@mail.ru

Leonid V. Kulikov - Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Social Psychology. St. Petersburg State University, 3. 199034, St. Petersburg, nab. Makarova 6, St. Petersburg State University Faculty of Psychology leon-piter@mail.ru

Shapovalov Vladimir Ivanovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Economics and Management of Sochi State University, First Vice-Rector of the Institute of Continuing Professional Education.

Aleksashkina Lyudmila Nikolaevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Leading researcher at the Center for Social and Humanitarian Disciplines of the Institute of Educational Development Strategy of the Russian Academy of Education.

Polyakov Viktor Pavlovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief researcher of the Laboratory of Psychological, Pedagogical and Educational methodological support for the development of Informatization of Education of the Center for Informatization of Education of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education", 105062, Moscow, Makarenko str., 5/16, p. 1B, polvikpal@mail.ru

Gogiberidze Georgy Medzhidovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor Professor of the Department of Sociology and Political Science of the Moscow City Pedagogical University.

Arinushkina Anna Aleksandrovna – Doctor of Pedagogical Sciences, FGBNU IUO RAO. Center for Informatization of Education of the Federal State Budgetary Scientific Institution "Institute of Education Management of the Russian Academy of Education", Chief Researcher, 5/16 Makarenko str., Moscow, 105062, anna.arin@mail.ru

Dorofeev Andrey Viktorovich – Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla", Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education, 450000, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Oktyabrskaya revolutsii str., 3a

Filatov Oleg Konstantinovich — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Gelman Viktor Yakovlevich – Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the Department of Medical Informatics and Physics of the I.I.Mechnikov Northwestern State Medical University, 41 Kirochnaya str., Saint Petersburg, 191015, Russia, gelm@sg2104.spb.edu

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Bird Robert — PhD, Professor at the University of Chicago (USA). 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia

Valery A. Lukov — Doctor of Philosophy, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Center for Theory and History of Culture of the Institute of Fundamental and Applied Research, Professor of the Moscow Humanitarian University. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Namli Elena – Doctor of Ethics, Professor at Uppsala University (Sweden). Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Employee of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, chief editor of the journal "Personality. Culture. Society". 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Department of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought", "Psychology and Psychotechnics". 10 Goncharnaya str., Moscow, 119991, Russia.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). VdRSSD e.V. –

Storcksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Elena Borisovna Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Sociology and Psychology of Lomonosov Moscow State University. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Dmitrenko Tatiana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages of the Moscow Pedagogical State University. RSCI Hirsch Index = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Berezantsev Andrey Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Artemyeva Olga Arkadyevna - Doctor of Psychological Sciences, Irkutsk State University, Professor, Head of the Laboratory of Methodology and History of Psychology, 664025, Russia, Irkutsk, Chkalova str., 2, room 205, oaartemeva@yandex.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Elena Igorevna Galyashina - Doctor of Law, O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSLA), Director of the Center for Legal Expertise in Countering the Ideology of Terrorism and Preventing Extremism, 9 Sadovaya-Kudriskaya Str., office 721, Moscow, 123995, Russia, eigaljashina@msal.ru

Engalychev Vali Fatekhovich - Doctor of Psychological Sciences, Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, Head of the Research Center for Forensic Examination and Criminalistics, 59 Lesnaya str., Kaluga, 248002, Kaluga Region, Russia, valiyen@gmail.com

Kashirsky Dmitry Valeryevich - Doctor of Psychological Sciences, Russian State Social University, Professor of the Faculty of Psychology, 129226, Russia, Moscow, V. Pika str., 4, of. p. 1, psymath@mail.ru

Krasnianskaya Tatiana Maksimovna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Moscow Humanitarian University", Professor of the Department of General, Social Psychology and History of Psychology, 107207, Russia, Stolichny, Moscow, Uralskaya str., 6, room 5, sq. 34, ktm8@yandex.ru

Sergey Leonidovich Lenkov - Doctor of Psychological Sciences, FSBI "Russian Academy of Education", Chief Analyst, 170008, Russia, Tver region, Tver, Sklizkova str., 27, sq. sq. 77, new_psy@mail.ru

Nevolina Victoria Vasilyevna - Doctor of Pedagogical Sciences, Orenburg State Medical University, Professor, Orenburg State University, Professor, 460040, Russia, Orenburg, Mira, 8A, sq. 10, nevolina-v@yandex.ru

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Rostovtseva Marina Viktorovna - Doctor of Philosophy, Siberian Federal University, Head of the Department, 18a Vil'skogo str., Krasnoyarsk, 660062, Russia, marin-0880@mail.ru

Rubtsova Nadezhda Evgenievna - Doctor of Psychological Sciences, ANO VO "Russian New University", Professor of the Department of General Psychology and Labor Psychology, 170008, Russia, Tver region, Tver, ul. Sklizkova, house 27, building 1, sq. sq. 77, hope432810@yandex.ru

Tolstolutsky Vladimir Yuryevich - Doctor of Medical Sciences, Professor, Nizhny Novgorod, UNN, Faculty of Law, Department of Criminal Law and Procedure, 603950, Nizhny NovgorodNovgorod, Gagarin Ave., 23, tolvlad@yandex.ru

Sheveleva Svetlana Anatolyevna - Doctor of Medical Sciences, Head of the laboratory, FGBUN "FITZ nutrition and Biotechnology", 109240, Russia, Moscow, Ustinsky passage, 2/14 Sheveleva@ion.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

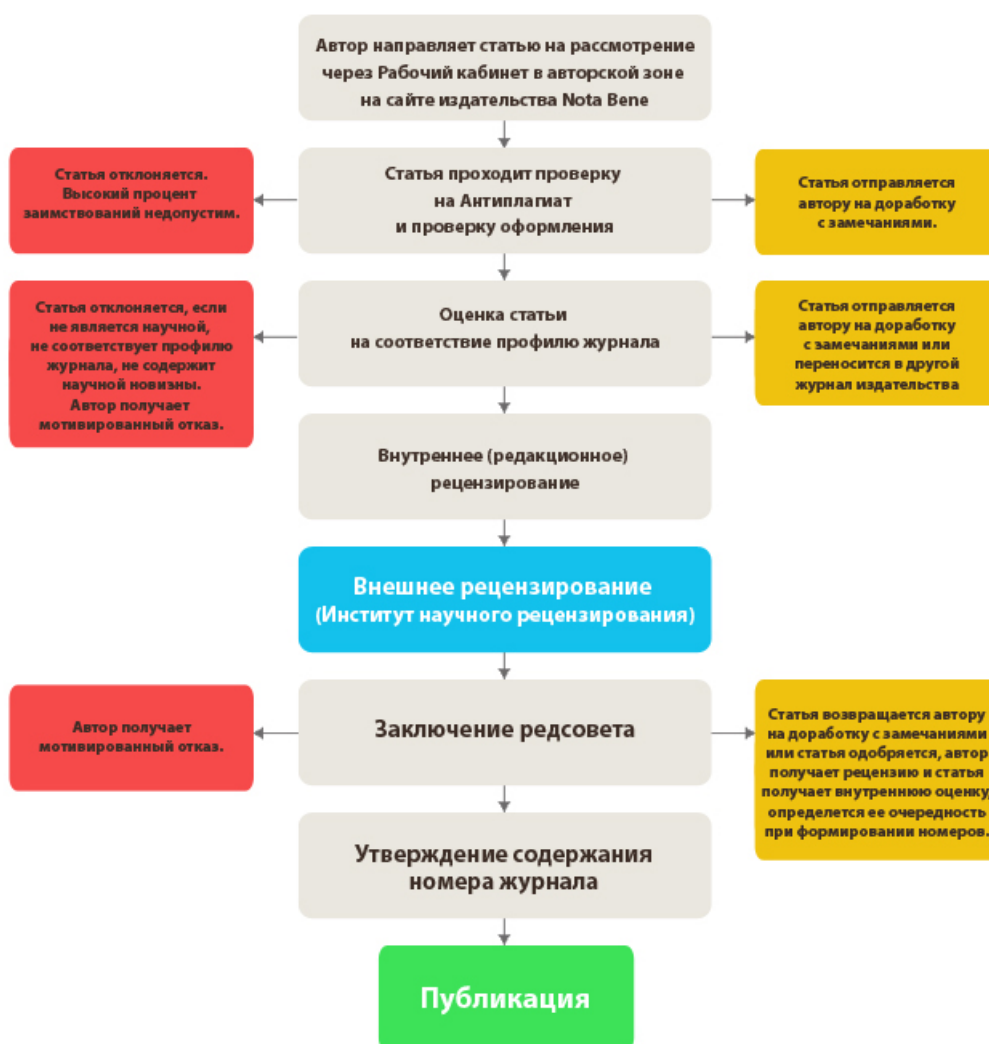
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Боровиков А.В., Лиманская А.Э. Влияние антиципационной состоятельности на уровень воспринимаемого стресса у женщин: копинг как медиатор	1
Шляхов И.С., Горбунов И.А., Тихонова К.А. Спектральная динамика электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении: анализ этапов теста Рея	15
Богачев А.М., Бутенко Т.А., Ярославский А.Д. Отношение к значимой жизненной ситуации, субъектность и объектность, риск ПТСР и качество сна у представителей гг. Мариуполь и Санкт-Петербург	29
Розин В.М. Сновидения и семиотические схемы как посредники между душой и телом	49
Левчук И.А. Взаимосвязи личностных свойств с переживанием одиночества	62
Борозинец Д.В. Становление карьерной идентичности студентов колледжей педагогического профиля: личностные детерминанты и механизмы взаимодействия	74
Коршикова М.А., Тенюшев Б.И., Коваль Н.А. Типы карьерных представлений и их связь с уверенностью в себе у будущих педагогов	91
Брагина Е.В., Колесникова В.Ю. Роль психологической устойчивости личности, академической вовлеченности и оптимального опыта в развитии самостоятельной учебной деятельности взрослых учащихся	105
Алексеев И.А., Тхостов А.Ш., Шустов А.Д. Анализ когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах	124
Шиловская Н.В., Мерзлякова Ю.С., Цверков С.П., Алимова А.О. Роль семейных отношений в оценке качества жизни родителей с онкобольными детьми-подростками в ремиссии	144
Хороших П.П., Кравцова Ю.В. Переживание одиночества: философско-психологический анализ феномена	159
Поляков А.С., Груненко Е.В. Особенности проявления самодетерминации и контроля поведения студентами первого и третьего курсов	174
Воробей А.С. Цвет как фактор проектирования образовательной среды: обзор исследований	193
Глушкова С.А. Психологические аспекты использования цифровых образовательных технологий	211
Флеров О.В. Закономерности и противоречия развития цифровой информационной культуры личности обучающегося	223
Величко Ю.А., Стоянова И.Я., Кузьмина А.С. Психологические предикторы панических атак при нарушениях сна	236
Семенова Н.А. Сущность метаресурса жизненной успешности и его взаимосвязь с личностными ресурсами конструктивной жизни у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации	247
Рубцова Н.Е., Ленков С.Л. Психотехники диагностики профессиональных типов в условиях цифровизации	263
Англоязычные метаданные	277

Contents

Borovikov A.V., Limanskaia A.E. The effect of anticipatory consistency on perceived stress level of women: coping as a mediator	1
Shlyakhov I.S., Gorbunov I.A., Tihonova K.A. Spectral dynamics of electroencephalographic rhythms during verbal learning: analysis of the Rey test stages	15
Bogachev A.M., Butenko T.A., Yaroslavskii A.D. Attitude towards significant life situations, subjectivity and objectivity, PTSD risk, and sleep quality among representatives of Mariupol and Saint Petersburg	29
Rozin V.M. Dreams and semiotic schemas as intermediaries between soul and body	49
Levchuk I.A. Relationships between personality traits and experience of loneliness	62
Borozinets D.V. The formation of career identity in college students of pedagogical profile: personal determinants and interaction mechanisms.	74
Korshikova M.A., Tenyushev B.I., Koval' N.A. Types of career representations and their relationship with self-confidence among future educators	91
Bragina E.V., Kolesnikova V.Y. The role of psychological resilience, academic engagement, and optimal experience in the development of self-directed learning activities of adult learners	105
Alekseev I.A., Thostov A.S., SHustov A.D. Analysis of cognitive profiles in schizophrenia and NSAID-induced psychosis	124
Silovskaya N.V., Merzlyakova Y.S., Tsverkov S.P., Alimova A.O. The Influence of Family Relationships on the Perceived Quality of Life Among Parents of Adolescent Cancer Patients in Remission	144
Khoroshikh P.P., Kravtsova Y.V. The Experience of Loneliness: A Philosophical-Psychological Analysis of the Phenomenon	159
Polyakov A.S., Grunenкова E.V. Features of the manifestation of self-determination and behavioral control among first and third-year students	174
Vorobei A.S. Color as a factor in the educational environment design: recent research review	193
Glushkova S.A. Psychological aspects of the use of digital educational technologies	211
Flerov O.V. Laws and contradictions of personality's digital information culture development	223
Velichko Y.A., Stoyanova I.Y., Kuzmina A.S. Psychological predictors of panic attacks in sleep disorders	236
Semenova N.A. The essence of the meta-resource of life successfulness and its relationship with personality resources of constructive life among employees of internal affairs bodies of the Russian Federation	247
Rubtsova N., Lenkov S.L. Psychotechnics for Diagnosing Professional Types in the Context of Digital Transformation	263
Metadata in english	277

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Боровиков А.В., Лиманская А.Э. Влияние антиципационной состоятельности на уровень воспринимаемого стресса у женщин: копинг как медиатор // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.73141 EDN: ALUKIM URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73141

Влияние антиципационной состоятельности на уровень воспринимаемого стресса у женщин: копинг как медиатор

Боровиков Андрей Владиславович

независимый исследователь, студент, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6

✉ alohaman1999@gmail.com

Лиманская Алина Эдуардовна

независимый исследователь

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6, факультет психологии

✉ allimane15@gmail.com

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.73141

EDN:

ALUKIM

Дата направления статьи в редакцию:

25-01-2025

Дата публикации:

06-02-2025

Аннотация: Ежедневно человек испытывает напряжение и воспринимает различные ситуации как стрессовые. Стресс, как известно, оказывает влияние на психическое и физическое здоровье. Существуют свидетельства, указывающие на то, что женщины сильнее испытывают дистресс, чем мужчины. В связи с этим становится актуальным

изучение факторов и механизмов, связанных с дистрессом у женщин. К таким переменным могут быть отнесены копинг-стратегии и антиципационная состоятельность. В ходе анализа литературы выявлен дефицит исследований, в которых бы изучались взаимосвязи между антиципационной состоятельностью, копинг-поведением и воспринимаемым стрессом. Цель текущего исследования – определить, как антиципационная состоятельность влияет на воспринимаемый стресс у женщин, участвуют ли в этой взаимосвязи стратегии совладания. Предполагается, что антиципационная состоятельность негативно связана с воспринимаемым стрессом, а копинг-стратегии опосредуют взаимосвязь между антиципацией и стрессом. В исследовании приняли участие 305 респондентов женского пола. Использованы следующие психодиагностические методы: Шкала воспринимаемого стресса 10, опросник «Стратегии совладающего поведения», краткая версия теста антиципационной состоятельности. Статистические методы: корреляционный анализ, анализ простой медиации, анализ множественной медиации. В результате получена модель множественной медиации. Антиципационная состоятельность у женщин негативно связана с уровнем воспринимаемого стресса. Эта взаимосвязь не прямая, а опосредована копинг-стратегиями. Такие способы совладания, как «бегство-избегание» и «планирование решения проблемы», опосредуют взаимосвязь между антиципационной состоятельностью и уровнем воспринимаемого стресса. Чем выше уровень антиципационной состоятельности, тем выше вероятность использования стратегии «планирование решения проблемы», которая снижает уровень воспринимаемого стресса, и ниже вероятность актуализации копинг-стратегии «бегство-избегание», которая связана с увеличением стресса. Антиципационная состоятельность обеспечивает возможность прогнозирования результатов совладающего поведения еще до актуализации конкретной активности, а копинг-стратегии выступают в виде конкретных усилий, оказывающих влияние на стресс. Также кратко рассмотрены основные ограничения текущей работы.

Ключевые слова:

копинг, копинг-поведение, копинг-стратегии, копинг механизмы, антиципация, антиципационная состоятельность, стресс, воспринимаемый стресс, дистресс, адаптация

Введение

Современный мир характеризуется ростом политической, экономической и социальной напряженности, стремительным развитием науки и техники. Все это приводит к тому, что человек ежедневно испытывает напряжение и воспринимает различные ситуации как стрессовые. Стресс, как известно, оказывает значительное влияние на психическое и физическое здоровье, на качество жизни человека [\[28, 30\]](#). Существуют свидетельства, что женщины испытывают стресс сильнее, чем мужчины [\[10, 15, 24\]](#). В связи с этим становится особенно важным изучение факторов и механизмов, связанных с дистрессом у женщин. Одним из таких факторов является копинг-поведение (совладание).

Обзор литературы

Копинг – это использование когнитивных и поведенческих стратегий для управления требованиями ситуации, когда они оцениваются как обременительные или превышающие возможности человека, или для уменьшения негативных эмоций и конфликтов, вызванных стрессом [\[32\]](#).

Одной из наиболее влиятельных концепций копинга является теория R. Lazarus и S. Folkman. Основная идея этой концепции заключается в том, что индивиды постоянно оценивают стимулы окружающей среды. Этот процесс порождает эмоции, и, когда стимулы оцениваются как стрессогенные, возникающий в результате дистресс инициирует стратегии совладания, которые позволяют управлять эмоциями и совершать попытки воздействовать непосредственно на сам стрессор. Копинг приводит к определенному изменению во взаимоотношениях человека с окружающей средой (т.е. результату), которое переоценивается как благоприятное, неблагоприятное или неразрешенное. Благоприятный исход вызывает положительные эмоции, в то время как неблагоприятный или неразрешенный исход вызывает дистресс, побуждая человека рассматривать дальнейшие варианты совладания со стрессом [\[11\]](#). Таким образом, копинг не только рассматривается как непосредственная реакция на стресс, но и оказывает влияние на последующее изменение воспринимаемого стресса (как результат копинга).

Под воспринимаемым стрессом понимают то, насколько человек оценивает жизненные события как стрессовые, неконтролируемые, непредсказуемые [\[12, 33\]](#). Существуют взаимосвязи между копинг-стратегиями и воспринимаемым стрессом. По данным исследований, проблемно-ориентированные и адаптивные эмоционально-ориентированные (например, позитивная переоценка, поиск социальной поддержки) стратегии отрицательно связаны с уровнем воспринимаемого стресса, а дезадаптивные и направленные на избегание способы совладания положительно связаны с уровнем стресса [\[13, 17, 20, 26\]](#).

В теории стресса и копинга концепция когнитивной оценки является центральной и предполагает, что стресс нельзя определить только на уровне стимулов, так как он зависит от того, как индивид интерпретирует события окружающей среды. Оценка состоит из постоянно меняющегося набора суждений о значимости потока событий для благополучия человека. Различают три основные формы оценки: первичная, вторичная и переоценка. Первичная оценка связана с мотивационной значимостью происходящего, то есть с тем, имеет ли это отношение к благополучию человека. Выделяют три типа первичной оценки стресса: 1) вред-потеря – причиненные потери; 2) угроза – потенциальные или ожидаемые потери; 3) вызов – потенциал для овладения чем-либо или получения выгоды. Вторичная оценка связана с ресурсами и вариантами совладания и отвечает на вопрос, возможно ли предпринять какие-либо действия, необходимые для улучшения отношений человека с ситуацией стресса [\[14, 21, 22\]](#). Позднее R. Lazarus развивает представление о вторичной оценке. Он выделяет такой компонент, как ожидания относительно того, будут ли события развиваться благоприятно или ухудшаться по какой-либо причине, включая эффективное или неэффективное совладание [\[23\]](#). Таким образом, в концепции стресса и копинга подчеркивается роль процессов прогнозирования. Как указывает H. Krohne, «эта концепция основана на идее о том, что эмоциональные процессы (включая стресс) зависят от реальных ожиданий, которые люди проявляют в отношении значимости и исхода конкретной встречи» [\[18\]](#).

Антиципация – это способность действовать и принимать решения с временно-пространственным упреждением в отношении будущих событий [\[6, с. 395\]](#). Согласно словарю АРА, этот феномен определяется как прогнозирование или предвкушение будущего события или состояния [\[32\]](#). В отечественной и зарубежной литературе встречаются различные понятия, относящиеся к антиципации или отражающие ее

отдельные аспекты. Например, в зарубежной литературе часто встречаются следующие понятия: ожидание, эпизодическое мышление о будущем, прогностические процессы. В отечественной науке обычно используют такие понятия, как прогнозирование и предвкушение [5, 6, 7, 19, 29]. Такое разнообразие связано с тем, что антиципация является психическим феноменом, пронизывающим практически все сферы психической деятельности человека [6]. Антиципация участвует в различных адаптивных процессах, как например: решение задач проблемного типа, планирование действий, принятие решений, эмоциональная регуляция и другие [6, 29]. На уровне поведения без антиципации человек был бы реактивным, приспосабливающимся существом, не способным делать выводы из прошлого опыта и учиться на своих ошибках. Стресс-преодолевающее поведение имело бы исключительно реактивный характер, без возможности спрогнозировать и предотвратить проблемную ситуацию [5]. Е. С. Старченкова отмечает, что антиципация стрессовых событий может способствовать мобилизации копинг-усилий, направленных на заблаговременную подготовку к ним [8].

Таким образом, в рамках проблемы соотношения антиципации и совладающего поведения следует вести речь, прежде всего, о том, что антиципация участвует в реализации подготовительного этапа в процессе взаимодействия человека со стрессом.

Близким понятием является антиципационная состоятельность — способность с высокой вероятностью предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуаций и свои реакции на них, а также действовать с временно-пространственным упреждением [7, с. 91]. В. Д. Менделевич выдвинул предположение, что антиципационная состоятельность, будучи частью системы стабилизации личности, выполняет следующие функции: предотвращает и снижает частоту и остроту стрессогенных факторов; формирует прогноз относительно течения и возможных сценариев развития трудной ситуации; участвует в выборе стратегий адаптации [7]. Результаты, полученные в ходе анализа корреляций между антиципационной состоятельностью и копинг-стратегиями в разных выборках, неоднозначны. И. Абитов и др. обнаружили, что у студентов общий показатель антиципационной состоятельности, а также пространственная и личностно-ситуативная составляющие имеют отрицательные корреляции с копингом «бегство-избегание». Кроме того, обнаружена прямая связь коммуникативной антиципации со стратегией «планирование решения проблем» [3]. В другом исследовании, где приняли участие 104 человека (61 женщина и 43 мужчины), было выявлено, что в общей выборке общая антиципация обратно связана с направленным на эмоции копингом и прямо связана с проблемно-ориентированным копингом, также пространственная и временная составляющие антиципации негативно связаны с эмоционально-ориентированным копингом. Однако в женской выборке была обнаружена только одна обратная взаимосвязь между временной антиципационной состоятельностью и копингом, направленным на эмоции [7]. В исследовании И. Абитова антиципационная состоятельность у здоровых лиц оказалась не связана ни с одной копинг-стратегией [2].

Существует достаточное количество публикаций по преодолению стресса, где копинг изучался как опосредующая переменная [16, 25, 27, 31]. Например, N. Groth и др. провели систематический обзор и двухэтапный метаанализ исследований с использованием моделирования структурными уравнениями. Результаты показали, что дезадаптивное совладание опосредует взаимосвязь между дезадаптивным локусом контроля и проблемами с психическим здоровьем. Авторы объясняют это тем, что люди с преимущественно дезадаптивным локусом контроля склонны недооценивать

потенциальные положительные последствия и вероятность получить вознаграждение в результате своего поведения. Эти ожидания могут привести к развитию выученной беспомощности, которая побуждает людей использовать дезадаптивные стратегии совладания, что ставит под угрозу их психическое здоровье [16]. R. Tindle и др. обнаружили, что избегающий копинг опосредует взаимосвязь между психологической гибкостью и психологическим дистрессом [31]. Несмотря на обширную литературу в области преодоления стресса, мы не обнаружили исследований, в которых изучался копинг как опосредующая переменная между антиципацией и стрессом.

Таким образом, при анализе литературы был выявлен ряд проблем в области исследования совладающего поведения. Во-первых, существуют противоречивые результаты исследований взаимосвязи копинга и антиципационной состоятельности, что может быть обусловлено особенностями выборок. Во-вторых, хотя исследователями подчеркивается роль антиципации в адаптации человека к стрессу, был обнаружен дефицит эмпирических исследований, анализирующих взаимосвязи между воспринимаемым стрессом, антиципацией и копинг-стратегиями.

Все это стало основой для постановки цели текущего исследования – определить, как антиципационная состоятельность влияет на воспринимаемый стресс у женщин, участвуют ли в этой взаимосвязи стратегии совладания.

Выдвинуты следующие гипотезы:

1. Антиципационная состоятельность у женщин негативно связана с уровнем воспринимаемого стресса.
2. Копинг-стратегии опосредуют взаимосвязь между антиципационной состоятельностью и воспринимаемым стрессом у женщин.

Материалы и методы исследования.

В работе были проанализированы данные 305 женщин, согласившихся принять участие в исследовании. Средний возраст составил 23,67 ($\pm 5,14$), возрастной диапазон – от 18 до 44 лет. Большинство испытуемых имели высшее образование ($n = 147$) или являлись студентами высшего учебного заведения ($n = 113$), остальные получили среднее общее ($n = 24$) или среднее специальное образование ($n = 21$).

Используемые методики. Для изучения уровня стресса использовалась «Шкала воспринимаемого стресса 10». Основная задача шкалы – определить, насколько стрессовым люди считают последний месяц своей жизни. В исследовании использовался общий показатель воспринимаемого стресса [1]. Измерение антиципационной состоятельности проводилось при помощи краткой версии теста антиципационной состоятельности. В работе использовался только общий показатель опросника [9]. Для оценки копинг-стратегий использовался опросник «Стратегии совладающего поведения», который включает восемь шкал: конфронтация, дистанцирование, самоконтроль, поиск социальной поддержки, принятие ответственности, бегство-избегание, планирование решения проблемы и положительная переоценка [4].

Для достижения поставленной цели и проверки выдвинутых эмпирических гипотез был проведен анализ множественной медиации. Во-первых, для выявления потенциальных медиаторов был проведен анализ корреляций с помощью r -Пирсона. Копинг-стратегии, которые коррелировали как с антиципационной состоятельностью, так и с

воспринимаемым стрессом, были отобраны в качестве потенциальных медиаторов. Для оценки мультиколлинеарности между медиаторами был проведен корреляционный анализ. Во-вторых, перед построением модели множественной медиации были протестированы простые модели медиации (один медиатор). Медиаторы, которые статистически значимо опосредовали взаимосвязь между антиципационной состоятельностью (независимая переменная) и воспринимаемым стрессом (зависимая переменная), были включены в окончательную модель множественной медиации. Анализ проводился с помощью статистической программы Jamovi 2.3.28, дополнительный модуль Jamovi «jamm – Advanced Mediation Models 1.2.1». При построении моделей медиации использовался метод Bootstrap Bias-Corrected на 10000 случайных подвыборках. Для оценки значимости эффектов использовались показатели 95%-ных доверительных интервалов (ДИ).

Результаты

Описательные статистики приведены в таблице 1.

Таблица 1 – Описательные статистики: копинг-стратегии, воспринимаемый стресс, общая антиципационная состоятельность

Переменные	Среднее	Стандартное отклонение
Конфронтация	50,9	9,83
Дистанцирование	51,2	9,83
Самоконтроль	47,2	10,3
Поиск социальной поддержки	53,3	10,4
Принятие ответственности	49,2	9,91
Бегство-избегание	58,8	9,80
Планирование решения проблемы	48,6	10,2
Положительная переоценка	47,1	9,85
Воспринимаемый стресс	28,9	6,15
Общая антиципационная состоятельность	55,0	8,26

Выявлено, что антиципационная состоятельность связана с воспринимаемым стрессом ($r = -0,217$; $p < 0,01$), самоконтролем ($r = 0,117$; $p < 0,05$), бегством-избеганием ($r = -0,238$; $p < 0,001$), планированием решения проблемы ($r = 0,295$; $p < 0,001$) и положительной переоценкой ($r = 0,188$; $p < 0,001$). Воспринимаемый стресс связан с принятием ответственности ($r = 0,251$; $p < 0,001$), бегством-избеганием ($r = 0,318$; $p < 0,001$), планированием решения проблемы ($r = -0,280$; $p < 0,001$) и положительной переоценкой ($r = -0,139$; $p < 0,05$). Внутритестовые корреляции копинг-стратегий были слабыми или умеренными ($r < 0,49$).

Исходя из результатов, полученных в ходе корреляционного анализа, в качестве медиаторов были выбраны такие копинг-стратегии, как «бегство-избегание», «планирование решения проблемы» и «положительная переоценка». Выявлено, что стратегия «бегство-избегание» и копинг «планирование решения проблемы» опосредуют взаимосвязь между антиципационной состоятельностью и воспринимаемым стрессом, а положительная переоценка не является медиатором. Результаты в обобщенном виде представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Анализ медиации

Эффект	Оценка	Стандартная ошибка (SE)	95% доверительные интервалы (нижн.)	95% доверительные интервалы (верх.)	p	Медиатор
Косвенный	- 0,0499	0,0161	-0,0870	-0,0237	0,002	Бегство-избегание
Прямой	- 0,1116	0,0450	-0,2040	-0,0257	0,013	
Общий	- 0,1615	0,0444	-0,2487	-0,0741	<0,001	
Косвенный	- 0,0519	0,0150	-0,0863	-0,0267	<0,001	Планирование решения проблемы
Прямой	- 0,1096	0,0453	-0,1985	-0,0208	0,016	
Общий	- 0,1615	0,0447	-0,2503	-0,0774	<0,001	
Косвенный	- 0,0142	0,0095	-0,0381	-0,0004	0,135	Положительная переоценка
Прямой	- 0,1473	0,0441	-0,2336	-0,0618	<0,001	
Общий	- 0,1615	0,0442	-0,2487	-0,0748	<0,001	

Примечание. *Bootstrap Bias-Corrected* ($n = 10000$).

В модель множественной медиации были включены «бегство-избегание» и «планирование решения проблемы». Был выявлен статистически значимый общий эффект влияния антиципационной состоятельности на уровень воспринимаемого стресса ($\beta = -0,2170$; $p < 0,001$). Прямой эффект свидетельствует, что антиципация без учета медиаторов не оказывает влияния на воспринимаемый стресс ($\beta = -0,0964$; $p > 0,05$). Копинг «бегство-избегание» ($\beta = -0,0609$; $p < 0,01$) и стратегия «планирование решения проблемы» ($\beta = -0,0598$; $p < 0,01$) статистически значимо опосредуют взаимосвязь между антиципационной состоятельностью и воспринимаемым стрессом.

Анализ компонентов модели. Более высокая антиципационная состоятельность связана с меньшей выраженностью копинга «бегство-избегание» ($\beta = -0,2376$; $p < 0,001$), которая, в свою очередь, положительно связана с воспринимаемым стрессом ($\beta = 0,2563$; $p < 0,001$). Высокие показатели антиципационной состоятельности положительно связаны со стратегией «планирование решения проблемы» ($\beta = 0,2947$; $p < 0,001$), которая негативно связана с воспринимаемым стрессом ($\beta = -0,2027$; $p < 0,001$).

Результаты модели множественной медиации представлены в таблице 3. Пути отдельных компонентов и прямой эффект модели представлены на рисунке 1.

Таблица 3 – Анализ множественной медиации

Тип	Пути	Оценка	Стандартная ошибка (SE)	95% доверительные интервалы (нижн.)	95% доверительные интервалы (верх.)	β	p
Косвенный эффект	АС → бегство-избегание → стресс	- 0,0453	0,0155	-0,0825	-0,0208	- 0,0609	0,004
	АС →	-	0,0146	-0,0783	-0,0207	-	0,002

	планирование → стресс	0,0445				0,0598	
Компоненты	АС → бегство- избегание	- 0,2820	0,0640	-0,4095	-0,1594	- 0,2376	<0,001
	Бегство- избегание → стресс	0,1607	0,0351	0,0920	0,2296	0,2563	<0,001
	АС → планирование	0,3623	0,0647	0,2320	0,4819	0,2947	<0,001
	Планирование → стресс	- 0,1227	0,0328	-0,1930	-0,0598	- 0,2027	<0,001
Прямой эффект	АС → стресс	- 0,0717	0,0443	-0,1614	0,0144	- 0,0964	0,105
Общий эффект	АС → стресс	- 0,1615	0,0443	-0,2490	-0,0753	- 0,2170	<0,001

Примечание. *Bootstrap Bias-Corrected* ($n = 10000$). Бета (β) – это стандартизированные размеры эффектов. АС (сокр.) – антиципационная состоятельность.

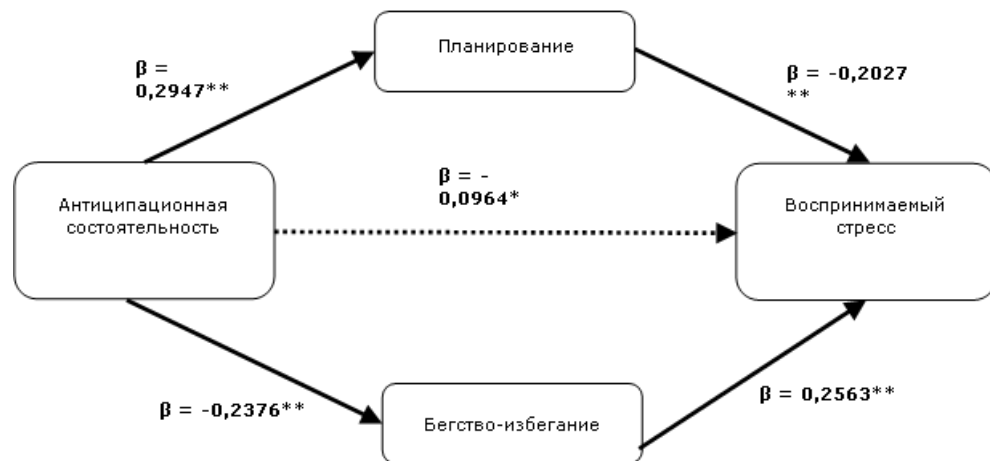

Рисунок 1 – Модель множественной медиации: «*» - $p > 0,05$; «**» - $p < 0,001$

Обсуждение

Настоящее исследование подтвердило, что у женщин антиципационная состоятельность способствует снижению воспринимаемого стресса, но это влияние не прямое, а опосредовано такими копинг-стратегиями, как «бегство-избегание» и «планирование решения проблемы». Высокая антиципационная состоятельность снижает выраженность воспринимаемого стресса посредством снижения вероятности актуализации стратегии «бегство-избегание» и повышения копинга «планирование решения проблемы».

Антиципационная состоятельность отражает способность предвосхищать ход событий, прогнозировать развитие ситуации и собственные реакции на них с временно-пространственным упреждением [7]. Учитывая это, человек с развитой антиципацией способен спрогнозировать, что наиболее адаптивной стратегией преодоления стрессовой ситуации будет являться целенаправленный анализ ситуации и возможных вариантов поведения, выработка стратегии разрешения проблемы и планирование. Также человек с высокой антиципацией способен предвосхитить, что использование избегающих стратегий не приведет к эффективному совладанию с дистрессом, поскольку в долгосрочной перспективе они могут привести к сохранению, накоплению и развитию

проблемной ситуации.

На основе полученных результатов можно предположить, что антиципационная состоятельность обеспечивает возможность прогнозирования результатов совладающего поведения еще до актуализации конкретных усилий. Копинг-стратегии выступают в качестве усилий, которые оказывают влияние на изменение ситуации стресса.

Полученные результаты вписываются в транзактную теорию стресса и копинга. R. Lazarus и др. подчеркивали, что в реализации совладающего поведения важную роль играют процессы оценки, которые включают прогностические компоненты (ожидания) [\[14, 21, 22, 23\]](#). Антиципационную состоятельность можно рассматривать как переменную, влияющую на вторичную оценку, которая связана с выбором тех или иных копинг-стратегий посредством оценивания того, будут ли конкретные способы совладания эффективны в снижении дистресса.

Основные ограничения проведенного исследования могут быть рассмотрены по трем основаниям. Во-первых, возраст участников хоть и был в диапазоне от 18 до 44 лет, средний возраст испытуемых составил 23,6 года, а образовательный уровень был достаточно высок. В связи с этим ставится вопрос о том, насколько полученные данные могут быть перенесены на другие возрастные группы, а также на группы с разным образовательным уровнем. Во-вторых, из 8 копинг-стратегий в окончательную модель медиации были включены только 2 копинг-стратегии. Однако не было проведено прямого сравнения между моделями с 8 копинг-стратегиями и более ограниченной моделью. Это ограничивает возможность оценки того, как изменения в количестве медиаторов могут влиять на результаты исследования. В-третьих, полученная модель основывается на данных самоотчетов, которые не позволяют раскрыть динамическую природу совладающего поведения. В-четвертых, кросс-секционный дизайн исследования не позволяет интерпретировать полученные взаимосвязи как причинно-следственные. Будущие исследователи, учитывая эти ограничения, например, могут использовать дневниковые методы оценки копинга для раскрытия динамических характеристик копинга и стресса.

Заключение

В ходе обзора литературы был выявлен дефицит исследований, посвященных взаимосвязи копинг-стратегий, антиципации и воспринимаемого стресса. Существующие работы, как правило, сосредоточены на изучении этих феноменов изолированно, а комплексное исследование взаимосвязи трёх компонентов — антиципации, копинга и стресса — остаётся недостаточно разработанным. Однако исследователи подчёркивают на теоретическом уровне, что совладающее поведение со стрессом связано с процессами антиципации. Анализ множественной медиации позволил эмпирически подтвердить эту связь. В частности, было выявлено, что:

1. Антиципационная состоятельность у женщин негативно связана с уровнем воспринимаемого стресса. Эта взаимосвязь опосредована копинг-стратегиями.
2. Стратегии «бегство-избегание» и «планирование решения проблемы» выполняют роль медиаторов между антиципационной состоятельностью и воспринимаемым стрессом.
3. Высокий уровень антиципационной состоятельности способствует выбору стратегии «планирование решения проблемы», что снижает дистресс и уменьшает вероятность использования стратегии «бегство-избегание», связанной с повышением дистресса.

Таким образом, полученные результаты подтверждают значимость антиципационной состоятельности как фактора, снижающего уровень стресса, а копинг-стратегии выступают в виде медиаторов.

Библиография

1. Абабков В.А. и др. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10» //Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2016. № 2. С. 6-15.
2. Абитов И.Р. Особенности совладания со стрессом в норме и при психосоматических и невротических расстройствах //Психологический журнал. 2013. Т. 34. № 1. С. 86-96.
3. Абитов И. Р. и др. Взаимосвязь копинг-стратегий студентов с некоторыми особенностями личности // Психология стресса и совладающего поведения: ресурсы, здоровье, развитие : материалы IV Международной научной конференции: в 2-х томах, Кострома, 22–24 сентября 2016 года / под. ред. Т. Л. Крюкова, М. В. Сапоровская, С. А. Хазова. Кострома, 2016. Т. 1. С. 274-276
4. Вассерман Л.И. и др. Методика для психологической диагностики совладающего поведения в стрессовых и проблемных для личности ситуациях: пособие для врачей и медицинских психологов. СПб.: Психоневрологический институт имени В.М. Бехтерева, 2008. 35 с.
5. Ерзин А.И., Ковтуненко А.Ю. Нейропсихология антиципации-1: Монография. М. : Академический проект, 2020. 207 с.
6. Ломов Б.Ф. Психическая регуляция деятельности: Избранные труды. М. : Институт психологии РАН, 2006. 624 с.
7. Менделевич В.Д. Антиципационные механизмы неврозогенеза. М: Городец, 2018. 448 с.
8. Старченкова Е.С. Концепция проактивного совладающего поведения //Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2009. №. 2-1. С. 198-205.
9. Agafonova E. V., Granitsa A.S., Makaricheva E. V. Development of a short version of the test of anticipatory solvency //Neurology Bulletin. 2023. Vol. 55. No. 3. P. 21-30.
10. Anbumalar C. et al. Gender differences in perceived stress levels and coping strategies among college students //The International Journal of Indian Psychology. 2017. Vol. 4. No. 4. P. 22-33.
11. Biggs A., Brough P., Drummond S. Lazarus and Folkman's psychological stress and coping theory //The handbook of stress and health: A guide to research and practice. 2017. P. 349-364.
12. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress //Journal of health and social behavior. 1983. P. 385-396.
13. Enns A. et al. Perceived stress, coping strategies, and emotional intelligence: A cross-sectional study of university students in helping disciplines //Nurse education today. 2018. Vol. 68. P. 226-231.
14. Folkman S. et al. Dynamics of a stressful encounter: cognitive appraisal, coping, and encounter outcomes //Journal of personality and social psychology. 1986. Vol. 50. No. 5. P. 992.
15. Graves B.S. et al. Gender differences in perceived stress and coping among college students //PloS one. 2021. Vol. 16. No. 8. P. e0255634.
16. Groth N. et al. Coping as a mediator between locus of control, competence beliefs, and mental health: A systematic review and structural equation modelling meta-analysis //Behaviour research and therapy. 2019. Vol. 121. P. 103442.
17. Kausar R. Perceived stress, academic workloads and use of coping strategies by university students //Journal of behavioural sciences. 2010. Vol. 20. No. 1.

18. Krohne H.W. Stress and Coping Theories // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. P. 15163-15170.
19. Kube T. et al. How the discrepancy between prior expectations and new information influences expectation updating in depression—the greater, the better? //Clinical Psychological Science. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 430-449.
20. Kumanova M.V., Karastoyanov G.S. Perceived stress and coping strategies //Bulgaria, Pernik. 2013. P. 5.
21. Lazarus R.S., Launier R. Stress-related transactions between person and environment //Perspectives in interactional psychology. Boston, MA : Springer US, 1978. P. 287-327.
22. Lazarus R.S., Folkman S. Transactional theory and research on emotions and coping //European Journal of personality. 1987. Vol. 1. No. 3. P. 141-169.
23. Lazarus R.S. Progress on a cognitive-motivational-relational theory of emotion //American psychologist. 1991. Vol. 46. No. 8. P. 819.
24. Matud M.P. Gender differences in stress and coping styles //Personality and individual differences. 2004. Vol. 37. No. 7. P. 1401-1415.
25. Nicholls A.R. et al. The mediating role of coping: A cross-sectional analysis of the relationship between coping self-efficacy and coping effectiveness among athletes //International Journal of Stress Management. – 2010. Vol. 17. No. 3. P. 181.
26. Onieva-Zafra M.D. et al. Anxiety, perceived stress and coping strategies in nursing students: a cross-sectional, correlational, descriptive study //BMC medical education. 2020. Vol. 20. P. 1-9.
27. Pereira-Morales A.J. et al. Personality traits and health-related quality of life: the mediator role of coping strategies and psychological distress //Annals of general psychiatry. 2018. Vol. 17. P. 1-9.
28. Ribeiro I.J.S. et al. Stress and quality of life among university students: A systematic literature review //Health Professions Education. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 70-77.
29. Schacter D.L., Benoit R.G., Szpunar K.K. Episodic future thinking: Mechanisms and functions //Current opinion in behavioral sciences. 2017. Vol. 17. P. 41-50.
30. Schneiderman N., Ironson G., Siegel S.D. Stress and health: psychological, behavioral, and biological determinants //Annu. Rev. Clin. Psychol. 2005. Vol. 1. No. 1. P. 607-628.
31. Tindle R., Hemi A., Moustafa A.A. Social support, psychological flexibility and coping mediate the association between COVID-19 related stress exposure and psychological distress //Scientific Reports. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 8688.
32. VandenBos G.R. APA Dictionary of Psychology //American Psychological Association. – 2007.
33. Wang S. et al. Stress and the brain: perceived stress mediates the impact of the superior frontal gyrus spontaneous activity on depressive symptoms in late adolescence //Human brain mapping. 2019. Vol. 40. No. 17. P. 4982-4993

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является влияние антиципационной состоятельности на уровень воспринимаемого стресса у женщин (копинг как медиатор). В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, а также, как отмечается в статье, были применены следующие методики: «Шкала воспринимаемого стресса 10»), «краткая версия теста антиципационной состоятельности», «Стратегии

совладающего поведения» и методы описательной статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современная социальная реальность характеризуется постоянными изменениями и трансформациями, которые приводят значительным нагрузкам, вызывают стресс, состояние повышенной тревожности и беспокойства, приводят к депрессии и различным расстройствам, а всему этому в большей степени подвержены женщины. С этих позиций исследование влияния антиципационной состоятельности на уровень воспринимаемого стресса у женщин и рассмотрение копинга как медиатора представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна исследования заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на определение того, каким образом «антиципационная состоятельность влияет на воспринимаемый стресс у женщин, участвуют ли в этой взаимосвязи стратегии совладания». В авторском исследовании приняли участие 305 женщин в возрасте от 18 до 44 лет.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также демонстрацией полученных результатов исследования.

Структура статьи, к сожалению, нельзя считать полностью выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, материалы и методы исследования, результаты, обсуждение, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет отмеченные в представленной статье тенденции, связанные с тем, что «был выявлен ряд проблем в области исследования совладающего поведения. Во-первых, существуют противоречивые результаты исследований взаимосвязи копинга и антиципационной состоятельности, что может быть обусловлено особенностями выборок. Во-вторых, хотя исследователями подчеркивается роль антиципации в адаптации человека к стрессу, был обнаружен дефицит эмпирических исследований, анализирующих взаимосвязи между воспринимаемым стрессом, антиципацией и копинг-стратегиями».

Библиография содержит 33 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперіодические издания.

В статье приводится анализ исследований ученых по вопросам копинг-поведения, антиципации и антиципационной состоятельности и характеристика их особенностей у женщин. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, «1. Антиципационная состоятельность у женщин негативно связана с уровнем воспринимаемого стресса. Эта взаимосвязь не прямая, а опосредована копинг-стратегиями. 2. Копинг-стратегии «бегство-избегание» и «планирование решения проблемы» опосредуют взаимосвязь между антиципационной состоятельностью и воспринимаемым стрессом. 3. Чем выше уровень антиципационной состоятельности, тем выше вероятность использования стратегии «планирование решения проблемы», которая снижает дистресс, и ниже вероятность актуализации стратегии «бегство-избегание», которая повышает дистресс».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что необходимо обратить на некоторые структурные элементы. В частности, целесообразно было бы выделить отдельно в структуре статьи и обозначить раздел «Обзор литературы» или «Теоретический обзор»; обязательно дополнить статью обобщающим заключением, а не ограничиваться только очень краткими выводами, которые совсем не создают впечатление законченности и завершенности исследования. При оформлении таблиц и рисунка следует обратить внимание на требования действующих ГОСТов, оформить их в соответствии с этими требованиями. Кроме того, нужно обратить внимание на единообразие оформления сносок в тексте рукописи, в статье встречаются сноски, оформленные следующим образом: «[5-7, 19, 29]». Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, а также доработать текст и отдельные структурные элементы текста статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Влияние антиципационной состоятельности на уровень воспринимаемого стресса у женщин: копинг как медиатор. Работа содержит: постановку проблемы, проведение теоретического анализа, описание результатов эмпирического исследования.

Предмет исследования. Работа нацелена на определение того, как антиципационная состоятельность влияет на воспринимаемый стресс у женщин, участвуют ли в этой взаимосвязи стратегии совладания. Автором были проверены следующие гипотезы: антиципационная состоятельность у женщин негативно связана с уровнем воспринимаемого стресса; копинг-стратегии опосредуют взаимосвязь между антиципационной состоятельностью и воспринимаемым стрессом у женщин.

Методология исследования. Автор опирался на подходы, рассматривавшие основные подходы,

Актуальность исследования. Автором отмечает, что в ходе проведенного теоретического обзора был выявлен дефицит исследований, посвященных взаимосвязи копинг-стратегий, антиципации и воспринимаемого стресса. Проанализированные работы, как правило, сосредоточены на изучении этих феноменов изолированно, а комплексное исследование взаимосвязи трёх компонентов — антиципации, копинга и стресса — остаётся недостаточно разработанным. В то же время, исследователями отмечается, что совладающее поведение со стрессом связано с процессами антиципации. Поэтому автором было проведено как теоретическое, так и эмпирическое исследование.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование позволило эмпирически подтвердить взаимосвязи копинг-стратегий, антиципации и воспринимаемого стресса. В частности, было выявлено следующее:

- антиципационная состоятельность у женщин негативно связана с уровнем воспринимаемого стресса, данная взаимосвязь опосредована копинг-стратегиями;
- стратегии «бегство-избегание» и «планирование решения проблемы» выполняют роль медиаторов между антиципационной состоятельностью и воспринимаемым стрессом;
- высокий уровень антиципационной состоятельности способствует выбору стратегии «планирование решения проблемы», что снижает дистресс и уменьшает вероятность использования стратегии «бегство-избегание», связанной с повышением дистресса;

- подтверждена значимость антиципационной состоятельности как фактора, снижающего уровень стресса, а копинг-стратегии выступают в виде медиаторов.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором намечены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный, автор раскрыл предмет исследования.

Во введении определена актуальность исследования и поставлена проблема. В основном разделе представлен обзор литературы. Проведенный анализ позволил выявить ряд проблем в области исследования совладающего поведения. Во-первых, существуют противоречивые результаты исследований взаимосвязи копинга и антиципационной состоятельности, что может быть обусловлено особенностями выборок. Во-вторых, хотя исследователями подчеркивается роль антиципации в адаптации человека к стрессу, был обнаружен дефицит эмпирических исследований, анализирующих взаимосвязи между воспринимаемым стрессом, антиципацией и копинг-стратегиями. Автором было выдвинуто ряд гипотез и поставлена цель эмпирического исследования: определить, как антиципационная состоятельность влияет на воспринимаемый стресс у женщин, участвуют ли в этой взаимосвязи стратегии совладания. Эмпирическое исследование позволило их подтвердить. В завершении автором сделаны аргументированные выводы.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 33 отечественных и зарубежных источника, незначительная часть которых издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, учебные и методические пособия, а также монографии и интернет-источники. Источники оформлены, в основном корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

1) во введении определить объект, предмет, научную новизну исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами изучения стрессоустойчивости и дистресса. Затронутая тема была рассмотрена в контексте определения их факторов и механизмов, одним из таких факторов является копинг-поведение (совладание). Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Шляхов И.С., Горбунов И.А., Тихонова К.А. Спектральная динамика электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении: анализ этапов теста Рея // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74313 EDN: KDAFME URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74313

Спектральная динамика электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении: анализ этапов теста Рея

Шляхов Иван Сергеевич

ORCID: 0000-0001-7801-382X

ассистент; кафедра Психология; Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова

аспирант; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет

199225, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, ул. Вадима Шефнера, д. 14 к. 1 стр. 1

✉ i.shlyakhov@spbu.ru

Горбунов Иван Анатольевич

ORCID: 0000-0002-7558-750X

кандидат психологических наук

старший преподаватель; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет

199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Василеостровский р-н, линия 8-я В.О., д. 77

✉ i.a.gorbunov@spbu.ru

Тихонова Ксения Александровна

ORCID: 0009-0002-0148-7298

студент; институт медицинского образования; Национальный медицинский исследовательский центр им. В.А. Алмазова

194356, Россия, г. Санкт-Петербург, Выборгский р-н, пр-кт Энгельса, д. 134 к. 3 литера А

✉ ksenia.tih@mail.ru

[Статья из рубрики "Потенциал интеллекта"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74313

EDN:

KDAFME

Дата направления статьи в редакцию:

03-05-2025

Дата публикации:

12-05-2025

Аннотация: Данное исследование посвящено анализу изменений спектральной мощности основных корковых ритмов (дельта: 1–4 Гц; тета: 4–8 Гц; альфа: 8–13 Гц; бета: 13–30 Гц; гамма: 30–50 Гц) у здоровых взрослых участников при выполнении теста вербального обучения Рея (RAVLT). Особое внимание уделяется топографическому распределению и динамике этих ритмов на этапах заучивания слов из вербального списка, введения интерферирующего списка, а также при немедленном и отсроченном воспроизведении материала. Исследование направлено на выявление нейрофизиологических маркеров начального кодирования, автоматизации запоминания, механизмов преодоления интерференции и процессов системной консолидации долговременной памяти. Полученные данные призваны уточнить временную организацию мнестических процессов и спектральные индикаторы когнитивной нагрузки, что может способствовать развитию диагностических и реабилитационных методик для оценки и коррекции вербальной памяти. В исследовании участвовали 60 здоровых испытуемых (18–44 лет), не имевших неврологических и психических расстройств. ЭЭГ регистрировалась по 19 каналам (система 10–20) с использованием энцефалографа «Мицар-202». Спектральный анализ проводился методом Вэлча, применялось логарифмирование мощности. Статистическая обработка включала RM-ANOVA с поправкой Холма ($\alpha = 0,05$). Изучение нейрофизиологических маркеров памяти и механизмов интерференции приобретает особую значимость в контексте оценки когнитивных нарушений. Оценка энцефалографических ритмов, сопровождающих процессы запоминания, интерференции и воспроизведения информации, позволяет глубже изучить механизмы перераспределения когнитивных ресурсов и оценить роль функциональной организации ритмов при реализации мнестических задач. Полученные результаты демонстрируют статистически значимые различия в мощности ЭЭГ-ритмов в зависимости от этапа выполнения теста RAVLT. Альфа- и бета-синхронизация связаны с активной переработкой информации и произвольным вниманием, в то время как снижение низкочастотных ритмов указывает на преодоление интерференции. Наблюдаемая динамика ритмов подтверждает функциональную специализацию корковых областей при выполнении вербальных задач различной сложности. Экспериментальные данные дополняют представления о временной и пространственной организации мнестических процессов и могут использоваться для оценки состояния когнитивных функций в клинической практике.

Ключевые слова:

Электроэнцефалография, Спектральный анализ, Дельта-ритм, Бета-ритм, Альфа-ритм, RAVLT, Вербальное обучение, Интерференция, Память, Когнитивные функции

Введение

Изучение спектральной динамики электроэнцефалограммы (ЭЭГ) при выполнении задач на вербальное обучение представляет собой важное направление современной нейронауки. Рост интереса к нейрофизиологическим основам памяти и когнитивного

контроля обусловлен не только академическим интересом, но и прикладными задачами по выявлению маркеров когнитивных нарушений, а также созданием нейрореабилитационных программ.

Несмотря на обилие исследований, посвящённых тесту вербального обучения Рея (Rey Auditory Verbal Learning Test, RAVLT) и памяти в целом, топографическая организация ритмов ЭЭГ в динамике всех фаз теста Рея до сих пор остается недостаточно изученной. В частности, не были систематически проанализированы спектральные изменения на всех ключевых этапах данной методики. Целью настоящего исследования является выявление и характеристика динамики спектральных изменений ЭЭГ на различных этапах выполнения теста вербального обучения Рея.

Полученные данные позволят расширить понимание функциональной роли корковых ритмов и топической организации когнитивных функций при выполнении сложных мнестических задач.

Задачи исследования:

1. Проанализировать спектральную мощность в диапазонах дельта, тета, альфа, бета и гамма при выполнении разных проб теста Рея;
2. Сравнить топографические распределения мощности между этапами: заучивание, интерференция, немедленное и отсроченное воспроизведение стимулов;
3. Выявить нейрофизиологические корреляты процессов запоминания, воспроизведения и преодоления интерференции.

Согласно системной концепции памяти, процессы консолидации и реконсолидации трактуются как неразрывные аспекты формирования индивидуального опыта. Они не ограничиваются стабилизацией следа, но включают перестройку ранее сформированных систем под воздействием новых поведенческих актов [\[1\]](#). Это положение особенно релевантно в контексте многоэтапного теста RAVLT, где память подвергается как усилению (заучивание), так и модифицирующему воздействию (интерференция), а также последующей актуализации (воспроизведение).

Кратковременная память (КП) представляет собой ограниченную емкость когнитивной системы по одновременному удержанию и обработке информации, которая составляет в среднем 7 ± 2 единицы восприятия. КП характеризуется сохранением информации, опираясь преимущественно на внешние физические характеристики стимулов. При превышении объема восприятия происходит субъективная организация материала, например, систематизация или группировка элементов для оптимизации запоминания [\[2\]](#).

КП выступает ключевым звеном в системе переработки информации, обеспечивая временное хранение и первичную обработку данных перед их передачей в долговременную память. Она выполняет роль «когнитивного фильтра», отбирая наиболее значимые данные через механизмы внимания [\[3\]](#).

Формирование кратковременной памяти связано с синхронизацией тета- и гамма-ритмов между гиппокампом, миндалиной и неокортексом в теменно-височных областях. Нарушение синхронизации между этими структурами приводит к снижению эффективности кратковременного воспроизведения, что подчеркивает роль тета-ритма при реализации процесса КП как нейрофизиологической основы кратковременного запоминания и актуализации информации [\[4\]](#).

Интерференция — когнитивный феномен, возникающий при одновременном выполнении двух задач, когда контроль основной задачи непроизвольно активирует выполнение дополнительной, подлежащей игнорированию. Это происходит вследствие взаимодействия процессов контроля над корректностью выполнения и выбора релевантного стимула, что вызывает когнитивный конфликт, приводящий к дальнейшим ошибкам. Интерференция обусловлена особенностями когнитивного контроля, а не ограниченностью внимания. Её выраженность уменьшается с ростом сложности основной задачи и усиливается при сходстве выполняемых задач, что подчеркивает роль ассоциативных связей и возникающего конфликта между различными задачами [\[5\]](#).

Альфа-ритм в диапазоне 10–12 Гц ассоциируется с процессами семантической обработки информации. Усиление альфа-активности в затылочных, теменных и лобных долях служит предиктором успешности выполнения мнестических задач, что указывает на функциональную значимость данного нейрофизиологического маркера в процессах памяти [\[6\]](#).

Альфа-десинхронизация в теменно-затылочных и лобных отделах коры головного мозга может служить маркером удержания и обработки информации в рабочей памяти [\[7\]](#).

С другой стороны Тета-волны являются маркерами активации насходящих воздействий со стороны фронтальной коры, а гамма-волны ассоциируются с процессами кодирования отдельных элементов, предъявляемых для запоминания, что впоследствии приводит их к объединению в целостные воспоминания [\[8\]](#).

Исследование Johnson E., подтверждает роль тета-активности (4–7 Гц) в кодировании и извлечении эпизодической информации. Синхронизация тета-волн между медиальной височной долей и префронтальной корой во время предъявления стимулов ассоциируется с последующим успешным воспроизведением материала. Однако тета-ритм также отражает общую когнитивную нагрузку, что осложняет его интерпретацию как исключительно маркера усвоения информации [\[9\]](#).

Экспериментальные данные показывают, что процесс усвоения и удержания информации сопровождаются специфическими изменениями корковой активности. Увеличение мнемонической нагрузки вызывает спектральные изменения в тета- и альфа-диапазонах с топической специфичностью: задняя кора активируется при усвоении, а фронтальные области — при удержании информации. Эти данные подчеркивают вовлечённость префронтальной коры в мнестические процессы [\[10\]](#).

При успешном разрешении интерференции наблюдается снижение мощности тета-активности в передней поясной коре, что служит нейрофизиологическим маркером эффективности процесса преодоления интерференции и указывает на вытеснение конкурирующих стимулов [\[11\]](#).

Синхронизация бета-ритмов между фронтальными и теменными областями мозга способствует улучшению производительности в задачах на рабочую память. Увеличение частоты и амплитуды бета-колебаний ассоциируется с повышением нагрузки на память и процессами обработки информации, а также коррелирует с индивидуальными различиями в успешности выполнения экспериментального задания [\[12\]](#).

Кроме того, увеличение бета-активности в префронтальной коре наблюдается в конце проб, когда необходимо удалить нерелевантную информацию из рабочей памяти, что

подчеркивает роль бета-ритма как нейрофизиологического маркера, отражающего процесс управления мнестическими процессами [13].

Увеличение дельта-активности наблюдается преимущественно в лобной коре и передней поясной, что говорит об участии этих зон в подавлении нерелевантных стимулов, что способствует фокусировке на основной задаче [14].

Методы:

В исследовании приняли участие 60 испытуемых в возрасте от 18 до 44 лет. Участники не имели в анамнезе неврологических или психиатрических патологий и не принимали фармакологические препараты, способные оказывать влияние на когнитивные функции.

В качестве экспериментальных стимулов использовались два набора слов. Каждый из наборов включал по 15 слов.

Участники размещались в комфортном кресле в звукоизолированной комнате с приглушённым светом. Перед каждым этапом участникам предоставлялись подробные инструкции.

В качестве экспериментальной методики использовался тест вербального обучения Рея. RAVLT — это классический тест для оценки слухоречевой (вербальной) памяти и процессов запоминания [15].

Исследования структуры RAVLT выявили его многокомпонентность, отражающую дифференциацию вербальной памяти на независимые когнитивные процессы [16].

Первая фаза теста предполагает обучение и систематизацию информации. Она осуществляется с помощью прогрессивного запоминания при повторных предъявлениях стимулов.

Этап включает пять последовательных предъявлений списка слов А (пробы 1–5), где активное заучивание происходит за счет семантической обработки и формирования ассоциативных связей в гиппокампе и медиальных височных долях [4]. Суммарный показатель воспроизведения (попытка 1– попытка 5) отражает объем непосредственной памяти и устойчивость внимания, тогда как объем первого воспроизведения характеризует кратковременную память.

После этапа обучения испытуемым предлагается для запоминания список слов Б из 15 слов, слова в котором никак не связаны со списком слов А.

Babiloni С. в своем исследовании отмечает, что после интерференционного списка Б происходит стабилизация процесса запоминания, связанная с перемещением информации из гиппокампальных структур в корковые отделы [4]. Ретроактивная интерференция (разница между пятой попыткой и седьмой попыткой) демонстрирует устойчивость к интерферирующему воздействию новой информации.

На этапе отсроченного воспроизведения происходит оценка долговременной памяти испытуемых.

RAVLT служит инструментом для дифференциальной диагностики когнитивных дефицитов, позволяя исследовать процесс обучения, удержания и извлечения информации. [17]

Исследование состояло из последовательных этапов. На первом этапе испытуемому

предъявлялся первый набор из 15 несвязанных существительных (список А). Далее список А зачитывался пять раз подряд, после каждого предъявления участник воспроизводил максимально возможное количество слов (пробы 1–5). Затем предъявлялся второй, интерферирующий список из 15 слов (список Б), который также необходимо было воспроизвести (проба 6). После этого испытуемый повторно воспроизводил слова из первого списка (проба 7). По истечении 20 минут осуществлялось отсроченное воспроизведение слов из списка А (проба 8).

Во время воспроизведения слов осуществлялась регистрация электроэнцефалограммы (ЭЭГ). Запись ЭЭГ проводилась по 19 каналам в монополярном отведении. Запись осуществлялась с использованием энцефалографа Мицар 202 с размещением электродов по системе 10–20. Обработка ЭЭГ осуществлялась в среде Python с использованием библиотек MNE-Python, SciPy и StatsModels. Сырые данные подвергались полосовой фильтрации в диапазоне 0.5–45 Гц.

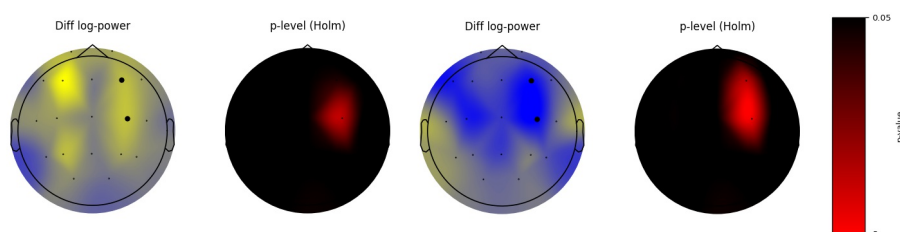
Для оценки спектральных характеристик мощности использовался метод Вэлча с применением окна Ханна. Расчёт спектральной плотности мощности (PSD) проводился отдельно для каждого канала. На основе PSD вычислялись относительная и логарифмическая мощности в следующих стандартных диапазонах: дельта (0.5–4 Гц), тета (4–8 Гц), альфа (8–13 Гц), низкий бета (13–20 Гц), высокий бета (20–30 Гц), гамма (30–45 Гц). Относительная мощность рассчитывалась как доля мощности в заданном диапазоне от общей мощности с помощью логарифмирования.

Анализ различий мощности между этапами вербального теста Рея (пробы 1, 5, 6, 7 и 8) проводился с использованием однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями (RM-ANOVA) по каждому сочетанию канал–диапазон. В случае статистически значимого эффекта ANOVA ($p < 0.05$) применялась поправка Холма на множественные сравнения. Все сравнения проводились на уровне значимости $\alpha = 0.05$.

Также осуществлялась визуализация топографических распределений мощности и статистической значимости с использованием топографических карт, отображающих логарифмированную мощность и уровни p -значений, полученных при попарных сравнениях.

Результаты

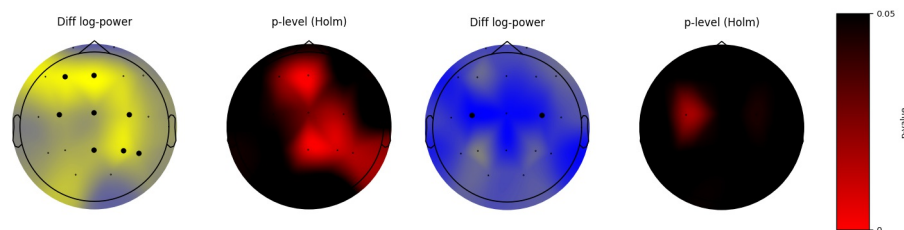
Рисунок 1 Топограммы различий мощностей низкочастотного бета-ритма(слева) и дельта-ритма(справа).

При сравнении первой и пятой попыток RAVLT выявлено изменение мощности ритмов в нескольких диапазонах и отведениях. В дельта-диапазоне мощность снизилась в правом лобном отведении и в правом центральном отведении (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.62$, $p = 0.007$ Holm F_4 : $p = 0.014$; Holm C_4 : $p = 0.003$)(Рис.1). В альфа-диапазоне мощность увеличилась в центральном лобном отведении (Канал Fz; RM-ANOVA: $F(4, 220) = 5.86$, p

= 0.001; Holm: $p = 0.026$). В низкочастотном бета-диапазоне мощность возросла в правом фронтальном отведении и правом центральном отведении (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.62$, $p = 0.007$; Holm F4: $p = 0.043$; Holm C4: $p = 0.014$) (Рис.1). В высокочастотном бета-диапазоне отмечено повышение мощности в правом центральном отведении (Канал C4; RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.53$, $p = 0.008$; Holm: $p = 0.026$).

Рисунок 2. Топограммы различий мощностей (1 проба vs 6 проба) альфа-ритма(слева) и дельта-ритма(справа).

При сравнении первой и шестой попыток RAVLT обнаружена десинхронизация дельта-ритма в левых и правых центральных отведениях (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.88$, $p = 0.005$; Holm C3: $p = 0.018$; Holm C4: $p = 0.045$) (Рис.2). Также была отмечена синхронизация альфа-ритма в фронтальных, центральных, парietальных и правом темпоральном отведениях (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 2.89$, $p = 0.023$; Holm F3: $p = 0.023$; Holm C3: $p = 0.044$; Holm C4: $p = 0.023$; Holm P4: $p = 0.009$; Holm P8: $p = 0.015$; Holm Fz: $p = 0.001$; Holm Cz: $p = 0.027$; Holm Pz: $p = 0.003$) (Рис.2). Были выявлены статистически значимые различия, указывающие на синхронизацию низкочастотного бета-ритма в правом центральном отведении и левом темпоральном отведении (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 5.04$, $p < 0.001$; Holm C4: $p = 0.029$; Holm T7: $p = 0.025$).

Рисунок 3. Топограммы различий мощностей (1 проба vs 7 проба) альфа-ритма(слева) и дельта-ритма(справа).

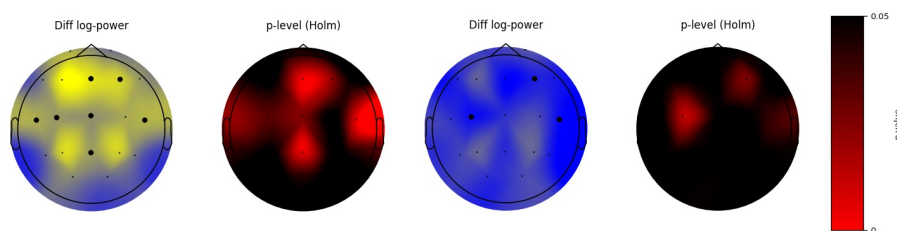
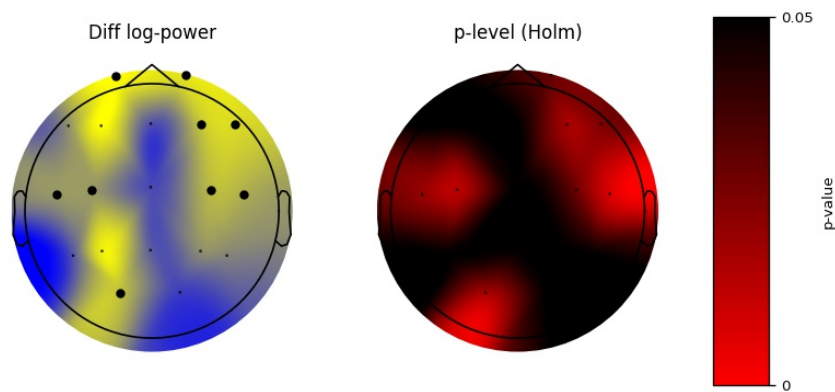
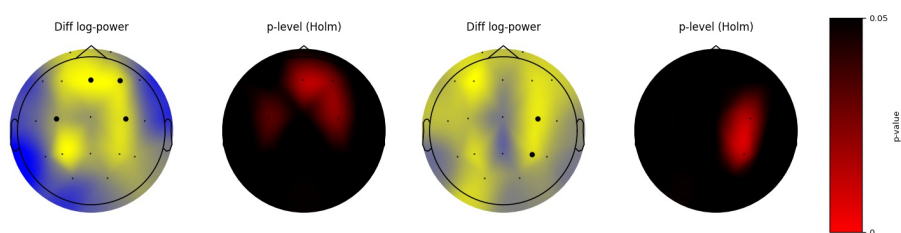

Рисунок 4. Топограммы различий мощностей (1 проба vs 7 проба) низкочастотного бета-ритма(слева).

При сравнении первой и седьмой попыток RAVLT была выявлена десинхронизация дельта-ритма в правом фронтальном, левом центральном и правом височно-затылочном отведениях (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.62$, $p = 0.007$; Holm F4: $p = 0.025$; Holm C3: $p = 0.014$; Holm T8: $p = 0.039$) (Рис.3). В ходе статистического анализа были выявлены статистически значимые различия, свидетельствующие о синхронизации альфа-ритма в фронтальном, центральном, темпоральном и центральном парietальном отведениях (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.81$, $p = 0.005$; Holm F4: $p = 0.022$; Holm C3: $p = 0.033$; Holm T7: $p = 0.025$; Holm T8: $p = 0.005$; Holm Fz: $p = 0.001$; Holm Cz: $p = 0.025$; Holm Pz: $p = 0.004$) (Рис.3). Также была отмечена синхронизация низкочастотного бета-ритма в фронтальном, левом затылочном и центральном отведениях (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.00$, $p = 0.019$; Holm Fp1: $p = 0.046$; Holm Fp2: $p = 0.030$; Holm F4: $p = 0.018$; Holm C3: $p = 0.013$; Holm C4: $p = 0.029$; Holm O1: $p = 0.018$; Holm F8: $p = 0.025$; Holm T7: $p = 0.054$; Holm T8: $p = 0.008$) (Рис.4).

Рисунок 5. Топограммы различий мощностей (1 проба vs 8 проба) альфа-ритма(слева) и низкочастотного бета-ритма(справа).

При сравнении первой и восьмой попыток RAVLT выявлена десинхронизация дельта-ритма в правом центральном отведении (Канал C4; RM-ANOVA: $F(4, 220) = 4.98$, $p < 0.001$; Holm: $p = 0.006$) и синхронизация альфа-ритма в фронтальном и центральном отведениях (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.81$, $p = 0.005$; Holm F4: $p = 0.025$; Holm C3: $p = 0.033$; Holm C4: $p = 0.025$; Holm Fz: $p = 0.015$) (Рис.5). Также была отмечена синхронизация низкочастотного бета-ритма в правом теменном отведении (Канал P4; RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.42$, $p = 0.010$; Holm: $p = 0.013$) и правом центральном отведении (Канал C4; RM-ANOVA: $F(4, 220) = 5.04$, $p < 0.001$; Holm: $p = 0.016$) (Рис.5). Также наблюдалась синхронизация высокочастотного бета-ритма в правом центральном отведении (Канал C4; RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.53$, $p = 0.008$; Holm: $p = 0.048$).

При сравнении пятой и седьмой попыток RAVLT обнаружена десинхронизация дельта-

ритма в левом темпоральном отведении Т8 (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 2.84$, $p = 0.025$; Holm Т8: $p = 0.039$), а также синхронизация низкочастотного бета-ритма в левом затылочном отведении О1 (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 3.60$, $p = 0.007$; Holm О1: $p = 0.031$). При сравнении седьмой и восьмой попыток RAVLT выявлена десинхронизация тета-ритма в центральном лобном отведении Fz (RM-ANOVA: $F(4, 220) = 2.68$, $p = 0.033$; Holm Fz: $p = 0.009$).

Обсуждение результатов

Полученные результаты демонстрируют специфическую динамику спектральных изменений ЭЭГ на различных этапах выполнения теста вербального обучения Рея, что позволяет уточнить нейрофизиологические механизмы, лежащие в основе кратковременного и долговременного запоминания, а также процессов интерференции и воспроизведения.

На этапе активного обучения (пробы 1–5) наблюдалось повышение альфа- и бета-активности в центральных и фронтальных отведениях, что согласуется с данными о вовлеченности этих ритмов в процессы семантической обработки материала [17]. Усиление низкочастотного и высокочастотного бета-ритма в правых фронтальных и центральных зонах может свидетельствовать о возрастающей когнитивной нагрузке и активации исполнительных функций, контролирующих удержание и переработку информации [6],[13]. Снижение дельта-активности в правых лобных и центральных отведениях отражает ослабление фокусировки внимания на задаче [14].

Появление десинхронизации дельта-ритма и синхронизации альфа- и бета-активности при предъявлении интерференционного списка (проба 6) указывает на актуализацию процессов когнитивного контроля и подавления нерелевантной информации. Эти изменения могут отражать попытку подавления ранее заученного материала и перераспределение когнитивных ресурсов для обработки новой информации, что согласуется с моделями ретроактивной интерференции [5],[11].

Возврат к воспроизведению первоначального списка (проба 7) сопровождался значительной альфа-синхронизацией в широком топографическом диапазоне (фронтальные, центральные, темпоральные и теменно-затылочные области), что, может быть связано с активацией механизмов поиска и актуализации ранее закодированной информации [6]. Сопутствующая синхронизация бета-ритма указывает на участие произвольного контроля, способствующего преодолению интерференции [12].

На этапе отсроченного воспроизведения (проба 8) сохраняется выраженная альфа- и бета-синхронизация, преимущественно в фронтальных, центральных и правых теменно-затылочных отведениях. Таким образом, синхронизация данных ритмов может являться маркером, визуализирующим актуализацию механизмов долговременного хранения и актуализации информации.

Также следует отметить роль десинхронизации тета-ритма в центральной фронтальной области при сравнении седьмой и восьмой проб. Это может свидетельствовать о снижении когнитивной нагрузки после успешной актуализации воспоминаний во время воспроизведения слов на седьмой пробе [9].

Заключение

Этапы теста вербального обучения Рея отражают не столько изолированные акты

запоминания, сколько последовательные фазы формирования, модификации и интеграции функциональных систем. Первоначальное предъявление списка А инициирует системогенез — формирование новой нейрональной организации, связанной с запоминанием материала. Повторные предъявления способствуют системной консолидации, в ходе которой новая система укрепляется и интегрируется в ранее существующую структуру опыта, что сопровождается увеличением воспроизведения усвоенных стимулов и стабилизацией когнитивной активности [11]. Данные этапы сопровождались повышением альфа- и бета-активности в фронтальных и центральных отделах, что отражает активную семантическую переработку и возрастающую когнитивную нагрузку. [6],[12]

Предъявление интерферирующего списка Б запускает механизм аккомодационной реконсолидации. Таким образом ранее сформированная система подвергается перестройке под влиянием новой информации. Возврат к первоначальному списку и воспроизведение стимулов после перерыва отражают устойчивость и гибкость памяти как системного образования. Эти этапы демонстрируют способность уже модифицированной системы к повторной актуализации, а также эффективность согласования старого и нового опыта. Данные этапы сопровождались десинхронизацией низкочастотных ритмов и синхронизацией альфа- и низкочастотного бета-ритма. Данные маркеры могут указывать на активацию механизмов произвольного контроля, следствием чего является успешное преодоление интерференционного воздействия списка Б. [11],[13]

Полученные данные подтверждают существующие теоретические представления о нейрофизиологических механизмах различных видов памяти и интерференции, а также расширяют их, указывая на динамическую и топическую перестройку корковой активности в зависимости от этапа RAVLT. Спектральный анализ ЭЭГ выявил значимую роль альфа- и бета-ритмов в осуществлении функции произвольного внимания, кодировании и актуализации информации, а также участие низкочастотных ритмов в процессах подавления нерелевантных стимулов и регуляции когнитивной нагрузки. Полученные данные дополняют представления о спектральной организации когнитивной активности и могут быть использованы как диагностические индикаторы состояния вербальной памяти, а также для разработки нейрореабилитационных программ для коррекции когнитивных нарушений.

Библиография

1. Созинов А. А., Диговцов Г. В., Лимонова О. О. Консолидация, реконсолидация памяти, угашение и забывание: обзор литературы // Российский психологический журнал. 2023. Т. 20. № 3. С. 131-156. DOI: 10.21702/rpj.2023.3.7. EDN: ENJUBJ.
2. Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 1956. Vol. 63. № 2. P. 81-97.
3. Лимонова О. О., Диговцов Г. В. Особенности проявления памяти и её влияние на жизнь человека // Приоритетные научные направления: от теории к практике: сборник материалов XXXVIII Международной научно-практической конференции, Новосибирск, 28 апреля 2017 года. Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2017. С. 88-91. EDN: YOLDQV.
4. Babiloni C., Vecchio F., Mirabella G. et al. Hippocampal, amygdala, and neocortical synchronization of theta rhythms is related to an immediate recall during Rey auditory verbal learning test // Hum Brain Mapp. 2009. Vol. 30. № 7. P. 2077-2089.
5. Аллахвердов М. В. Интерпретация интерференционных феноменов и теория "иронического" мышления Дэниела Вегнера // Петербургский психологический журнал.

2015. № 12. С. 16-37. EDN: VAAWBP.

6. Klimesch W. EEG-alpha rhythms and memory processes // International Journal of Psychophysiology. 1997. Vol. 26. № 1-3. P. 319-340.

7. Stipacek A., Grabner R. H., Neuper C., Fink A., Neubauer A. C. Sensitivity of human EEG alpha band desynchronization to different working memory components and increasing levels of memory load // Neuroscience Letters. 2003. Vol. 353. № 3. P. 193-196.

8. Nyhus E., Curran T. Functional role of gamma and theta oscillations in episodic memory // Neuroscience & Biobehavioral Reviews. 2010. Vol. 34. № 7. P. 1023-1035. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2009.12.014. EDN: YPZMVS.

9. Johnson E. L., Yin Q., O'Hara N. B. et al. Dissociable oscillatory theta signatures of memory formation in the developing brain // Curr Biol. 2022. Vol. 32. № 7. P. 1457-1469.

10. Boonstra T. W., Powell T. Y., Mehrkanoon S., Breakspear M. Effects of mnemonic load on cortical activity during visual working memory: linking ongoing brain activity with evoked responses // Int J Psychophysiol. 2013. Vol. 89. № 3. P. 409-418.

11. Staudigl T., Hanslmayr S., Bäuml K. H. Theta oscillations reflect the dynamics of interference in episodic memory retrieval // J Neurosci. 2010. Vol. 30. № 34. P. 11356-11362.

12. Rodriguez-Larios J., Haegens S. Genuine beta bursts in human working memory: controlling for the influence of lower-frequency rhythms // BioRxiv. 2023.

13. Schmidt R. et al. Beta oscillations in working memory, executive control of movement and thought, and sensorimotor function // Journal of Neuroscience. 2019. T. 39. № 42. С. 8231-8238. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.1163-19.2019. EDN: ISBHZS.

14. Harmony T. The functional significance of delta oscillations in cognitive processing // Frontiers in Integrative Neuroscience. 2013. T. 7. С. 83. DOI: 10.3389/fnint.2013.00083. EDN: SOIHMZ.

15. Алфимова М. В., Голимбет В. Е. Применение "Теста слухоречевой памяти Рея" у больных шизофренией: методические рекомендации. Москва: ГБУЗ "ПКБ № 1 ДЗМ", 2024. С. 29.

16. Vakil E., Blachstein H. Rey Auditory-Verbal Learning Test: structure analysis // J Clin Psychol. 1993. Vol. 49. № 6. P. 883-890. EDN: HIJLQX.

17. Rosenberg S. J., Ryan J. J., Prifitera A. Rey Auditory-Verbal Learning Test performance of patients with and without memory impairment // J Clin Psychol. 1984. Vol. 40. № 3. P. 785-787.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Спектральная динамика электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении: анализ этапов теста Рея». Работа включает в себя вводную часть с определением цели и значимости исследования. Особое внимание уделено проведению теоретического обзора. Следующие разделы посвящены описанию методов и результатов исследования. Полученные данные представлены в виде рисунков и цифровых данных. Заканчивается статья обсуждением результатов.

Предмет исследования. Исследование направлено на выявление и характеристику динамики спектральных изменений электроэнцефалограммы (ЭЭГ) на различных этапах выполнения теста вербального обучения Рея.

Методологическая основа исследования.

В работе использованы методы теоретического анализа (литературный обзор), описано проведение и результаты эмпирического исследования. В исследовании приняли участие 60 испытуемых в возрасте от 18 до 44 лет. Участники не имели в анамнезе неврологических или психиатрических патологий и не принимали фармакологические препараты, способные оказывать влияние на когнитивные функции. В качестве экспериментальных стимулов использовалось два набора слов, каждый из которых включал в себя 15 слов. В качестве экспериментальной методики использовался тест вербального обучения Рея.

Анализ различий мощности между этапами вербального теста Рея (пробы 1, 5, 6, 7 и 8) проводился с использованием однофакторного дисперсионного анализа с повторными измерениями (RM-ANOVA) по каждому сочетанию канал-диапазон. В случае статистически значимого эффекта ANOVA ($p < 0.05$) применялась поправка Холма на множественные сравнения. Все сравнения проводились на уровне значимости $\alpha = 0.05$. Также осуществлялась визуализация топографических распределений мощности и статистической значимости с использованием топографических карт, отображающих логарифмированную мощность и уровни p -значений, полученных при попарных сравнениях.

Актуальность исследования. В статье актуальность и научная значимость исследования не обозначены.

Научная новизна исследования заключается в том, что полученные данные позволяют расширять понимание функциональной роли корковых ритмов и их топической организации когнитивных функций при выполнении сложных мнестических задач. В результате были уточнены нейрофизиологические механизмы, лежащие в основе кратковременного и долговременного запоминания, а также процессы интерференции и воспроизведения.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой, но достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 16 отечественных и зарубежных источников, незначительное количество которых издано за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также методические рекомендации. Источники не во всех позициях оформлены корректно и однородно. Так, не во всех литературных источниках есть указание на номер номера и количество страниц/диапазон страниц (например, в номерах 11,13,14).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Оформить введение с выделением актуальности и научной значимости, а также задач и методологической основы исследования.

2). Оформить заключение, в котором представить подробные и аргументированные выводы по результатам проведенного исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами вербального обучения. Вопрос рассматривается через призму рассмотрения спектральных изменений электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении. Автором был представлен анализ этапов теста Рея. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является спектральная динамика электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении на примере анализа этапов теста Рея.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, экспериментальный метод, метод сравнения, а также, как отмечается в статье, «в качестве экспериментальной методики использовался тест вербального обучения Рея. RAVLT — это классический тест для оценки слухоречевой (вербальной) памяти и процессов запоминания», были применены «методы Вэлча с применением окна Ханна», «однофакторный дисперсионный анализ с повторными измерениями (RM-ANOVA)», топографические карты и необходимые приборы, оборудование, программные системы (энцефалограф Мицар 202, «среда Python с использованием библиотек MNE-Python, SciPy и StatsModels»).

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку спектральная динамика электроэнцефалограммы (далее - ЭЭГ) дает широкие возможности для исследования процессов при осуществлении вербального обучения, прежде всего, связанных с нейрофизиологией памяти и когнитивным контролем. Их изучение имеет важное значение не только в сфере исследовательского поиска, но и для решения многих практических задач. В этих контекстах исследование спектральной динамики электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении на примере анализа этапов теста Рея представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение спектральной динамики электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении на примере анализа этапов теста Рея. В исследовании приняли участие 60 человек без неврологических или психиатрических патологий, возраст испытуемых составил диапазон от 18 до 44 лет.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения научных позиций различных ученых по изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а подробным описанием основных этапов исследования и наглядной демонстрацией результатов исследования.

Структуру статьи можно считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, методы, результаты, обсуждение результатов, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, наглядно представленные на рисунках 1-5, а также подробно описанные в результатах исследования.

Библиография содержит только 17 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание научных подходов, характеризующих особенности спектральной динамики электроэнцефалографических ритмов при вербальном обучении на примере анализа этапов теста Рея. В статье содержится апелляция к различным

научным трудам и источникам, посвященным этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, представленные в заключении, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что полученные в исследовании данные нашли свое подтверждение в уже имеющихся теоретических представлениях «о нейрофизиологических механизмах различных видов памяти и интерференции, а также расширяют их, указывая на динамическую и топическую перестройку корковой активности в зависимости от этапа RAVLT».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, нейропсихологами, медицинскими работниками, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при оформлении рисунков необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. Целесообразно было бы сформулировать более подробные выводы по проведенному исследованию, а не ограничиваться только кратким заключением. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, а скорее, относятся к особенностям изложения и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Богачев А.М., Бутенко Т.А., Ярославский А.Д. Отношение к значимой жизненной ситуации, субъектность и объектность, риск ПТСР и качество сна у представителей гг. Мариуполь и Санкт-Петербург // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74290 EDN: JTMCHX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74290

Отношение к значимой жизненной ситуации, субъектность и объектность, риск ПТСР и качество сна у представителей гг. Мариуполь и Санкт-Петербург

Богачев Алексей Михайлович

ORCID: 0000-0002-9430-2274

научный сотрудник Центра профилактики экстремизма в сфере образования и молодежной среде, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена. Старший преподаватель кафедры практической психологии, Мариупольский государственный гуманитарный университет им. А.И. Куинджи

197198, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Пушкарская, 6, кв. 20

✉ amb1976@mail.ru

Бутенко Татьяна Александровна

старший преподаватель; кафедра туризма; ФГБОУ ВО «Приазовский государственный технический университет»

354002, Россия, Донецкая Народная респ., г. Мариуполь, ул. Черноморская, д. 13

✉ tat.nazare@mail.ru

Ярославский Андрей Дмитриевич

аспирант; кафедра общей и социальной психологии; Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

185000, Россия, респ. Карелия, г. Петрозаводск, ул. Кирова, 8А

✉ KarilainLp@mail.ru

[Статья из рубрики "Индивид и личность"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74290

EDN:

JTMCHX

Дата направления статьи в редакцию:

01-05-2025

Дата публикации:

12-05-2025

Аннотация: Предметом исследования являются отношение к значимой жизненной ситуации, субъектность и объектность личности, риск развития посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и качество сна у представителей гг. Мариуполь и Санкт-Петербург. Объектом исследования – студенты Мариупольского государственного университета им А.И. Куинджи и Герценовского университета. Цель исследования заключалась в установлении возможных взаимосвязей между субъектным отношением к жизнедеятельности и способностью преодоления последствий психологической травматизации ("выхода из зоны риска ПТСР"), а также качеством жизни, выражающемся в качестве сна и сновидений. Также исследование было направлено на прояснение возможных различий по вышеуказанным и иным критериям между представителями г. Санкт-Петербурга и г. Мариуполь и на открытие перспективы дальнейших исследований в соответствующей области. В рамках исследования применялись такие методы как анкетирование, тестирование, анализ источников, математический анализ, интерпретация полученных данных. Научная новизна исследования заключается, во-первых, в прояснении взаимосвязей между риском развития ПТСР, качеством жизни (в сфере качества сна и сновидений) и уровнем субъектности личности (включая такие ее характеристики, как активность и локус контроля). Дополнительные факторы новизны привнесены в исследование сравнительным анализом результатов, полученных на выборках испытуемых из Мариуполя и Санкт-Петербурга. Выводы исследования подтверждают сформулированные его авторами гипотезы о существовании взаимосвязи между риском развития ПТСР и способностью человека к проявлению себя как субъекта собственной жизнедеятельности, а также между субъектностью и качеством жизни, общей интегрированности личности (маркером каковой является способность использовать сновидения в качестве "копинг-стратегии"). В частности, авторы делают следующий вывод: высокий риск ПТСР значимо взаимосвязан с отвержением значимой ситуации, отказом от интернального локуса контроля, и, наоборот, с принятием экстернального локуса контроля, кошмарами, бессонницей, чувством потери личностного контроля над ситуацией при засыпании и нарушением общего качества сна (соответствующие взаимосвязи варьируют от слабых до умеренно сильных). Дальнейшие исследования в данной сфере представляются исключительно перспективными.

Ключевые слова:

Субъект, Личность, Объект, Травма, Развитие, Сновидение, Интеграция, Отношение, Диалог, Психотерапия

Введение

Риски и стрессогенные факторы современного мира, а также неуклонное развитие человеческого самосознания и способности к личностному развитию делают актуальной феноменологию и проблематику субъектности и объектности отношения личности к тем или иным жизненным обстоятельствам. Данный фактор становится в существенной степени определяющим способность индивидуума выдерживать давление сильного

стресса в «зоне риска» посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) как в случае нахождения непосредственно в зоне угрозы жизни, так и при когнитивно-эмоциональной обработке той или иной информации, воспринимаемой в качестве угрозы.

Целью настоящего исследования является изучение взаимосвязи специфики отношения к значимой жизненной ситуации и субъектности личности, степени риска развития ПТСР и такого фактора, как качество сна у жителей г. Мариуполя, ставших свидетелями военных действий, и жителей г. Санкт-Петербурга, а также соответствующий сравнительный анализ. Для достижения данной цели были поставлены такие **задачи**, как проведение теоретического обзора, сбор сырых данных для исследования, их математическая обработка и, затем, интерпретация. Перед началом исследования мы выдвинули следующие **гипотезы**: 1) высокий риск ПТСР значимо взаимосвязан с объектной и при, этом, с негативной ориентацией на значимую жизненную ситуацию, с экстернальным локусом контроля, а также с нарушением качества сна, как с маркером общего нарушения качества жизни; 2) у представителей г. Мариуполя в случае объектной и при, этом, с негативной ориентации на значимую жизненную ситуацию риск развития ПТСР выше, чем у представителей г. Санкт-Петербурга, а понижение качества сна более выражено.

Теоретический обзор

Социокультурные теории личности

Существует большое количество теорий и определений личности, и такого ее качества, как субъектность.

И в тех, и других, личность, как правило, рассматривается в качестве тот или иной иерархической системы. Скажем, в рамках тяготеющего к «социальному» полюсу подхода К.К. Платонова [\[34\]](#), личность включает в себя такие «подсистемы» (подструктуры) как «направленность и отношения» (то есть ценности, убеждения, интересы); «знания, умения, навыки» (то есть «опыт»); «индивидуальные особенности психических процессов» (ощущений, эмоций, памяти, внимания, восприятия, мышления и т.д.); «психофизиологические свойства» (например, темперамент, гендерные и возрастные характеристики) при вынесенности характера и способностей в область «общих качеств личности» .

С позиции Платонова одновременно «вершину» и «фундамент» личности представляет собой ее нравственность и ее опыт (как результат присвоения культурно-исторических данностей по Л.С. Выготскому), связанный с социальной деятельностью. Об этом же говорит и А. Н. Леонтьев: «Мы привыкли думать, что человек представляет собой центр <...>. Многообразные деятельности субъекта пересекаются между собой и связываются в узлы объективными, общественными по своей природе отношениями, в которые он необходимо вступает. Эти узлы, их иерархии и образуют тот таинственный «центр личности», который мы называем «я»; иначе говоря, центр этот лежит не в индивидуе, не за поверхностью его кожи, а в его бытии», - отмечал он [\[24, с. 44\]](#). При этом, «личность создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей предметной деятельности» [\[24, с. 76\]](#). Такие отношения, согласно деятельностному подходу (по сути своей в этом контексте трансперсональному) создают основу для формирования смыслов личности, то есть осознанной ее направленности.

Согласно А. Н. Леонтьеву процесс становления личности — это формирование «связной системы личностных смыслов». Ученик А. Н. Леонтьева В. В. Столин продолжил данное

направление исследования феномена личности, предлагая рассматривать в качестве единицы самосознания личности «конфликтные личностные смыслы» [39], возникающие в моменты, когда человек должен сделать внутренний выбор и совершить поступок в той или иной субъективно или объективно сложной личностной ситуации.

Подход А. Н. Леонтьева развивали А. В. Петровский и В.А. Петровский [32, 33], в рамках концепции которых личность человека считается и производной, и субъектом развития. В процессе человеческого развития по В.А.Петровскому биологическое начало преобразовывается, становясь социальным и, таким образом, личностным. Причем основным фактором процесса развития личности является именно фактор социальный, внешний, который, преломляясь во внутреннем мире, тем не менее, сохраняет свое первенство. Сразу отметим, что имплицитно в концепции Леонтьева/Петровских заложена важнейшая идея реальности как своего рода «идеальной предметности бытия-за-пределами-себя», в то время как многие ведущие представители «нетрансцендентной» психологии рассматривают любые внеиндивидуальные проявления личности в качестве неких эпифеноменов. Так, например, используя понятие «поле», К. Левин [23] объясняет поведение личности тем фактом, что различные точки и районы «жизненного пространства» (поля), в котором существует индивид, становятся мотивами его поведения в силу того, что индивид испытывает в них потребность, если же потребность в них исчезает, то и значение объекта утрачивается. Такая точка зрения перекликается с идеей «человека-амебы» (роль амебы играет либидо, привязывающееся к объектам — «катектирующееся» — и, соответственно, «отлепляемое» от них), выдвинутой З. Фрейдом.

Согласно В.Н. Мясищеву [30], основной характеристикой личности, объединяющей, интегрирующей все ее свойства, является отношение, которое придает деятельности целостный, целенаправленный и осмысленный характер. Сама по себе личность по Мясищеву представляет собой систему отношений, в свою очередь, опосредованную системой общественных отношений. Фактически, *Мясищев вводит в отечественную психологию категорию Другого не как некоего обезличенного «социума», побуждающего к предметной деятельности, а как иной личности, по отношению к которой формируется отношение.*

Принцип единства биологического и социального в развитии и становлении человека был заложен в работах многих отечественных психологов и психотерапевтов, таких как Ананьев Б.Г.; Баншиков В.М., Ломов Б.Ф. Ломов Б.Ф. ; Карвасарский Б.Д.; Мясищев В.Н., Рубинштейн С. Л..

Естественно, огромный интерес в сфере исследования личности представляет собой культурно-историческая школа Л. С. Выготского. Согласно его знаменитому утверждению, «всякая функция в культурном развитии ребенка появляется на сцену дважды, в двух планах, сперва — социальном, потом — психологическом, сперва между людьми, как категория интерпсихическая, затем внутри ребенка, как категория интрапсихическая» [14, с.170]. Таким образом, с позиции Выготского как индивид и личность человек развивается на «стыке» диалектического взаимодействия социального и естественного начал, при доминировании социального начала: «психологическая природа человека представляет совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры» [15, с. 121].

Теория Выготского созвучна взглядам А. Адлера (не случайно в западной научной традиции эти исследователи часто считаются родоначальниками эго-психологии),

который выдвинул тезис о том, что человек изначально представляет собой *активного субъекта бытия* [2]. Адлер полагал, что инстинкты «обслуживают» взаимодействие людей, представляя собой следствие проявления человеческого «я», которое управляет инстинктами через «эго-функции».

По Адлеру каждый человек рождается с двумя базовыми чувствами: чувством общности (социального интереса) и чувством недостаточности [2]. При этом человек должен проявить себя и изначальную способность к сопричастности, преодолеть недостаток целостности. Первоначально чувство недостаточности понималось Адлером в качестве «неполноценности органов», однако затем он ввел понятие «порочного круга невроза», возникающего вследствие неспособности индивидуума выдержать чувство недостаточности за счет проявляя чувства общности и способности к здоровой конкуренции.

Таким образом, согласно школе индивидуальной психологии, личность развивается по пути укрепления социального интереса и чувства общности, а также по пути развития воли, служащего созидательным ценностям, остаиваемым в стремлении к борьбе. Идея развития способности «любить и бороться» как основной характеристики личности напоминает идеи А.С. Прангишвили, рассматривавшего личность как «динамическую организацию сущностных сил человека» в контексте его социальных отношений [35].

Еще раз отметим, что эксплицитно или имплицитно социокультурные модели личности предполагают естественность субъектности личности, и, более того, ее способности выходить за пределы себя в рамках «субъект-субъектных» или даже трансперсональных взаимоотношений [4-10, 40, 45-48].

Биологически ориентированные теории личности

Одним из наиболее известных и практически значимых биологически ориентированных подходов к исследованию феномена личности стал психоанализ З. Фрейда [41-44].

Принятая в психоанализе представление о динамической структуре личности предполагает, что под воздействием механизмов расщепления (а также вытеснения) психика разделяется делится на сознание, бессознательное и подсознание. Бессознательное в данной теоретической модели представляет собой «резервуар», вмещающий в себя травматический опыт, появление которого дает и импульс к развитию.

Итак, по Фрейду и ряду представителей неопрейдизма человек как личность внутренне и изначально «разрывается» между либидо и мортидо, в их «единстве и борьбе между собой».

Суть психоанализа, в целом, на наш взгляд, ярко выражается в следующем фрагменте труда А.Ф. Лосева «Жизнь»: «...Вот именно, вот именно, – подтвердил мою мысль Юрка. – Вот именно, жизнь сама себя губит. А я тебе прямо скажу: жизнь – и есть смерть. Сама же себя порождает, сама же себя и пожирает...» [27, с. 245]. В контексте клинко-психологического подхода психоаналитический взгляд на развитие и структуру личность описывает ее как источник страдания, травмы и внутреннего конфликта.

Из современных последователей З. Фрейда следует выделить несколько интересных концепций личности.

Первая и наиболее известная из них, хотя и самая, на наш взгляд, сложная, это

концепция французского психоаналитика Ж. Лакана [22]. Развитие личности по Лакану основано на формировании «внутреннего зеркала» («альтер-эго»), которое становится иллюзорной заменой иллюзорного же «недифференцированного единства» с матерью. Личность, таким образом, рассматривается как «функция напряжения». С нашей точки зрения, Лакан логически продолжил фрейдистскую традицию понимания личности.

Согласно теории К. Кохута [21] основу («ядро») личности составляет «самость» (self), являющаяся одновременно центром и источником активности индивидуума. В психической реальности вокруг самости конституируются «объекты», символизирующие значимых для конкретной личности «других» и интернализированные им. Близка к концепции Кохута теория М. Кляйн [18], которая, как и Лакан, делала акцент на изначальном и полностью (с позиции психоанализа) не преодолимом конфликте между «либидо» и «мортидо», репрезентирующих себя в виде «хорошего» и «плохого» объектов, а также теория привязанности Д. Боулби [11] и М. Малер [28], в которой, тем не менее, влечение к смерти и «изначальный конфликт» в существенной степени уступают свое место акценту на чувство сопричастности (что в определенной степени сопрягает теорию привязанности и концепцию А. Адлера). В ряду соответствующих психоаналитических концепций следует упомянуть теоретические системы У. Байона, Д. Винникота, О. Кернберга и др.

Еще раз подчеркнем, что в производных классического психоанализа, а, значит, и «глубинно-биологического подхода», базовым выступает тезис об изначальной, врожденной расщепленности личности оторванности личности, отчужденности «я» и Другого и, следовательно, невозможности полноценной трансценденции (здесь же лежит и основа радикально редукционистской методологии психоанализа) и, значит, невозможно развитие полноценной субъектности личности.

Как «социально-биологический», так и «биолого-социальный» подходы к осмыслению феноменологии личности, на наш взгляд, недостаточны для объяснения ее сущности, особенно в плане действий индивидуума в трудной жизненной ситуации.

Имплицитно об этом писал В.В. Столин: «Выделение в человеке биологического и социального начал само по себе вполне правомерная научная абстракция» [39, с 176].

Безусловно, в обоих направлениях делались попытки разрешить соответствующую дилемму. Особенно активно такие попытки делались в рамках «социального» направления через понятие субъекта.

Понятия субъекта и субъектности личности

Понятие субъекта является одним из основных понятий в современной психологической науке. Его определение активно раскрывалось еще С. Л. Рубинштейном на основе принципов активности, развития и интеграции, самодетерминации, саморегуляции и самосовершенствования [38], что, очевидно, отсылает нас и к идеям Б. Г. Ананьева и А. Маслоу как представителей отечественной и западной психологии. Согласно А. Брушлинскому, считающему, что человек является личностью еще в животе матери, бытие субъектом – самое важное качество человека [38].

Именно в данном контексте непротиворечиво, на наш взгляд, синтезируются понимание социального и биологического начал в человеке, которые объединяются субъектом в духовно-психо-социо-биологическом контексте, что неизбежно ведет к экзистенциальной

постановке вопроса. Наконец, В. А. Петровский рассматривает субъекта как «causa sui» (причину себя) [33], что логичным образом выводят на концепции индивидуации Е.Г. Юнга [44-47] и Собеседника А.А. Ухтомского [40].

«Именно поэтому феномен субъективности должен быть поставлен в самый центр психологической проблематики человека, включая его телесное существование, душевную жизнь, духовное бытие», - пишет В.И. Слободчиков [38, с. 117]. Отметим, что в данном контексте раскрывается значение того факта, что в символическом общении (в качестве символа может выступать и телесная интеракция) младенца и матери осуществляется «первичный синтез телесной целостности ребенка». В частности, об этом свидетельствуют данные исследований М.И. Лисиной [25] и Ф. Дольто [17]. Как подчёркивает Слободчиков, «духовность в человеке не есть какая-то отдельная сфера, не есть особая надпсихофизическая жизнь, а есть сама основная жизнь в человеке, проводником которой вовне и являются психическая и телесная сферы» [38, с.119].

Именно в данном контексте, на наш взгляд, следует воспринимать предложенную Ф.Е. Василюком [14] концепцию творческого переживания, как интегрирующего различные внутриличностные структуры психического процесса, позволяющего человеку пройти через кризисы сепарации-индивидуации и выйти на новый уровень сопричастности и субъектности, подразумевающей диалог [3, 29]

В рамках соответствующего научного дискурса мы получаем возможность выйти за рамки противопоставления "субъект-объект". Об этом говорит и Дж Хиллман: «Слово "душа" - не научный термин и редко появляется в современной психологической литературе <...> непрерывное соучастие, бесконечно запутанный клубок из жизненных нитей, чьи узлы в такой же степени моя проблема, как и "ваша", и "их", - вот образ души» [45. с. 7]. Со всей очевидностью мы видим здесь выражение той же самой идеи, что и в трудах А.Н. Леонтьева об «узлах деятельности», которые вынесены за пределы человека и составляют основу его личности. Соответственно развивается и мысль Хиллмана: "душа человека... может существовать только во взаимоотношениях и благодаря взаимоотношениям с людьми» [45, с. 4].

В соответствующей системе координат личность рассматривается в потенциале противоречивого («трехмерного») взаимодействия субъекта и Другого во внутреннем и внешнем проявлениях реальности.

Об этом пишет, в частности, А.В. Брушлинский: «Для данной теории не психическое и не бытие сами по себе, а субъект, находящийся внутри бытия и обладающий психикой, творит историю» [38, с. 45]. При этом субъект осуществляет акт проявления воли.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод: развитие субъекта как личности обусловлено качеством его взаимодействия с Другим [16], где под «Другим» подразумеваются как процессы и психические комплексы, находящиеся за пределами сознания, так и фигуры, с которыми он связан отношениями во внешней среде. Такой подход неизбежно требует соотнесения понятия личности и жизненной ситуации, особенно сложной (трудной) жизненной ситуации и напрямую выводит нас на феномены субъектности и, соответственно, локуса контроля. Как известно, соответствующее понятие ввел Д. Роттер [1], который подчеркивал, что внешний локус контроля (понимаемый в качестве низкого уровня субъективного контроля, то есть экстернальности) — это склонность приписывать результаты собственных действий

внешним факторам, а внутренний локус контроля (понимаемый в качестве высокого уровня субъективного контроля, то есть интернальности) — это склонность приписывать результаты собственных действий внутренним факторам.

Связи феноменов, отраженных понятиями «личность» и «субъект», посвящена научная школа Е.Ю. Коржовой [\[12, 19, 20\]](#), идея которой заключается в том, что полноценной личностью человек может сформироваться, только будучи субъектом, а субъектом более высокого ранга (например, социальным субъектом) может развиваться благодаря своему формированию (образованию) как личности. Согласно Коржовой, понятиями субъекта и личности отражаются сущности, выражающие единство и борьбу противоположностей. А также способность воспринимать личность другого человека как отдельный мир и сторону созидательного диалога.

Рассмотрим результаты исследования, направленного на выявление возможных взаимосвязей отношения личности к трудной и одновременно значимой жизненной ситуации, его субъектности или объектности, риска развития посттравматического стрессового расстройства и качества жизнедеятельности (на примере качества сна и особенностей сновидений).

Под ПТСР нами понимается «непсихотическая отсроченная реакция на травматический стрессор (такой как природные и техногенные катастрофы, боевые действия, пытки, изнасилования и др.), который способен нанести урон практически любой психике, вне зависимости от степени ее адаптированности и адаптивности» [\[5, с. 218-219\]](#).

Характеристики выборки, методов и методик исследования

Характеристики выборки: Все испытуемые - студенты ФГБОУ ВО "Приазовский государственный технический университет" (г. Мариуполь) и Герценовского университета (для г. Санкт-Петербург). Общее количество испытуемых: Петербург -76, Мариуполь – 125, всего – 201 респондент. Количество лиц мужского пола в выборке составляют – 54 человека, или 27%. Женщин – 147 человек, или 73% от выборки. Средний возраст испытуемых – 23 года.

Нами применялись **методы** анализа литературных источников, математической статистики (посредством программы SPSS), тестирования, анкетирования, интерпретации.

В рамках исследования использовались следующие **методики**: тест Е.Ю. Коржовой «Отношение к жизненной ситуации», Опросник на скрининг ПТСР (Trauma Screening Questionnaire) и авторская анкета на отношение ко сну (прилагается).

Эмпирические данные, полученные на основе исследования.

Методика «Отношение к жизненной ситуации» Коржовой

Вначале приведем некоторые полученные данные, выраженные в процентных показателях по соответствующим шкалам:

1. Субъектные – Объектные отношения

В данной случае данные распределились следующим образом («О» здесь и далее склонность к объектным отношениям, а «С» - склонность к субъектным отношениям):

Из 201 анкеты – О=108, С=93. Из них:

Петербург – О=36 или 47%, С= 40 или 53%;

Мариуполь – О=72 или 58%, С= 53 или 42%

2. Значимые категории

В целом, можно сказать, что для всей совокупности испытуемых особо значимыми темами являются: учеба 32%, отношения – 14%, карьера – 12%, личностные вопросы и здоровье по 9%.

Для Мариуполя эти показатели распределяются следующим образом: учеба 30%, война и ее последствия – 20%, семья – 11%, отношения и финансы – по 8%.

Для Петербурга особо значимыми темами являются: учеба 32%, отношения – 14%, карьера – 12%, личностные вопросы и здоровье по 9%.

3. Важность ситуации

Категории ответов здесь распределились так: «влияет на будущее» – 23%, «получение образования» – 22%, «переживание нового опыта», «изменения» – 19%, «отношения с родными и близкими людьми» – 15%, «исполнение мечты» – 11%.

Распределение по городам. Петербург: для испытуемых категории «С» наиболее важны «влияние на будущее» - 16%, «новый опыт» - 13%, «получение образования» - 11%. Для категории «О»: «новый опыт» - 16%, «образование и отношения» по 9%. Мариуполь: для испытуемых категории «С»: «влияние на будущее» - 13% и «получение образования» - 12%. Для испытуемых категории «О»: «получение образования» - 12%, «влияние на будущее» – 11%, «новый опыт» и «отношения» - по 10%.

В целом, для категории «О» – важен опыт и изменения, для «С» – будущее и получение образования, как перспектива. «О»- ориентированы на прошлое и настоящее, «С» – на будущее.

4. Почему возникла ситуация

В целом, испытуемые приписывают возникновение значимой ситуации следующим причинам: «Обстоятельства» - 36% («С» – 12% и «О» – 24%), «Другие люди» – 18% (С – 3% и 15%), «Вина» – 17% («С» - 12% и «О» - 5%), «Желание» – 11% (С – 10% и О – 1%).

В Петербурге испытуемые категории «С» «Обстоятельства» выбирают 18%, а «Желание» и «Вина» по 11%. Испытуемые категории «О» «Обстоятельства» выбирают 24%, а «Другие люди» - 11%.

В Мариуполе испытуемые категории «С» выбирают «Вину» в 14% случаев, а «Желание» в 10%. Испытуемые категории «О» - «Обстоятельства» в 24% и «Другие люди» в 18%.

Очевидно, что «Обстоятельства» чаще выбирают испытуемые категории «О», и особенно это явно проявилось в Мариуполе. Собственный выбор («Желание» или «Вина» (сожаление)) закономерно более характерен для испытуемых категории «С».

5. Участие в ситуации

Видно четкое разделение по активности и пассивности между «С» и «О» категориями вне зависимости от города. Так активность категории «С» в Петербурге составляет 37%, а в Мариуполе – 29%. Пассивность в категории «О» в Петербурге - 32%, а в Мариуполе - 38%.

Отметим, что данный критерий зависит не от места проживания, а от шкалы «Субъектности – Объектности».

6. Влияние ситуации

В целом по выборке среди испытуемых категории «С» негативная и позитивная оценка влияния ситуации находится почти на одном уровне – 14% и 16% соответственно. Среди испытуемых категории «О» – явно негативное отношение зафиксировано в 24%.

В Петербурге из испытуемых категории «С» как позитивно влияющую ситуацию оценивают 26%, а как негативную – 17%. Из испытуемых категории «О» – 21% оценивают ее как негативную, и 17% – как позитивную.

В Мариуполе – из испытуемых категории «С» 14% оценивают ситуацию как новый опыт и 13% – негативно. Среди из испытуемых категории «О» – 26% оценивают ситуацию негативно и 17% как новый опыт.

7. Влияние на будущее

73% испытуемых считают, что значимая ситуация оказала влияние на их будущее. В Петербурге между категориями «С» и «О» по этому параметру практически не прослеживается различий: 37% и 36% соответственно. В Мариуполе испытуемые категории «О» видят влияние ситуации на будущее в 41%, а испытуемые категории «С» – в 33%.

Опросник на скрининг ПТСР

Данная методика позволяет оценить риск развития ПТСР по 10-бальной шкале, где показатель выше 6 баллов означает высокий риск развития ПТСР. В Петербурге таких испытуемых – 39 человек (51%), а в Мариуполе – 52 человека (42%). Из них в Мариуполе 20 человек характеризуются субъектными отношениями (39%), а объектными – 32 человека (61%), тогда как в Петербурге субъектными отношениями – 19 человек (49%), а объектными – 20 человек (51%). Всего высоким риском развития ПТСР в выборке 91 испытуемых характеризуется (45%).

Теперь рассмотрим выявленные нами **статистически значимые взаимосвязи** (корреляции) и (или) различия (нами выявлены и учитывались взаимосвязи высокой, средней, умеренной и слабой выраженности).

Таблица № 1 «Корреляционные взаимосвязи отношения к жизненной ситуации с ПТСР и качеством сна в совокупной выборке испытуемых из Петербурга и Мариуполя с высоким риском развития ПТСР (n=91)»

Наименование показателей	Корреляция Спирмана к ПТСР
Отношение к значимой ситуации:	
Принятие	-0,221126097
Отвержение	0,241303163
Легкость	-0,12225742
Трудность	0,085601824
Оптимизм	-0,169911197
Пессимизм	0,176903578

Интернальность	-0,223069401
Экстернальность	0,29045687
Активность	-0,05140563
Пассивность	0,151175321
Характеристики сна	
Мне время от времени снятся кошмары	0,312404632
У меня бессонница	0,269866525
Засыпая, я чувствую, будто падаю вниз, и это меня пугает	0,217730371
Я считаю сновидения очень важной частью своей жизни	-0,040856483
Иногда мне снились ясновидческие (пророческие) сновидения	0,104621925
Мои сны указывают мне на состояние моего организма (включая предвестники болезни или выздоровления)	-0,013610915
В целом – у меня серьезные проблемы со сном	0,15183133
Мне снились исцеляющие сновидения	-0,056531616
Качество сна	
Позитивное отношение ко сну	0,023005827
Негативное отношение ко сну	-0,050574161
Отношение ко сну	
	-0,025820786

Полученные нами данные позволяют зафиксировать следующую закономерность (проявляющуюся во взаимосвязи слабой, но близкой к умеренной или умеренной, силы): высокий риск ПТСР значимо взаимосвязан с отвержением значимой ситуации, отказом от интернального локуса контроля, и, наоборот, с принятием экстерального локуса контроля, кошмарами, бессонницей, чувством потери личностного контроля над ситуацией при засыпании и нарушением общего качества сна. Отметим также, что высокий риск ПТСР отрицательно связан с отказом считать сновидения важной частью своей жизни и отсутствием сновидений, оцениваемых как исцеляющие.

Таблица № 2 Сравнительный анализ отношения к жизненной ситуации с ПТСР и качеством сна у испытуемых из Петербурга и Мариуполя с высоким риском развития ПТСР» (n=91)

Наименование показателей		Санкт-Петербург (n=39)		Мариуполь (n=52)		U-Манна-Уитни	P	Корреляция Спир ПТСР	
								Санкт-Петербург	Мариуполь
Отношение к значимой ситуации:									
Принятие	2	0,969856063	1	1,10940039	1261,5	0,05	-0,130619736	-0,3	
Отвержение	1	1,111830626	2	1,09761156	685,5	0,05	0,164543379	0,27	
Легкость	1	0,863880084	0	0,84798581	1125,5	0,05	0,142869386		0,31
Трудность	2	1,055798206	2	0,84909676	1053,5	0,05	0,105993573	0,05	
Оптимизм	2	0,668251447	2	0,86006701	1248,5	0,05	0,056133380	0,25	

Оптимизм	3	0,006331447	2	0,00900791	1240,5	0,05	-0,030133209	-0,23
Пессимизм	1	0,959363262	1	1,07959967	830	0,05	0,011663103	0,29
Интернальность	3	1,151189023	2	1,20519239	1185	0,05	0,056624878	0,43
Экстернальность	1	1,21783862	1	1,21205608	848	0,05	0,174609796	0,36
Активность	3	0,887003173	2	1,14995573	1309,5	0,05	0,104048124	-0,16
Пассивность	0	0,85366559	0	1,17589541	867	0,05	0,176774235	0,11
ПТСР	7	1,411825896	8	1,42642588	947	0,05		
Характеристики сна								
Мне время от времени снятся кошмары	1	0,502356122	1	0,4988675	1001	0,05	0,195986507	0,39
У меня бессонница	0	0,477566933	0	0,47366547	1020,5	0,05	0,338261916	0,22
Засыпая, я чувствую, будто падаю вниз, и это меня пугает	0	0,477566933	0	0,42543563	1118	0,05	0,416322358	0,06
Я считаю сновидения очень важной частью своей жизни	0	0,505035374	1	0,50338223	936	0,05	-0,176019912	0,04
Иногда мне снились ясновидческие (пророческие) сновидения	1	0,477566933	1	0,50338223	1144	0,05	0,091070516	0,10
Мои сны указывают мне на состояние моего организма (включая предвестники болезни или выздоровления)	0	0,492864058	0	0,46604138	1092	0,05	-0,011636564	-0,01
В целом – у меня серьезные проблемы со сном	0	0,338688428	0	0,44788762	871		0,031045094	0,21

Полученные нами данные позволяют зафиксировать следующую закономерность (проявляющуюся во взаимосвязи слабой, но близкой к умеренной или умеренной, силы):: в случае высокого риска ПТСР испытуемые из Мариуполя более выраженно, чем испытуемые из Петербурга отвергают значимую ситуацию и страдают от кошмарных сновидений. В свою очередь, у испытуемых из Петербурга риск ПТСР взаимосвязан со страхом потери контроля при засыпании. При этом для испытуемых из Мариуполя высокий риск ПТСР взаимосвязан с отказом от интернального локуса контроля и ориентацией на экстеральный локус контроля.

Таблица № 3 «Сравнительный анализ риска развития ПТСР и качества сна у испытуемых из Петербурга и Мариуполя с объектным и негативным отношением к значимой жизненной ситуации» (n=22)

	Наименование показателей	Санкт-Петербург (n=11)	Мариуполь (n=21)	U-Манна-Уитни	P	Коэффициент Спирмена	
Объектные отношения	Негативное отношение к значимой жизненной ситуации						
		Отношение к значимой ситуации:					
		Принятие	1	0,873862898	1	1,11696869	47,5
		Отвержение	2	1,206045378	2	1,15263673	102,5
		Легкость	1	0,522232968	0	0,65828059	67
		Трудность	3	0,504524979	2	0,91025899	149,5
		Оптимизм	3	0,522232968	2	0,94365046	170,5
		Пессимизм	1	0,603022689	1	1,16700675	80,5
		Интернальность	2	1,044465936	2	1,2780193	146
		Экстернальность	1	1,286291357	2	1,20909254	91,5
		Активность	2	0,603022689	1	1,20317042	159
		Пассивность	0	0,820199532	1	1,32736761	86
		ПТСР	7	1,221027883	8	1,52596574	70
		Характеристики сна					
		Мне время от времени снятся кошмары	1	0,522232968	1	0,51176632	118
		У меня бессонница	0	0,404519917	0	0,48304589	98
		Засыпая, я чувствую, будто падаю вниз, и это меня пугает	0	0,504524979	0	0,43643578	130
		Я считаю сновидения очень важной частью своей жизни	0	0,522232968	1	0,49761335	96,5
		Иногда мне снились ясновидческие (пророческие) сновидения	0	0,522232968	1	0,48304589	91
		Мои сны указывают мне	0	0,504524979	0	0,43643578	130

		на состояние моего организма (включая предвестники болезни или выздоровления)					
		В целом – у меня серьезные проблемы со сном	0	0,404519917	0	0,49761335	92,5
		Мне снились исцеляющие сновидения	0	0	0	0,3007926	104,5
		Качество сна	-2	2,207425485	-2	3,49965985	130,5
		Позитивное отношение ко сну	2,5	2,759281857	5	2,43364316	93
		Негативное отношение ко сну	0	1,556997888	0	3,00792604	145
		Отношение ко сну	2,5	3,37661297	2,5	4,20812706	121,5

Полученные нами данные позволяют зафиксировать следующую закономерность: при случае высокого риска развития ПТСР испытуемые из Мариуполя с негативным и одновременно объектным отношением к той или иной жизненной ситуации отказываются принимать эту ситуацию и воспринимают ее как более тяжелую (менее легкую) и делают это существенно более выражено, чем испытуемые из Петербурга с теми же характеристиками. При этом у той же группы испытуемых из Петербурга значимо чаще, чем испытуемых из Мариуполя, встречается бессонница, при том, что они придают сновидениям более важное значение. Для испытуемых из Петербурга при негативно-объектном взгляде на значимую ситуацию свойственно пассивное отношение к ней.

Интерпретация полученных данных

Итак, мы можем утверждать, что **выдвинутые нами гипотезы подтвердились**: действительно 1) высокий риск ПТСР значимо взаимосвязан с объектной и при, этом, с негативной ориентацией на значимую жизненную ситуацию, с экстернальным локусом контроля, а также с нарушением качества сна в форме кошмарных сновидений, как с маркером общего нарушения качества жизни; 2) у представителей г. Мариуполь в случае объектной и при, этом, с негативной ориентации на значимую жизненную ситуацию риск развития ПТСР выше, чем у представителей г. Санкт-Петербург, а понижение качества сна в форме кошмаров более выражено.

Так как экстеральный локус контроля свидетельствует о потере общего личностного контроля за ситуацией, не удивительно, что с данной характеристикой сопряжен высокий риск развития ПТСР, в целом, и субъективно переживаемое чувство тревоги при погружении в сон, объективно связанный с потерей контроля сознания над внутренними процессами.

В целом, можно констатировать, что субъектность личности снижает риск развития ПТСР при попадании тяжелой (сложную) жизненную ситуацию.

При этом нами не выявлено значимых различий между уровнем риска развития ПТСР в Санкт-Петербурге и Мариуполе. Возможно, это связано с тем, что в Мариуполе «базовое» травматическое событие уже пережито, город восстанавливается, у многих жителей произошел своеобразный катарсис, есть перспектива мирной жизни, тема военных действий и их последствий постоянно обсуждается и прорабатывается.

Однако при высоком риске ПТСР в Мариуполе значимая ситуация оценивается более негативно, чем в Петербурге, и сопровождается более выраженной симптоматикой, а также отказом от субъектности (в, в целом, в Мариуполе существует тенденция к превалированию объектного отношения к значимой ситуации). Видимо, именно здесь и проявляются тяжелые последствия острой психической травмы, преодолеваемые в случае личностного развития в сторону субъектности и «снятия», таким образом, посттравматического стрессового расстройства. Другими словами, те жители Мариуполя, которые сумели придать стрессу нахождения на территории военных действий личностный смысл и, стало быть, стать субъектом своей жизни, выходят из «порочного круга травматизации», чего не происходит при объектной парадигме восприятия реальности, к которой подталкивает запредельный стресс. Такая парадигма, видимо, связана и с нарушением целостности личности, проявляющемся в ослаблении коррективно-интегрирующей («психотерапевтической») функции сновидений как своеобразной «стратегии совладания» [\[4, 6, 8\]](#).

Выводы

Итак, субъектность, и, стало быть, способность влиять на процессы и привносить в них личностно значимый смысл [\[9\]](#), является тем качеством, которое позволяет индивидууму выдерживать давление стрессоров в сложной (трудной) жизненной ситуации. На примере жителей г.г. Мариуполь и Санкт-Петербург доказано, что именно развитие личности по вектору становления субъектом жизнедеятельности представляет собой важнейший фактор преодоления последствий ПТСР и внутренней интеграции. Это умозаключение является дополнительным доказательством эффективности применения метода глубинной экзистенциальной психокоррекции (немедикаментозной психотерапии) в случаях серьезной психической травматизации [\[7\]](#). Более того, оно свидетельствует об исключительной практической актуальности тех направлений психологии, которые относятся к развитию субъект-субъектных отношений.

На наш взгляд, дальнейшие исследования в данной области с распространением их на другие территории России и увеличением объема выборки могут быть исключительно результативны и в теоретическом, и в практическом планах.

Приложение

Анкета «О специфике сновидений»			
• Мне время от времени снятся кошмары			
• У меня бессонница			
• Засыпая, я чувствую, будто падаю вниз, и это меня пугает			
• У меня случался «сонный паралич» (при пробуждении было не пошевелиться, словно при парализации, и было страшно)			
• Я иногда задыхаюсь без причин.			
• Кошмары причиняют мне много негативных эмоций			

• Все сновидения – полная чушь		
• Я считаю сновидения очень важной частью своей жизни		
• В сновидениях что-то есть, но, целом, они мне не интересны		
• Иногда мне снились ясновидческие (пророческие) сновидения		
• Мои сны указывают мне на те или иные события, которые затем реально происходят в жизни		
• Мои сны указывают мне на состояние моего организма (включая предвестники болезни или выздоровления)		
• Я вообще не вижу снов		
• Мне время от времени снятся яркие, насыщенные сновидения		
• Я считаю сновидения очень важной частью своей жизни		
• Через сновидения я получаю важную для себя информацию		
• В целом – у меня серьезные проблемы со сном		
• Я боюсь своих сновидений		
• Иногда мои сны очень похожи на реальность		
• Мне снились исцеляющие сновидения		
• При всех проблемах я точно знаю, что все будет хорошо		

Библиография

1. Роттер, Дж. Б. Социальное обучение и клиническая психология. – Нью-Йорк: Прентис-Холл, 1954. – 466 с.
2. Адлер, А. Индивидуальная психология и развитие ребенка. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. – 114 с.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с. EDN: VQMUMN.
4. Богачев, А. М. О некоторых аспектах практической работы со сновидениями // Психология и психотехника. – 2020. – № 1. – С. 54-67. – DOI 10.7256/2454-0722.2020.1.32332. – EDN FXNAMX.
5. Богачев, А. М., Высоцкая, Ю. А., Винтонюк, Т. Г. Психологические особенности проявления посттравматического стрессового расстройства у мирного населения региона, подвергшегося локальным военным действиям (на примере г. Мариуполь) // Клиническая и специальная психология. – 2024. – Т. 13, № 3. – С. 216-232. – DOI 10.17759/cpse.2024130311. – EDN KGHZDI.
6. Богачев, А. М. Психология сновидений: обоснование и развитие синтетического подхода // Психология и психотехника. – 2024. – № 3. – С. 49-72. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.3.71244. – EDN FOSVFE.
7. Богачев, А. М., Вялкова, И. А., Винтонюк, Т. Г. Реабилитация лиц, переживших шоковую психологическую травму, методами глубинной экзистенциальной психологии // Психология и психотехника. – 2023. – № 4. – С. 26-47. – DOI 10.7256/2454-0722.2023.4.43580. – EDN UAMTBL.
8. Богачев, А. М. Синтетическая концепция работы со сновидениями: апробация в области психологической психотерапии и развития личности // Психология и психотехника. – 2024. – № 1. – С. 1-23. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.1.43920. – EDN WMFRTA.
9. Богачев, А. М., Ермакова, Н. Г. Фактор распространённости посттравматических стрессовых расстройств среди студентов г. Мариуполя // Психология и психотехника. – 2024. – № 2. – С. 1-12. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.2.70023. – EDN ZBERQX.
10. Богачев, А. М., Теплых, Г. И., Кавчук, П. Н. Формирование общероссийской

гражданской идентичности на освобожденных в ходе СВО территориях: риски и перспективы // Психология и психотехника. – 2023. – № 3. – С. 44-52. – DOI 10.7256/2454-0722.2023.3.40634. – EDN HPOLBN.

11. Боулби, Д. Создание и разрушение эмоциональных связей / В. В. Старовойтова. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2004. – 232 с. EDN: QXILLP.

12. Бурлачук, Л. Ф., Коржова, Е. Ю. Психология жизненных ситуаций. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 263 с. EDN: RVAYIJ.

13. Василюк, Ф. Е. Переживание и молитва (опыт общепсихологического исследования). – М.: Смысл, 2005. – 191 с.

14. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 3 Проблемы развития психики / Под ред. А. М. Матюшкин. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.

15. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 6. – М.: Педагогика, 1984. – 400 с.

16. Грот, Н. Ю. Устои нравственной жизни и деятельности. – Москва: Книга по требованию, 2013. – 30 с.

17. Дольто, Ф. На стороне подростка. – Екатеринбург: Рама Паблишинг, 2010. – 720 с.

18. Кляйн, М. Психоаналитические труды. – Ижевск: ERGO, 2010. – 320 с.

19. Коржова, Е. Ю. Введение в психологию жизненных ситуаций. – СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2015. – 326 с. EDN: UQHSAN.

20. Коржова, Е. Ю., Бердникова, А. В. Методика "Отношение к значимой жизненной ситуации" // Практикум по психологии жизненных ситуаций / Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. – Санкт-Петербург: Фирма "Стикс", 2016. – С. 60-73. – EDN VXAKQJ.

21. Кохут, Х. Анализ самости: систематический подход к лечению нарциссических нарушений личности / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2003. – 308 с.

22. Лакан, Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе / Пер. с франц. А. К. Черноглазова. – М.: Изд-во "Гнозис", 1995. – 192 с.

23. Левин, К. Динамическая психология: Избранные труды / Под общ. ред. Д. А. Леонтьева и Е. Ю. Патяевой; [сост., пер. с нем. и англ. яз. и науч. ред. Д. А. Леонтьева, Е. Ю. Патяевой]. – М.: Смысл, 2001. – 572 с.

24. Леонтьев, А. А. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Смысл, Академия, 2005. – 352 с.

25. Лисина, М. И. Формирование личности ребенка в общении. – СПб.: Питер, 2009. – 320 с. EDN: QXXJKN.

26. Локус контроля // Социология: Энциклопедия / Сост. А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск: Книжный Дом, 2003. – 1312 с.

27. Лосев, А. Ф. Жизнь. – СПб.: 1993. – 534 с.

28. Малер, М. Психологическое рождение человеческого младенца: симбиоз и индивидуация / Пер. с англ. – М.: Когито-Центр, 2011. – 413 с. EDN: SDSHCV.

29. Маслов, Ю. С. Введение в языкознание. – Академия, 2005. – 304 с.

30. Мясищев, В. Н. Личность и неврозы. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 426 с.

31. Нойманн, Э. Происхождение и развитие сознания. – Рефл-бук, Ваклер, 1998. – 462 с.

32. Петровский, А. В. Проблема развития личности с позиции социальной психологии // Вопросы психологии. – 1984. – № 4. – С. 15-20.

33. Петровский, В. А. Деятельностное опосредствование межличностных отношений: феномены, сущность // Социальная психология и общество. – 2011. – № 1. – С. 5-11. EDN: OIZZJN.

34. Платонов, К. К. О системе психологии. – Москва: Мысль, 1972. – 216 с. EDN: VZHEVV.

35. Практикум по психологии жизненных ситуаций / Под ред. Е. Ю. Коржовой. – СПб.: ООО "Фирма "Стикс", 2016. – 268 с.

36. Прангишвили, А. С. Исследования по психологии установки. – Тбилиси: Изд-во Мецниереба, 1967. – 340 с.
37. Психологическая наука в России XX столетия: проблемы теории и истории / Под ред. А. В. Брушлинского. – М.: Издательство "Институт психологии РАН", 1997. – 576 с.
38. Психология личности в трудах отечественных психологов. – 2-е изд., исправл. и доп. – СПб.: Питер, 2009. – 464 с.
39. Столин, В. В. Самосознание личности. – М.: Издательство Московского Университета, 1983. – 284 с.
40. Ухтомский, А. А. Доминанта. – СПб.: Питер, 2002. – 448 с.
41. Фрейд, З. Достоевский и отцеубийство // Художник и фантазирование (сборник работ). – М.: Республика, 1995. – С. 285-294.
42. Фрейд, З. По ту сторону принципа наслаждения. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой: пер. с нем. – СПб.: Алетейя, 1998. – 251 с.
43. Фрейд, З. Я и Оно. – Москва: МПО "МЕТТЭМ", 1990. – 56 с.
44. Фрейд, З., Рязанцев, С. Мы и смерть. – СПб.: ВЕИП, 1994. – 383 с.
45. Хилманн, Д. Опус психологии: сотворение души // Журнал Практической Психологии и Психоанализа. – 2005. – № 3. – С. 2-9.
46. Холмогорова, А. Б., Гаранян, Н. Г., Петрова, Г. А. Социальная поддержка как предмет научного изучения и ее нарушения у больных с расстройствами аффективного спектра // Социальная и клиническая психиатрия. – 2003. – № 2. – С. 15-25. EDN: RIDNHL.
47. Юнг, К. Г. Психологические типы. – М.: "Университетская книга", ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1998. – 720 с.
48. Юнг, К. Г. Архетип и символ. – М.: Издательство "Ренессанс", СП "ИВО-Сид", 1991. – 299 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Отношение к значимой жизненной ситуации, субъектность и объектность, риск ПТСР и качество сна у представителей гг. Мариуполь и Санкт-Петербург». Работа включает в себя вводную часть с определением актуальности и значимости исследования, а также его цели, задач и гипотезы. Особое внимание уделено проведению теоретического обзора. Автором рассмотрены и описаны социокультурные, биологически ориентированные теории личности; определено понятие «субъект» и «субъектность» личности. Следующие разделы посвящены описанию выборки, методов и методик исследования, а также интерпретации полученных данных. Заканчивается статья кратким выводом и выделением перспектив дальнейшего исследования.

Предмет исследования. Исследование направлено на изучение взаимосвязи специфики отношения к значимой жизненной ситуации и субъектности личности, степени риска развития ПТСР и такого фактора, как качество сна у жителей г. Мариуполя, ставших свидетелями военных действий, и жителей г. Санкт-Петербурга. Автором проведен сравнительный анализ полученных результатов. Для достижения данной цели были поставлены такие задачи, как проведение теоретического обзора, сбор сырых данных для исследования, их математическая обработка и, затем, интерпретация. В целом, предмет исследования был раскрыт в полной мере.

Методологическая основа исследования.

В работе использованы методы теоретического и эмпирического исследования. В исследовании принял участие 201 студент: 76 респондентов из Санкт-Петербург и 125 – из Мариуполя. В исследовании применялись такие методы как анализ литературных источников, математическая статистика (посредством программы SPSS), тестирование, анкетирование, интерпретация. В рамках исследования использовались следующие методики: тест Е.Ю. Коржовой «Отношение к жизненной ситуации», Опросник на скрининг ПТСР (Trauma Screening Questionnaire) и авторская анкета на отношение ко сну, которая представлена в приложении.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что риски и стрессогенные факторы современного общества, с одной стороны, а, с другой стороны, развитие самосознания и способности к личностному развитию делают актуальной феноменологию и проблематику субъектности и объектности отношения личности к тем или иным жизненным обстоятельствам. Данный фактор определяет способность индивидуума выдерживать давление сильного стресса в «зоне риска» посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) как в случае нахождения непосредственно в зоне угрозы жизни, так и при когнитивно-эмоциональной обработки той или иной информации, воспринимаемой в качестве угрозы.

Научная новизна исследования заключается в том, что были проверены следующие гипотезы: 1) высокий риск ПТСР значимо взаимосвязан с объектной и негативной ориентацией на значимую жизненную ситуацию, с экстернальным локусом контроля, а также с нарушением качества сна, как с маркером общего нарушения качества жизни; 2) у представителей г. Мариуполь в случае объектной и негативной ориентации на значимую жизненную ситуацию риск развития ПТСР выше, чем у представителей г. Санкт-Петербург, а понижение качества сна более выражено. Выдвинутые гипотезы были подтверждены в эмпирическом исследовании.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 48 отечественных и зарубежных источников, незначительное количество которых издано за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также учебные пособия, методические рекомендации и монографии. Источники не во всех позициях оформлены корректно и однородно. Так, не во всех литературных источниках есть указание на номера и количество страниц/ диапазон страниц (например, в номерах 19, 23).

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Оформить заключение, в котором представить подробные и аргументированные выводы по результатам проведенного исследования. 2). Откорректировать статью на предмет орфографических, синтаксических и стилистических неточностей. Например, требует доработки следующая фраза: «Риски и стрессогенные факторы современного, с одной стороны, а, с другой стороны, развитие самосознания и способности к личностному развитию делают актуальной феноменологию и проблематику субъектности и объектности отношения личности к тем или иным жизненным обстоятельствам».

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами личностного развития человека. Вопрос рассматривается через призму рассмотрения способности индивидуума выдерживать давление сильного стресса в «зоне риска» посттравматического стрессового

расстройства (ПТСР). Автором было представлено рассмотрение изучения взаимосвязи специфики отношения к значимой жизненной ситуации и субъектности личности, степени риска развития ПТСР и такого фактора, как качество сна у жителей г. Мариуполя, ставших свидетелями военных действий, и жителей г. Санкт-Петербурга. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Сновидения и семиотические схемы как посредники между душой и телом // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.73441 EDN: HKMCNE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73441

Сновидения и семиотические схемы как посредники между душой и телом

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник; Федеральное государственное бюджетное учреждение науки "Институт философии Российской академии наук"

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Понять человека"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.73441

EDN:

HKMCNE

Дата направления статьи в редакцию:

21-02-2025

Дата публикации:

13-05-2025

Аннотация: В статье обсуждается еще один вариант связи души и тела. Но сначала автор рассматривает решение этого вопроса в Древнем мире, Аристотелем, Декартом и З.Фрейдом. У Декарта решение сводится к предположению, что телесный процесс (движение животных духов) создает условия для психического (страстей), а у Фрейда вырисовывается более сложная картина: душевные (психические) процессы создают условия для телесных трансформаций, а те, в свою очередь, – для новых душевных изменений. Собственный подход автор основывает на предположении, что между душой и телом в качестве посредников выступают сновидения и семиотические схемы. Для обоснования этого предположения он предлагает реконструкцию и объяснение двух кейсов (детского сновидения автора и подросткового воспоминания К. Юнга). Автор показывает, что все основные процессы, участвующие в построении сновидений,

двойки: и психологические, т.е. относящиеся к душе, и физиологические, относящиеся к телу. Так желание как программа, это с одной стороны, семиотическое и психическое образования, в которых посредством языка заданы события, подлежащие реализации. С другой стороны, программа – физиологический процесс, создающий в организме давление и напряжение, требующие разрешения. Двойная природа программ и других процессов сновидения позволяет считать сновидения посредниками между душой и телом. В рациональном осмыслении главную роль играет построение схем. Схема – это построение (изобретение) индивида, позволяющая разрешить проблемную ситуацию, задать тем самым новую реальность и видение, открыть возможность по-новому действовать. В конце статьи автор проблематизирует вопрос о желании психолога и медика получить ответ на вопрос о том, как устроены механизмы, позволяющие переходить от души к телу и обратно, обуславливающие эти переходы. На его взгляд, подобная постановка вопроса не совсем правильная. Не переходы, а взаимообусловленность, одновременное действие души и тела, посредниками между которыми выступают сновидения и схемы.

Ключевые слова:

душа, тело, сновидения, схемы, сознание, психика, посредники, реконструкция, проблемы, ситуация

Введение

Медицинское знание отдельно и по-разному в научном отношении описывает душу (в современном типе рациональности – сознание и психику) и тело человека. При этом, хотя и признается влияние души на тело и наоборот, нет строго научного объяснения этой связи и взаимовлияния. Точнее, существующие в настоящее время объяснения нас уже не удовлетворяют. Тем не менее, начну с них, но предварительно поясню, что я понимаю, говоря о посредниках. Это понятие, введено социологом Бруно Латуром, хотя оно, на мой взгляд, хорошо работает и в случае медицинских наук. Латур подхватывает очень важное наблюдение З.Баумана и некоторых других социологов о том, что в современном мире социальные отношения и связи *опосредованы* техническими объектами, деятельностью, разными принципами, стандартами и др. Он разбирает следующие три кейса. Первый, вместо того, чтобы непосредственно охранять овец, пастух «охраняет» их с помощью забора и собак. Второй, вместо непосредственного управления движением машин в городе, регулировщик «управляет» ими с помощью светофоров и «лежащих полицейских». Третий, вместо непосредственного общения проектировщика и будущего пользователя, в качестве посредника используется продуманная архитектором среда. Во всех этих случаях, а также в большинстве других непосредственные взаимоотношения (непосредственные социальные связи) опосредуются культурными объектами, причем, как правило, число таких опосредований («посредников» по Латуру) может быть значительным. В отличие от «проводников», подчиняющихся причинно следственным отношениям, посредники им не подчиняются и несоизмеримы между собой. [\[1, с. 331-332\]](#) Посредники разделяют интересующие ученого явления и связывают их; так дальше я постараюсь показать, что сновидения и схемы могут быть рассмотрены как посредники, соединяющие душу и тело. Кратко о методологии исследования.

Тело и душа – идеальные объекты, т.е. такие, которые позволяют рассуждать без противоречий, решать интересующие исследователя проблемы и задачи, по-новому

осмыслять факты, представляющие изучаемое явление [\[8, с. 60\]](#). Мы, конечно, проецируем эти объекты на само явление, вычлняя в нем определенные характеристики, например, строение тела или эмоции души, но не может оперировать с этими характеристиками вне теоретических гипотез и представлений об идеальных объектах. В этом отношении на эмпирическом уровне невозможно понять, как связаны между собой тело и душа. Только в рамках теории и новых гипотез. Для того, чтобы эти гипотезы были адекватны поставленной проблеме и схватывали индивидуальность исследуемого явления, гипотезы мы будем предварять анализом кейсов. Исходя из этого анализа, во многом сводящегося к реконструкции явления, но выведенного на уровень идеальных объектов, будут сделаны и выводы, касающиеся связи души и тела. Кроме того, поскольку представления о душе и теле менялись в истории и науки, будет предложена краткая история этих изменений.

Исторические объяснения взаимосвязи души и тела

Самое первое относится к архаической культуре. Древний человек объяснял эту связь, как показывает классик культурологии Э.Тэйлор, в рамках магии. То есть он считал, что душа живет в теле, может из этого «дома» выходить, но и возвращаться назад, и эти ее действия объясняют все основные наблюдаемые состояния человека (смерть – уход души навсегда, без возвращения, болезни – временный выход души из тела, сновидения – путешествия души во время сна, создание наскальных изображений – вызывание души). [\[11; 5\]](#) Понятно, что, с точки зрения современной науки, здесь нет объяснения, но архаический человек обладал другим сознанием и видением всего, во всяком случае, подобный нарратив позволял ему действовать и для того времени достаточно эффективно. Например, лечить заболевших (если душа вышла из тела, потому что ей стало холодно, будем тело согревать, если, наоборот, жарко – остужать, если, потому что проголодалась, будем кормить, первые лекарства).

В античной культуре Аристотель отклоняет подобное объяснение, считая, что оно приводит к противоречиям. Так в работе «О душе» он пишет, если исходить из того, что душа и тело связаны движением, то душа умершего человека может вернуться, и он оживет, но человек в отличие от богов смертен. Стагирит впервые объясняет связь души и тела рационально, говоря, что душу можно подвести под понятие формы, а тело – материи, и душа с телом связаны как форма с материей, т.е. через акт оформления.

В новое время Декарт не только противопоставляет душу и тело, но и обсуждает, как они связаны. Он предполагает, что посредником здесь является «шишковидная железа». Животные духи, представляющие собой частицы крови организма, «пробегая мимо шишковидной железы» раскачивали ее и тем самым «вызывали страдательные состояния души» – радость или печаль, позволявшие душе судить о вредности или полезности данного внешнего раздражителя для организма...Решающим фактором возникновения «страстей души» были именно движения животных духов, т.е. сугубо материальные процессы функционирования нервной системы» [\[10, с. 109\]](#).

Объяснение, как мы видим, сводится к предположению, что телесный процесс (движение животных духов) создает условия для психического (страстей).

Что-то похожее предлагает через несколько столетий и З. Фрейд. Но скорее наоборот, вначале психические процессы (столкновение противоположных желаний и влечений) создают условия для биологических трансформаций (расщепления сознания, выпадения из него зоны, которая уже не может осознавать, т.е. это биологический субстрат). Затем биологические трансформации, в свою очередь, создают условия для психических и

соматических процессов (страдания, боли). «Но как могло произойти, – спрашивает Фрейд, – что столь аффективно насыщенная группа представлений оказалась изолированной?.. На этот вопрос можно ответить, приняв во внимание два факта, о которых мы можем судить с полной уверенностью, а именно: (1) одновременно с формированием этой изолированной группы представлений возникали истерические боли, и (2) пациентка оказывала сильное сопротивление любой попытке установить связь между этой изолированной группой и другими содержательными компонентами сознания; когда же, наконец, удалось эту связь установить, она испытала сильную душевную боль. Сознание не может предугадать, когда именно возникнет невыносимое представление. Невыносимое представление исключается и образует изолированную психическую группу вместе со всем, что с ним связано. Но первоначально оно должно было быть представлено в сознании, входя в основной поток мыслей, иначе не возник бы конфликт, являющийся причиной такого исключения. Именно эти моменты мы считаем “травматическими”; именно тогда осуществляется конверсия, результаты которой – расщепление сознания и истерический симптом» [\[12, с. 64-65, 69, 71\]](#). «Благодаря изучению гипнотических явлений, – объясняет Фрейд в другой работе, – мы привыкли к тому пониманию, которое сначала казалось нам крайне чуждым, а именно, что в одном и том же индивидууме возможно несколько душевных группировок, которые могут существовать в одном индивидууме довольно независимо друг от друга, могут ничего не знать друг о друге и которые, изменяя сознание, отрываются одна от другой. Если при таком расщеплении личности сознание постоянно присуще одной из личностей, то эту последнюю называют сознательным душевным состоянием, а отделенную от нее личность – бессознательным... мы имеем прекрасный пример того влияния, которое сознательное состояние может испытать со стороны бессознательного» [\[13, с. 17\]](#).

Получается довольно сложная картина: душевные (психические) процессы создают условия для телесных трансформаций, а те – для новых душевных.

Авторское объяснение взаимосвязи психических и соматических процессов

Для лучшего понимания предлагаю следующий кейс из моего детства – интересный сон, приснившийся во время войны в эвакуации под Куйбышевым. Мне было пять или шесть лет. Мама день и ночь работала на авиационном заводе и лишь изредка урывала несколько часов, чтобы навестить меня и брата в детском саду. Почти всегда она приносила что-то вкусное: какао в термосе, шоколад или что-нибудь еще. И вот мне упорно стал сниться сон с мамой и вкусными продуктами в придачу. Понятно, как я огорчился, когда просыпался: нет ни мамы, ни какао. Наконец, чтобы не обманываться и не огорчаться понапрасну, я решил проверять себя – щипать за ухо: если больно – не сплю, если не больно – сплю. И в ту же ночь мне приснился сон: приезжает мама, я дергаю себя за ухо, убеждаюсь, что не сплю, пью какое и затем... просыпаюсь. Дальше все ясно. Сила огорчения прочно отпечатала этот сон в моей памяти.

Запомнился мне и случай, который произошел несколько дней спустя. Я играю в кубики, и вдруг слышу, как воспитательница откликается: «Вадик спустись на первый этаж, там тебя ждет мама». Я помчался, сломя голову, и, спускаясь по лестнице, увидел маму, но когда подбежал, это оказалась медицинская сестра, которая ждала меня. Спрашиваю потом у воспитательницы, а где мама, а она удивленно: «Я тебе сказала, что ждет медсестра». Теперь объяснение сновидений [\[6; 15\]](#).

Они обусловлены проблемными ситуациями, не позволяющими по каким-то причинам реализовать желания, возникшие у человека. Как, например, в данном случае: сначала

у меня было заблокировано желание видеть маму, потом не обманываться, в последнем сюжете – снова увидеть маму. Мой анализ показывает, что желание, и с психологической и биологической точек зрения, сложное образование. Это нечто вроде программы (она, с одной стороны, задается языком, знаками и схемами, с другой – физиологическими структурами), реализация которой предполагает проживание определенных событий (встреча мамы, общение с ней, вкусная еда и прочее). Блокировка этой программы не ведет к ее распаду, т.е. желание все равно стремится реализовать себя. Чтобы не мешать нормальной жизнедеятельности, которая продолжается, психика уводит заблокированную программу на другой горизонт, так сказать до лучших времен. Эти времена наступают во время сна, когда психический аппарат освобождается от бодрственной работы по изживанию тех желаний, для которых были условия. Начинается работа построения сновидения: из существующих единиц опыта (это, в частности, показал Г. Гельмгольц) психика конструирует сновидческие события, все же позволяющие реализовать заблокированную программу. Так, в данном случае первое желание конституировало во сне и запустило сюжет приезда матери, во втором – проверку на сон или его отсутствие, в третьем случае в форме слуховой и визуальной галлюцинации «подменило» слова воспитательницы и образ медицинской сестры (здесь работают механизмы интерпретации и достраивания и перестраивания обычных восприятий сновидческими, см. подробнее [\[6\]](#)).

Все основные процессы, участвующие в построении сновидений, двойки: и психологические, т.е. относящиеся к душе, и физиологические, относящиеся к телу. Например, что такое желание как программа? С одной стороны, семиотическое и психическое образование, в которых посредством семиотических средств заданы события, подлежащие реализации. С другой стороны, программа – физиологический процесс, создающий в организме давление и напряжение, требующие разрешения. Двойная природа программ и других процессов сновидения позволяет считать сновидения посредниками между душой и телом.

Это посредничество сложилось еще на заре формирования человека. Биология гоминид, постепенно трансформировавшихся в древнего человека, стала кардинально меняться около одного двух миллионов лет д.н.э. в процессе перехода от *сигнальной системы* к *знаковой* (симиотической). Гоминиды регулировали свои отношения в стае с помощью сигналов (опасности, подчинения, определенной активности и др.). Условием выживания в характерных для того времени катастрофических ситуациях для гоминид выступил новый способ поведения, основанный на замещении реальных ситуаций воображаемыми, заданных знаками. Однако нужно было научиться знаки создавать, понимать, следовать воображаемым ситуациям, отбирать те знаки, которые обеспечивали эффективное поведение (см. [\[9, с. 87-106\]](#)).

Под влиянием всех этих процессов разворачивается двухсторонний процесс: подавление биологического поведения гоминид (на что в частности, обращал внимание Б. Поршневу [\[4, с. 414-415, 440\]](#)) и формирование нового, человеческого поведения. Последнее основывалось не только на семиотике, но и новой биологии, складывающейся под влиянием семиотики. Лучше это понять можно на материале более позднего периода, относящегося к архаической культуре. Американский антрополог Маргарет Мид, изучавшая ранние формы любви и половых отношений, пишет следующее. «Поскольку арапешы, (это горное племя в Новой Гвинее. – В.Р.), – думают, что ребенок получается из материнской крови и отцовского семени, функция отца в оплодотворении не кончается вместе с зачатием, в течение нескольких недель от него требуется напряженная сексуальная активность. Чем больше актов соития совершат родители, думают арапешы, тем

лучше и здоровее будет их ребенок. Но как только "грудь матери обнаруживает характерные для беременности набухание и изменение цвета сосков, считается, что создание ребенка завершено. С этого момента все половые сношения запрещены". И далее, пока ребенок не начнет ходить накладывается строгое табу на половые сношения [\[2, с. 253\]](#) <... > Помолвка у арапешей происходит между девочкой семи-восьми лет и мальчиком лет на шесть ее старше. После помолвки она переходит жить в дом будущего супруга. Здесь свекор, будущий супруг и все его братья общими силами выращивают маленькую невесту... Если мы примем во внимание то, что в течение ряда лет муж и жена живут вместе, как брат и сестра, то нам станет ясен один из решающих факторов отношения арапешей к сексу. Половые сношения у них не связаны с чувствами, резко отличными от тех, которые питают к собственной дочери или сестре. Они оказываются просто более законченным и полным выражением того же самого чувства. Они не считаются какой-то спонтанной реакцией человека на внутренние половые раздражители. Поэтому уже не удивляет и факт своеобразной фригидности у взрослых женщин [\[2, с. 274, 280\]](#). Женщины арапешей, отмечает Мид, "не получают в половом общении даже простой релаксации и описывали свои ощущения после полового акта как некую неопределенную теплоту и чувство облегчения" [\[2, с. 298\]](#).

Здесь налицо трансформация биологии (тела) под влиянием принятых в обществе социальных моделей, которые оформляются в языке (знаках). Эти же социальные модели определяют сознание арапешей. Теперь еще один, более сложный кейс – юношеское воспоминание Карла Юнга.

«Мир прекрасен и церковь прекрасна, – рассказывает Юнг в своей последней книге, – и Бог, который создал все это, сидит далеко-далеко в голубом небе на золотом троне и ... Здесь мысли мои оборвались, и я почувствовал удушье. Я оцепенел и помнил только одно: Сейчас не думать! Наступает что-то ужасное.

(Через три дня и двух бессонных ночей Юнг все же решил додумать начатую мысль. – В.Р.).

Я собрал всю свою храбрость, как если бы вдруг решился немедленно прыгнуть в адское пламя, и дал мысли возможность появиться. Я увидел перед собой кафедральный собор, голубое небо. Бог сидит на своем золотом троне, высоко над миром – и из-под трона кусок кала падает на сверкающую новую крышу собора, пробивает ее, все рушиться, стены собора разламываются на куски.

Вот оно что! Я почувствовал несказанное облегчение. Вместо ожидаемого проклятия благодать снизошла на меня, а с нею невыразимое блаженство, которого я никогда не знал... Я понял многое, чего не понимал раньше, я понял то, чего так и не понял мой отец, – волю Бога... Отец принял библейские заповеди как путеводитель, он верил в Бога, как предписывала Библия и как его учил его отец. Но он не знал живого Бога, который стоит, свободный и всемогущий, стоит над Библией и над Церковью, который призывает людей стать столь же свободным. Бог, ради исполнения Своей Воли, может заставить отца оставить все его взгляды и убеждения. Испытывая человеческую храбрость, Бог заставляет отказываться от традиций, сколь бы священными они ни были» [\[14, с. 46, 50\]](#).

Почему Юнг увидел Бога, выглядевшего как своего рода революционер, разрушающий непотребным образом церковь? А потому, что у него в этот период был конфликт с отцом (потомственным пастором) и церковью, и Юнг хотел разорвать с ними отношения, что он и сделал после истории с посетившей его фантазией (как я показываю, это был сон

наяву [6, с. 371-372]). «В этой религии, – пишет он, – я больше не находил Бога. Я знал, что больше никогда не смогу принимать участие в этой церемонии. Церковь – это такое место, куда я больше не пойду. Там все мертво, там нет жизни. Меня охватила жалость к отцу. Я осознал весь трагизм его профессии и жизни. Он боролся со смертью, существование которой не мог признать. Между ним и мной открылась пропасть, она была безгранична, и я не видел возможность когда-либо преодолеть ее» [14, с. 64].

В данном случае для Юнга проблемная ситуация – это плохо осознаваемое желание порвать отношения с отцом и церковью при том, что сделать это для воспитанного в религии подростка почти невозможно. Тем не менее, Юнг разрешает эту проблему, но в три этапа. На первом проблемная ситуация запускает сновидение наяву (фантазию, близкую к галлюцинации), которая смертельно пугает Юнга; а вдруг, Бог поразит его за кощунство. Этот процесс в основном, как в случае с Фрейдом, физиологический, обуславливающий, однако, психические образы. На втором этапе Юнг интуитивно ищет рациональное решение и нащупывает его в построении схемы, в которой Бог выглядит революционером, дающим Юнгу санкцию на разрыв с отцом и церковью. На третьем он актуализирует эту схему, попадая в новую реальность («понял волю Бога» и прочее). Рис. 1.

Душа	(язык)↓		
Проблемная ситуация →	Реакция организма фантазия – сон наяву	СХЕМА → новая реальность	Разрыв с отцом и церковью
Тело	↑		

Рис. 1. Схема, разрешившая проблему Юнга

Реакция организма тоже не число биологический процесс, ведь Юнгу пригрезилась картина, которую можно понять только с помощью языка. В рациональном осмыслении главную роль играет построение схем. Схема – это построение (изобретение) индивида, позволяющая разрешить проблемную ситуацию, задать тем самым новую реальность, открыть возможность по-новому действовать. Более того, схемы обуславливают чувственность человека, формируя его телесность. «Иногда, – пишет психотерапевт Г.Назлюян, – больных удивляет форма своего уха, носа, рисунок глаз, губ, подбородка. Это и есть первый выход из аутистического плена, первый взгляд на себя со стороны, первая попытка сравнить себя с другими людьми без порочной мифологизации и дисморфофобических установок, искажающих видение мира вообще и мира человеческих отношений в частности. Сергей В., для которого лоб был “полигоном”, поверхность носа – “стартовой площадкой”, а рот – “пещерой”, в конце концов вспоминал об этом с иронической улыбкой, как, впрочем, и развитую бредовую систему и неадекватные поступки, связанные с тем, что он – Пришелец из Будущего. Другой больной, Владимир У., лечить которого еще предстоит, “лепит” из своих щек лошадей, кошек и других животных, а затем “стирает” их. Что за всем этим скрыто?» [3, с. 23]

Как я показываю, видение шизофрениками своего лица, да и основные ощущения полностью определяются особенностями «деформированной реальности», которая сформировалась в результате становления антропологического образа больного. В свою очередь новая пирамида реальностей складывается в результате построения пациентом схем, разрешающих по его убеждению его проблемы. Вытеснение пирамиды

реальностей, существовавшей до болезни, и окончательная победа деформированной пирамиды воспринимается шизофреником как попадание в новый мир, где другая чувственность и события. Так, именно потому, что Сергей В. считает себя пришельцем из будущего и, следовательно, космонавтом, он воспринимает свой нос как «стартовую площадку», а лоб как «космический полигон». [7, с. 55-56]

Заключение

Я понимаю, психолог и медик хотели бы получить ответ на вопрос о том, как устроены механизмы, позволяющие переходить от души к телу и обратно, обуславливающие эти переходы. На мой взгляд, подобная постановка вопроса не совсем правильная. Не переходы, а взаимообусловленность, одновременное действие души и тела, посредниками между которыми выступают сновидения и схемы. Оба эти образования семиотические. Сновидения формируются под влиянием языка, который позволяет задавать не только желания, реализуемые в период бодрствования, но и такие, которые в обычной жизни человек реализовать не может. Эволюция нашла выход: заблокированные желания реализуются биологически и в символической форме (Фрейд) в период сна. Схемы тоже представляют собой особые сложные знаки, ведь условием разрешения с их помощью проблем является понимание и трансляция схем. Сновидения и схемы, но по-разному участвуют в формировании как сознания, так и телесности человека. В свою очередь, сознание и телесность выступают субстратом поведения и деятельности человека. С точки зрения функции и места, схемы и сновидения могут быть подведены под понятие «посредник», которое ввел Б.Латур.

Библиография

1. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Пер. с англ. И.Полонской. – М., 2014. – 384 с.
2. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М.: Наука, 1988. – 430 с.
3. Назлоян Г.М. Зеркальный двойник. Утрата и обретение. Психотерапия методом скульптурного портретирования. – М.: Друза: Моск. ин-т маскотерапии, 1994. – 116 с.
4. Поршнев Б. О начале человеческой истории. – М.: Наука, 1974. – 487 с.
5. Розин В.М. Как архаический человек познавал и осваивал мир (культурно-семиотическое объяснение) // Культура и искусство. – 2023. № 9. – С. 56-68.
6. Розин В.М. Учение о сновидениях и психических реальностях – одно из условий психологической интерпретации искусства // В.М. Розин Природа и генезис европейского искусства (философский и культурно-исторический анализ). ИФРАН. – М.: Голос, 2011. – С. 350-397.
7. Розин В.М. Понятие и феномен травмы: биологический, психологический и социокультурный аспекты // Электронный философский журнал Vox. Вып. 42. – С. 50-69.
8. Розин В.М. История и философия науки. 2-е изд. – М.: Юрайт, 2018. – 414 с.
9. Розин В.М. Происхождение человека, формирование знаков, схем и орудий / В. Розин Природа и генезис техники. – М.: Де-Либри, 2024. – 390 с.
10. Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. История и философия медицины. Научные революции XVII–XIX веков. – М.: Академический проект, 2017. – 236 с.
11. Тейлор Э. Первобытная культура. – М.: Соцэкгиз, 1939. – 602 с.
12. Фрейд З. История болезни фрейлейн Элизабет фон Р. // МПЖ 1992 N 2. https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1992_n1/25834
13. Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1923. <https://www.litlib.net/bk/54219/read/3>
14. Юнг К. Воспоминания, сновидения, размышления. – Киев, изд. Air Land, 1994. – 408 с.

15. The Psychology of Dreams: Inside the Dream Mind. Published on September 23, 2016.
<https://www.brescia.edu/2016/09/psychology-of-dreams/>

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Сновидения и семиотические схемы как посредники между душой и телом». Работа представляет собой постановку проблемы, описание основных подходов, а также авторское представление.

Предмет исследования. В работе представлено рассмотрение проблемы того, как устроены механизмы, позволяющие переходить от души к телу и обратно, обуславливающие эти переходы. Автором отмечается, что не переходы, а взаимообусловленность, одновременное действие души и тела, посредниками между которыми выступают сновидения и схемы.

Методологическая основа исследования. Автором кратко представлены работы, которые рассматривают затронутую проблему, а также авторское видение.

Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время актуальным является рассмотрения взаимоотношений души и тела человека. Автор отмечает, что существующие в настоящее время подходы являются устаревшими и несовременными. С другой стороны, в современной науке данному вопросу не уделяется значительного внимания.

Научная новизна исследования. Полученные результаты позволили автору предложить авторское (субъективное) объяснение взаимосвязи психических и соматических процессов.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы представлена, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой, предмет исследования не раскрыт.

Во введении определена проблема и актуальность исследования. В основном разделе представлено описание подходов к объяснению взаимосвязи души и тела, а также представлено собственное понимание. В заключении сделан краткий вывод.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 11 отечественных и зарубежных источников, незначительное количество которых издано за последние три года. В список включены, в основном, монографии, статьи и тезисы. Источники оформлены не во всех позициях корректно. Так, не во всех источниках присутствуют необходимые разделительные знаки (например, знаки «-» в источниках 1, 2, 3 и т.д.). Особое внимание должно быть уделено оформлению публикаций журналов (например, источник 5 оформлен некорректно) и т.д.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) во введении определить объект, предмет, цель, гипотезу, и научную новизну проведенного исследования;
- 2) сделать обзор большего количества источников, в том числе современных, что позволит увеличить объем статьи;
- 3) при предложении авторского подхода в психологической науке важно, чтобы он был подтвержден эмпирическими результатами;
- 4) корректно оформить библиографический список;

- 5) оформить описание таблицы в соответствии с предъявляемыми требованиями;
6) научные положения не излагаются как субъективное рассмотрение проблемы («Я»), в научной работе принятым является обращение «мы».

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами сновидений. Однако статья не может быть рекомендована к опубликованию. Важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются сновидения и семиотические схемы как посредники между душой и телом.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, исторический метод, метод ситуационного анализа, а также культурологический подход и социологический подход. Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку феномен взаимосвязи души и тела издавна интересовал ученых, а мультипарадигмальность в изучении этого вопроса обуславливает интерес к нему и на современном этапе развития научного знания. Особое значение в этом исследовательском поле занимают сновидения и семиотические схемы. С этих позиций исследование сновидений и семиотических схем как посредников между душой и телом представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна представленной статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение сновидений и семиотических схем как посредников между душой и телом, а также описании полученных результатов и авторском объяснении взаимосвязи психических и соматических процессов.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также описанием полученных результатов исследования, в том числе с применением ситуационного анализа на примере кейсов из жизни автора.

Структура статьи, к сожалению, не выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования можно условно выделить вводную часть, основную часть, заключение и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет сделанный в ходе исследования и отмеченный авторский акцент на то, что «все основные процессы, участвующие в построении сновидений, двойки: и психологические, т.е. относящиеся к душе, и физиологические, относящиеся к телу. Например, что такое желание как программа? С одной стороны, семиотическое и психическое образование, в которых посредством семиотических средств заданы события, подлежащие реализации. С другой стороны, программа – физиологический процесс, создающий в организме давление и напряжение, требующие разрешения. Двойная природа программ и других процессов сновидения позволяет считать сновидения посредниками между душой и телом».

Библиография содержит 11 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие особенности подходов к исследованию взаимосвязи психических и соматических процессов. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании в заключительной части содержатся очень краткие выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «психолог и медик хотели бы получить ответ на вопрос о том, как устроены механизмы, позволяющие переходить от души к телу и обратно, обуславливающие эти переходы. На мой взгляд, подобная постановка вопроса не совсем правильная. Не переходы, а взаимообусловленность, одновременное действие души и тела, посредниками между которыми выступают сновидения и схемы».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, психоаналитиками, консультантами и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что целесообразно обратить внимание на структуру статьи и ее некоторые структурные элементы. В частности, при написании научной статьи необходимо придерживаться ее примерной структуры, в которую должны входить выделенные и четко обозначенные элементы, а именно, введение, обзор научной литературы, материалы и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы и заключение. В частности, данную статью необходимо дополнить обзором научной литературы, либо теоретическим обзором, обозначив этот раздел отдельным заголовком, обязательно описать используемые в исследовании материалы и методы, сделать развернутые выводы по результатам исследования, а не ограничиваться только очень кратким заключением, которое не создает впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. В тексте представлена схема, оформленная в табличной форме, однако в тексте статьи нет упоминаний о ней, она никак не обозначена и не имеет названия, поэтому, при ее оформлении необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа и оформить этот элемент рукописи в соответствии с этими требованиями. Библиографию также необходимо оформить в соответствии с требованиями ГОСТа, особое внимание при этом нужно уделить источникам, которые являются электронными ресурсами. Кроме того, в тексте статьи встречаются технические ошибки и опечатки, например, в написании слов «...причинно следственным...», «...откликается ...», «... Церквью...», отсутствие знаков запятой («...и вдруг слышу как воспитательница...», «...мысли мои оборвались и я почувствовал...») и т.п. Также хотелось бы обратить внимание на то, что объем представленной рукописи не позволяет максимально полно и всесторонне раскрыть заявленную тему исследования. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить, доработать и дополнить текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на тему, которая относится к психоаналитической

проблематике в целом. Автор исходит из представлений о неких посредниках между душой и телом, которыми являются, по его мнению, сновидения. Показано, что сознание и телесность выступают субстратом поведения и деятельности человека. С точки зрения функции и места, схемы и сновидения могут быть подведены под понятие «посредник», которое ввел Б. Латур. Так отмечается в тексте. В принципе, психоаналитическая методология позволяет использовать различные подходы и концепции, которые поясняют взаимоотношения сознательного и бессознательного, это понятно.

Но в данном случае необходимо показать актуальность заявленной тематики, в соответствии с которой сновидения и семиотические схемы рассматриваются как посредники между душой и телом. В актуальности необходимо показать, для чего нужно разрабатывать эту тему и является ли она научной проблемой. Пока в тексте этого нет.

Автор пишет, что медицинское знание отдельно и по-разному в научном отношении описывает душу (в современном типе рациональности – сознание и психику) и тело человека. Точнее, существующие в настоящее время объяснения нас уже не удовлетворяют. Дело в том, что в медицине понятие души не особо используется. Если речь идет о психиатрии, то в ней используется нозологический подход, который предполагает наличие конкретной симптоматики и синдромологии в отношении психических расстройств здоровья.

Поэтому необходимо определить предмет исследования, о котором в тексте ничего не указано. Это существенный недостаток.

Отсутствуют в тексте формулировки научной новизны, что необходимо для научной публикации. А также не конкретизирована методология этого исследования, хотя очевидно, что автор ссылается на теорию Б. Латур. Эту теорию необходимо показать более конкретно. Автор пишет, что «тело и душа – идеальные объекты, т.е. такие, которые позволяют рассуждать без противоречий, решать интересующие исследователя проблемы и задачи, по-новому осмыслять факты, представляющие изучаемое явление». Для обоснования методологии исследования семиотических схем этого недостаточно.

В названии указаны семиотические схемы. Следовательно, необходимо описать их в более конкретном и прикладном понимании, согласовав их с сутью проделанной работы. Стиль изложения текста субъективно повествовательный. Автор в вольной форме излагает свои рассуждения о взаимоотношениях души и тела, пытаясь выделить в этом процессе сновидения и семиотические схемы в качестве своеобразных посредников.

Дело в том, что психоаналитическая тематика позволяет использовать такой стиль, но он очень сложен и противоречив. Тем более, автор часто ссылается сам на себя, используя местоимение. Такой стиль сложен для восприятия читателем, даже если он включает личные примеры.

Структура работы требует существенной доработки в плане ее формализации. Кроме структурированного введения, необходимо текст как можно более систематизировать и конкретизировать, используя хотя-бы общепринятый понятийно-категориальный аппарат. Необходимо избегать введения собственных понятий и определений. Если же такие понятия и определения встречаются редко, необходимо раскрывать их содержание. Речь идет, например, о посредниках как понятии.

Содержание работы сводится к тому, что сновидения формируются под влиянием языка, который позволяет задавать не только желания, реализуемые в период бодрствования, но и такие, которые в обычной жизни человек реализовать не может. По мнению автора, эволюция нашла выход в том, что заблокированные желания реализуются биологически и в символической форме в период сна. Схемы тоже представляют собой особые сложные знаки, ведь условием разрешения с их помощью проблем является понимание и трансляция схем. Сновидения и схемы, но по-разному участвуют в формировании как сознания, так и телесности человека. В свою очередь, сознание и телесность выступают

субстратом поведения и деятельности человека. С точки зрения функции и места, схемы и сновидения могут быть подведены под понятие «посредник», которое ввел Б. Латур. Выводов по тексту нет, но имеется заключение, в котором автору удалось показать вполне доступным образом смысл своих рассуждений о сновидениях и семиотических схемах как посредников между душой и телом.

Библиографический список содержит литературные источники по теме исследования, но необходимо добавить те из них, которые посвящены именно посредникам, которые, судя по тексту, и представляют собой предмет этого исследования.

Несмотря на наличие замечаний, данный текст вполне может быть доработан и после доработки рекомендован к опубликованию в научном журнале.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Левчук И.А. Взаимосвязи личностных свойств с переживанием одиночества // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74475 EDN: AKDCWW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74475

Взаимосвязи личностных свойств с переживанием одиночества

Левчук Илья Александрович

независимый исследователь

123290, Россия, Московская область, г. Москва, Шелепихинская набережная, 34к2, кв 1141

✉ levchukeli@gmail.com

[Статья из рубрики "Внутренний мир человека"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74475

EDN:

AKDCWW

Дата направления статьи в редакцию:

12-05-2025

Дата публикации:

19-05-2025

Аннотация: Психологическое благополучие и удовлетворённость базовых потребностей являются ключевыми индикаторами ментального здоровья и внутренней устойчивости личности. В условиях роста социальных трансформаций и цифровой изоляции всё большее внимание уделяется феномену одиночества как значимому фактору, способному подрывать психическое здоровье и снижать адаптационные ресурсы индивида. Актуальность изучения восприятия одиночества обусловлена тем, что различная когнитивная интерпретация этого состояния — как негативного, духовного, временного или физически ощутимого — может существенно модифицировать его влияние на личность. Недостаточная психологическая переработка и негативная окраска одиночества способны привести к снижению удовлетворённости базовых психологических потребностей, нарушению социального функционирования и утрате

субъективного ощущения благополучия. В то же время конструктивная интерпретация одиночества может выполнять адаптивную функцию. Исследование направлено на выявление взаимосвязей различных аспектов переживания одиночества с психологическим благополучием, удовлетворенностью базовых психологических потребностей, социальным интеллектом и уровнем безнадежности. Применялись следующие методы: Шкала психологического благополучия К. Рифф (RPWB), Тест социального интеллекта Н. Холла (модификация Г. Резапкиной), Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (BPNSS), Шкала безнадежности Бека (BHS), а также Опросник переживания одиночества (Манакова). Статистическая обработка включала корреляционный анализ. Установлены значимые отрицательные взаимосвязи между негативными, духовными и физическими аспектами переживания одиночества и компонентами психологического благополучия, базовых потребностей и социального интеллекта. Позитивная интерпретация одиночества как временного явления положительно связана с самосознанием, самомотивацией, автономией и личностным ростом. Особенно выраженное деструктивное влияние оказывают духовное восприятие одиночества и страх ответственности. Исследование впервые осуществляет комплексный анализ взаимосвязей между разными аспектами переживания одиночества и четырьмя ключевыми психологическими параметрами: психологическим благополучием, удовлетворённостью базовых потребностей, социальным интеллектом и уровнем безнадёжности. Научная новизна заключается в эмпирическом подтверждении специфического характера влияния различных интерпретаций одиночества на каждую из этих сфер. Выводы. Результаты подтверждают, что влияние одиночества на личность определяется характером его интерпретации. Психологическая переработка и переоценка одиночества выступают как ключевые механизмы профилактики дезадаптации и поддержки психического здоровья. Дальнейшие исследования целесообразны в направлении разработки программ когнитивной интервенции и психологической профилактики негативных последствий одиночества.

Ключевые слова:

психологическое благополучие, одиночество, базовые психологические потребности, автономия, принадлежность, компетентность, социальный интеллект, сильные стороны личности, безнадежность, переживание одиночества

Введение

Одиночество выступает как серьёзная социально-психологическая проблема современности. Так, установлено, что «одиночество является распространённой и серьёзной проблемой общественного здравоохранения вследствие его влияния на здоровье, благополучие и долголетие» [\[1\]](#). Более того, по недавней оценке экспертов Всемирной организации здравоохранения, одиночество чревато такими же (или даже более высокими) рисками ранней смертности, как курение 15 сигарет в день, алкогольная зависимость, ожирение и загрязнение воздуха [\[2\]](#). Эти данные подчёркивают, насколько выраженность чувства одиночества связана с негативными последствиями для физического и психического здоровья.

Понятие психологическое благополучие в науке трактуется как один из ключевых индикаторов ментального здоровья личности. В частности, И.В.Дубровина отмечает, что психологическое благополучие можно понимать как показатель психологического

здоровья личности, представляющий собой одно из важнейших состояний личности и связанный с нравственным развитием человека [3]. В то же время современные исследования подчёркивают двоякую роль этого феномена. Так, Г.В.Солдатова и С.М.Шингаев указывают, что, в отличие от других видов благополучия, психологическое благополучие является одновременно и целью, и средством для достижения других целей – в частности, улучшения функционирования личности практически в любой деятельности [4]. Иными словами, высокий уровень психологического благополучия не только отражает гармоничное состояние личности, но и служит условием для достижения иных жизненных целей.

Согласно теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, одним из основополагающих факторов психологического здоровья является удовлетворение базовых психологических потребностей – в автономии, компетентности и связанности с другими людьми. Действительно, удовлетворение базовых психологических потребностей является необходимым условием личностного роста и благополучия [5]. Эмпирические исследования подтверждают, что удовлетворённость основных потребностей напрямую связана с субъективным благополучием. Базовые потребности в компетенции, автономности и привязанности должны быть удовлетворяемы в течении жизни индивида для переживания непереходящего чувства интегративности и благополучия или "eudemonia" [6]. Компетентность связана с ощущением чувства способности справляться с решением задач в различных обстоятельствах [12]. Потребность в автономии выражается в стремлении человека ощущать себя автором собственных действий; потребность в компетентности связана с желанием эффективно взаимодействовать с окружающей средой; потребность в принадлежности отражает стремление к установлению прочных и поддерживающих социальных связей. Потребность в автономии не совпадает с потребностью в независимости, эгоизмом или просто свободой выбора [13]. Таким образом, обеспечение возможностей для удовлетворения базовых нужд человека – чувство автономии, компетентности и принадлежности – рассматривается как необходимое условие его психологического благополучия.

Социальный интеллект – ещё одна существенная переменная, влияющая на качество жизни и успешность личности. Под социальным интеллектом понимается совокупность способностей, обеспечивающих эффективное социальное взаимодействие. Как подчёркивает А.И.Савенков, развитый социальный интеллект лежит в основе способностей человека успешно строить социальные взаимодействия, определяет готовность и способность творчески работать в команде, быть лидером и ведомым, обеспечивает социальную компетентность [7]. Наличие высокого уровня социального интеллекта позитивно сказывается на разных сферах жизни. Так, по наблюдениям экспертов, развитый социальный интеллект положительно влияет на продуктивность и здоровье человека. Люди с более крепкими социальными связями оптимистичнее и позитивнее других, как правило, реже сталкиваются с психологическими проблемами и стрессом [8]. Иными словами, социальный интеллект способствует успешной социальной адаптации, профессиональной реализации и поддержанию психического здоровья.

Противоположным по влиянию фактором является безнадежность – негативное ожидание относительно собственного будущего. В клинической психологии безнадежность рассматривается как когнитивный признак, тесно связанный с депрессивной симптоматикой. Дается следующее определение: безнадежность – это негативное ожидание по отношению к самому себе и будущему [9]. Высокий уровень безнадежности ассоциируется с целым рядом неблагоприятных психологических

исходов. В частности, показано, что безнадежность коррелирует с такими неблагоприятными последствиями, как тревожность, депрессия, низкое качество жизни, самоповреждающее (аутоагрессивное) поведение, суицидальные мысли и склонности [10]. Эти данные свидетельствуют о том, что ощущение безысходности выступает серьезным фактором риска для психического благополучия личности.

Таким образом, анализ современных исследований показывает, что перечисленные психологические феномены – одиночество, психологическое благополучие, удовлетворение базовых потребностей, социальный интеллект и безнадежность – играют важную роль в жизни человека. Актуальность дальнейшего изучения этих факторов обусловлена их значительным влиянием на психическое здоровье, качество жизни и социальное функционирование личности в современных условиях. Углублённое исследование взаимодействия данных переменных позволит лучше понять механизмы формирования благополучия и дезадаптации, а также разработать эффективные психопрофилактические и коррекционные меры.

Методы исследования

В качестве методик исследования использоовались Шкала психологического благополучия К. Рифф (RPWB), Тест социального интеллекта Н. Холла в модификации Г. Резапкиной, Общая шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (BPNSS), Шкала безнадежности Бека (BHS), Опросник переживания одиночества [11].

Выборка

В исследовании приняли участие 216 респондентов в возрасте от 19 до 60 лет (91,7% женщин, 8,3% мужчин).

Результаты исследования

Таблица 1

Взаимосвязь переживания одиночества и психологического благополучия

	Негативное чувство	Отрицание	Временное явление	Страх ответствен- ности	Духов- ное	Физичес- кое	С пере- оди
Позитивные отношения	-0,338**	-0,261**	-	-0,307**	- 0,524**	-0,312**	-С
Автономия	-0,440**	-	0,208**	-0,254**	- 0,391**	-0,358**	-С
Управление средой	-0,420**	-0,220**	-	-0,467**	- 0,515**	-0,399**	-С
Личный рост	-0,300**	-	0,276**	-0,228**	- 0,299**	-0,226**	-С
Цели в жизни	-0,410**	-0,214**	-	-0,474**	- 0,482**	-0,374**	-С
Самопринятие	-0,509**	-0,171*	-	-0,421**	- 0,557**	-0,453**	-С
Психологическое							

благополучие	-0,521**	-0,195**	0,143*	-0,466**	-0,608**	-0,446**	-С

Условные обозначения: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Негативное чувство одиночества имеет умеренные отрицательные взаимосвязи с позитивными отношениями ($r = -0,338$, $p < 0,01$), автономией ($r = -0,440$, $p < 0,01$), управлением средой ($r = -0,420$, $p < 0,01$), личностным ростом ($r = -0,300$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = -0,410$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = -0,509$, $p < 0,01$) и общим уровнем психологического благополучия ($r = -0,521$, $p < 0,01$). Это означает, что чем сильнее выражено негативное восприятие одиночества, тем ниже уровень всех аспектов психологического благополучия. Следовательно, восприятие одиночества через призму негативных чувств оказывает комплексное разрушительное воздействие на психологическое здоровье личности.

Отрицание одиночества характеризуется умеренными отрицательными взаимосвязями с позитивными отношениями ($r = -0,261$, $p < 0,01$), управлением средой ($r = -0,220$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = -0,214$, $p < 0,01$), а также слабой отрицательной взаимосвязью с самопринятием ($r = -0,171$, $p < 0,05$) и общим уровнем психологического благополучия ($r = -0,195$, $p < 0,01$). Это указывает на то, что чем активнее человек отрицает своё одиночество, тем меньше у него развиты позитивные отношения, способность к управлению жизненными обстоятельствами, жизненные ориентиры и принятие себя. Таким образом, отрицание одиночества связано с ухудшением социального функционирования и личностной интеграции.

Восприятие одиночества как временного явления показывает слабые положительные взаимосвязи с автономией ($r = 0,208$, $p < 0,01$), личностным ростом ($r = 0,276$, $p < 0,01$) и общим уровнем психологического благополучия ($r = 0,143$, $p < 0,05$). Это значит, что чем сильнее человек воспринимает одиночество как преходящее состояние, тем выше его способность к самоуправлению, стремление к развитию и общее чувство благополучия. Следовательно, позитивная интерпретация одиночества как временного этапа может играть защитную роль для психологического состояния.

Страх ответственности в контексте переживания одиночества имеет умеренные отрицательные взаимосвязи с позитивными отношениями ($r = -0,307$, $p < 0,01$), автономией ($r = -0,254$, $p < 0,01$), управлением средой ($r = -0,467$, $p < 0,01$), личностным ростом ($r = -0,228$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = -0,474$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = -0,421$, $p < 0,01$) и общим уровнем психологического благополучия ($r = -0,466$, $p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что чем сильнее страх ответственности, тем ниже уровень всех компонентов психологического благополучия. Следовательно, неспособность принять ответственность за свою жизнь усугубляет негативные последствия одиночества.

Духовное восприятие одиночества демонстрирует умеренные отрицательные взаимосвязи с позитивными отношениями ($r = -0,524$, $p < 0,01$), автономией ($r = -0,391$, $p < 0,01$), управлением средой ($r = -0,515$, $p < 0,01$), личностным ростом ($r = -0,299$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = -0,482$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = -0,557$, $p < 0,01$) и общим уровнем психологического благополучия ($r = -0,608$, $p < 0,01$). Это указывает на то, что чем сильнее одиночество воспринимается как духовный опыт без конструктивной переработки, тем ниже уровень психологического благополучия. Следовательно, переживание одиночества через духовную призму, без активной внутренней работы, может приводить к усилению депрессивных тенденций.

Физическое восприятие одиночества связано с умеренными отрицательными

взаимосвязями с позитивными отношениями ($r = -0,312$, $p < 0,01$), автономией ($r = -0,358$, $p < 0,01$), управлением средой ($r = -0,399$, $p < 0,01$), личностным ростом ($r = -0,226$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = -0,374$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = -0,453$, $p < 0,01$) и общим уровнем психологического благополучия ($r = -0,446$, $p < 0,01$). Это означает, что чем сильнее одиночество проявляется на физическом уровне, тем ниже все показатели психологического здоровья. Следовательно, соматизация одиночества усугубляет внутренние психологические трудности.

Общее переживание одиночества демонстрирует умеренные отрицательные взаимосвязи с позитивными отношениями ($r = -0,435$, $p < 0,01$), автономией ($r = -0,300$, $p < 0,01$), управлением средой ($r = -0,508$, $p < 0,01$), личностным ростом ($r = -0,217$, $p < 0,01$), целями в жизни ($r = -0,491$, $p < 0,01$), самопринятием ($r = -0,545$, $p < 0,01$) и общим уровнем психологического благополучия ($r = -0,544$, $p < 0,01$). Это говорит о том, что чем интенсивнее человек в целом переживает одиночество, тем ниже уровень всех компонентов его психологического благополучия. Следовательно, одиночество оказывает системное негативное влияние на психологическую сферу личности.

Результаты анализа показывают, что различные аспекты переживания одиночества имеют в основном отрицательные взаимосвязи с компонентами психологического благополучия. Особенно выраженное разрушительное влияние оказывают негативное чувство одиночества, страх ответственности и духовное восприятие одиночества. Напротив, восприятие одиночества как временного явления ассоциируется с относительно благоприятными характеристиками личности. Эти данные подчёркивают важность психологической интерпретации одиночества для поддержания или нарушения внутреннего благополучия человека.

Таблица 2

Взаимосвязь переживания одиночества и удовлетворенности базовых потребностей

	Негативное чувство	Отрицание	Временное явление	Страх ответствен- ности	Духов- ное	Физичес- кое	О пере оди
Автономия	-0,363**	-	-	-0,260**	- 0,447**	-0,303**	-0
Компетентность	-0,142*	-	-	-0,160*	- 0,212**	-0,162*	-0
Принадлежность	-	-0,235**	-	-0,207**	- 0,284**	-	-0

Условные обозначения: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Негативное чувство одиночества имеет умеренные отрицательные взаимосвязи с автономией ($r = -0,363$, $p < 0,01$) и слабые отрицательные взаимосвязи с компетентностью ($r = -0,142$, $p < 0,05$). Это означает, что чем сильнее выражено негативное восприятие одиночества, тем ниже удовлетворенность базовыми психологическими потребностями в автономии и компетентности. Следовательно, негативное переживание одиночества связано с ощущением неспособности контролировать свою жизнь и с занижением ощущения собственной эффективности.

Отрицание одиночества имеет умеренную отрицательную взаимосвязь с потребностью в принадлежности ($r = -0,235$, $p < 0,01$). Это значит, что чем активнее человек отрицает своё одиночество, тем ниже его удовлетворённость потребностью быть принятым и поддержанным в социальной группе. Следовательно, отрицание одиночества ведет к усилению социальной изоляции и снижению чувства принадлежности к сообществу.

Страх ответственности в контексте одиночества имеет слабые отрицательные взаимосвязи с автономией ($r = -0,260$, $p < 0,01$), компетентностью ($r = -0,160$, $p < 0,05$) и принадлежностью ($r = -0,207$, $p < 0,01$). Это говорит о том, что чем сильнее выражен страх ответственности, тем ниже удовлетворенность потребностями в автономии, компетентности и принадлежности. Следовательно, страх брать на себя ответственность снижает общий уровень удовлетворенности базовыми психологическими потребностями, препятствуя внутреннему росту и успешной социализации.

Духовное переживание одиночества имеет умеренные отрицательные взаимосвязи с автономией ($r = -0,447$, $p < 0,01$) и принадлежностью ($r = -0,284$, $p < 0,01$), а также слабую отрицательную взаимосвязь с компетентностью ($r = -0,212$, $p < 0,01$). Это указывает на то, что чем более выражено духовное восприятие одиночества, тем ниже удовлетворенность всеми основными базовыми потребностями. Следовательно, духовная интерпретация одиночества без конструктивной переработки может усиливать чувство отчуждённости, некомпетентности и отсутствия контроля над собственной жизнью.

Физическое переживание одиночества демонстрирует умеренные отрицательные взаимосвязи с автономией ($r = -0,303$, $p < 0,01$) и слабые отрицательные взаимосвязи с компетентностью ($r = -0,162$, $p < 0,05$). Это означает, что чем сильнее одиночество воспринимается на физическом уровне, тем ниже удовлетворение потребностями в автономии и компетентности. Следовательно, физическое проявление одиночества ассоциируется с снижением способности чувствовать себя самостоятельным и компетентным в окружающем мире.

Общее переживание одиночества имеет умеренные отрицательные взаимосвязи с автономией ($r = -0,371$, $p < 0,01$) и принадлежностью ($r = -0,248$, $p < 0,01$), а также слабую отрицательную взаимосвязь с компетентностью ($r = -0,141$, $p < 0,05$). Это говорит о том, что чем сильнее человек в целом переживает одиночество, тем ниже удовлетворенность потребностями в автономии, принадлежности и компетентности. Следовательно, глобальное чувство одиночества ослабляет удовлетворение базовых психологических потребностей, подрывая основы психологического благополучия.

Результаты анализа показывают, что негативные аспекты переживания одиночества, такие как страх ответственности, отрицание, физическое и духовное восприятие одиночества, имеют значимые отрицательные взаимосвязи с удовлетворённостью базовыми психологическими потребностями в автономии, компетентности и принадлежности. Особенно сильные отрицательные связи наблюдаются между духовным переживанием одиночества и автономией. Позитивная интерпретация одиночества как временного явления не оказывает существенного влияния на удовлетворение базовых потребностей. Эти данные подчёркивают, что переживание одиночества является важным фактором, ослабляющим базовую психологическую поддержку личности и влияющим на её внутреннее равновесие.

Таблица 3

Взаимосвязь переживания одиночества и социального интеллекта

	Негативное чувство	Отрицание	Временное явление	Страх ответствен- ности	Духов- ное	Физичес- кое
Самосознание	-0,257**	-	0,164*	-0,188**	- 0,281**	-0,239**
Саморегуляция	-0,461**	-0,143*	-	-0,191**	- 0,372**	-0,324**
Эмпатия	-	-	-	-	-	-
Коммуникабельность	-0,170*	-0,255**	-	-0,242**	- 0,285**	-
Самомотивация	-0,323**	-	0,203**	-	- 0,243**	-0,222**

Условные обозначения: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Негативное чувство одиночества имеет умеренные отрицательные взаимосвязи с самосознанием ($r = -0,257$, $p < 0,01$), саморегуляцией ($r = -0,461$, $p < 0,01$), коммуникабельностью ($r = -0,170$, $p < 0,05$) и самомотивацией ($r = -0,323$, $p < 0,01$). Это означает, что чем сильнее выражено негативное восприятие одиночества, тем ниже уровень самосознания, способности к саморегуляции, коммуникативных навыков и внутренней мотивации. Следовательно, негативные переживания одиночества ослабляют ключевые компоненты социального интеллекта, необходимые для эффективного взаимодействия с окружающим миром и поддержания внутреннего баланса.

Отрицание одиночества проявляет слабую отрицательную взаимосвязь с саморегуляцией ($r = -0,143$, $p < 0,05$) и умеренную отрицательную взаимосвязь с коммуникабельностью ($r = -0,255$, $p < 0,01$). Это указывает на то, что чем активнее человек отрицает своё одиночество, тем ниже его способность регулировать собственные эмоциональные состояния и тем слабее его коммуникативные умения. Следовательно, отрицание одиночества препятствует эффективному управлению своими эмоциями и затрудняет социальные контакты.

Восприятие одиночества как временного явления имеет слабые положительные взаимосвязи с самосознанием ($r = 0,164$, $p < 0,05$) и с самомотивацией ($r = 0,203$, $p < 0,01$). Это значит, что чем больше человек воспринимает своё одиночество как временное состояние, тем выше у него уровень осознанности собственных эмоций и мотивов, а также внутренняя мотивация к действию. Следовательно, позитивная интерпретация одиночества способствует поддержанию личностной активности и самопонимания.

Страх ответственности в контексте одиночества имеет слабые отрицательные взаимосвязи с самосознанием ($r = -0,188$, $p < 0,01$), саморегуляцией ($r = -0,191$, $p < 0,01$) и коммуникабельностью ($r = -0,242$, $p < 0,01$). Это свидетельствует о том, что чем сильнее страх ответственности, тем ниже уровень осознанности, умения регулировать своё поведение и способности устанавливать контакты с другими. Следовательно, страх ответственности негативно влияет на социальную адаптацию и внутреннюю управляемость человека.

Духовное восприятие одиночества имеет умеренные отрицательные взаимосвязи с самосознанием ($r = -0,281$, $p < 0,01$), саморегуляцией ($r = -0,372$, $p < 0,01$), коммуникабельностью ($r = -0,285$, $p < 0,01$) и слабую отрицательную взаимосвязь с

самотивацией ($r = -0,243$, $p < 0,01$). Это означает, что чем более выражено духовное восприятие одиночества без конструктивной переработки, тем ниже показатели социального интеллекта. Следовательно, уход в духовные переживания одиночества без рефлексии и активных действий ослабляет адаптивные способности личности в социальной среде.

Физическое переживание одиночества связано с умеренными отрицательными взаимосвязями с самосознанием ($r = -0,239$, $p < 0,01$), саморегуляцией ($r = -0,324$, $p < 0,01$) и слабой отрицательной взаимосвязью с самотивацией ($r = -0,222$, $p < 0,01$). Это значит, что чем сильнее одиночество воспринимается на уровне физических ощущений, тем ниже осознанность, способность к саморегуляции и внутренняя мотивация. Следовательно, соматизация одиночества приводит к снижению возможностей для эффективной социальной и личностной адаптации.

Общее переживание одиночества имеет умеренные отрицательные взаимосвязи с самосознанием ($r = -0,239$, $p < 0,01$), саморегуляцией ($r = -0,351$, $p < 0,01$), коммуникабельностью ($r = -0,282$, $p < 0,01$) и слабую отрицательную взаимосвязь с самотивацией ($r = -0,151$, $p < 0,05$). Это указывает на то, что чем сильнее человек в целом переживает одиночество, тем ниже его способность к осознанию себя, саморегуляции, эффективной коммуникации и внутренней мотивации. Следовательно, общее переживание одиночества оказывает комплексное негативное влияние на социальный интеллект.

Результаты анализа показывают, что негативные и духовные аспекты переживания одиночества особенно сильно снижают уровни самосознания, саморегуляции, коммуникабельности и самотивации. Восприятие одиночества как временного состояния, напротив, связано с повышением самосознания и внутренней мотивации. Эти данные подчёркивают, что характер интерпретации одиночества имеет решающее значение для состояния социального интеллекта личности и её способности к успешной социальной адаптации.

Таблица 4

Взаимосвязь переживания одиночества и безнадежности

	Негативное чувство	Отрицание	Временное явление	Страх ответствен- ности	Духов- ное	Физичес- кое	Об переж одио
Безнадежность	0,500**	-	-	0,406**	0,486**	0,376**	0,4

Условные обозначения: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Негативное чувство одиночества имеет умеренную положительную взаимосвязь с безнадежностью ($r = 0,500$, $p < 0,01$). Это означает, что чем сильнее человек испытывает негативные эмоции в связи с одиночеством, тем выше уровень его безнадежности. Следовательно, негативное восприятие одиночества тесно связано с формированием пессимистичных ожиданий относительно будущего и ощущением отсутствия выхода из сложившейся ситуации.

Страх ответственности в контексте одиночества имеет умеренную положительную взаимосвязь с безнадежностью ($r = 0,406$, $p < 0,01$). Это значит, что чем сильнее выражен страх ответственности за свою жизнь в ситуации одиночества, тем выше

ощущение безнадежности. Следовательно, избегание ответственности в контексте одиночества способствует усилению негативных прогнозов и снижению веры в возможность позитивных изменений.

Духовное восприятие одиночества демонстрирует умеренную положительную взаимосвязь с безнадежностью ($r = 0,486$, $p < 0,01$). Это означает, что чем более человек воспринимает своё одиночество через призму глубоких духовных переживаний, тем сильнее выражено чувство безнадежности. Следовательно, неотрефлексированные духовные переживания одиночества могут усиливать внутреннюю дисгармонию и чувство безысходности.

Физическое переживание одиночества связано с умеренной положительной взаимосвязью с безнадежностью ($r = 0,376$, $p < 0,01$). Это говорит о том, что чем сильнее одиночество проявляется на физическом уровне через телесные симптомы или ощущения, тем выше уровень безнадежности. Следовательно, соматизация одиночества усиливает восприятие будущего как безрадостного и труднопреодолимого.

Общее переживание одиночества имеет умеренную положительную взаимосвязь с безнадежностью ($r = 0,447$, $p < 0,01$). Это указывает на то, что чем интенсивнее человек в целом переживает одиночество, тем выше уровень его безнадежности. Следовательно, глобальное восприятие одиночества тесно связано с ощущением отсутствия жизненных перспектив и снижения психологической устойчивости. Эти данные подчёркивают, что интенсивное и негативное восприятие одиночества представляет собой значимый риск-фактор формирования чувства безысходности, ухудшающего психологическое здоровье личности.

Выводы

Анализ взаимосвязей между переживанием одиночества и основными психологическими показателями продемонстрировал комплексный характер влияния одиночества на состояние личности.

1. Было установлено, что негативное восприятие одиночества, страх ответственности, а также духовное и физическое восприятие одиночества оказывают преимущественно отрицательное воздействие на ключевые компоненты психологического благополучия, удовлетворенность базовых психологических потребностей, социальный интеллект и уровень безнадежности. Особый интерес представляют данные о духовном восприятии одиночества, которое, вопреки ожиданиям о возможном ресурсном потенциале, оказалось связано с ухудшением психологического состояния и усилением безнадежности.

2. Физическое восприятие одиночества также выступает как фактор, усугубляющий эмоциональные и когнитивные нарушения. Это подчёркивает важность позитивной когнитивной переработки переживания одиночества для поддержания психологической устойчивости личности.

3. Результаты исследования демонстрируют, что не само по себе одиночество определяет характер его влияния на личность, а особенности восприятия и интерпретации данного состояния. Негативная когнитивно-эмоциональная окраска одиночества является значимым предиктором снижения психологического благополучия, нарушений базовых потребностей, дефицитов социального интеллекта и роста безнадежности, тогда как позитивная установка на временность одиночества способствует сохранению внутреннего ресурса и адаптивности.

Полученные данные подчёркивают необходимость целенаправленной психологической работы с интерпретацией одиночества для профилактики его дезадаптивных последствий.

Библиография

1. Nguyen T. T., Lee E. E., Daly R. E., Wu T., Tang Y., Tu X., Van Patten R., Jeste D. V., Palmer B. W. Predictors of loneliness by age decade: Study of psychological and environmental factors in 2,843 community-dwelling Americans aged 20-69 years // Journal of Clinical Psychiatry. - 2020. - Vol. 81, no. 6. - Article e20m13378. DOI: 10.4088/jcp.20m13378 EDN: KKZZJM
2. Всемирная организация здравоохранения. WHO launches commission to foster social connection [пресс-релиз]. - 15 ноября 2023 г. - URL: <https://www.who.int/news/item/15-11-2023-who-launches-commission-to-foster-social-connection> (дата обращения: 01.05.2025).
3. Дубровина И. В. Феномен психологического благополучия в контексте социальной ситуации развития // Вестник практической психологии образования. - 2020. - Т. 17, № 3. - С. 9-21. EDN: YHWSRS
4. Солдатов Г. В., Шингаев С. М. Современные исследования психологического благополучия субъектов образования // Психология человека в образовании. - 2024. - Т. 6, № 3. - С. 288-299. DOI: 10.33910/2686-9527-2024-6-3-288-299 EDN: HVXDG Y
5. Deci E. L., Olafsen A. H., Ryan R. M. Self-determination theory in work organizations: The state of a science // Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior. - 2017. - Vol. 4, no. 1. - P. 19-43.
6. Райан Р. М., Деси Э. Л. Теория самодетерминации и поддержка внутренней мотивации, социальное развитие и благополучие / науч. пер. Р. А. Вороновой // Вестник Алтайского государственного педагогического университета. - 2003. - № 3(1). - С. 91-111.
7. Савенков А. И. Структура социального интеллекта // Современная зарубежная психология. - 2018. - Т. 7, № 2. - С. 7-15. DOI: 10.17759/jmfp.2018070201 EDN: OTTFLQ
8. Гарт З. Как социальный интеллект влияет на качество жизни и как развить его у ребёнка // Родительский университет [электронный ресурс]. - 15 июня 2024. - URL: <https://родительскийуниверситет.рф> (дата обращения: 01.05.2025).
9. Serafini G., Lamis D. A., Aguglia A., Amerio A., Nebbia J., Geoffroy P. A., Pompili M., Amore M. Hopelessness and its correlates with clinical outcomes in an outpatient setting // Journal of Affective Disorders. - 2020. - Vol. 263. - P. 472-479. DOI: 10.1016/j.jad.2019.11.144 EDN: ENBDHM
10. Karagöl A., Törenli Kaya Z. Healthcare workers' burn-out, hopelessness, fear of COVID-19 and perceived social support levels // The European Journal of Psychiatry. - 2022. - Vol. 36, no. 3. - P. 200-206. DOI: 10.1016/j.ejpsy.2022.01.001 EDN: XHAATG
11. Манакова Е. А. Опросник переживания одиночества // Сибирский психологический журнал. - 2018. - № 69. - С. 149-171. DOI: 10.17223/17267080/69/9 EDN: VAEUAV
12. Hui E. K. P. Self-determination as a psychological and positive youth development construct // The Scientific World Journal. - 2012. - Article ID 759358.
13. Chirkov V. Differentiating autonomy from individualism as independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientations and well-being // Теория детерминации. - 2003.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной на рецензирование работе выступает одиночество как психологическое явление, предметом – его взаимосвязь с личностными свойствами.

Актуальность исследования несомненна и подтверждается статистическими примерами, полученными автором в результате анализа работ по смежной тематике.

Новизна статьи находится в практической плоскости и выражается в рассмотрении достаточно популярной в наше время проблемы с позиций широкого ряда конкретных личностных взаимосвязей.

Статья имеет практический характер. Основным методом исследования выступает эксперимент, сопровождающийся обзорным теоретическим анализом проблемы, что полностью соответствует канонам практической статьи.

Работа имеет классическую структуру и состоит из содержательно взаимосвязанных теоретической и практической частей.

Теоретическая часть исследования, хотя и выполнена в обзорном стиле, на достаточном уровне содержательной ёмкости отражает подлежащие анализу феномены.

Практическая часть исследования посвящена детальному анализу взаимосвязи одиночества с обоснованными в теории социальным интеллектом, удовлетворением потребностей и психологическим благополучием как основными факторами в данном контексте.

При описании практической части заслуживает особого внимания то, что автор не просто представляет результаты математической обработки полученных данных, но и даёт качественную интерпретацию, акцентируя значение тех или иных результатов. Этим достигается локальная новизна работы.

Текст выполнен языком в полном соответствии с требованиями научного стиля с достаточным насыщением профессиональной терминологией. Список литературы с содержательной точки зрения соответствует требованиям и находит отражение на страницах работы.

Учитывая узкоспециализированный характер, работа будет интересна в первую очередь психологам-практикам в том числе для реализации консультативной деятельности, сопряжённой с преодолением проблем, связанных с одиночеством.

Заключение отличается высоким уровнем конкретики и отражает достигнутые результаты исследования.

Работа выиграла, если бы в ней в теоретической части была обозначена природа проблемы роста одиночества в условиях цифровой среды, которая, на первый взгляд, делая общение максимально доступным, должна способствовать, наоборот, решению этой проблемы.

Работа выиграла, если бы автор более подробно обосновал выборку, поскольку особенности переживания одиночества в 19 и в 60 лет различны и с наибольшей вероятностью обусловлены характеристиками жизненного пути на данных этапах.

Представленные замечания имеют рекомендательный характер и не отменяют понимания общего высокого качества работы.

Вывод: представленная статья является самостоятельным целостным исследованием, рассматривающим в исчерпывающей для работы такого формата мере узкоспециализированный вопрос. Текст выполнен с соблюдением всех требований, предъявляемых к трудам такого рода, представляет исследовательский интерес и может быть опубликован в рецензируемом журнале по психолого-педагогическому направлению.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Борозинец Д.В. Становление карьерной идентичности студентов колледжей педагогического профиля: личностные детерминанты и механизмы взаимодействия // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74541 EDN: CRZZAC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74541

Становление карьерной идентичности студентов колледжей педагогического профиля: личностные детерминанты и механизмы взаимодействия

Борозинец Даниил Владимирович

ORCID: 0009-0005-4157-9295

аспирант, институт педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет

123022, Россия, г. Москва, Пресненский р-н, Столярный пер., д. 16 стр. 1

✉ d.borozinetss@gmail.com

[Статья из рубрики "Профессиональная психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74541

EDN:

CRZZAC

Дата направления статьи в редакцию:

17-05-2025

Дата публикации:

24-05-2025

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме изучения личностных детерминант и механизмов взаимодействия, влияющих на становление карьерной идентичности студентов колледжей педагогического профиля. Несмотря на теоретическую проработку отдельных аспектов, остается недостаточно изученным комплексное влияние личностных показателей, таких как различные виды академической мотивации, карьерно-адаптационные способности и психологические установки в отношении обучения, на процесс становления карьерной идентичности будущих педагогов, включая характер опосредующих механизмов. Целью исследования выступило выявление психологических показателей, выступающих предикторами карьерной идентичности у будущих педагогов на завершающем этапе обучения, и характер их взаимосвязи. Объектом исследования

выступил процесс становления карьерной идентичности у студентов старших курсов, получающих среднее профессиональное образование по педагогическим направлениям. Предметом исследования явились личностные характеристики, выступающие предикторами становления карьерной идентичности у студентов педагогических колледжей. Выборка составила 102 респондента-студентов 3-их курсов педагогических колледжей. Использовался набор валидизированных психодиагностических опросников, направленных на диагностику психологических показателей карьерной идентичности, видов академической мотивации, карьерно-адаптационных способностей и психологических установок в отношении обучения. Статистическая обработка включала корреляционный, иерархический множественный регрессионный анализ и анализ эффектов прямых и косвенных медиаций. Научная новизна исследования заключается в уточнении комплексной взаимосвязи различных видов академической мотивации, карьерно-адаптационных способностей и психологических установок как прямых и опосредованных предикторов карьерной идентичности студентов педагогических колледжей. Установлено, что показатели мотивация самоуважения и карьерная адаптивность выступают положительными предикторами становления карьерной идентичности, тогда как интроецированная мотивация и воспринимаемые барьеры становления карьерной идентичности – отрицательными. Выявлены важные медиационные эффекты: барьеры развития полностью опосредуют связь между экстернальной мотивацией и карьерной идентичностью. Также интроецированная мотивация выступает медиатором во взаимосвязи между мотивацией саморазвития и карьерной идентичностью, причем трансформируется потенциально позитивное влияние стремления к саморазвитию в негативное. Полученные данные расширяют научные представления о психологических механизмах профессионального становления студентов педагогических колледжей и могут служить дополнительным источником научных данных для специалистов по разработке программ психолого-педагогической поддержки и сопровождения.

Ключевые слова:

карьерная идентичность, студенты колледжей, будущие педагоги, личностные детерминанты, академическая мотивация, карьерная адаптивность, профессиональное самоопределение, среднее профессиональное образование, барьеры развития, идентичность

Введение

Система среднего профессионального образования в последние годы обладает статусом стратегически важного сегмента образовательного сектора России, что закреплено в нормативно-правовых документах государственного уровня. Согласно «Стратегии национальной безопасности РФ», развитие среднего профессионального образования является необходимым ресурсом научно-технологического прогресса страны, направленным на подготовку квалифицированных специалистов.

Период обучения в колледже соответствует этапам раннего и собственно юношеского возраста. Как отмечал Б. Г. Ананьев, юношеский возраст представляет собой сензитивный период для развития основного социогенного потенциала человека, когда формируются оптимальные субъективные условия для навыков самообразовательной деятельности [\[1\]](#). Социально-психологический контекст профессионального самоопределения студентов колледжей осложняется тем, что современное поколение

юношества развивается в условиях того, что З. Бауман описал как «текучая реальность», характеризующаяся непостоянством и неуверенностью в будущем [2]. Данная ситуация усугубляется кризисом традиций и ценностей, особенно обострившимся в России в конце XX – начале XXI веков, что приводит к девальвации социокультурных образцов и затрудняет процесс профессионального становления молодежи.

Важно отметить и то, что обучающиеся колледжей в современных условиях преимущественно представляют собой молодежь «поколения Z», характеризующуюся включенностью в цифровую среду, клиповым мышлением, высокой адаптивностью к изменениям, ориентацией на быстрый результат, многозадачностью, но при этом сниженной концентрацией внимания и трудностями долгосрочного планирования, что требует особого внимания к их профессиональному становлению и самоопределению в системе среднего профессионального образования [3].

Теоретический анализ изучаемой темы

Концепт идентичности или «идентификация», первоначально введен в научный оборот З. Фрейдом [4], получил широкое распространение благодаря работам Э. Эриксона, предложившего наиболее детальную разработку данного феномена [5]. Сложность и многогранность понятия идентичности способствовали в формулировании универсальных определений. В частности, Э. Эриксон предложил описать идентичность посредством анализа её различных аспектов. Согласно его концепциям, эго-идентичность как способность к интеграции прошлых идентификационных этапов, индивидуальных компетенций и потенциала, предлагаемых социокультурной средой. Данный подход подчёркивает сознательное переживание субъектом собственной уникальности, внутренней непрерывности, гармонии и целостности своего «Я». Суть идентичности, согласно Э. Эриксону, заключается в ощущении осмысленности собственной жизни и признании этой осмысленности значимыми для индивида социальными группами. Это переживание согласованности и смысла в собственной жизни предполагает, что индивидуальная идентичность находит резонанс и признание в социальном контексте, важном для данного субъекта. Таким образом, идентичность предстаёт как динамический процесс интеграции личностных характеристик и социальных ролей, результатом которого становится сознательное и социально-одобряемое чувство «самоидентичности».

В рамках «Эриксоновской» концепции, процесс становления эго-идентичности демонстрирует значительное сходство с механизмом «обобщённого другого», описанным Дж. Мидом. Однако, Э. Эриксон локализует этот процесс преимущественно в бессознательной сфере психики. Критический подход Э. Эриксона к таким понятиям, как «самоконцепция», «самооценка» и «образ Я», подчеркивается Р. Бернсом [6]. Э. Эриксон отмечал их недостаточную динамичность, противопоставляя ей концепцию идентичности как непрерывно эволюционирующего, незавершенного образования, лишённого свойства статичности. Процесс онтогенеза идентичности, согласно Р. Бернсу, напоминает описанную К. Роджерсом самоактуализацию, представляя собой динамическую «кристаллизацию» представлений о себе, являющуюся основой для постоянного расширения самосознания и углубления самопознания [7].

С. Л. Рубинштейн утверждал о системном характере становления профессиональной идентичности, её включенность в более сложный процесс формирования самосознания и формирования личности. Субъектно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна

подчеркивает активную роль субъекта в идентичности [8]. В нашем исследовании это имеет смысл как то, что студенты не являются пассивными получателями знаний, а выступают активными участниками образовательного процесса. Также С. Л. Рубинштейн подчёркивал значимость феномена «сознательного самоопределения», идея которого заключается в активной роли самого человека в формировании собственной позиции по отношению к окружающему миру. Человек в результате своего развития учится не пассивно воспринимать реальность, а самостоятельно, осознавая выбор и конструируя свою систему ценностей, убеждений и действий, определяя тем самым характер своего взаимодействия с действительностью. Это активное, целенаправленное влияние на собственное восприятие и поведение, отражающее внутреннюю свободу и ответственность человека за свою жизнь. Н. В. Антонова и В. В. Белоусова, продолжая реализацию системного подхода, изучают динамические характеристики процесса самоопределения личности, как этапы: «идентификация», «интериоризация» и «осознание своих ориентиров», как результат личностных изменений в процессах кризиса идентичности [9].

Впервые термин «карьерная адаптивность» был использован Д. Сьюпером, он также определил следующие элементы карьерной адаптивности: ценность работы, способность управлять своей жизнью, рефлексивные навыки, наличие планов и перспектив в области карьеры, информированность о мире труда и профессий, особенности принятия решений, способность исследовать варианты развития [10]. Продолжая развивать концепцию Д. Сьюпера, М. Савикас (будучи его учеником) определил, что карьерная адаптивность включает в себя четыре компонента: заинтересованность, контроль, любознательность, уверенность [11]. В теории «Career Construction Theory» М. Савикас определяет карьерную адаптивность как совокупность индивидуальных поведенческих паттернов, компетенций и убеждений, направленных на поиск и интеграцию в подходящую профессиональную среду [12]. В отличие от Д. Сьюпера, который рассматривал профессиональное самоопределение как одномоментное решение, М. Савикас предлагает рассматривать профессиональное развитие как непрерывный процесс, длящийся всю жизнь. Таким образом, «Career Construction Theory» акцентирует внимание не только на выборе профессии, но и на постоянной адаптации и перестройке карьерного пути в соответствии с меняющимися обстоятельствами и потребностями личности.

Важный вклад в изучение адаптационных способностей профессионального самоопределения внесли S. A. Leung, J. Mo, M. Yuen, R. Cheung [13]. На выборке старшеклассников возраста от 15-ти лет в школе Гонконга авторы стремились понять, как готовность и ресурсы профессионального становления влияют на карьерное самоопределение с течением времени. В основе исследования лежала концепция М. Савикаса «Career Construction Theory» и его методика измерения карьерно-адаптационных способностей «CAAS». По результатам исследования оказалось, что гибкость интересов и гибкость компетенций являются значимыми предикторами карьерной адаптации, а общая карьерная идентичность демонстрирует незначительные дополнительные прогнозы в отношении карьерных критериев. Исследование также выявило положительную связь между смыслом жизни и ресурсами адаптивности. «Уверенность», как адаптационная способность продемонстрировала значимую роль в цепочке прямых и опосредованных эффектов с течением времени.

Также мы рассматриваем мотивационные процессы в карьерной идентичности. Автор теории «Ожидания-валентности» В. Врум утверждает, что мотивация зависит от двух

факторов: ожидания (вероятности достижения успеха при затраченных усилиях), инструментальности (связь между успехом и вознаграждением) и валентности (значимости вознаграждения для человека) [14]. В отношении к студентам колледжей, это значит, что для повышения мотивации важно дать понять студентам, что они способны достичь успеха в освоении профессии (ожидание), что их успехи приведут к желаемым результатам (инструментальность), и как эти результаты действительно важны для них (валентность) [15]. Теория самоопределения Э. Л. Диси и Р. М. Райана «Self-Determination Theory» представляет мотивацию как континуум, варьирующий от внешней к внутренней регуляции, выделяя четыре типа внешней регуляции: экстернальную, интроецированную, идентифицированную и интегрированную [16]. Согласно этой теории, самомотивация возникает тогда, когда человек испытывает чувство компетентности (способности успешно справляться с задачами), автономии (контроля над своей жизнью и выбором) и связанности (принадлежности к чему-то большему, чувства сопричастности). В профессиональном обучении студентов колледжей это означает, что для развития самомотивации стоит обратить внимание на создание условий, в которых студенты начинают ощущать свою компетентность при освоении профессиональных навыков, имеют возможность самостоятельного выбора и принятия решений, а также чувствуют поддержку и сотрудничество со стороны преподавателей или своих коллег (однокурсников).

Также мы опираемся на когнитивную теорию мотивации, которая подчеркивает роль познавательных процессов в формировании мотивации. Согласно этой теории, человек выбирает цели, планирует свою деятельность, контролирует прогресс и корректирует свои действия в зависимости от полученных результатов [17]. Для студентов колледжей это означает необходимость формирования навыков саморегуляции, планирования и осознания своих учебных результатов.

Теоретико-методологическое обоснование эмпирического исследования

Цель исследования заключается в выявлении показателей, влияющих на становление карьерной идентичности у студентов колледжей педагогических направлений на завершающем этапе обучения. В частности, исследование направлено на определение взаимосвязей академической мотивации, карьерно-адаптационных способностей и психологических установок в отношении обучения, как предикторов профессиональной идентичности будущих педагогов.

Объектом исследования выступает процесс становления карьерной идентичности у студентов старших курсов, получающих среднее профессиональное образование по педагогическим направлениям.

Предметом исследования являются личностные характеристики, выступающие предикторами становления карьерной идентичности у студентов педагогических колледжей, и характер их взаимосвязей.

В настоящем исследовании **проверена гипотеза**: возможно, что процесс становления карьерной идентичности у студентов педагогических направлений колледжей детерминруется комплексом взаимосвязанных личностных характеристик, среди которых: виды и свойства академической мотивации, уровень развития карьерно-адаптационных способностей и психологические установки в отношении обучения.

На основании общей гипотезы были сформулированы и проверены следующие **частные гипотезы**:

- возможно, что показатель барьеров карьерной идентичности может выступать медиатором в взаимосвязях между показателями академической мотивации и показателем карьерной идентичности;
- возможно, повышение уровня карьерной адаптивности и внутренней мотивации (мотивация самоуважения, саморазвития) положительно связано с формированием профессиональной идентичности у студентов педагогических направлений колледжей, в то время как внешние виды академической мотивации (интроецированная мотивация, экстернальная мотивация) могут оказывать отрицательное влияние на этот процесс.

Исследование разработано в рамках системного подхода к изучению профессиональной идентичности, позволяющего рассматривать феномен карьерной идентичности как интегративное личностное образование, формирующееся под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов. В настоящем исследовании осуществлен корреляционный дизайн, позволивший выявить значимые взаимосвязи между изучаемыми переменными и их вклад в изменения зависимой переменной (карьерная идентичность).

Концептуальной основой исследования выступили:

Системно-деятельностный подход С. Л. Рубинштейна в контексте профессионального становления, позволяющий рассматривать карьерную идентичность как динамичный, развивающийся феномен, формирующийся в процессе сознательного самоопределения личности на этапе профессионального обучения.

Подход к профессиональному становлению педагогов и их карьерной идентичности Л. М. Митиной, в котором описаны отдельные составляющие этапов в формирующейся профессиональной идентичности.

Теоретически и эмпирически обоснованная концепция «Career Construction Theory» М. Савикаса, в идее которой рассмотрение карьерной адаптивности как одного из ключевых предопределяющих конструкторов профессионального становления.

Теория самодетерминации «Self-Determination Theory» Э. Л. Диси и Р. М. Райана, раскрывающая механизмы трансформации внешних форм мотивации во внутренние и их роль в профессиональном становлении, включая особенности этих изменений в период юности.

Идеи Дж. Л. Холланда о личностных детерминантах в профессиональном самоопределении, конгруэнтности соответствия личных представлений человека о выбранной профессии.

Выборка исследования включила в себя студентов учебных заведений среднего профессионального образования (колледжи) Москвы в количестве 102 человек, обучающихся 3-их курсов по педагогическим направлениям. Возраст участников от 17 до 20 лет ($M = 18,6$; $SD = 0,7$). Сбор эмпирических данных осуществлялся методом поперечных срезов, в очной форме при помощи раздаточных материалов (бланков). Все участники были осведомлены о целях исследования, участие было добровольным и анонимным, что обеспечило соблюдение этических принципов психологического исследования и конфиденциальность респондентов.

В качестве психодиагностических инструментов использовались методики:

1. «Шкалы академической мотивации – ШАМ» (Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин, 2014) [\[18\]](#).

Шкалы: «Познавательная мотивация» – измеряет стремление к познанию нового, понимание изучаемого предмета, связанное с переживанием интереса и удовольствия в процессе обучения; «Мотивация достижения» – оценивает стремление добиваться максимально высоких результатов в учебе, испытывать удовольствие в процессе решения трудных задач; «Мотивация саморазвития» – измеряет выраженность стремления к развитию своих способностей, потенциала в рамках учебной деятельности, достижению ощущения мастерства и компетентности; «Мотивация самоуважения» – измеряет желание учиться ради ощущения собственной значимости и повышения самооценки за счет достижений в учебе; «Интроецированная мотивация» – оценивает побуждение к учебе, обусловленное ощущением стыда и чувства долга перед собой и другими значимыми людьми; «Экстернальная мотивация» – измеряет вынужденность учебной деятельности, обусловленную необходимостью следовать требованиям социума; «Амотивация» – оценивает отсутствие интереса и ощущения осмысленности учебной деятельности, что может свидетельствовать о кризисных явлениях в формировании профессиональной идентичности.

2. «Методика измерения карьерного самоопределения – МИКС» (А. Н. Дёмин, А. Б. Седых, Б. Р. Седых, 2017) [\[19\]](#).

Шкалы: «Профессиональная идентичность» – измеряет ясность и стабильность целей и самовосприятия человека в области карьеры. «Барьеры развития» – измеряет восприятие внешних и личностных препятствий для становления карьеры. «Потребность в информации» – измеряет потребность человека в дополнительных сведениях о возможностях трудоустройства и обучения.

3. Русскоязычная форма опросника М. Савикас, Э. Порфели «Шкала карьерно-адаптационных способностей» (Н. Г. Кондратюк, А. В. Бурмистрова-Савенкова, В. И. Моросанова, 2021) [\[20\]](#).

Шкалы: «Заинтересованность» – измеряет, насколько человек осознает свое профессиональное будущее и готовится к нему. Отражает временную перспективу профессионального развития. «Контроль» – измеряет степень принятия личной ответственности за развитие своей карьеры и осознаваемого контроля над своей профессиональной ситуацией и будущим. «Любознательность» – характеризует склонность и способность исследовать профессиональную среду, собирать информацию о типах работы и профессиональных возможностях. «Уверенность» – отражает осознаваемую самооффективность в решении профессиональных задач и способность успешно преодолевать препятствия в профессиональной деятельности. «Карьерная адаптивность» (интегративная шкала) – общий показатель, представляющий собой совокупность оценки поведения, компетенций и установок, направленных на готовность к профессиональной деятельности.

4. «Методика учебная лень, или Причины нежелания учиться» (Р. И. Суннатова, 2022) [\[21\]](#).

Шкалы: «Понимание учащимся значимости обучения в колледже для профессионального становления» – измеряет осознание связи между учебной деятельностью и будущей профессиональной реализацией. «Вера учащегося в свои возможности учиться» – диагностирует самооффективность и уверенность в собственных силах как компонент, связанный с преодолением нормативных кризисов и индивидуальной адаптацией. «Отношение к преодолению трудностей в учебе и профессиональном становлении» – выявляет готовность к преодолению препятствий, что отражает внутриличностные

психологические механизмы адаптации и мотивационные процессы. «Уровень развития познавательной потребности» – исследует внутреннюю мотивацию к профессиональному познанию.

Для обработки полученных данных исследования применена статистическая процедура: корреляционный анализ (по Спирмену, с построением матрицы корреляций и частных корреляций), анализ косвенных и прямых эффектов медиации, иерархический множественный регрессионный анализ. Обработка данных проводилась в программной среде JASP (Версия ПО: 19.3).

Результаты исследования

В настоящем исследовании осуществлена попытка ответить на исследовательский вопрос: «Какие факторы предсказывают направление развития профессиональной идентичности у будущих педагогов на 3-их курсах?». Это напрямую связано с задачами профессионального образования и психологического сопровождения студентов изучаемого направления и возрастной группы.

Для определения наиболее важных личностных качеств студентов, предсказывающих профессиональное самоопределение, была использована следующая организация этапов статико-математической обработки:

1. С помощью корреляционного анализа были выявлены общие взаимосвязи между различными факторами и показателем карьерной идентичности.
2. Отмечались эффекты медиации между переменными.
3. С использованием иерархического регрессионного анализа оценивалось влияние факторов возраста и личностных характеристик в рамках отдельных моделей.

На рисунке 1 и рисунке 2 приводится анализ общей ситуации значимых связей при помощи корреляционного анализа между переменными.

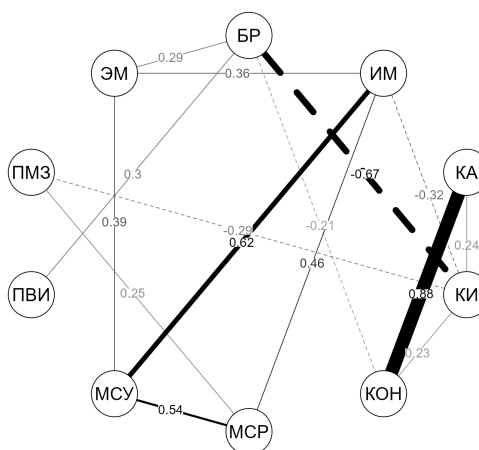

Рисунок 1 – Корреляции переменных по выборке студентов колледжей 3-их курсов педагогического направления ($N = 102$)

Примечание: КИ – Карьерная идентичность; БР – Барьеры развития; ПВИ – Потребность в информации; ИМ – Интроецированная мотивация; ЭМ – Экстернальная мотивация; ПМЗ – Понимание учащимися значимости обучения в колледже для профессионального становления; КОН – Контроль; МСУ – Мотивация самоуважения; КИ – Карьерная

идентичность; МСР – Мотивация саморазвития; КА – Карьерная адаптивность

Уровень показателя карьерной идентичности у студентов-будущих педагогов 3-их курсов тесно связан с низким уровнем воспринимаемых барьеров в развитии, с положительным контролем и карьерной адаптивностью. Внешние формы мотивации и амотивация, напротив, связаны с менее сформированной карьерной идентичностью. Интересна отрицательная связь с пониманием значимости обучения. Это может указывать на то, что чрезмерная рефлексия о значимости обучения может быть признаком неуверенности в профессиональном выборе. Возможно, студенты с уже сформированной идентичностью воспринимают обучение как естественный этап профессионального пути, не требующий постоянного обоснования.

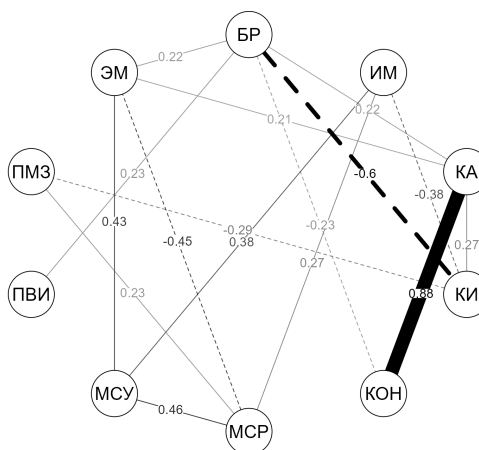

Рисунок 2 – Частные корреляции переменных по выборке студентов колледжей 3-их курсов педагогического направления ($N = 102$)

Примечание: КИ – Карьерная идентичность; БР – Барьеры развития; ПВИ – Потребность в информации; ИМ – Интроецированная мотивация; ЭМ – Экстернальная мотивация; ПМЗ – Понимание учащимися значимости обучения в колледже для профессионального становления; КОН – Контроль; МСУ – Мотивация самоуважения; КИ – Карьерная идентичность; МСР – Мотивация саморазвития; КА – Карьерная адаптивность

Отметим, что в результате проверки матрицы корреляций на мультиколлинеарность предполагаемых предикторов и во время проверки частных корреляций были статистически установлены эффекты медиации. В таблице 1 представлены результаты анализа эффектов взаимодействия переменных на показатель карьерной идентичности.

Таблица 1 – Анализ эффектов медиации отдельных показателей в выборке студентов-будущих педагогов 3-их курсов

Тип	Пути	Остатки	Стандартная ошибка (SE)	β	Z	p
Косвенный эффект	ЭМ $\Rightarrow$ БР $\Rightarrow$ КИ	-0,499	0,189	-0,181	-2,640	0,008
Компонент	ЭМ $\Rightarrow$ БР	0,294	0,106	0,270	2,774	0,006
	БР $\Rightarrow$ КИ	-1,700	0,198	-0,670	-8,582	<,001
Прямой эффект	ЭМ $\Rightarrow$ КИ	0,027	0,215	0,010	0,123	0,902
Косвенный эффект	МСР $\Rightarrow$ ИМ $\Rightarrow$ КИ	-0,658	0,247	-0,160	-2,664	0,008

Компонент	МСП $\Rightarrow$ ИМ	0,492	0,099	0,460	4,993	<,001
	ИМ $\Rightarrow$ КИ	-1,338	0,425	-0,348	-3,149	0,002
Прямой эффект	МСП $\Rightarrow$ КИ	0,247	0,455	0,060	0,543	0,587

Примечание: КИ – Карьерная идентичность; БР – Барьеры развития; ЭМ – Экстернальная мотивация; МСП – Мотивация саморазвития; ИМ – Интроецированная мотивация

Результаты анализа указывают на наличие полной медиации интроецированной мотивации. Стремление студентов-педагогов к саморазвитию положительно связано с развитием у них интроецированной мотивации. Возможно, желание развиваться в профессии у некоторых студентов трансформируется в ощущение «я должен учиться», «от меня этого ждут», что характерно для интроекции. Однако, сама по себе интроецированная мотивация негативно сказывается на формировании карьерной идентичности. Мотивация, основанная на внешнем давлении, чувстве вины или погоне за одобрением, по-видимому, мешает студентам развить четкое, осознанное и внутренне принятое представление о себе как о будущем профессионале, то есть сформировать прочную карьерную идентичность. Для нашей выборки студентов-будущих педагогов завершающего курса обучения стремление к саморазвитию, проходящее через «фильтр» интроецированной мотивации, не способствует, а скорее препятствует формированию карьерной идентичности. Интроецированная мотивация выступает как нежелательный посредник: она «поглощает» позитивный потенциал мотивации саморазвития и трансформирует его влияние на карьерную идентичность в негативное.

Результаты анализа показывают, что барьеры развития полностью опосредуют связь между экстернальной мотивацией и карьерной идентичностью у студентов-будущих педагогов 3-их курсов. Студенты, которые учатся преимущественно под влиянием внешних стимулов (например, ради оценок, избегания критики, по требованию родителей – высокая экстернальная мотивация), склонны видеть больше препятствий и трудностей на своем профессиональном пути. В свою очередь, восприятие этих барьеров сильно и негативно сказывается на формировании их профессиональной идентичности, то есть на осознании себя будущим педагогом и построении профессиональных планов. Отрицательный эффект внешней мотивации на профессиональное самоопределение проходит через «фильтр» барьеров развития карьерной идентичности. Отдельно экстернальная мотивация не оказывает прямого отрицательного (или положительного) влияния на карьерную идентичность, когда мы не рассматриваем эффект взаимодействия с воспринимаемыми барьерами развития карьерной идентичности.

Перейдём к анализу моделей проведённого иерархического регрессионного анализа предикторов карьерной идентичности будущих педагогов 3-их курсов (Таблица 2).

Таблица 2 – Вклад отдельных переменных в общий уровень карьерной идентичности (иерархический регрессионный анализ, представлены статистически значимые модели)

Независимые переменные	R^2	ΔR^2	β	t	p
Модель 5: $F = 2,956$; $p = 0,007$					
Возраст	0,253	0,167	-0,726	-0,527	0,600
ПМЗ			-0,544	-1,867	0,066
МСП			-0,276	-0,513	0,609
ИМ			-1,477	-2,608	0,011
ЭМ			-0,296	-0,823	0,413

	β	β	β	β	β
МСУ			0,821	1,954	0,055
КА			0,153	1,173	0,245
КОН			0,099	0,241	0,810
Модель 6: $F = 8,460$; $p < ,001$					
Возраст	0,554	0,489	0,114	0,105	0,917
ПМЗ			-0,330	-1,427	0,158
МСР			0,235	0,543	0,589
ИМ			-1,370	-3,074	0,003
ЭМ			0,150	0,519	0,606
МСУ			0,283	0,826	0,412
КА			0,209	2,034	0,046
КОН			-0,235	-0,715	0,477
БР			-1,498	-6,382	<,001
ПВИ			-0,205	-1,073	0,287

Примечание: КИ – Карьерная идентичность; БР – Барьеры развития; ИМ – Интроецированная мотивация; ПМЗ – Понимание учащимися значимости обучения в колледже для профессионального становления; ЭМ – Экстернальная мотивация; МСУ – Мотивация самоуважения; ПВИ – Потребность в информации; МСР – Мотивация саморазвития; КА – Карьерная адаптивность; КОН – Контроль

Модели строились иерархически, нами добавлялись блоки предикторов: добавлена переменная «возраст» ⇒ добавлены переменные измеряющие отношение к обучению (понимание значимости обучения) ⇒ добавлено взаимодействие типов академической мотивации (мотивация саморазвития, интроецированная) ⇒ добавлена экстернальная мотивация ⇒ добавлена мотивация саморазвития ⇒ добавлены карьерно-адаптационные способности (контроль, карьерная адаптивность) ⇒ добавлены индикаторы протекания карьерной идентичности (барьеры развития карьерной идентичности и потребность в информации).

Показатель зависимой переменной «карьерная идентичность» у студентов-педагогов 3-их курсов выборке в значительной степени (около 49% объяснённой дисперсии) определяется ключевыми факторами, влияющими на формирование карьерной идентичности в данной группе. Ключевыми факторами, положительно связанными с карьерной идентичностью, является мотивация самоуважения и карьерная адаптивность. Готовность к профессиональной деятельности и мотивации к развитию своих компетенцию в обучении и в вопросах будущей профессии помогает студентам 3-их курсов колледжей повысить профессиональную идентичность, даже при наличии других неблагоприятных факторов. Ключевыми факторами, отрицательно связанными с карьерной идентичностью, являются:

1. Интроецированная мотивация – деятельность из чувства долга или вины.
2. Воспринимаемые барьеры развития – ощущение препятствий на пути профессионального становления.

Другие рассмотренные факторы, включая возраст, понимание значимости обучения, мотивацию саморазвития, экстернальную мотивацию, мотивацию самоуважения, контроль и потребность в информации, не показали уникального значимого вклада в предсказание карьерной идентичности в контексте финальной модели, включающей все переменные.

Обратив внимание на 5-ую модель стоит добавить, что тенденции значимости, наблюдавшиеся для показателя понимания значимости обучения для профессионального становления и мотивация самоуважения в модели 5, стали абсолютно незначимы в 6-ой модели. Это может означать, что их слабое влияние было опосредовано или подавлено более сильными предикторами.

Обсуждение результатов

Анализ современных исследований позволяет сделать заключение, что полученные результаты в значительной степени согласуются с имеющимися данными о факторах, влияющих на формирование профессиональной идентичности студентов колледжей, в частности, педагогических направлений. В исследованиях Л. М. Митиной было установлено, что педагогическая идентичность формируется через прохождение нескольких стадий: "...адаптация, становление, стагнация." [\[22, с. 15\]](#). Мотивация самоуважения, которая в нашем исследовании показала положительную связь с карьерной идентичностью, оказалась особенно важной для студентов-педагогов в период переоценки профессии и адаптации (на старшем курсе).

Полученные результаты соотносятся с концепцией «Self-Determination Theory» Р. М. Райана и Э. Л. Деси. Интроецированная регуляция рассматривается как форма внешней мотивации, при которой внешние требования интернализуются, но не принимаются как собственные. Это часто связано с внутренним напряжением, тревогой и снижением автономии, что препятствует формированию аутентичной и стабильной идентичности.

В исследовании Н. Chen, S. Fiorini установлено, что карьерная адаптивность положительно и напрямую связана с развитием профессиональной идентичности у молодых людей. Это подтвердилось нами в результатах иерархического регрессионного анализа [\[23\]](#). Также соответствие результатов прослеживается с зарубежным исследованием A. Assor, A. Vansteenkiste, A. Kaplan, где установлена взаимосвязь между интроецированной мотивацией и эмоциональным выгоранием, что негативно сказывается на профессиональном самоопределении [\[24\]](#).

Наши результаты соответствуют социально-когнитивной теории карьеры «Social Cognitive Career Theory» авторов R. W. Lent, S. D. Brown, которые эмпирически подтвердили и описали в результатах, что восприятие барьеров в профессиональном развитии имеет как объективную, так и субъективную составляющие [\[25\]](#). Авторы обнаружили, что студенты с более выраженной внешней мотивацией склонны переоценивать внешние барьеры, в то время как студенты с внутренней мотивацией чаще фокусируются на преодолении этих барьеров. Это отразилось и в наших результатах, показывающих роль барьеров как медиатора между экстеральной мотивацией и карьерной идентичностью.

Выводы

Результаты нашего исследования подтвердили общую гипотезу о том, что процесс становления карьерной идентичности у студентов педагогических направлений колледжей на завершающем этапе обучения детерминируется комплексом взаимосвязанных показателей. Стремление студентов к повышению самооценки через учебные достижения и мотивация к развитию своих компетенций в обучении и в вопросах будущей профессии, вносят существенный вклад в осознание себя как будущего профессионала. Напротив, интроецированная мотивация, характеризующаяся мотивации учебной деятельности из чувства долга или вины, а также воспринимаемые барьеры развития карьерной идентичности, то есть ощущение студентами внешних и

внутренних препятствий на пути профессионального становления, выступают значимыми отрицательными предикторами.

Проверка частных гипотез позволила сделать следующие выводы:

1. Подтвердилась гипотеза о том, что показатель барьеров карьерной идентичности выступает медиатором во взаимосвязях между академической мотивацией и карьерной идентичностью. Эмпирически установлено, что барьеры развития являются медиатором (прямой значимый эффект) в отношениях между экстернальной мотивацией и карьерной идентичностью. Показано, что негативное влияние внешней мотивации (обусловленной стремлением к вознаграждению или же избеганию наказания) на профессиональную идентичность реализуется не напрямую, а в связи с усилением восприятия студентами препятствий на пути их профессионального становления.
2. Гипотеза о том, что уровень показателя карьерной адаптивности и показателя внутренней мотивации (мотивация самоуважения, саморазвития) положительно связан с формированием профессиональной идентичности, в то время как внешние виды академической мотивации (интроецированная, экстернальная) могут оказывать отрицательное влияние, подтвердилась частично и с некоторыми уточнениями. Карьерная адаптивность и мотивация самоуважения продемонстрировали значимую положительную связь с карьерной идентичностью. Интроецированная мотивация оказала прямое отрицательное влияние. Экстернальная мотивация, как уже отмечалось, влияет отрицательно, но опосредованно. Уточнением в гипотезе является эффект взаимодействия с мотивацией саморазвития: установлено, что интроецированная мотивация полностью опосредует связь между мотивацией саморазвития и карьерной идентичностью, причём таким образом, что потенциально позитивное влияние стремления к саморазвитию трансформируется в негативное.

Заключение

Настоящее исследование вносит вклад в научное понимание психологических механизмов становления карьерной идентичности у студентов педагогических колледжей, раскрывая систему взаимосвязей между типами академической мотивации, карьерно-адаптационными способностями и барьерами профессионального развития. Полученные данные расширяют теоретические представления о роли интроецированной мотивации как медиатора, трансформирующего влияние стремления к саморазвитию на формирование профессиональной идентичности, а также о механизмах опосредования внешней мотивации через восприятие барьеров развития.

Библиография

1. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. 3-е изд. М. [и др.]: Питер, 2010. 282 с. EDN: QXABYZ.
2. Бауман З. Текучая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с. EDN: QOABEJ.
3. Морозова И. А., Шевченко С. А., Кузьмина Е. В. Абитуриент вуза как представитель поколения Z: личностные качества и ценностные ориентиры // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2023. Т. 42, № 1. С. 90-104. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-90-104. EDN: CGEIQD.
4. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого "Я". СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 192 с.
5. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. А. В. Толстых; общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Издательская группа "Прогресс", 1996. 350 с.
6. Бернс Р. Что такое Я-концепция / под. ред. Д. Я. Райгородский. Самара: Бахрах М,

2003. С. 65-96.

7. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека / пер. с англ. М. М. Исениной; под ред. Е. И. Исениной. М.: Прогресс, 1994. 480 с.

8. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2018. 713 с.

9. Антонова Н. В., Белоусова Н. В. Самоопределение как механизм развития идентичности // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология. 2011. № 2. С. 79-92. EDN: OGKBET.

10. Super D. E. A life-span, life-space approach to career development // Journal of vocational behavior. 1980. Vol. 18. P. 282-298. DOI: 10.1016/0001-8791(80)90056-1.

11. Savickas M. L. Career construction theory and practice // Career development and counseling: Putting theory and research to work / eds. R. W. Lent, S. D. Brown. 2nd ed. John Wiley & Sons Inc., 2013. P. 147-183.

12. Savickas M. L., Porfeli E. J. Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries // Journal of Vocational Behavior. 2012. Vol. 80, № 3. P. 661-673. DOI: 10.1016/j.jvb.2012.01.011.

13. Leung S. A. et al. Testing the career adaptability model with senior high school students in Hong Kong // Journal of Vocational Behavior. 2022. Vol. 139. P. 103808. DOI: 10.1016/j.jvb.2022.103808. EDN: QBCVDN.

14. Vroom V. H. Work and motivation / V. H. Vroom. New York: Wiley, 1964. 331 p.

15. Ефимова А. Д., Шадрина А. В. Подходы зарубежных авторов к определению и теориям мотивации сотрудников в организации // Вестник науки. 2025. Т. 4. № 3 (84). С. 21-33. EDN: LTYFAY.

16. Deci E. L. The "What" and "Why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological inquiry. 2020. Vol. 11. P. 227-268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.

17. Landau M. J., Keefer L. A., Oyserman D. et al. The college journey and academic engagement: How metaphor use enhances identity-based motivation // Journal of Personality and Social Psychology. 2014. Vol. 106, № 5. P. 679-698. DOI: 10.1037/a0036414.

18. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Опросник "Шкалы академической мотивации" // Психологический журнал. 2014. Т. 35, № 4. С. 96-107. DOI: 10.17759/pse.2017220206. EDN: SJVWLN.

19. Дёмин А. Н., Седых А. Б., Седых Б. Р. Стандартизация методики измерения карьерного самоопределения // Российский психологический журнал. 2017. Т. 14. № 2. С. 151-170. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.9. EDN: YUSGPL.

20. Кондратюк Н. Г. Бурмистрова-Савенкова А. В., Моросанова В. И. Шкала карьерно-адаптационных способностей М. Савикаса и Э. Порфели: психометрические характеристики русскоязычной версии на выборке подростков // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18, № 3. С. 555-575. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-555-575. EDN: EQRQDF.

21. Суннатова Р. И. Феномен учебной лени старшеклассников и удовлетворенность отношением значимых взрослых и одноклассников // Перспективы науки и образования. 2022. № 1(55). С. 410-425. DOI: 10.32744/pse.2022.1.26. EDN: HRVECW.

22. Митина Л. М. Психология личностно-профессионального развития субъектов образования. СПб.: Нестор-История, 2014. 376 с. EDN: WNSCOZ.

23. Chen H., Fiorini S. R., Feng J., Li Y., Lu Y., Sun M. How Does Career Adaptability Predict Professional Identity Among Young Adults? The Mediation Role of Future Work Self and the Moderation Role of Perceived Social Support // Journal of Career Development. 2020. Vol. 47, № 4. P. 419-433.

24. Assor A., Vansteenkiste M., Kaplan A. Identified versus introjected approach and

avoidance motivations in school and in sports: The limiting role of introjection for performance and psychological well-being // Handbook of motivation at school / K. R. Wenzel, A. Wigfield. New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2009. P. 523-543.

25. Lent R. W., Brown S. D. Social cognitive career theory at 25: Empirical status of the interest, choice, and performance models // Journal of Vocational Behavior. 2019. Vol. 115. Art. 103316. DOI: 10.1016/j.jvb.2019.06.004.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является становление карьерной идентичности студентов колледжей педагогического профиля в контексте личностных детерминант и механизмов взаимодействия.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, опросный метод, а также, как отмечается в статье, были применены методики: «Шкалы академической мотивации – ШАМ» (Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин)», «Методика измерения карьерного самоопределения – МИКС» (А. Н. Дёмин, А. Б. Седых, Б. Р. Седых)», «Русскоязычная форма опросника М. Савикас, Э. Порфели «Шкала карьерно-адаптационных способностей» (Н. Г. Кондратюк, А. В. Бурмистрова-Савенкова, В. И. Моросанова)», «Методика учебная лень, или Причины нежелания учиться» (Р. И. Суннатова)», методы описательной статистики и статистические процедуры.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях развития системы образования в России среднее профессиональное образование начинает занимать одно из ведущих мест, так как именно оно осуществляет подготовку высококвалифицированных и востребованных специалистов для реального сектора экономики. Однако специфика педагогического направления в обучении, возраст обучающихся в колледжах, их социальная и семейная среда в своей совокупности оказывают определенное влияние на их карьерную идентичность и успешность построения карьеры в этой сфере. С этих точек зрения изучение становления карьерной идентичности студентов колледжей педагогического профиля в контексте личностных детерминант и механизмов взаимодействия представляет научный интерес в сообществе ученых.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение показателей, влияющих на становление карьерной идентичности студентов колледжей педагогического профиля в контексте личностных детерминант и механизмов взаимодействия. В исследовании приняли участие 102 студента среднего профессионального образования, обучающиеся в колледжах Москвы по педагогическим направлениям.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией полученных результатов исследования.

Структура статьи в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, теоретический анализ изучаемой темы, организация эмпирического исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, характеризующие ряд показателей, детерминирующих карьерную идентичность студентов педагогических направлений среднего профессионального образования.

Библиография содержит 25 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперидические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные аспекты карьерной идентичности студентов и ее особенности. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании в заключении сделаны выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается взаимосвязь карьерной идентичности студентов колледжей, обучающихся на педагогических направлениях с рядом показателей, подробно проанализированных и описанных в ходе исследования.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и специалистами организаций среднего профессионального образования, в том числе педагогических направлений, работниками центров карьеры и профессиональной ориентации молодежи, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что можно было более подробно описать именно методологию исследования, а не только описать процесс организации эмпирического исследования, а выводы целесообразно было бы представить отдельно перед заключением, а не прописывать их в рамках самого заключения, поскольку именно оно создает впечатление законченности и логической завершенности исследования. Кроме того, как указано на портале «Грамота.ру», «обозначение города («г.») может не проставляться перед названиями городов федерального значения: Москва и Санкт-Петербург...», а в тексте статьи при описании выборке указано «... заведений среднего профессионального образования (колледжи) г. Москвы...». Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям изложения и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объектом исследования в представленной на рецензирование статье выступает карьерная идентичность студентов педагогического профиля, предметом – детерминирующие её механизмы.

Актуальность исследования обусловлена противоречием между высокой социальной значимостью педагогической профессии и не самой высокой её популярностью у современного поколения. Это мотивирует анализ механизмов становления профессиональной идентичности будущего педагога для её дальнейшего укрепления и развития.

С методологической точки зрения работа сочетает в себе теоретический анализ и

практический эксперимент.

Актуальность исследования выполнена автором на очень хорошем уровне: нормативная база удачно сочетается с научными положениями, а также отмечается, что современные цифровые условия не способствуют развитию навыков долгосрочного планирования молодежи. Это предполагает противоречие, поскольку профессиональное развитие не может осуществляться без долгосрочного планирования, что усиливает актуальность исследования.

В теоретической части на очень хорошем уровне осуществлён обзор пониманий и представлений, отражающих генезис понятия идентичности с плавным переходом к рассмотрению профессионального самоопределения, что заслуживает особого внимания.

Методологическая часть исследования выполнена качественно, поскольку обоснована теоретическая база, выборка, а также представлен подробный обзор конкретных методик исследования с описанием их отдельных функций и потенциальных результатов. Заслуживает внимания подробная интерпретация результатов по ходу описания экспериментальной работы, что облегчает восприятие текста по сравнению с ситуацией, когда она представлена отдельным блоком в завершении.

Заключительная часть содержит основные результаты исследования, отраженные на хорошем уровне содержательной ёмкости, заслуживает внимания качественное табличное представление данных.

Текст выполнен с полным соблюдением требований языка научного стиля. Список литературы соответствует содержательным требованиям и находит отражение на страницах работы.

Статья может вызвать интерес у весьма широкой аудитории, поскольку содержит не только ценные с практической точки зрения результаты, но и качественно проработанный теоретический материал, который может быть использован в содержательной основе, например, квалификационных работ

По работе имеются в основном структурные замечания.

Мы полагаем, что в исследовании в формате статьи излишне отдельно выделять заключение и выводы в качестве двух самостоятельных разделов.

Мы полагаем, что выделение частных гипотез в составе общей гипотезы в исследовании в формате журнальной статьи излишне. В целом гипотеза больше свойственна монографии или диссертации. В статье же соотношение ожиданий и результатов можно просто отразить в выводах.

Это не отменяет понимание того, что текст представляет собой самостоятельное целостное произведение высокого качества, в котором практическое исследование реализовано на фоне проработки теоретического материала. Со структурной и содержательной точки зрения работа соответствует требованиям, предъявляемым к трудам подобного рода, рассматривает актуальную проблему, содержит профессионально-научную новизну и может быть рекомендована для публикации в рецензируемом журнале по психолого-педагогическому направлению.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Коршикова М.А., Тенюшев Б.И., Коваль Н.А. Типы карьерных представлений и их связь с уверенностью в себе у будущих педагогов // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74615 EDN: KTNRPW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74615

Типы карьерных представлений и их связь с уверенностью в себе у будущих педагогов

Коршикова Мария Алексеевна

ORCID: 0009-0003-5207-7069

аспирант; кафедра Возрастная и педагогическая психология; Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина

392036, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

✉ korshikovama@gmail.com

Тенюшев Борис Иванович

ORCID: 0000-0003-0504-2368

кандидат психологических наук

профессор; кафедра Возрастная и педагогическая психология; Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

392036, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

✉ btenushev@mail.ru

Коваль Нина Александровна

ORCID: 0000-0003-3332-4653

доктор психологических наук

профессор, зав. кафедрой; кафедра Возрастная и педагогическая психология; Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

392036, Россия, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33

✉ kafspsey@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология развития"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74615

EDN:

KTNRPW

Дата направления статьи в редакцию:

23-05-2025

Дата публикации:

30-05-2025

Аннотация: Объектом данного исследования выступают карьерные представления юношей и девушек, обучающихся профессии педагога, предметом – связь типов карьерных представлений с компонентами уверенности в себе у будущих педагогов. Цель исследования состоит в выявлении влияния уверенности в себе и ее компонентов на развитие типов карьерных представлений у будущих педагогов. Результатами работы являются данные о развитии отдельных типов карьерных представлений и компонентов уверенной в себе личности, а также связей между ними у юношей и девушек, будущих педагогов. Они могут стать основой для организации дальнейших исследований по проблеме развития карьерных представлений и уверенности в себе, а также практической работы по диагностике и развитию карьерных представлений и уверенности в себе у юношей и девушек. В работе использованы специально разработанная методика диагностики типов карьерных представлений; комплекс методик для диагностики компонентов уверенной в себе личности; методы математической статистики для обработки и анализа эмпирических данных. Новизна исследования состоит в выявлении возрастных особенностей в развитии типов карьерных представлений и установлении влияния уверенности в себе и ее психологических компонентов на развитие различных типов карьерных представлений у юношей и девушек. Полученные в работе результаты приводят к следующим выводам: 1) у юношей и девушек, будущих педагогов, более всего развиты аттрактивный, социально-ориентированный, аффилиативный и авторитарный типы карьерных представлений и менее всего развиты прагматический и глористический типы; 2) все типы карьерных представлений у них в той или иной мере нуждаются в дальнейшем развитии; 3) у будущих педагогов наибольшую роль в развитии карьерных представлений играет самооценка способностей, затем по степени убывания этой роли идут оптимизм, самоэффективность, надежда, жизнестойкость, и автономная каузальная ориентация, склонность к риску и толерантность к неопределенности.

Ключевые слова:

юношеский возраст, будущий педагог, карьерные представления, типы карьерных представлений, уверенность в себе, компоненты уверенности, особенности уверенности, карьера, представление, профессия педагога

Введение

Исследование имеет социальную, научную и практическую актуальность. В социальном отношении данное исследование связано с решением проблемы развития оптимальных карьерных представлений у современных юношей и девушек, обучающихся профессии педагога, что важно для стабилизации в будущем молодых педагогов в их профессии. Известно, что в образовательных учреждениях наблюдается довольно высокая текучесть педагогических кадров, в том числе среди молодых специалистов, которая обусловлена снижением престижа профессии педагога в обществе, сравнительно низким уровнем оплаты труда, неравномерностью уровня оплаты труда по регионам, агрессивными

проявлениями со стороны учащихся и их родителей и другими причинами. Еще одной важной причиной этого, на наш взгляд, являются неоптимальные карьерные представления будущих педагогов, которые формируются стихийно и не раскрывают всех положительных сторон профессии педагога, что в дальнейшем приводит к низкой удовлетворенности педагога своей профессией.

В научном отношении тема данной работы связана с изучением более широкой и актуальной проблемы влияния личностных особенностей юношей и девушек на формирование у них карьерных представлений. В нашей работе исследуется влияние такой личностной особенности на формирование карьерных представлений у будущих педагогов, как уверенность личности в себе. Необходимость проведения такого исследования диктуется тем, что, с одной стороны, в психологической науке до сих пор нет общепринятого определения того, что такое карьерное представление и уверенность в себе, не установлены компоненты данных феноменов. С другой стороны, недостаточно исследована связь между этими феноменами.

В практическом плане актуальность данного исследования вытекает из необходимости разработки методов диагностики и развития карьерных представлений и уверенности личности в себе у юношей и девушек в ходе прохождения ими текущего этапа возрастного развития в условиях обучения в вузе. Имеющиеся методы разработаны либо на основе глобального подхода к рассмотрению карьерных представлений и уверенности личности в себе, либо на основе выделения какого-либо одного аспекта конкретного феномена. Мы полагаем, что здесь необходим системный подход, требующий рассмотрения изучаемых феноменов как сложных психических образований, состоящих из взаимосвязанных друг с другом компонентов, согласованное действие которых обеспечивает реализацию целостной системой своих регуляторных функций в деятельности и поведении субъекта. Разрабатываемые методы должны быть такими, чтобы они обеспечивали диагностику и развитие карьерных представлений и уверенности в себе в целом и их компонентов по отдельности.

Объектом исследования выступают карьерные представления юношей и девушек, обучающихся профессии педагога.

Предмет исследования – связь типов карьерных представлений и компонентов уверенности в себе у будущих педагогов.

Цель исследования – выявить влияние уверенности в себе на особенности карьерных представлений у будущих педагогов.

В основе нашего исследования лежат следующие гипотезы:

1. Имеются возрастные особенности в развитии типов карьерных представлений у лиц юношеского возраста, обучающихся в вузе профессии педагога.
2. Типы карьерных представлений имеют связи с компонентами уверенности в себе.

В соответствии с целью и гипотезами исследования нами намечены следующие задачи исследования:

1. Выявить возрастные особенности развития типов карьерных представлений у юношей и девушек, обучающихся профессии педагога.
2. Выполнить анализ связи развития типов карьерных представлений с уровнем развития отдельных компонентов уверенной в себе личности у лиц юношеского возраста,

осваивающих профессию педагога.

В нашем исследовании были использованы следующие методы:

- 1) разработанная нами оригинальная методика диагностики типов карьерных представлений;
- 2) комплекс методик для диагностики компонентов уверенной в себе личности;
- 3) методы математической статистики для обработки эмпирических данных (методы описательной статистики, непараметрический тест Манна-Уитни, корреляционный анализ).

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». Испытуемыми были 165 студентов 1-3 курсов, обучающихся профессии педагога по разным специализациям. Среди них 148 лиц женского пола, 17 лиц мужского пола. Возраст испытуемых лежит в диапазоне от 18 лет до 21 года.

Обзор литературы

Под карьерными представлениями мы понимаем созданный индивидом образ предполагаемого им профессионального пути, содержание которого составляют карьерные цели, выбираемые для карьеры области деятельности, мотивы, лежащие в основе карьерных устремлений, образ самого себя как субъекта карьеры. Карьерные представления характеризуются степенью самостоятельности субъекта в построении этого образа и его обоснованностью. В зависимости от характера мотивов лежащих в основе различных карьерных устремлений субъекта мы различаем шесть типов карьерных представлений: аттрактивный, прагматический, глористический, социально-ориентированный, аффилиативный, авторитарный. Аттрактивный тип карьерного представления связан с интересом субъекта к содержанию выбранной профессиональной деятельности и стремлением к постоянному росту своего профессионализма. Прагматический тип характеризуется тем, что образ карьеры строится исходя из личных, прежде всего, материальных мотивов. Глористический тип – это такой тип карьерного представления, который должен стать основой достижения славы и известности среди людей. Социально-ориентированный тип имеет в своей основе мотив служения обществу, желание быть полезным другим людям. Аффилиативный тип является выражением стремления субъекта к общению с окружающими его людьми, построению теплых эмоциональных связей с ними. Авторитарный тип карьерного представления строится так, чтобы построение карьеры удовлетворяло стремление индивида к лидерству, чтобы карьерный рост сопровождался ростом объема власти и количества людей, находящихся в зависимом от него положении.

На формирование карьерных представлений влияют как внешние, так и внутренние факторы. Внешние факторы – это факторы социальной среды. Например, в своем исследовании карьерных ориентаций, во многом совпадающих по содержанию с карьерными представлениями, А.А. Жданович показала их зависимость от такого социального фактора, как профиль образования, который влияет на содержание и выраженность карьерной ориентации студентов. В качестве наиболее значимого внутреннего психологического фактора ею установлены две личностные черты - экстраверсия и сотрудничество, определяющие выраженность вертикальной карьерной и горизонтальной карьерной ориентации [\[7\]](#). Разумеется, существует еще ряд личностных

факторов, определяющих развитие того или иного типа карьерной ориентации.

В данной работе мы исходим из того, что одним из личностных факторов, влияющих на развитие карьерных представлений у юношей и девушек, обучающихся профессии педагога, является уверенность в себе. По критерию выраженности компонентов уверенности в себе мы выделяем два типа личности: тип уверенной в себе личности и тип неуверенной в себе личности. Изучив отечественные и зарубежные подходы к определению понятия «уверенность в себе», мы определили такие структурные компоненты уверенности в себе, как личностная автономия, самооценка способностей, самоэффективность, надежда, оптимизм, жизнестойкость, склонность к риску и толерантность к неопределенности.

Под личностной автономией Э. Деси понимает самодетерминацию личности, которая предстает как способность человека к выбору своего поведения и действовать на основе этого выбора [\[14\]](#). В основе этой способности лежит автономная каузальная ориентация личности [\[15\]](#).

Еще одним структурным компонентом уверенности в себе является самооценка личности. Согласно В.П. Зинченко, самооценка представляет собой ценность, значимость, которой индивид наделяет себя в целом и отдельные стороны своей личности, деятельности, поведения [\[1, с. 437\]](#).

Особое значение в юношеском возрасте на этапе овладения профессией имеет самооценка способностей. Это важно потому, что, как это отметил Е.А. Климов, наличие у субъекта хорошо развитых общих и специальных способностей является одним из критериев его пригодности к конкретной профессии [\[8\]](#). Опираясь на исследования В.Н. Дружинина, в состав общих способностей будущих педагогов мы включили интеллект, креативность и обучаемость [\[6\]](#). В этот список мы еще добавили эмоциональный интеллект. При определении совокупности профессиональных способностей мы воспользовались их перечнем, составленным В.А. Крутецким. В этот перечень он включил дидактические, академические, перцептивные, речевые, организаторские, авторитарные, коммуникативные, прогностические способности и способность к распределению внимания [\[9\]](#).

В теории А. Бандуры самоэффективность понимается как вера индивида в способность справиться с деятельностью, ведущей к достижению некоторого результата [\[13\]](#). В его представлении самоэффективность является условием успехов. В свою очередь, опыт успеха укрепляет веру человека в самого себя, в свои возможности.

К.Р. Снайдер понимает надежду как веру субъекта в то, что он достигнет успеха в реализации своих целей [\[18\]](#). Э. Фромм, в свою очередь, понимает надежду как состояние внутренней готовности, сопутствующие жизни и развитию, «элемент любой попытки внести в социальную жизнь изменения» [\[12, с. 13-27\]](#). Таким образом, можно говорить о надежде, как о социальной, так и о когнитивно-мотивационной составляющей, влияющей на значимость выбора жизненной стратегии и профессии индивидом.

Ч. Карвер и М. Шейер в своей теории диспозиционного оптимизма определяют оптимизм как широкое, проявляющееся в разных ситуациях чувство уверенности в наступлении позитивного будущего [\[4\]](#). Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин, в своём исследовании отметили позитивные связи диспозиционного оптимизма с самооценкой, воспринимаемым

мастерством, внутренним локусом контроля [\[3, с. 41\]](#). Также было выделено, что такие факторы, как генотип, среда, деятельность и характерные особенности личности, оказывают существенное влияние на формирование конструкта оптимизма [\[3, с. 41\]](#). Данное положение говорит о том, что позитивные ожидания будущих успехов побуждают личность к противостоянию трудностям, мешающим достижению поставленных целей.

Понятие жизнестойкости было введено в психологию такими авторами, как С. Кобейса и С. Мадди. С. Мадди определяет жизнестойкость как один из способов преодоления онтологической тревоги, связанной с обдумыванием или принятием решения в пользу будущего [\[11\]](#). Также автор подчеркивает влияние внешних факторов таких, как опыт детско-родительских отношений, и внутренних факторов, основанных на стратегиях совладения с трудными жизненными ситуациями.

Мы полагаем, что уверенность в себе помогает субъекту эффективно действовать в ситуациях, содержащих риск. Уверенная в себе личность не боится рисковать, она обладает высокой склонностью к разумному риску. Это означает, что она не боится действовать в ситуациях, содержащих различного рода опасности. Как показывают исследования Ч. Старра, более высокая склонность к риску связана с личностной автономией. Он установил, что люди, добровольно идущие на риск, готовы рисковать в большей степени, чем рискующие по принуждению. [\[16\]](#). Также содержанием риска, по мнению С. Г. Лафи, М. Э. Пилецкайте-Марковене, является готовность субъекта деятельности производить продуцирование и выбор альтернатив поведения и действовать, основываясь на вероятностных оценках исходов по различным параметрам для каждой из альтернатив, в ситуации, обладающей неопределенностью [\[10\]](#).

По Е.П. Ильину, еще одним фактором, влияющим на принятие риска, является самооценка. По его мнению, лица с адекватной самооценкой обладают обоснованной уверенностью в себе и они чаще идут на обоснованный риск, чем лица с заниженной самооценкой. [\[2\]](#).

Еще одной характеристикой уверенного в себе человека является толерантность к неопределенности. Это свойство и свойство противоположное ей, интолерантность к неопределенности, открыла И. Френкель-Брунsvик [\[16,17\]](#). А.И. Гусев на основе анализа исследований, посвященных проблеме толерантности к неопределенности, пришел к выводу, что для толерантной к неопределенности личности характерно позитивное отношение к неопределенной ситуации, она стремится к подобным ситуациям и хорошо приспосабливается к ним [\[5, с. 312\]](#).

Исходя из результатов теоретического анализа, была составлена схема структурных компонентов уверенности в себе, представленная на рисунке 1.

Рисунок – 1 Компоненты уверенной в себе личности

Результаты исследования

Результаты исследования типов карьерных представлений приведены в виде столбчатой диаграммы, изображенной на рисунке 2.

Рисунок 2 – Выраженность типов карьерных представлений у будущих педагогов (в баллах)

По каждой из шкал методики для измерения типов карьерных представлений минимальный балл составляет 5, а максимальный – 35. Полученные в нашем исследовании значения средних баллов по всем шкалам ближе к максимальному баллу, чем к минимальному. Типы карьерных представлений по величине полученных в исследовании баллов можно объединит в две группы. В первую группу объединяются типы карьерных представлений с максимальными баллами, во вторую – с минимальными баллами. В первую группу входят атриктивный, социально-ориентированный, аффидиативный и авторитарный типы. Их баллы практически равны и находятся в диапазоне от 24,62 до 25,84 балла. Во вторую группу вошли прагматический, глористический типы карьерных представлений. Эти результаты говорят о том, что у юношей и девушек, будущих педагогов, хуже всего формируются глористический (21,78

балла) и прагматический (22,78 балла) типы. Это означает, что мотивационную основу построения карьерных представлений у юношей и девушек – будущих педагогов, в первую очередь, составляют аффилиативный, аттрактивный и социально ориентированный типы, а также авторитарный тип. По своему содержанию данная мотивационная основа весьма адекватна для профессии педагога. В ней присутствуют важные для эффективной деятельности педагога мотивы: стремление к установлению контактов и общению с другими людьми; интерес к профессии педагога и желание быть мастером своего дела, мотив быть полезным людям и помогать им в трудных ситуациях; желание иметь определенную власть и выполнять функции лидера, чтобы лучшим образом организовать совместную работу учеников.

Количественная выраженность рассмотренных типов карьерных представлений в среднем не достигает максимальных значений, что говорит о необходимости их дальнейшего развития.

По уровню своего развития от первой группы отстают мотивы, лежащие в основе глористического и прагматического типов карьерных представлений. Юноши и девушки, осваивающие профессию педагога в вузе, меньше всего озабочены проблемами обретения славы и признания, а также мотивами материального благополучия. Причину этого мы видим в том, что многие юноши и девушки на данном этапе своего возрастного развития еще живут в родительских семьях, находятся чаще всего на их материальном обеспечении. Но, когда у них появятся собственные семьи, а материальные заботы лягут на их собственные плечи, проблема материального благополучия станет более актуальной. Также станет важным мотив обретения признания в обществе, так как от этого зависит не только уровень морального удовлетворения от занятия выбранной профессией, но также дополнительные материальные обретения. В социальном плане от степени удовлетворения этих двух видов мотивов зависит текучесть кадров в профессии педагога. Из сказанного следует, что данные два типа карьерных представлений также нуждаются в дальнейшем развитии.

Следующий аспект анализа развития карьерных представлений у юношей и девушек, обучающихся профессии педагога, состоял в качественной оценке уровня развития типов карьерных представлений у каждого испытуемого и определении процентных долей лиц с низким, средним и высоким уровнями развития. Для определения границ, разделяющих указанные уровни развития, был использован статистический подход. По каждой из шкал к низкому уровню развития отнесены значения сырых баллов, которые меньше, чем среднее арифметическое минус стандартное отклонение. К высокому уровню отнесены сырые баллы, превышающие сумму среднего арифметического значения и стандартного отклонения. Промежуточные значения сырых баллов отнесены к среднему уровню. Результаты проведенных вычислений представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение испытуемых по уровню развития типов карьерных представлений

Уровень развития	Типы карьерных представлений											
	Аттрак- тивный		Прагма- тический		Глорис- тический		Соц-но- ориентир.		Аффил- ативный		Автори- тарный	
	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%	К-во	%
Низкий	28	16,97	26	15,76	36	21,82	24	14,55	26	15,76	27	16,36
Средний	113	68,48	111	67,27	101	61,21	121	73,33	114	69,09	116	70,30
Высокий	24	14,55	28	16,97	28	16,97	20	12,12	25	15,15	22	13,33
Сумма	165	100	165	100	165	100	165	100	165	100	165	100

Низ.+ср.ур		85,45		83,03		83,03		87,88		84,85		86,66

Как видно из данных, приведенных в таблице 1, доля студентов с высоким уровнем развития типов карьерных представлений невелика. Эта доля лежит в диапазоне от 12,12 % до 16,97 %. Также относительно мала доля студентов с низким уровнем типов карьерных представлений, которая составляет от 15,76 % до 21,82 %. Большинство студентов имеет средний уровень развития типов карьерных представлений. Если исходить из того, что карьерные представления следует развивать у тех юношей и девушек, которые имеют средний и низкий уровни развития, то их наибольшая доля приходится на социально-ориентированный тип (87,88 %) (см. строку «Низ.+ср.ур» таблицы 2), далее идут авторитарный (86,66 %), аттрактивный тип (85,45 %), аффилиативный (84,85 %), прагматический и глористический типы (по 83,03 %). Указанные процентные доли весьма высоки и близки по величине друг к другу. Это означает, что рассматриваемые типы карьерных представлений должны быть развиты у всех обследованных студентов.

Для проверки предположения о том, что уверенность в себе влияет на карьерные представления юношей и девушек, обучающихся профессии педагога, по данным эмпирического исследования нами был проведен корреляционный анализ связи между типами карьерных представлений и компонентами уверенной в себе личности. Анализ осуществлялся на основе вычисления коэффициента ранговой корреляции Спирмена. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Анализ связи между типами карьерных представлений с уверенностью в себе у будущих педагогов (**Spearman's r_{ho}**)

Компоненты уверенной в себе личности	Коэфф. корреляции, уровень значимости, к-во испытуемых	Типы карьерных представлений					
		Аттрактивный	Прагматический	Глористический	Соц.-ориентированный	Аффилиативный	Авторитарный
Автономная каузальная ориентация	Correlation Coefficient	,176*	-0,013	,230**	0,126	,282**	,209**
	Sig. 2-tailed	0,024	0,870	0,003	0,107	0,000	0,007
	N	165	165	165	165	165	165
Самооценка способностей	Correlation Coefficient	,403**	,339**	,383**	,225**	,311**	,361**
	Sig. 2-tailed	0,000	0,000	0,000	0,004	0,000	0,000
	N	165	165	165	165	165	165
Самозэффективность	Correlation Coefficient	,338**	,207**	,291**	,210**	,342**	,341**
	Sig. 2-tailed	0,000	0,008	0,000	0,007	0,000	0,000
	N	165	165	165	165	165	165
Надежда	Correlation Coefficient	,268**	,218**	,297**	,229**	,391**	,232**
	Sig. 2-tailed	0,000	0,005	0,000	0,003	0,000	0,003
	N	165	165	165	165	165	165
Оптимизм	Correlation Coefficient	,343**	0,110	,245**	,259**	,374**	,205**
	Sig. 2-tailed	0,000	0,161	0,002	0,001	0,000	0,008

		0,000	0,001	0,002	0,003	0,005	0,008
	N	165	165	165	165	165	165
Жизне- стойкость	Correlation Coefficient	,291**	0,081	0,149	,198*	,302**	,200*
	Sig. 2-tailed	0,000	0,299	0,057	0,011	0,000	0,010
	N	165	165	165	165	165	165
Склонность к риску	Correlation Coefficient	-0,005	-0,006	,210**	-0,041	,155*	,188*
	Sig. 2-tailed	0,952	0,938	0,007	0,600	0,047	0,015
	N	165	165	165	165	165	165
Общий показатель толер. неопр.	Correlation Coefficient	0,102	0,111	,200*	0,006	,178*	0,107
	Sig. 2-tailed	0,194	0,154	0,010	0,938	0,023	0,171
	N	165	165	165	165	165	165

Примечание: ** Correlation is significant at the 0.01 level (2-tailed).

* Correlation is significant at the 0.05 level (2-tailed).

Из данных, приведенных в таблице 2, следует, что между типами карьерных представлений и компонентами уверенной в себе личности у лиц юношеского возраста, обучающихся профессии педагога, наблюдаются разнообразные по своей силе статистические связи. Уровень достоверности имеющихся связей находится либо на уровне $\alpha \leq 0,01$, либо на уровне $\alpha \leq 0,05$, сила связи либо слабая, либо умеренная. Для получения более простой схемы изучаемых связей в своем анализе мы учли лишь те связи, уровень достоверности которых $\alpha \leq 0.01$.

С первым компонентом уверенной в себе личности - автономной каузальной ориентацией статистически достоверно связаны аффилиативный ($r = 0,282$), глористический ($r = 0,230$), и авторитарный ($r = 0,209$) типы карьерных представлений. По шкале Чеддока эти связи относятся к разряду слабых, но они показывают, что автономная каузальная ориентация оказывает позитивное, хотя и слабое, влияние на формирование указанных типов карьерных представлений.

Второй компонент уверенной в себе личности - самооценка способностей. Она имеет позитивную корреляцию со всеми типами карьерных представлений, но с разной степенью тесноты. Наиболее тесная связь наблюдается с аттрактивным ($r=0,403$), затем с глористическим ($r = 0,383$), авторитарным ($r = 0,361$), прагматическим ($r = 0,339$), аффилиативным ($r = 0,311$) типами. Сила этих связей умеренная, что означает заметное влияние фактора самооценки на формирование этих типов карьерных представлений. Меньше всего самооценка оказывает влияние на формирование социально-ориентированного типа карьерных представлений ($r = 0,225$).

В качестве третьего фактора формирования карьерных представлений нами рассматривалась самоэффективность как составляющая уверенной в себе личности. Самоэффективность умеренно коррелирует с аффилиативным ($r = 0,342$), авторитарным ($r = 0,341$) и аттрактивным ($r = 0,338$) типами карьерных представлений. Знак и сила связи показывают, что самоэффективность также позитивно и умеренно влияет на формирование карьерных представлений у будущих педагогов. Самоэффективность также позитивно, но слабо коррелирует с глористическим ($r = 0,291$), социально-ориентированным ($r = 0,210$), прагматическим ($r = 0,207$) типами. На формирование этих типов карьерных представлений самоэффективность влияет позитивно и слабо.

Пятый компонент уверенной в себе личности, оптимизм, имеет умеренные позитивные корреляции с affiliативным ($r = 0,374$) и аттрактивным ($r = 0,343$) типами карьерных представлений, оказывая на их развитие соответственно умеренное и позитивное воздействие. Оптимизм слабо и позитивно коррелирует с социально-ориентированным ($r = 0,259$), глористическим ($r = 0,245$) и авторитарным ($r = 0,205$) типами карьерных представлений. Он слабо влияет на развитие этих типов карьерных представлений.

Еще один компонент уверенной в себе личности, жизнестойкость, максимально коррелирует только с affiliативным типом карьерных представлений ($r = 0,302$). Теснота связи умеренная, знак положительный. Следовательно, жизнестойкость умеренно и положительно влияет на формирование affiliативного типа карьерных представлений. Она имеет слабую позитивную корреляцию с аттрактивным типом карьерных представлений, что означает ее слабое и положительное влияние на формирование данного типа карьерных представлений.

Оставшиеся два компонента уверенной в себе личности имеют лишь слабую положительную корреляцию с типами карьерных представлений. Склонность к риску имеет связь только с глористическим типом ($r = 0,210, a \leq 0,01$), а общий показатель толерантности к неопределенности с глористическим ($r = 0,228, a \leq 0,05$) и affiliативным ($r = 0,253, a \leq 0,05$) типами. Влияние склонности к риску и отношения к неопределенности на развитие связанных с ними типов карьерных представлений положительное, но слабое.

Заключение

Полученные в данном эмпирическом исследовании результаты свидетельствуют о том, что к возрастным особенностям развития типов карьерных представлений у юношей и девушек, осваивающих профессию педагога в вузе, относятся:

- 1) их неравномерное развитие: лучше всего развиты такие типы, как аттрактивный, социально-ориентированный, affiliативный и авторитарный типы, и хуже всего – прагматический и глористический типы.
- 2) невысокий процент юношей и девушек, имеющих высокий уровень развития типов карьерных представлений, и высокая доля тех, кто имеет низкий и средний уровни развития типов карьерных представлений;
- 3) в дальнейшем развитии нуждаются все типы карьерных представлений.

Полученные в исследовании результаты также говорят о том, что компоненты уверенной в себе личности влияют на развитие типов карьерных представлений у юношей и девушек, обучающихся профессии педагога в вузе.

С учетом количества и силы связей между компонентами уверенной в себе личности и типами карьерных представлений наибольшую роль в формировании карьерных представлений играет самооценка способностей. Она оказывает влияние на развитие всех типов карьерных представлений. Далее по степени убывания этой роли идут оптимизм, самоэффективность, надежда, жизнестойкость, автономная каузальная ориентация, склонность к риску и общий показатель толерантности к неопределенности.

Библиография

1. Мещеряков Б.Г., Зинченко В.П. Большой психологический словарь. – М.; Прайм-Еврознак, 2002. – 672 с.

2. Ильин Е.П. Психология риска / Е.П. Ильин. – Санкт-Петербург: Питер, 2021. – 288 с. – URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/377312/reading> (дата обращения: 25.04.2025). – Текст: электронный.
3. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Разработка русскоязычной версии теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. – 2010. – № 2. – С. 36-64. EDN: SUFPGP.
4. Гордеева Т.О. Оптимизм как составляющая личностного потенциала // В: Личностный потенциал: структура и диагностика. – Москва: Смысл, 2011. – С. 131-137.
5. Гусев А.И. Толерантность к неопределенности как составляющая личностного потенциала // В: Личностный потенциал: структура и диагностика. – Москва: Смысл, 2011. – С. 300-329., с. 312.
6. Дружинин В.Н. Психология общих способностей: учебное пособие для вузов / В.Н. Дружинин. – 3-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 349 с. – (Высшее образование). – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/541200> (дата обращения: 24.04.2025).
7. Жданович А.А. Карьерные ориентации в структуре профессиональной Я-концепции студентов: автореф. дис ... канд. психол. наук: 19.00.01. – Москва, 2008. EDN: NKMZSV.
8. Климов Е.А. Введение в психологию труда: Учебник для вузов. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. – 350 с.
9. Крутецкий В.А., Балбасова Е.Г. Педагогические способности, их структура, диагностика, условия формирования и развития: учебное пособие. – М.: Прометей, 1991. – 109 с.
10. Лафи С.Г., Пилецкайте-Марковене М.Э. Поиск новых ощущений, его место и значение в психологической самореализации // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 9.
11. Мадди С. Смыслообразование в процессе принятия решений // Психологический журнал. – 2005. – № 2. – С. 87-101. ISSN: 0205-9592.
12. Фромм Э. Революция надежды. – Пер. Панфилова. – М.: АСТ, 2018. – 220 с.
13. Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency. American Psychologist. – 1982. – 37 (2). – P. 133.
14. Deci E.L. The psychology of self-determination. – Toronto: Lexington books, 1980. – 258 p.
15. Deci E.L., Ryan R.M. Overview of self-determination theory: an organismic dialectical perspective // Handbook of self-determination research / E.L. Deci, R.M. Ryan (Eds.). – Rochester, NY: The University of Rochester Press, 2002. – P. 3-33.
16. Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // Journal of Personality. – 1949. – № 18. – P. 108-143.
17. Frenkel-Brunswik E. Tolerance toward ambiguity as a personality variable // American Psychologist. – 1948. – № 8. – P. 268.
18. Snyder C.R., Shorey H.S., Cheavens J., Pulvers K.M., Adams V.H. III, & Wiklund C. Hope and academic success in college. Journal of Educational Psychology. – 2002. – 94(4). – P. 820-826. – URL: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.94.4.820>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются типы карьерных представлений и их связь с уверенностью в себе у будущих педагогов.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, опросный метод, а также, как отмечается в статье, были применены методики: авторская «оригинальная методика диагностики типов карьерных представлений»; «комплекс методик для диагностики компонентов уверенной в себе личности» и методы математической статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях развития системы образования в России пристальное внимание уделяется не только подготовке специалистов высокой квалификации, востребованных на рынке труда, но и формированию карьерных представлений и возможностей успешной самореализации в будущей профессиональной деятельности. Однако специфика педагогического образования и личностные особенности обучающихся по этому направлению оказывают определенное влияние на карьерные представления и дальнейшие карьерные векторы развития в этом профессиональном сообществе. С этих точек зрения изучение типов карьерных представлений и их связи с уверенностью в себе у будущих педагогов представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном педагогическом сообществе.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение типов карьерных представлений и их связи с уверенностью в себе у будущих педагогов, а также в анализе и описании полученных результатов. В исследовании приняли участие 165 студентов педагогических направлений и специализаций, обучающиеся в ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией полученных результатов исследования, их анализом и описанием.

Структура статьи в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, в структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, обзор литературы, результаты исследования, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет проведенный в ходе исследования и описанный в статье авторский анализ связи между типами карьерных представлений и уверенностью в себе у будущих педагогов, что наглядно представлено в таблице 2 рукописи.

Библиография содержит 18 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперіодические издания, а также электронные ресурсы. В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие различные типы карьерных представлений, а также их особенности. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании в заключении содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что структурные составляющие уверенности в себе и характеристики уверенной в себе личности оказывают влияние на развитие типов карьерных представлений будущих педагогических работников, что было подробно проанализировано и описано в ходе исследования.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими

работниками в образовательном процессе, руководством и специалистами образовательных организаций, в том числе осуществляющих обучение по программам педагогических направлений, работниками центров карьеры и профессиональной ориентации молодежи, психологами, социологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что можно было бы более подробно описать именно методологию исследования, а не только перечислить примененные методики и методы исследования. Выводы целесообразно было бы представить отдельно перед заключением, а не прописывать их в рамках самого заключения, поскольку именно заключение создает впечатление законченности и логической завершенности проведенного исследования. В качестве рекомендации можно отметить, что поскольку представленная работа имеет практическую направленность, то, можно было бы сформулировать краткие практические рекомендации для специалистов по работе со студентами и работников центров карьеры для улучшения работы по выявлению типов карьерных представлений и их проработке для будущих педагогов. Указанные недостатки не снижают высокую степень научной и практической значимости самого исследования, а скорее, относятся к особенностям изложения материала и оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и, конечно же, после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Брагина Е.В., Колесникова В.Ю. Роль психологической устойчивости личности, академической вовлеченности и оптимального опыта в развитии самостоятельной учебной деятельности взрослых учащихся // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74401 EDN: ZPSTNX URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74401

Роль психологической устойчивости личности, академической вовлеченности и оптимального опыта в развитии самостоятельной учебной деятельности взрослых учащихся

Брагина Елена Владимировна

ORCID: 0009-0006-4198-3965

аспирант; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. Макарова, 6

✉ nedodurdu@yandex.ru

Колесникова Виктория Юрьевна

ORCID: 0009-0001-8104-5512

преподаватель; финансово-экономический факультет; Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего образования «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

аспирант; факультет психологии; Санкт-Петербургский государственный университет

197198, Россия, г. Санкт-Петербург, Петроградский р-н, ул. Съезжинская, д. 15-17

✉ kolesnikovav827@gmail.com

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74401

EDN:

ZPSTNX

Дата направления статьи в редакцию:

11-05-2025

Дата публикации:

10-06-2025

Аннотация: Технический прогресс навсегда изменил субъекта непрерывного образования и его ландшафт. Под влиянием цифровой среды формируется новая культура обучения, которая может быть успешно использована вузами при адаптации содержания, характера и форм организации ДПО к современным социокультурным условиям. Одним из направлений оптимизации ДПО становится подготовка учащихся к самостоятельной учебной деятельности в условиях непрерывного образования. Успешное решение этой задачи требует выявления способности личности взрослого учащегося к изменениям и самоизменениям. Психологическая устойчивость личности, вовлеченность в обучение и оптимальный опыт несколько десятилетий находятся в центре внимания зарубежных и отечественных психологических исследований, изучающих образовательное поведение взрослых людей в ситуации изменений, но понимание их роли в самостоятельной учебной деятельности взрослых людей учеными еще не достигнуто. Статья посвящена изучению ключевых подходов и направлений дискуссии, связанных с психологической устойчивостью личности, оптимальным опытом и академической вовлеченностью для определения их роли в развитии самостоятельности учебной деятельности взрослых учащихся. При проведении анализа и синтеза зарубежной литературы по проблеме исследования использованы дескриптивный метод, метод категоризации, сравнительно-исторический и герменевтический методы. Рассмотрены подходы к определению психологической устойчивости личности, а также концепции "потока" и "оптимального наилучшего", ранее не представленной на русском языке. Проанализированы их роли в развитии самостоятельной учебной деятельности взрослых учащихся. Выдвинут тезис о том, что вовлеченность взрослых людей в ДПО целесообразно рассматривать как сложный, эмоционально значимый результат успешного преодоления учащимся психологических барьеров, возникающих в образовательном процессе. Способность учащегося совладать с собой или ситуацией, осознанно вовлекаться в обучение, сохраняя свои ценностные ориентации, несмотря на изменения в жизненном контексте, и достигать "потока" в учебной деятельности, обуславливают непрерывность образовательного опыта. Именно понимание психологической устойчивости личности как процесса, содержащего динамический баланс стабильности и изменчивости является наиболее продуктивным для разработки методик изучения личностных психологических ресурсов вовлеченности и невовлеченности взрослых людей в ДПО, а также разработке мер, направленных на развитие их самостоятельности в условиях непрерывного образования.

Ключевые слова:

непрерывное образование, дополнительное профессиональное образование, оптимизация, самостоятельная учебная деятельность, психологическая устойчивость, вовлеченность в обучение, взрослый учащийся, поток, оптимальное наилучшее, зарубежные подходы

1. Введение

Интеллектуализация труда и научно-технический прогресс, трансформирующий роль человека в производстве, актуализируют потребность экономики в высококвалифицированных работниках, способных к инициации собственной активности в области профессионально-личностного развития [\[1\]](#).

Дополнительное профессиональное образование (далее - ДПО) становится личностным

выбором взрослого человека, а обеспечение непрерывности обучения за счет сознательных усилий по развитию собственных знаний и навыков – областью личной ответственности любого успешного специалиста вне зависимости от сферы его профессиональной деятельности. Согласно опросам ВЦИОМ, абсолютное большинство россиян (92%) убеждены, что для карьерного роста необходимо регулярно повышать свою квалификацию [2]. Значительный вклад в растущую долю граждан, имеющих опыт профессиональной переподготовки, вносят обучающиеся, уже имеющие опыт обучения в образовательной системе ДПО, – около 30% граждан проходили курсы повышения квалификации 1-2 раза, а каждый пятый – более 3-х раз [там же].

Объективные изменения, затрагивающие субъект дополнительного профессионального образования, приводят к трансформациям его содержания, характера и формы организации. Очевидным трендом последних лет является расширение использования для профессиональной переподготовки возможностей неформального и неорганизованного обучения в цифровой среде. Повышение профессионально-личностной компетентности становится результатом побочной деятельности или неформального взаимодействия в социальных сетях и сообществах экспертов-практиков, предоставляющих интерактивный, гибкий и легкодоступный опыт обучения, более конгруэнтный структуре жизнедеятельности взрослого человека.

Взрослый учащийся, осознающий свою самостоятельность, ожидает, что другие субъекты образовательного процесса будут рассматривать его как личность, способную действовать автономно. Немногочисленные исследования вовлеченности взрослых людей в непрерывное образование показали, что существующие программы дополнительного профессионального образования, предлагаемые вузами, зачастую фрустрируют некоторые потребности учащихся, включая содержание образования, самовыражение, компетентность, творчество и другие [3]. Однако, несмотря на потребность взрослых людей в учебной самостоятельности, они нуждаются в информационной и методической поддержке преподавателя, проявляют выученное беспомощное поведение, сталкиваясь с трудной учебной ситуацией [4-7]. Не все взрослые люди способны к самоорганизации и эффективному управлению собственной учебной деятельностью [8]. Ряд безуспешных попыток преодолеть возникающее в образовательном процессе психологическое сопротивление зачастую приводят взрослого человека к отказу от конструктивного взаимодействия с формальной образовательной средой и поиску той смысловой реальности, где он встречает меньше всего адаптационных барьеров, а также длительным перерывам в обучении. Выбор неформальной образовательной траектории, исходя из своих ожиданий и дефицитов, зачастую становится способом разрешения углубляющегося противоречия между личностью учащегося и образовательной средой.

В этой связи обостряется актуальность решения ряда теоретических и практических задач, связанных с оптимизацией дополнительного профессионального образования в вузе в области подготовки взрослых людей к самостоятельному обучению в ситуации изменений. Взрослым учащимся в образовательном процессе вуза требуются специализированная психологическая поддержка и психолого-педагогическое сопровождение, которые обеспечат им постепенный переход от зависимого обучения к полной учебной самостоятельности. Особую значимость приобретает проблема выявления и изучения тех психологических ресурсов, которые обеспечивают успешность этого перехода.

В последние годы растет признание ключевой роли, которую различные личностные

психологические ресурсы играют в самостоятельной учебной деятельности взрослых людей. Эмпирически установлено влияние на готовность взрослых студентов к самостоятельному обучению самооценки и саморегуляции, самоэффективности, эмоционального интеллекта, рефлексивности, психологической устойчивости, психологического благополучия и удовлетворенности жизнью, учебной мотивации и вовлеченности в обучение, оптимального опыта и других [\[1; 4; 6; 9\]](#).

Психологическая устойчивость личности, вовлеченность в обучение и оптимальный опыт ("поток" и "оптимальное наилучшее") находятся в центре внимания научных исследований, охватывающих несколько десятилетий, но понимание их роли в самостоятельной учебной деятельности взрослых людей учеными еще не достигнуто [\[10-12\]](#). В зарубежных психологических исследованиях психологическая устойчивость личности, академическая вовлеченность и оптимальный опыт учебной деятельности изучались в первую очередь с точки зрения различных аспектов качества образования, при этом упускалось из виду их влияние на эффективность самостоятельной учебной деятельности взрослых людей. Несмотря на широкое признание необходимости изучения вовлеченности взрослых людей в образование еще в 1980-х годах, научный консенсус о структуре данного феномена, а также психологических ресурсов академической вовлеченности психологами еще не достигнут [\[1; 4\]](#). Большинство отечественных психологических исследований вовлеченности в дополнительное профессиональное образование проведено в контексте социально-демографических особенностей взрослых учащихся, их мотивации и ожиданий. Роль психологической устойчивости личности и оптимального опыта в ДПО остается малоизученной. В настоящее время на русский язык переведены наиболее значимые работы по проблеме "потока" М. Чиксентмихайи, но методы и результаты исследований потока, опыт их практического использования освещены недостаточно. Одна из лидирующих позиций в мире по количеству научных статей по оптимизации учебной деятельности сегодня принадлежит профессору позитивной психологии Х.П. Фану (Университет Новой Англии, Армидейл, Австралия) и его последователям [\[9; 13-14\]](#). Однако на русском языке основные научные работы данного автора не представлены. Теоретические основания и методики, предложенные Фаном для изучения "оптимального наилучшего" в образовательном процессе в отечественной психологической литературе не освещены.

Целью настоящего исследования является анализ ключевых подходов и направлений дискуссии, связанных с психологической устойчивостью личности, оптимальным опытом и вовлеченностью в обучение, представленных в зарубежной литературе, для определения их роли в развитии самостоятельности учебной деятельности взрослых учащихся. Обзор литературы, опубликованной в 1990-2025 гг., выполнен с использованием баз данных Scopus, PubMed, PsycINFO.

2. Теоретическая основа и методология исследования

Концепция вовлеченности представляет собой теоретический синтез положений бихевиоризма, нашедшего свое отражение в традиционном подходе к обучению с центральной ролью преподавателя, управляющего обучением, и конструктивизма, отводящего преподавателю роль фасилитатора [\[15\]](#). Вовлеченность и невовлеченность взрослых в дополнительное образование редко становились предметом психологических исследований. Предметом академической дискуссии до сих пор остаются психологические факторы, детерминирующие вовлеченность и невовлеченность взрослого человека в дополнительное профессиональное образование [\[1; 3\]](#). Тем не

менее, позитивное влияние психологической устойчивости личности на вовлеченность взрослых людей в непрерывное образование неоднократно было доказано эмпирически [16-19].

Понятие *устойчивости* в психологии впервые было введено в работах британского психоаналитика Э.Д. Энтони в 1970-х годах в связи с исследованием психологической устойчивости и неуязвимости у детей, чьи родители страдали серьезными психическими заболеваниями. Вслед за Энтони исследователи устойчивости сосредоточились на "устойчивом ребенке", который долго описывался ими как неуязвимый. За прошедшие пятьдесят лет с момента разработки концепции психологической устойчивости фокус внимания исследователей сместился с "чисто индивидуальных активов устойчивости на ее внеличные начала" [19]. В основу новых подходов были положены динамическая и системная парадигмы, которые в большей степени отвечают ключевой задаче современной психологии личности – изучению изменяющегося человека в изменяющемся мире [12]. Идея академической устойчивости возникла на Западе на двадцать лет позже, в начале 1990-х годов. Испанский психолог Сильвия Алаторре Алва опубликовала ряд научных работ, в которых академическую устойчивость определила как способность учащихся колледжа справляться с трудностями и неблагоприятными ситуациями в образовательном процессе для того, чтобы добиться лучших образовательных результатов [20]. С тех пор концепция академической устойчивости не претерпела значительных изменений: психологическая устойчивость личности учащегося чаще всего определяется, исходя из его способности совладать с собой или ситуацией и добиваться академических успехов, несмотря на риски и трудности, с которыми он сталкивается.

Концепция оптимальности возникла в русле позитивной психологии в 1970-х гг. и последовательно развивалась в творческом диалоге с концепцией психологической устойчивости, предложив свои ответы на многие поставленные в психологии вопросы взаимодействия человека и среды. Оптимальность в позитивной психологии определяется как "центральное достижение человеческой деятельности" [10], а под оптимальным подразумевается психосоциальное функционирование человека, результатом которого становится "максимизация его потенциала" [14]. *Оптимальный опыт или "поток"* – понятие, введенное М. Чиксентмихайи. Под "потоком" понимается "психологическое состояние человека, который глубоко погружен в текущую деятельность с полной концентрацией, оптимальным удовольствием, вовлеченностью и интересом" [11], и "который обычно настроен на выполнение поставленной задачи" [там же]. Концепция оптимального опыта Чиксентмихайи предполагает, что у каждого человека есть своя субъективная область "потока", где он будет функционировать эффективнее всего в данной ситуации. *Концепция "оптимального наилучшего"*, активно разрабатываемая Хай Пи Фаном и его соавторами с конца 2000-х годов, сегодня является одной из заметных линий психологических исследований в области оптимизации учения за рубежом [10; 14-15]. В последние годы Фан и его последователи продвинулись в изучении оптимального функционирования в образовательном процессе вуза теоретически и эмпирически. В данном исследовании мы представим основные элементы концепции Фана, которая стала результатом эволюции его взглядов на оптимизацию процесса учения.

Для анализа концепций, связанных с психологической устойчивостью личности, оптимальным опытом и вовлеченностью взрослых людей в обучение, представленных в зарубежной психологической литературе, был проведен систематический обзор с

использованием нескольких электронных баз данных и библиотек, включая Scopus, PubMed, PsycINFO, e-library. Статьи отбирались вручную при условии их релевантности рассматриваемой проблеме и актуальности.

Для поиска и отбора использовались два набора ключевых слов: первый набор ключевых слов был связан со словами "психологический", "устойчивость", "оптимальность", "оптимизация"; для фокусировки поиска был разработан второй набор ключевых слов, в который вошли слова "вовлеченность" и "образование". В качестве интервала поиска рассматривался временной промежуток между 1993 и 2025 годами.

На следующем шаге были выявлены публикации и применен практический скрининг. Этот поиск дал 282 статьи. В систематический обзор литературы вошли только журнальные публикации. Данные были независимо рассмотрены обоими авторами, а затем сравнены и обсуждены для достижения консенсуса. Статьи, написанные не на английском языке, и те, которые не относились к теме исследования после скрининга текста аннотаций, были удалены. В конечном итоге 256 статей были отобраны для идентификации и анализа определений. После исключения дубликатов 253 статьи были отобраны для скрининга. На третьем шаге был полностью прочитан текст всех 253 оставшихся публикаций. Были отобраны только те статьи, которые смогли внести свой вклад в достижение цели исследования. В итоге, с учетом установленных критериев отбора, как описательно, так и тематически, были проанализированы 234 статьи. Библиография данной статьи состоит из 44 наиболее релевантных источников.

При проведении анализа и синтеза научной литературы по проблеме исследования были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, сравнительно-исторический метод, герменевтический метод.

3. Теоретический обзор литературы

3.1. Психологическая устойчивость личности

Анализ литературы показывает, что термин «устойчивость» не имеет единого значения и приобретает различные оттенки в зависимости от точки зрения, с которой он анализируется. В зарубежных исследованиях до сих пор продолжается научная дискуссия между учеными, которые рассматривают психологическую устойчивость как черту личности [\[21-23\]](#), фиксированную и стабильную во времени и, следовательно, измеримую ("тип функционирования, характеризующий индивидуума"), и теми, кто считает психологическую устойчивость личности "динамическим процессом, развивающимся во времени" [\[24\]](#).

Психологи, которые рассматривают устойчивость как черту, утверждают, что психологические ресурсы личности являются факторами ее защиты от воздействия внешних стрессоров. Ряд исследователей, чьи научные работы представлены в нашем обзоре [\[21-22\]](#), изучают психологические ресурсы личности, которые влияют на способность человека справляться с жизненными невзгодами и трудными ситуациями. Психологическая устойчивость здесь пересекается с понятием "жизнестойкость личности" (С. Мадди) и определяется как "способность восстанавливаться, несмотря на неблагоприятные условия" [\[23\]](#).

Другие авторы определяют психологическую устойчивость как "способность приходить в норму, одновременно развивая свои личностные ресурсы и потенциал перед лицом трудностей и стрессов" [\[23\]](#). Понимаемая таким образом психологическая устойчивость,

по мнению Т. Вонга и соавторов, представляет собой различные варианты интерпретации личностью собственного опыта, включая собственное отношение к выбору жизненных стратегий, которые позволяют противостоять невзгодам и восстанавливаться после стресса, обеспечивая личностный рост [\[24\]](#).

Психологическая устойчивость в структурно-функциональном подходе также рассматривается как свойство отдельных черт личности. Более ранние исследования психологической устойчивости выявили связь между всеми чертами личности и способностью человека к восстановлению после стресса [\[18\]](#). Результаты исследований с использованием модели структуры личности "Big Five" (Большая пятерка) подтверждают гипотезу положительной связи психологической устойчивости и все черт личности. Эмпирически установлена возможность различной стабильности-изменчивости отдельных черт личности [\[16\]](#).

Определение психологической устойчивости как концепции метачерт личности рассматривает ее как комплексную переменную, которая объединяет ряд черт личности. Чертами, наиболее тесно связанными с устойчивостью, являются экстраверсия, добросовестность и нейротизм [\[23\]](#). Сильная корреляция между добросовестностью и устойчивостью вполне ожидаема, поскольку добросовестность может "защитить человека от стресса" [там же]. Открытость и экстраверсия объединяются в другую метачерту, которая в некоторых исследованиях называется гибкостью или пластичностью личности [\[18\]](#). Устойчивость в рамках данной концептуализации является противоположностью изменчивости и измеряется отдельно. Таким образом, структура личности может быть представлена с помощью двух этих измерений.

Поскольку предполагается, что трудности и стрессы дестабилизируют большинство людей, устойчивое функционирование в таких ситуациях считается необычным. В этой связи психологическая устойчивость понимается некоторыми исследователями как уникальный тип компетентного психосоциального функционирования [\[23\]](#). При этом существующий спор о том, следует ли рассматривать устойчивость как сопротивление или восстановление, исследователями разрешается по-разному. Б.К. Барбер указывает, что устойчивость у индивида может проявиться только в условиях серьезных жизненных невзгод [\[25\]](#); такой индивид вместо того, чтобы компетентно приспосабливаться, демонстрирует реакцию на вызов или риск, которую можно охарактеризовать как сопротивление или избегание [там же]. Дж. Флеминг и Р.Дж. Ледогар устойчивое функционирование рассматривают через призму адаптивных установок и поведения, а также компетентности проявленной в контексте серьезных проблем, которые позволяют человеку оставаться психологически здоровым, обеспечивать личностный рост не только после воздействия стресса, но и для адаптации и развития [\[23\]](#).

Авторы, определяющие психологическую устойчивость личности в терминах процесса [\[23\]](#), считают ее психологическим ресурсом, от которого зависит успешность взаимодействия личности и контекстуальных условий. Согласно этому подходу, "защитные факторы личности" и "факторы риска" действуют одновременно и динамично, а психологическая устойчивость является результатом их взаимодействия. По мнению М. Раттера, недостаточно определить защитные факторы личности, потому что они не создают устойчивость во всех случаях: устойчивость создается, когда эти факторы инициируют определенные процессы в человеке [\[26\]](#). Раттер выделил три таких процесса: создание позитивного образа себя; снижение влияния факторов риска; разрыв негативного цикла, который открывает новые возможности для личностного

роста [там же]. Таким образом, быть психологически устойчивым, как отмечает С.С. Лутар, означает "[...] быть творцом своего жизненного пути, изменяя его в ответ на внешние воздействия, восстанавливать баланс, и вносить изменения в собственное Я" [\[27\]](#).

В рамках динамического подхода к психологической устойчивости личности можно выделить несколько оттенков значения данного термина. Некоторые авторы определяют психологическую устойчивость как жизненно важную мотивационную силу личности, которая отражает ее склонность не сдаваться перед трудностями [\[15\]](#), а также как силу, которая может изменяться со временем в зависимости от контекста, обеспечивая личностный рост, несмотря на переживаемые человеком жизненные невзгоды [\[28\]](#). Другие исследователи подчеркивают способность личности к развитию и отождествляют психологическую устойчивость с динамическим психическим состоянием, которое способствует успешной адаптации личности по отношению к жизненному контексту [\[23\]](#).

Исследование психологической устойчивости личности ведется не только в рамках структурно-функционального и динамического подходов, но и *системной методологии*. Зарубежными исследователями разрабатываются интегративные модели комплексного и совместного изучения структуры, процессов и развития личности. Устойчивость личности по отношению к изменениям ее параметров в этих исследованиях рассматривается как сохранение основных связей между переменными и типами ограничений в некотором интервале ее параметров [\[29-30\]](#).

По мнению А. Баумерт и соавторов, понимание поведения человека в конкретных ситуациях требует изучения психологических процессов и механизмов, объясняющих основные индивидуальные паттерны адаптации и развития во времени, а также психологических структур, характеризующих внутрииндивидуальные и межиндивидуальные различия [\[29\]](#). В этой связи интересно исследование "*A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model*" Дж. Сосновска и ее коллег, в котором предложен интегративный подход к личности, основанный на принципах теории динамических систем [\[30\]](#). Разработанная модель PersDyn обеспечивает, по мнению Сосновска и соавторов, простой и понятный способ применения принципов динамических систем к исследованию личности, концептуализируя личность как систему, в которой динамика системы – или динамические колебания состояний личности – управляются базовым уровнем черт (стабильная заданная точка, вокруг которой колеблются состояния личности), внутрииндивидуальной изменчивостью (*степень, в которой состояния личности колеблются во времени и ситуациях*) и силой аттрактора черт (быстрота, с которой отклонения от исходного уровня возвращаются к исходному уровню (личностная регуляция)).

3.2. Оптимальный опыт ("поток")

Концепцию потока называют центральной концепцией психологии позитивного мышления [\[10\]](#). Термином "поток" описывают "оптимальный опыт, который является одним из самых приятных в жизни человека" [\[31\]](#). "Поток" отражает состояние человека, которое представляет собой наивысшие проявления психического благополучия и движущий опыт для улучшения качества жизни посредством полного погружения в деятельность [\[32-33\]](#). Опыт "потока" иногда называют нахождением в зоне оптимального функционирования, поскольку он вызывает чувство текучести времени и отражает

непрерывность в концентрации и действии, о котором сообщают большинство людей [34].

“Поток” возникает только при выполнении деятельности с четкими целями, немедленной и недвусмысленной обратной связью, а также соответствием между навыками человека и вызовом ситуации. Когда личные навыки превышают вызов ситуации, следствием становится скука (на основе модели квадранта состояния потока); если вызовы превосходят навыки человека, развивается тревога. Если и вызовы, и навыки относительно низкие, человек будет ощущать апатию [34]. Согласно Чиксентмихайи, оптимальный опыт может возникнуть в любой ситуации, в которой есть текущая деятельность; он характеризуется слиянием действия и осознания, расширенным чувством времени, выходом из самосознания, чувством контроля над своими действиями и окружающей средой, полной концентрацией на текущей задаче и внутренне вознаграждающим действием без необходимости наличия внешнего вознаграждения для поддержания поведения, вызывающего “поток” [32-34].

Большое количество исследований подтвердили существование “потока” при выполнении различных видов деятельности, включая учение [33]. Опыт “потока”, вызванный учебной деятельностью, может иметь далеко идущие последствия для поддержки профессионально-личностного развития учащегося, положительно влияет на формирование самостоятельной учебной идентичности [10; 32; 34]. Кроме того, когда все более сложные виды деятельности доставляют учащемуся удовольствие, он с большей вероятностью будет развивать свою идентичность из-за растущего чувства контроля над деятельностью и усвоения необходимых знаний и навыков. Из-за положительных эмоций, которые сопровождают потоковые переживания, учащийся может выбирать для вовлечения те виды деятельности, которые способствуют достижению “потока” [33]. Когда учащиеся испытывают поток, они ищут все более сложные задачи, уделяя больше внимания совершенствованию своих навыков для решения таких задач. Область “совпадения” сложности учебной задачи и мастерства, которое инициирует состояние “потока”, по мнению Дж. Накамуры, можно рассматривать как зону ближайшего развития в полном соответствии с концепцией Л.С. Выготского [35].

Достижение опыта “потока” в ситуации перемен и неопределенности требует напряженных физических усилий и дисциплинированной умственной деятельности [10]. Поток в самостоятельной учебной деятельности невозможен без ее квалифицированного выполнения. При столкновении с возникающими в образовательном процессе трудностями, учащемуся необходимо активно регулировать свои действия и сосредотачивать свое внимание на достижении поставленных учебных целей. Любая потеря концентрации прервет “поток”. Таким образом, как утверждают П.Р. Пинтрич и Д. Шунк, «...потоковое переживание требует умения, опыта, концентрации и устойчивости, ... для достижения потока недостаточно просто что-то делать и чувствовать удовольствие от работы» [36, с. 284]. М. Бонаюто определяет “поток” как состояние равновесия между осознанием человеком своих навыков и сложностью выполняемой деятельности, с уверенностью человека в том, что все находится под его контролем [32]. По определению М. Меле, “поток” включает в себя две составляющие: 1) равновесие индивида с самим собой или его гармония с самим собой, что означает его способность к противостоянию конфликтам, которые возникают внутри него, разочарованиям, которым он подвергается; 2) степень его свободы от напряжения и беспокойства, его концентрацию, успешность в примирении различных мотивов и импульсов, а затем гармонию индивида с условиями его материального окружения [37].

Определение "потока" претерпело немного изменений с момента его первоначальной формулировки Чиксентмихайи в 1975 году. Зарубежные исследования "потока" в учебной деятельности достигли значительного прогресса путем концептуализации и операционализации потокового переживания, изучения оптимального опыта, связанного с учебой, выявления возможных antecedents и последствий переживания "потока". В настоящее время образование является основной областью психологических исследований "потока", в которых изучается связь между потоковым опытом и широким спектром переменных, включая психологическую устойчивость личности и вовлеченностью в обучение [10]. Однако большая часть этих исследований рассматривает учащихся как относительно пассивных людей, которые спонтанно реагируют на данности образовательной среды и испытывают "поток", когда эта среда его "вызывает". Зарубежные исследователи "потока" в значительной степени игнорируют возможность того, что взрослые учащиеся могут вести себя проактивно и создавать свой собственный оптимальный опыт, регулируя свою производительность.

3.3. "Оптимальное наилучшее" в учебной деятельности

По мнению Фана, один из важных психологических факторов, влияющих на оптимизацию обучения, является автономия учащегося. Способность учащегося к самоопределяемому поведению, которое соответствует его ценностям, потребностям и интересам, признаются необходимыми для оптимизации учебной деятельности и достижения учащимся оптимального состояния, которое Фан называет "оптимальным наилучшим" [9]. Предметный результат учащегося в виде "оптимального наилучшего" свидетельствует о его психическом благополучии, высокой мотивации к учению, а также положительном эмоциональном отношении к учебе [13]. Кроме того, достижение "оптимального наилучшего" учащимися может быть показателем качества образования, разработки и реализации учебных программ и курсов, свидетельствовать о высокой вовлеченности студентов в обучение [там же].

В 2015-2016 гг. Фан и его коллеги [13] предложили концепцию рамок наилучших достижений, которая подробно описывает лежащий в основе достижения "оптимального наилучшего" психологический механизм оптимизации. *"Что является лучшим, что я могу сделать?"* – вопрос, который, по мнению Фана, указывает на осознание учащимся своего потенциального "наилучшего" или личного оптимального опыта.

Структура "оптимального наилучшего", предложенная в тот период Фаном, сравнима с теорией оптимизации Дж. Фрайллона из Австралийского совета по исследованиям в области образования (Australian Council for Educational Research (ACER)) [38]. Данный автор определяет оптимизацию учебной деятельности как психологический процесс, сфокусированный на оптимальном наилучшем для учащегося с точки самореференции – отсылки на самое себя. Это означает примерно следующее: "Это моя операция, так как я отличаю (ее) себя от внешнего (инореференция), что представляет собой мою другую операцию". Согласно Фрайллоу, существует два основных уровня состояния функционирования учащегося: 1) "фактическое наилучшее" определяет то, на что человек способен в настоящее время, и 2) "теоретическое наилучшее", то есть осознаваемые человеком собственные максимальные возможности [там же].

В 2021 году Фан и Нгу [14] доработали структуру оптимизации до следующей: 1) фактическое наилучшее (опыт) – "осознаваемое человеком реалистичное наилучшего" (фактическое наилучшее объединяет способности, которые человек осознает и подтверждает в учении); 2) "условная наилучшая практика", по которой понимается

“вера человека в оптимальное наилучшее” (условная наилучшая практика отражает способность человека осознать свой “максимум”, который он может достичь в учении). Структура “оптимального наилучшего” Фана уникальна своими попытками объяснить процесс его достижения. Точкой отсчета для учащегося здесь является осознание реального уровня его наилучшей практики. Этот уровень служит источником или точкой отсчета, которую учащийся может использовать для определения своего “оптимального наилучшего”. *Зона оптимизации*, которая относится к “разнице” или “диапазону” между реалистичным уровнем и “оптимальным наилучшим”, согласно Фану, дает углубленное понимание процесса оптимизации учебной деятельности. Оптимизацию учебной деятельности можно различать с точки зрения *интенсивности и масштаба* [14]. Интенсивность оптимизации подчеркивает *степень и количество доступных ресурсов*, необходимых для оптимизации состояния функционирования учащегося. Масштаб (или объем) оптимизации, напротив, фокусируется на *количестве усилий и времени*, необходимых для оптимизации индивидуального состояния функционирования учащегося.

В трактовке Фана и его коллег, существует три типа «механизмов», с помощью которых осуществляется оптимизация учения: 1) *психологические механизмы*, такие как убеждения учащегося в самоэффективности, уверенность в своих силах и внутренняя мотивация; 2) *образовательные практики и стратегии*, влияющие на эффективность учения, и соответствующий *педагогический подход*, которые в целом обеспечивают лучшее понимание и усвоение знаний и умений; 3) *социальные факторы*, к которым относится образовательная среда, влияющая на состояние функционирования учащегося. Данные механизмы “запускают” процесс оптимизации. При этом Фан указывает, что оптимизация – нечто большее, чем просто статистическое предсказание психологической переменной; “[...] она отражает воспринимаемое [человеком] чувство энергии, которые стимулируют рост внутренней мотивации, эффективности, решимости, умственной силы и затрачиваемых учащимся усилий” [13].

Фан и Нгу [14] рассматривает усилия учащегося как центральный “мотивационный драйвер” или механизм, который мог бы обеспечить переход учащегося от реального наилучшего до “оптимального наилучшего”. Таким образом, усилия или воспринимаемое чувство энергии могут “подталкивать” учащегося в его стремлении улучшить собственную деятельность. Эмпирическая проверка этой концептуализации с помощью корреляционного анализа помогла Фану продвинуть изучение оптимизации учебной деятельности и достижения “оптимального наилучшего” [14]. В качестве переменной, выражающей “воспринимаемое чувство положительной энергии” учащегося, в недавних исследованиях Фана использовалась самоэффективность, которая операционализировалась в целях анализа как “убеждения учащегося в своих способностях организовывать и выполнять действия, необходимые для получения данных достижений” [там же]. На выборке, состоящей из 627 студентов университета (N = 438 женщин, N = 189 мужчин) с использованием моделирования структурных уравнений была проверена концептуальная модель, в которой Фан и его коллеги сосредоточились на изучении двух аспектов: 1) влияния самоэффективности на воспринимаемое чувство энергии; 2) влиянии воспринимаемого чувства энергии на личную решимость учащегося и поддержание им “оптимального наилучшего”. Полученные результаты позволили Фану подтвердить положительную взаимосвязь самоэффективности и воспринимаемой учащимися положительной энергии, которая, в свою очередь, являлась предиктором будущих образовательных результатов [14].

3.4. Вовлеченность и невовлеченность взрослых людей в обучение

Вовлеченность в обучение относится к энвайроменталистским теориям, таким образом, как вовлеченность, так и невовлеченность учащихся в учебную деятельность в рамках этой концепции объясняется не только влиянием конкретной образовательной среды (академической и социальной в трактовке В. Тинто - прим. автора [\[6\]](#)), но и личностью учащегося, который управляет собственной интеграцией в данную среду [\[4; 10\]](#).

Существующие в зарубежных исследованиях макрокатегории, которые являются повторяющимися элементами в содержании понятия "академическая вовлеченность", включают энергию и усилия, состояние, процесс, поток и поглощенность делом. Наиболее распространенным определением академической вовлеченности, которое можно встретить в зарубежной научной литературе, является следующее: инвестиции времени и усилий, вкладываемые студентом в учебную и внеучебную деятельность. Расширяя это определение для условий самостоятельного обучения, некоторые исследователи указывают, что академическая вовлеченность охватывает только устойчивые физические и умственные усилия учащихся, необходимые для достижения ими успеха в выполнении учебных задач [\[17; 39\]](#).

Некоторыми авторами отмечается, что изучение особенностей вовлеченности взрослого человека в образование требует обращения к психологической реальности, которую можно охарактеризовать понятиями "адаптации" и/или "совладание" [\[4-7; 40\]](#). К. Касвом отмечает, что новая образовательная среда бросает вызов личности учащегося [\[4\]](#), при этом она описывает обучение взрослых как "хаотическое" [\[4\]](#). Тинто опыт обучения взрослых квалифицирует как "дезориентирующий и сбивающий с толку" [\[6\]](#). Американский психолог и педагог Артур В. Чикеринг указывает, что обучение взрослых трансформационное или преобразующее по своей природе, "[...] становится для них скольжением по тонкому льду – безосновательными и отчаянными, часто безуспешными попытками, принятия форм преодоления, которые не всегда достаточно эффективны для успешной учебы" [\[5\]](#).

Концепция вовлеченности в обучение является многогранной и охватывает когнитивные, эмоциональные, мотивационные, ценностно-смысловые и поведенческие аспекты. Вовлечь взрослых людей в обучение – значит обеспечить соответствие образовательной среды и личностных психологических ресурсов вовлеченности учащегося. Это соответствие необходимо как для вовлеченности в обучение по типу "здесь и сейчас" ("поток"), так и формирования глубокой вовлеченности на уровне ценностей и смыслов взрослых учащихся. Именно осмысленная вовлеченность обуславливает готовность учащихся действовать конгруэнтно собственным целям, ценностям, чувствам и смыслам, то есть действовать проактивно и претерпевать необходимые для обучения изменения [\[4; 40\]](#). По мнению Б. Маголды, "[...] при столкновении учащихся с трудными эмоционально заряженными учебными ситуациями, этическими дилеммами, неконгруэнтными ценностями и смыслами они будут испытывать сильный психологический дискомфорт" [\[41\]](#). Неспособность преодолевать возникающие барьеры психической адаптации путем выработки новых адаптационных стратегий приводит взрослого учащегося к отказу от участия в образовании и длительным разрывам в образовательном опыте [\[4; 6; 7\]](#).

Вовлеченность в обучение исследователи называют "зеркалом образовательного опыта" [\[42\]](#) и предлагают использовать ее в качестве общего концептуального знаменателя, отражающего эмпирические взаимосвязи, которые существуют между методами

обучения, личностью учащегося и результатами обучения. На наш взгляд, для объяснения причин и условий невовлеченности взрослых людей в образование или отчуждения от обучения необходим отказ от линейного понимания взаимосвязей между усилиями, вкладываемыми учащимся в самостоятельную учебную деятельность, и ее результатами. Как указывает Касвом, "практика обучения взрослых людей может включать в себя как то, что взрослый учащийся считает обучением, так и практику или поведение, которые они ассоциируют с обучением" [4]. Усилия учащихся могут быть направлены не только на решение поставленных перед ними учебных задач, но и на иную деятельность. А.В. Астин в этой связи указывает, что "[...] физическая и умственная энергия вовлеченности учащегося может быть направлена либо на обучение или от него" [с. 43, с. 522]. Таким образом, усилия учащихся могут привести к вовлеченности в виде отклоняющегося поведения, а также активному сопротивлению образовательной среде. Такое поведение взрослого учащегося может быть как личностно-обусловленной деструктивной психологической защитой, так и конструктивным сопротивлением, направленным на формирование личностных смыслов учения.

4. Обсуждение результатов исследования

Проведенный анализ литературы показывает, что вовлеченность взрослых людей в обучение представляет собой сложный, эмоционально значимый результат успешного преодоления учащимся психологических барьеров, возникающих в образовательном процессе. Самостоятельное использование возможностей развития, предоставляемых образовательной средой, обусловлено готовностью личности взрослого учащегося к принятию необходимых изменений – их осознанный выбор при столкновении с личностно значимым учебными задачами, осознание своих дефицитов и возможных компенсаций, приведет к корректировкам ценностей и ожиданий учащегося. Напротив, учащиеся, которые отвергли необходимые изменения, с большой долей вероятности продемонстрируют потенциально деструктивное образовательное поведение. Уход взрослых учащихся в неформальные и неорганизованные образовательные траектории может стать способом разрешения противоречий, обусловленных невозможностью без помощи преподавателя-фасилитатора принять в свой "образ мира" картину новой ценностно-смысловой направленности и действовать автономно.

На протяжении прошедших пятидесяти лет было предложено немало подходов к трактовке понятия "психологическая устойчивость". Несмотря на то, что они различаются по своим теоретическим и методологическим основаниям, исследователи разделяют общее видение психологической устойчивости как сложной многоуровневой конструкции. В проанализированных научных статьях отмечается два необходимых и достаточных условия для определения динамики процесса психологической устойчивости личности: подверженность значительному риску и позитивная эволюция с точки зрения психологического благополучия, несмотря на угрозу, которой человек подвергается.

Психологическую устойчивость личности в ситуации изменений целесообразно рассматривать как процесс, содержащий динамический баланс стабильности и изменчивости [11]. Этот процесс подразумевает тип адаптивного функционирования, который, позволяет человеку сталкиваясь с трудностями, восстанавливать исходное равновесие или возвращаться к норме и использовать вызовы как возможности для роста, оставаясь "творцом" собственного жизненного пути. При этом устойчивость личности учащегося как стабильность означает способность к сохранению своих

жизненных принципов и ценностных ориентаций, а также сопротивление личности давлению образовательной среды, несмотря на возникающие трудности. Устойчивость также предполагает настойчивость учащегося в преодолении препятствий и готовность к изменениям, корректировке своих адаптационных стратегии в зависимости от требований учебной ситуации. Психологически устойчивая личность способна самостоятельно справляться с трудностями вне зависимости от изменений в жизненном контексте с надлежащим упорством, опорой на собственные ценности, поддерживая высокий уровень осознанности и саморефлексии. Такое настойчивое отношение после пережитых трудностей позволяет учащимся активировать необходимые для самостоятельной учебной деятельности личностные психологические ресурсы и восстанавливать состояние эмоционального равновесия для обеспечения непрерывного профессионально-личностного развития.

Под оптимальным психосоциальным функционированием в исследованиях понимается психологический механизм развития, который в его упрощенном изложении связан с индивидуальным эмоционально окрашенным состоянием переживания изменений к лучшему. В исследованиях подчеркивается динамическая природа оптимальных состояний и условий их протекания: они значительно варьируются от человека к человеку и являются нестабильными для учебной деятельности в разных контекстах. Обе концепции оптимального опыта, которые мы проанализировали в данном исследовании подчеркивают особую важность самоопределяемой учебной активности взрослого учащегося, личной удовлетворенности учебой, стремлений учащегося к осознанности и настойчивости в своих усилиях для повышения производительности самостоятельной учебной деятельности.

“Поток” относится к психологическому состоянию потери счета времени и низкой чувствительности к внешним стимулам из-за полного погружения человека в деятельность [33]. Согласно существующим определениям понятия, потоковый опыт способствует адаптации учащегося посредством его “примирения с данностями образовательной среды или временном прекращении сопротивления, несмотря на то, что проблема не решена, а решение не достигнуто” [10]. Другими словами, это процесс, в котором учащийся отказывается от некоторых своих ожиданий и требований, чтобы найти компромисс в противоречии, существующем между его личностью и средой. Это психологическое состояние характеризуется балансом между сложностью задачи и уровнем способностей и навыков учащегося, который и приводит к оптимальному опыту обучения. Когда учащиеся достигают “потока”, они с большей вероятностью будут глубоко вовлекаться в учебный материал, что способствует улучшению усвоения знаний и навыков, повышению учебной мотивации. Таким образом, “поток” способствует непрерывной вовлеченности в обучение, смягчая внешнее давление, которое может препятствовать самостоятельной учебной деятельности. В свою очередь, психологическая устойчивость личности, способствуя вовлеченности в обучение, корректирует реакции взрослого учащегося на возникающие в самостоятельной учебной деятельности трудности и продлевает состояние “потока”. Опыт успешного преодоления учащимся трудностей стимулирует повторную вовлеченность в обучение.

5. Выводы

Оптимизация образовательного процесса может быть достигнута путем совершенствования двух основных его компонентов – содержательного и процедурного [44]. Одним из направлений оптимизации ДПО в вузе в области его процедурного начала, является повышение качества самостоятельной работы студентов.

Самостоятельность взрослого человека рассматривается в исследованиях как свойство, существующее на непрерывной основе, и, следовательно, учебная самостоятельность может быть сформирована в благоприятной образовательной среде. Благоприятная образовательная среда вуза может стать "теплицей", в которой взрослые учащиеся будут подготавливаться к условиям непрерывного обучения для дальнейшего самостоятельного развития профессиональных знаний и навыков в различных образовательных средах.

Настоящее исследование подчеркивает важную роль психологической устойчивости личности, осознанной вовлеченности в обучение и "потока" в оптимизации учебной деятельности взрослых людей в ситуации изменений. В освоении программ ДПО вуза интегральным фактором, побуждающим к получению образования и осознанной вовлеченности в обучение является личность учащегося. Выбор образовательных учреждений, дополнительных программ и курсов, разработка индивидуальных образовательных маршрутов становится личностным выбором взрослого человека, а успешность обучения предопределяется накопленным опытом устойчивого функционирования, как в формальной образовательной среде вуза, так и в полной автономности неорганизованного обучения.

Как спонтанная, так и целенаправленная активность напрямую связаны с тем, насколько учащийся ощущает внутреннюю устойчивость по отношению к конкретной образовательной среде [\[11\]](#). Эта связь может быть детерминирована тремя факторами: 1) чувствительностью учащегося к внешним стимулам, 2) его готовностью к осознанной вовлеченности, то есть способностью к инвестированию своих усилий в учебную деятельность, в том числе к их приложению для преодоления барьеров психической адаптации, возникающих в образовательном процессе, 3) пониманием своего "оптимального наилучшего" или границ своих возможностей и смысла совершаемых действий для благоприятного разрешения адаптационного конфликта между личностью и средой и достижения "потока". Сохраняя устойчивость к воздействию внешних обстоятельств, поддерживая оптимальный уровень активности, учащийся осознанно инвестирует усилия в учебную деятельность, гибко реагируя на трудности, сохраняя стабильность ценностных ориентаций, чтобы создавать личностно значимый образовательный продукт, основанный на собственном опыте, и накапливать его, осуществляя успешный трансфер знаний.

Теоретические положения и рекомендации, представленные в данной статье стали основой разработки методики исследования автономной вовлеченности лиц, обучающихся по программам ДПО в вузе. В качестве дальнейших перспектив исследования рассматривается разработка мер специализированной психологической поддержки взрослых учащихся и необходимого психолого-педагогического сопровождения в образовательной среде вуза. Разрабатываемые программы включают комплекс мер, направленных на повышение эмоциональной устойчивости учащихся, активизацию и стимулирование их учебно-познавательной активности, способствующие их личностной самореализации в образовательном процессе, а также развитию навыков эффективного планирования и управления учебной деятельностью. В качестве одной из мер предложено развитие философского мировоззрения учащихся посредством введения в образовательные программы ДПО краткого курса философии. Основанием для выбора конкретных направлений работы по развитию самостоятельности учащихся станут запросы самих студентов по возникающим у них проблемам в ситуациях учебной деятельности.

Библиография

1. Адаптационный аспект ДПО взрослых в сфере менеджмента // Психологические и педагогические проблемы образования в условиях цифровой трансформации и социальных вызовов / под ред. Н. В. Бордовской, С. Т. Посоховой. - М. : Русайнс, 2022. - С. 124-138.
2. ВЦИОМ (2023). Обучение длиною в жизнь [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn> (дата обращения: 12.10.2025).
3. Киселева Н.В. Вовлеченность обучающихся в непрерывное образование на разных этапах образовательного процесса // Психология и Психотехника. 2017. № 4. С. 74-81. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24659 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24659
4. Kasworm C. Adult meaning making in the undergraduate classroom // Adult Education Quarterly. - 2003. - Vol. 53, № 2. - P. 81-98. DOI: 10.1177/0741713602238905 EDN: JKPZRN
5. Chickering A.W., Gamson Z.F. Seven principles of good practice in undergraduate education // New Directions for Teaching and Learning. - 1991. - № 47. - P. 63-69.
6. Tinto V. Stages of Student Departure: Reflections on the Longitudinal Character of Student Leaving // The Journal of Higher Education. - 1988. - Vol. 59(4). - P. 438-455.
7. Engeström Y. From learning environments and implementation to activity systems and expansive learning // Actio: An International Journal of Human Activity Theory. - 2009. - № 2. - P. 17-33.
8. Никандров Н.Д. Перспективы развития образования в России. - СПб. : ГУП Изд. Спб., 2005. - С. 27. EDN: QSXGOR
9. Phan H.P., Ngu B.H. Positive psychology: the use of the framework of achievement bests to facilitate personal flourishing // Well-being and Quality of Life / ed. A. A. V. Boas. - Rijeka : InTech, 2007. - P. 19-33.
10. Abuhamdeh S. Investigating the "Flow" Experience: Key Conceptual and Operational Issues // Frontiers in Psychology. 2020. - Vol. 11. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00158>. EDN: VBYRCD
11. Гришина Н.В., Костромина С.Н., Одинцова М.М. Опросник "Динамическая устойчивость личности" // Новые психологические исследования. - 2024. - № 3. - С. 75-94. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_03_04 EDN: HAAPWI
12. Song P., Cai X., Qin D., Wang Q., Liu X., Zhong M., Li L., Yang Y. Analyzing psychological resilience in college students: a decision tree model // Heliyon. - 2024. - Vol. 10(11). - P. 1-16. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e32583 EDN: OIUBZK
13. Ngu B.H., Phan H.P. Achievement bests framework, cognitive load theory, and equation solving // New Pedagogical Challenges in the 21st Century - Contributions of Research in Education. - 2015. - Ch. 16. - P. 287-306.
14. Phan H.P., Ngu B.H., Wang H.-W., Shih J.-H. Empirical validation of the psychological concept of a perceived feeling of 'energy': Advancement into the study of positive psychology // PLoS ONE. - 2021. - Vol. 16(11): e0259762. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0259762>. EDN: GVTWCZ
15. Qureshi A., Wall H., Humphries J., Balani A. B. Can personality traits modulate student engagement with learning and their attitude to employability? // Learning and Individual Differences. - 2016. - Vol. 51. - P. 349-358.
16. Cassidy S. Resilience building in students: the role of academic self-efficacy // Frontiers in Psychology. - 2015. - Vol. 6. - P. 17-81.
17. de la Fuente J., Fernández-Cabezas M., Cambil M., Vera M.M., González-Torres M.C., Artuch-Garde R. Linear relationship between resilience, learning approaches, and coping

- strategies to predict achievement in undergraduate students // *Frontiers in Psychology*. - 2017. - Vol. 8. - Art. 1039.
18. Gao Y., Wang X., Reynolds B. L. The mediating roles of resilience and flow in linking basic psychological needs to tertiary EFL learners' engagement in the informal digital learning of English: a mixed-methods study // *Behavioral Sciences*. - 2025. - Vol. 15, № 1. - Art. 85. DOI: 10.3390/bs15010085 EDN: HZGXPY
19. Sinclair V.G., Wallston K.A. The development and psychometric evaluation of the Brief Resilient Coping Scale // *Assessment*. - 2004. - Vol. 11. - P. 94-101. DOI: 10.1177/1073191103258144 EDN: JLJFXH
20. Alva S.A. Academic invulnerability among Mexican-American students: the importance of protective resources and appraisals // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. - 1991. - Vol. 13, № 1. - P. 18-34. DOI: 10.1177/07399863910131002 EDN: JMGSPJ
21. Ibrahim A.K.A. The relative contribution of psychological flow and resilience in anticipating the cognitive failure of elementary school students // *Education Research International*. - 2022. - Art. 4525063. - 14 p.
22. Werner E. Resilience in development. *Current Directions in Psychological Science*. - 1995. - Vol. 4(3). - P. 81-85.
23. Fleming J., Ledogar R.J. Resilience, an evolving concept: a review of literature relevant to Aboriginal research // *Pimatisiwin*. - 2008. - Vol. 6, № 2. - P. 7-23.
24. Mao Y., Luo X., Wang S., Mao Z., Xie M., Bonaiuto M. Flow experience fosters university students' well-being through psychological resilience: a longitudinal design with cross-lagged analysis // *British Journal of Educational Psychology*. - 2024. - Vol. 94. - P. 518-538. DOI: 10.1111/bjep.12661 EDN: KJQDUC
25. Barber B. K. Annual research review: the experience of youth with political conflict - challenging notions of resilience and encouraging research refinement // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. - 2013. - Vol. 54. - P. 461-473.
26. Rutter M. Psychosocial resilience and protective mechanisms // *Risk and Protective Factors in the Development of Psychopathology* / eds. J. Rolf, A. S. Masten, D. Cicchetti, K. H. Nüchterlein, S. Weintraub. - New York : Cambridge Univ. Press, 1990. - P. 181-214.
27. Luthar S.S. Resilience in development: a synthesis of research across five decades // *Developmental Psychopathology: Risk, Disorder, and Adaptation* / eds. D. Cicchetti, D. J. Cohen. - New York : Wiley, 2006. - P. 740-795. DOI: 10.1002/9780470939406.ch20 EDN: WTCKNN
28. Luthans F., Youssef-Morgan C.M. Psychological capital: An evidence-based positive approach // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. - 2017. - Vol. 4(1). - P. 339-366.
29. Baumert A., Schmitt M., Perugini M., et al. Integrating personality structure, personality process, and personality development // *European Journal of Personality*. - 2017. - Vol. 31, № 5. - P. 503-528. - DOI: 10.1002/per.2115. EDN: YKQRWQ
30. Sosnowska J., Kuppens P., De Fruyt F., Hofmans J. A dynamic systems approach to personality: the Personality Dynamics (PersDyn) model // *Personality and Individual Differences*. - 2019. - Vol. 144. - P. 11-18.
31. Csikszentmihalyi M., Massimini F. On the psychological selection of bio-cultural information // *New Ideas in Psychology*. - 1985. - Vol. 3. - P. 115-138.
32. Bonaiuto M., Mao Y., Roberts S., Psalti A., Ariccio S., Ganucci Cancellieri U., Csikszentmihalyi M. Optimal experience and personal growth: flow and the consolidation of place identity // *Frontiers in Psychology*. - 2016. - Vol. 7. - Art. 1654.
33. Csikszentmihályi M. Flow and the foundations of positive psychology. - Harper Collins, 2014. - 314 p.
34. Seligman M., Csikszentmihályi M. Positive psychology // *American Psychologist*. - 2000.

- Vol. 55(5). - P. 5-14.

35. Nakamura J., Csikszentmihályi M. The concept of flow // Handbook of Positive Psychology / eds. C. R. Snyder, S. J. Lopez. - Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. - P. 89-105.

36. Pintrich P. R., Schunk D. H. Motivation in Education: Theory, Research, and Applications. - Upper Saddle River : Merrill Prentice-Hall, 2002. - 460 p.

37. Melhe M.A., Salah B.M., Hayajneh W.S. Impact of training on positive thinking for improving psychological hardiness and reducing academic stresses among academically-late students // Educational Sciences: Theory and Practice. - 2021. - Vol. 21, № 1. - P. 132-146. DOI: 10.12738/jestp.2021.3.010 EDN: AKHWDJ

38. Fraillon J. Measuring student well-being in the context of Australian schooling: discussion paper. - Carlton South (VIC) : Australian Council for Research, 2004. - 54 p.

39. Schaufeli W.B., Salanova M., González- Romá V., Bakker A.B. The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach // Journal of Happiness Studies. - 2002. - Vol. 3(1). - P. 71-92. EDN: EROTDZ

40. Rajala A., Sannino A. Students' deviations from a learning task: an activity-theoretical analysis // International Journal of Educational Research. - 2015. - Vol. 70. - P. 31-46.

41. Magolda M.B. Self-authorship // New Directions for Higher Education. - 2014 (166). - P. 25-33.

42. Kahu E.R., Nelson K. Student engagement in the educational interface: understanding the mechanisms of student success // Higher Education Research and Development. - 2018. - Vol. 37, № 1. - P. 58-71.

43. Astin A. W. Student involvement: a developmental theory for higher education // Journal of College Student Development. - 1999. - Vol. 40. - P. 518-529.

44. Бабанский Ю.К. Избранные педагогические труды. - М.: Педагогика, 1989. - 558 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования - психологическая устойчивость личности, академическая вовлеченность и оптимального опыта в развитии самостоятельной учебной деятельности взрослых учащихся.

Методология исследования: цель исследования является анализ ключевых подходов и направлений дискуссии, связанных с психологической устойчивостью личности, оптимальным опытом и вовлеченностью в обучение, представленных в зарубежной литературе, для определения их роли в развитии самостоятельности учебной деятельности взрослых учащихся. Обзор литературы, опубликованной в 1990-2025 гг., выполнен с использованием баз данных Scopus, PubMed, PsycINFO.

Актуальность: актуальность исследования обусловлена тем, что решения ряда теоретических и практических задач, связанных с оптимизацией дополнительного профессионального образования в вузе в области подготовки взрослых людей к самостоятельному обучению в ситуации изменений. Взрослым учащимся в образовательном процессе вуза требуются специализированная психологическая поддержка и психолого-педагогическое сопровождение, которые обеспечат им постепенный переход от зависимого обучения к полной учебной самостоятельности.

Научная новизна: рецензируемая статья обладает научной новизной, поскольку

настоящее исследование подчеркивает важную роль психологической устойчивости личности, осознанной вовлеченности в обучение и “потока” в оптимизации учебной деятельности взрослых людей в ситуации изменений. В освоении программ ДПО вуза интегральным фактором, побуждающим к получению образования и осознанной вовлеченности в обучение является личность учащегося.

Стиль, структура, содержание: Статья хорошо структурирована, написана четким и научным языком, выводы обоснованы, литература соответствует, заявленной тематике.

Библиография: Все разделы статьи логически взаимосвязаны, а положения статьи подтверждены цитатами из авторитетных источников и ссылками на научные исследования.

Апелляция к оппонентам: апелляция к оппонентам выражена в работах Дж. Сосновска и ее коллег (“A dynamic systems approach to personality: The Personality Dynamics (PersDyn) model”), А. Баумерт и соавторов (понимание поведения человека в конкретных ситуациях требует изучения психологических процессов и механизмов, объясняющих основные индивидуальные паттерны адаптации и развития во времени), К. Касвом (новая образовательная среда бросает вызов личности учащегося), Тинто (опыт обучения взрослых квалифицирует к “дезориентирующий и сбивающий с толку”). Американский психолог и педагог Артур В. Чикеринг указывает, что обучение взрослых трансформационное или преобразующее по своей природе и мн. др.

Выводы, интерес читательской аудитории: Интересным представляется вывод, что самостоятельность взрослого человека рассматривается в исследованиях как свойство, существующее на непрерывной основе, и, следовательно, учебная самостоятельность может быть сформирована в благоприятной образовательной среде. Благоприятная образовательная среда вуза может стать “теплицей”, в которой взрослые учащиеся будут подготавливаться к условиям непрерывного обучения для дальнейшего самостоятельного развития профессиональных знаний и навыков в различных образовательных средах.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Алексеев И.А., Тхостов А.Ш., Шустов А.Д. Анализ когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74811 EDN: RYNBQL URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74811

Анализ когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах

Алексеев Илья Андреевич

ORCID: 0009-0005-2538-4869

аспирант; кафедра Нейро- и патопсихологии; Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

123308, Россия, г. Москва, р-н Хорошево-Мневники, Новохорошевский пр-д, д. 15, кв. 32

✉ alexseev97i@mail.ru

Тхостов Александр Шамилевич

ORCID: 0000-0001-9676-4096

доктор психологических наук

профессор, зав. кафедрой; кафедра Нейро- и патопсихологии; ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова»

123308, Россия, г. Москва, р-н Хорошево-Мневники, Новохорошевский пр-д, д. 15, кв. 32

✉ tghostov@gmail.ru

Шустов Александр Дмитриевич

ORCID: 0000-0003-4088-5109

кандидат медицинских наук

Врач психиатр-психотерапевт, психиатр-нарколог; ООО «Госпитальная 10»

123308, Россия, г. Москва, р-н Хорошево-Мневники, Новохорошевский пр-д, д. 15, кв. 32

✉ sashashustov777@mail.ru

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74811

EDN:

RYNBQL

Дата направления статьи в редакцию:

11-06-2025

Дата публикации:

23-06-2025

Аннотация: Настоящее исследование направлено на анализ и сопоставление когнитивных профилей при расстройствах различного генеза: эндогенного, представленного случаями шизофрении, и экзогенного, обусловленного употреблением новых психоактивных веществ (НПВ), преимущественно синтетических катинонов и каннабиноидов. Объектом изучения являются особенности нарушений когнитивной деятельности, проявляющиеся в таких функциональных областях, как память, внимание и мышление. Исследование предполагает выявление различий в структуре, выраженности и потенциальной устойчивости этих нарушений, что приобретает особую значимость в контексте современной дифференциальной диагностики. Сравнительный анализ когнитивных характеристик при состояниях различного происхождения позволяет не только уточнить представления о закономерностях их формирования, но и заложить основы для индивидуализированного подхода к восстановлению когнитивных функций в рамках реабилитационной терапии, с учётом специфики нарушений в каждой из групп. Использовались шкала BACS, таблицы Шульте, методика «Исключение лишнего» и субтест «Недостающие детали» теста Векслера. В работе представлены систематизированные различия когнитивных характеристик пациентов с шизофренией и НПВ-индуцированными психозами. Установлено, что при шизофрении преобладают нарушения в области семантической обработки, вербальной памяти и устойчивого внимания, отличающиеся стабильностью. В группе НПВ-психозов доминируют регуляторные и исполнительные дефициты, включая ослабление произвольного контроля, снижение объёма рабочей памяти и ситуативные ошибки мышления. Эти нарушения, в отличие от шизофренического профиля, характеризуются большей лабильностью. Полученные данные уточняют представления о когнитивной организации психотических состояний разного происхождения и могут быть использованы в практике дифференциальной диагностики, а также при построении индивидуальных программ когнитивной коррекции. Несмотря на различия, обе группы показывают сходные трудности в гибкости мышления и внимании, что может затруднять дифференциацию в остром периоде. Выявленные профили позволяют точнее разграничивать психозы различного генеза и служат основой для построения индивидуализированных программ когнитивной коррекции с учётом специфики нарушений в каждой группе.

Ключевые слова:

когнитивные функции, шизофрения, психоз, синтетические наркотики, новые психоактивные вещества, внимание, мышление, дифференциальная диагностика, когнитивные нарушения, память

Введение

В последние годы наблюдается стремительный рост распространения психозов, вызванных употреблением новых психоактивных веществ (НПВ) — синтетических соединений, имитирующих эффект классических наркотиков, но обладающих высокой токсичностью и непредсказуемым психогенным действием [\[1; 2\]](#). Среди них особую угрозу представляют синтетические каннабиноиды и катиноны, способные вызывать острые

психотические состояния даже при однократном приеме [\[3; 4\]](#).

Клиническая практика фиксирует всё большее число случаев шизофреноформных психозов, возникающих в контексте интоксикации НПВ, что значительно усложняет дифференциальную диагностику: врачу приходится различать эндогенное расстройство, спровоцированное экзогенным фактором, и острое экзогенное расстройство с шизофреноподобной симптоматикой [\[5; 6\]](#). Схожесть продуктивной симптоматики (бред, галлюцинации, аффективные нарушения) указывает на необходимость поиска объективных диагностических критериев, в частности, нейрокогнитивного уровня анализа.

На фоне хорошо исследованной когнитивной дисфункции при шизофрении — в частности, нарушений высших психических функций [\[7; 8\]](#) — когнитивные особенности психозов, индуцированных НПВ, остаются недостаточно изученными. Существующие публикации в основном ограничиваются описанием клинических случаев или фрагментарными данными без единой концептуальной базы [\[9; 10\]](#).

Сравнение когнитивного профиля при шизофрении и психозах, индуцированных новыми психоактивными веществами (НПВ), оправдано не только с теоретико-научной, но и с клиничко-практической точки зрения. В условиях растущего распространения синтетических наркотиков, вызывающих острые психотические состояния с симптоматикой, схожей с шизофреническим спектром, главной задачей становится дифференциация происхождения психоза — экзогенного или эндогенного [\[5; 6\]](#).

Целью настоящего исследования является интегративный анализ когнитивных нарушений в сферах памяти, внимания и мышления у пациентов с шизофренией и НПВ-индуцированными психозами для выявления специфических паттернов, имеющих дифференциально-диагностическое значение.

Теоретические основания работы

Когнитивные нарушения при шизофрении представляют собой устойчивый и клинически значимый феномен, который сохраняется на всех этапах заболевания и оказывает существенное влияние на социальное функционирование пациентов [\[11\]](#). Современные исследования показывают, что когнитивный дефицит при шизофрении затрагивает различные домены: внимание, рабочую память, вербальное научение, скорость обработки информации, зрительно-моторную координацию, исполнительные функции [\[12; 13\]](#).

Особенностью когнитивного дефицита при шизофрении является его относительная стабильность и системность. Нарушения носят генерализованный характер, затрагивая как базовые, так и высшие когнитивные функции [\[14\]](#). При этом наиболее выраженными оказываются дефициты вербальной памяти, рабочей памяти и исполнительных функций [\[15\]](#). Эти нарушения сохраняются даже в периоды ремиссии и слабо связаны с выраженностью позитивной симптоматики [\[16\]](#).

В отличие от шизофрении, когнитивные нарушения при НПВ-индуцированных психозах изучены значительно меньше, несмотря на интерес исследователей к данной тематике. Имеющиеся данные указывают на то, что синтетические каннабиноиды и катиноны оказывают выраженное нейротоксическое действие, которое может приводить к когнитивной дисфункции [\[17; 18\]](#). Однако характер этих нарушений, их динамика и специфика остаются малоизученными.

Синтетические каннабиноиды действуют как полные агонисты CB1-рецепторов, что отличает их от природного тетрагидроканнабинола (частичного агониста). Это приводит к более выраженным психотомиметическим эффектам и потенциально более серьезным когнитивным нарушениям [19]. Синтетические катиноны, в свою очередь, влияют на моноаминергические системы мозга, увеличивая высвобождение и блокируя обратный захват дофамина, норадреналина и серотонина [20].

При психозах, индуцированных этими веществами, отмечается более выраженное нарушение внимания, рабочей памяти и исполнительных функций при относительной сохранности долговременной памяти [21; 22].

Когнитивные расстройства при эндогенных и интоксикационных психозах формируются на разных уровнях организации психических процессов. При шизофрении (F20) ключевую роль играют нарушения, связанные с аномалиями развития и прогрессирующими изменениями работы мозга: неправильное формирование связей между корой и подкорковыми структурами, длительная дисфункция дофаминергической модуляции в префронтно-лимбических цепях и хроническая гипоглутаматергия [7; 14; 23]. В результате возникают стойкие, относительно «плоские» дефициты рабочих схем памяти, исполнительных функций и вербального обучения – то, что Международная инициативная группа MATRICS трактует как «общее когнитивное ядро» расстройства [13].

При НПВ-психозах патогенез токсико-индуцированный и преимущественно острый: синтетические катиноны обратимо «переключают» транспортёры DAT/NET/SERT в режим выброса моноаминов и высвобождают глутамат; синтетические каннабиноиды – сверхпотентные агонисты CB1, угнетают ГАМК-нейроны и вторично усиливают дофаминовый поток [4; 17; 19; 24]. Срыв баланса «возбуждение - ингибция» ведёт к транзиторной гипердофаминергии вентрального стриатума, быстрому энергетическому истощению гиппокампальных цепей и нарушению LTP – отсюда эпизодические, но выраженные провалы рабочей памяти, внимания и регуляции мышления [1-4; 18].

Когнитивный профиль F20 похож на «плато» с равномерным снижением разных функций, тогда как НПВ-психоз характеризуется «пилообразным» рисунком: отдельные пики дефицита (рабочая память при катинонах, устойчивость внимания при каннабиноидах) на фоне почти нормальных исполнительных параметров после детоксикации.

Материалы и методы исследования

В исследование включены 133 пациента, находившиеся на лечении в психиатрическом стационаре. Средний возраст участников составил 31,26 года (SD = 7,57). Отбор проводился на основании клинического диагноза и стадии стабилизации состояния.

Выборка была разделена на две группы:

- **Группа НПВ-индуцированных психозов** — 72 пациента, перенесшие острое психотическое состояние, вызванное употреблением синтетических катинонов и каннабиноидов.
- **Группа шизофрении** — 61 пациент с установленным диагнозом расстройства шизофренического спектра, не употреблявший психоактивные вещества.

Обследование проводилось на 5–6-й день после госпитализации, после купирования острых психотических симптомов. Исключались пациенты с тяжёлыми соматическими, неврологическими и коморбидными психическими расстройствами.

Для оценки когнитивного функционирования использовалась русскоязычная адаптация шкалы BACS (Brief Assessment of Cognition in Schizophrenia), валидированная для отечественной выборки. Тестирование проводилось индивидуально в бумажном формате.

Для изучения внимания применялась методика таблиц Шульте, позволявшая оценить темп, устойчивость и переключаемость внимания, а также утомляемость при серийном выполнении заданий.

Нарушения мышления анализировались с помощью двух патопсихологических методик:

- «Исключение лишнего», выявляющая особенности обобщения, категоризации и логической аргументации;
- Субтест «Недостающие детали» шкалы Векслера, направленный на оценку способности к анализу, критичности и выделению существенных признаков.

Ответы респондентов классифицировались по типам (верные, конкретно-ситуативные, латентные, пропуски) двумя независимыми экспертами. Согласованность кодировки составила более 90%, разногласия устранялись путём консенсуса. Для повышения точности сравнение проводилось по относительным (процентным) частотам ответов.

Статистическая обработка данных выполнялась с использованием программ IBM SPSS Statistics 23.0 и Microsoft Excel. Применялись непараметрические критерии (U-критерий Манна-Уитни) и χ^2 -критерий Пирсона.

Результаты исследования

Сравнительный анализ когнитивных показателей, проведённый с использованием шкалы BACS, выявил различия между группами пациентов с шизофренией и НПВ-индуцированными психозами. На уровне описательной статистики (таблица 1) обращает на себя внимание более выраженный дефицит вербальной памяти у пациентов с шизофренией, в то время как у лиц с НПВ-психозами наблюдаются худшие показатели по рабочей памяти (Digit Sequencing). Показатели скорости обработки информации (Symbol Coding) ниже в группе шизофрении.

Таблица 1 — Описательные статистики когнитивных показателей по шкале BACS (стандартизированные значения)

Шкала	Группа	Среднее	Медиана	SD	SE
Verbal Memory	НПВ	-1.59	-1.768	1.432	0.170
	Шизофрения	-1.97	-2.080	1.087	0.1391
Digit Sequencing	НПВ	-2.00	-2.012	1.281	0.152
	Шизофрения	-1.38	-1.110	1.509	0.1931
Token Motor Task	НПВ	-1.69	-1.105	2.628	0.312
	Шизофрения	-1.90	-1.270	2.110	0.2702
Verbal Fluency	НПВ	-1.14	-1.099	1.182	0.140
	Шизофрения	-1.08	-1.010	0.776	0.0994
Symbol Coding	НПВ	-4.96	-4.589	0.942	0.112
	Шизофрения	-5.39	-5.580	0.833	0.1067
Tower of London	НПВ	47.95	-0.117	69.638	8.264
	Шизофрения	38.07	40.060	32.913	4.2141

Для проверки статистической значимости различий был использован U-критерий Манна-

Уитни. Как представлено в таблице 2, статистически значимые различия выявлены по подшкале рабочей памяти ($p < 0.001$) и по шкале скорости обработки информации ($p = 0.002$), при этом по вербальной памяти наблюдается пограничное различие ($p = 0.055$).

Таблица 2 — Сравнение показателей BACS между группами (U-критерий Манна-Уитни)

	Статистика	p	Разница средних
Verbal Memory	1745	0.055	0.4225
Digit Sequencing	1408	< .001	-0.7234
Token Motor Task	1962	0.353	0.2911
Verbal Fluency	2136	0.893	0.0150
Symbol Coding	1472	0.002	0.4660
Tower of London	1879	0.191	-5.3892

Дополнительный анализ внимания с помощью методики таблиц Шульте (таблица 3) показал, что у пациентов с НПВ-индуцированными психозами психическая устойчивость была достоверно выше ($p = 0.018$), тогда как показатели вработываемости и эффективности работы не достигли уровня значимости, но демонстрировали схожую тенденцию. Это указывает на большую утомляемость и снижение устойчивости внимания у пациентов с шизофренией.

Таблица 3 — Сравнение параметров таблиц Шульте между группами пациентов с НПВ-психозом и шизофренией

Показатель	Тест	Статистика	Степени свободы	p	U Манн-Уитни	Ранговая корреляция
Эффективность работы	t-Стьюдент	-0.351	131	0.726	1823	0.1619
Степень вработываемости	t-Уэлч	-1.757	114	0.082	1406	0.153
Психическая устойчивость	t-Стьюдент	2.399	114	0.018	1224	0.284

Группа с НПВ-индуцированными психозами демонстрирует более высокую скорость выполнения задания и меньшую истощаемость внимания, в то время как у пациентов с шизофренией показатели времени и ошибок выше, что свидетельствует о большей выраженности дефицита внимания.

Качественные характеристики мышления изучались с использованием субтеста «Недостающие детали» шкалы Векслера. Как показано в таблице 4, пациенты с шизофренией допустили большее число латентных ошибок и пропусков, в то время как у пациентов с НПВ-психозами преобладали конкретно-ситуативные ошибки. Эти различия подтвердились статистически: $\chi^2 = 20015.073$, $df = 8$, $p < 0.001$ (таблица 5).

Таблица 4 — Распределение типов ответов в субтесте Векслера «Недостающие детали» по группам

Тип ответа	Группа НПВ-психозов	Группа шизофрении
Верные	882	976
Конкретно-ситуативные	116	127
Латентные	161	220
Пропуски	81	116
Всего ответов	1439	1240

Полученные результаты указывают на различную структуру нарушений мышления при психозах различного генеза: в группе шизофрении преобладают формально-логические искажения, тогда как в группе НПВ-индуцированных психозов выражена опора на внешние, ситуативные признаки.

Таблица 5 — Статистические показатели критерия χ^2 для сравнения групп по субтесту «недостающие детали»

Показатель	Значение
χ^2 (хи-квадрат Пирсона)	20015.073
Степени свободы (df)	8
p-уровень значимости	< 0.001 *

Результаты анализа демонстрируют статистически значимые различия в распределении типов ошибок между пациентами с шизофренией и пациентами с НПВ-индуцированными психозами ($\chi^2 = 20015.073$; $df = 8$; $p < 0.001$). Это указывает на различную структуру нарушений мышления при психозах разного генеза.

Таблица 6 — Общее распределение типов ошибок по группам для методики «Исключение лишнего»

Тип ответа	Группа НПВ-психозов	Группа шизофрении
Верные	539	551
Конкретно-ситуативные	217	131
Латентные	242	218
Пропуски	215	154

Таблица 7 — Статистические показатели критерия χ^2 для сравнения групп по тесту «исключение лишнего»

Показатель	Значение
χ^2 (хи-квадрат Пирсона)	21.676
Степени свободы (df)	3
p-уровень значимости	0.000 *

В группе шизофрении доминирование латентных ошибок свидетельствует о дезорганизации понятийной структуры и нарушении логико-семантической связности мышления [25-28]. У пациентов с НПВ-индуцированными психозами преобладание конкретизирующих и импульсивных ошибок отражает снижение уровня произвольной регуляции, фрагментарность мышления и опору на наглядно-перцептивные признаки [23, 29; 30]. Несмотря на это, количество верных ответов в группе шизофрении было выше, что может быть связано с сохранностью формальной логики при паралогичности суждений [31]. Напротив, у пациентов с НПВ-психозами когнитивная регуляция нарушена в большей степени, несмотря на частичную сохранность семантической структуры [31; 33].

Обсуждение результатов

Целью настоящего исследования было выявление специфических когнитивных профилей у пациентов с шизофренией и с психозами, индуцированными новыми психоактивными веществами (НПВ), а также определение когнитивных параметров, полезных для дифференциальной диагностики между эндогенными (шизофреническими) и экзогенными

(НПВ-индуцированными) психозами. Анализ полученных результатов проводился с акцентом на ключевые когнитивные домены — память, внимание и мышление — и позволил сопоставить характерные паттерны дефицитов в каждой группе.

Особенности нарушений памяти

Сравнительный анализ нарушений памяти у пациентов с шизофренией и лиц, перенесших психоз, индуцированный новыми психоактивными веществами (НПВ), выявил принципиальные различия в характере и распределении когнитивного дефицита между двумя группами. У лиц с НПВ-индуцированными расстройствами преобладают нарушения рабочей памяти, в то время как у пациентов с шизофренией более выражены дефициты, затрагивающие вербальную (словесную) память.

Такая диссоциация в профилях памяти соответствует современным представлениям о различиях в патофизиологии экзогенных и эндогенных психозов. При шизофрении когнитивный дефицит в сфере вербальной памяти традиционно связывается с дисфункцией височно-гиппокампальных структур, участвующих в процессах консолидации, хранения и воспроизведения информации [\[34\]](#). Нарушения данной модальности рассматриваются как устойчивый и относительно специфичный маркер заболевания, сохраняющийся даже в фазах клинической ремиссии. Это указывает на обоснованность предположения о связи когнитивных нарушений при шизофрении с особенностями развития мозга, а также указывает на участие височных и медиальных отделов лобной доли в формировании дефицита памяти. [\[35\]](#).

В свою очередь, при НПВ-психозах наблюдаются преимущественно дефициты в сфере рабочей памяти, что может быть связано с острым токсическим воздействием психоактивных соединений на префронтальные области, включая дорсолатеральную префронтальную кору. Исследования показывают, что синтетические каннабиноиды способны нарушать баланс нейротрансмиссии в дофаминергической системе и вызывать функциональные сбои в схемах префронтального контроля [\[36\]](#). Эти изменения сопровождаются снижением способности к удержанию и манипуляции информацией в кратковременном контексте, что и определяет профиль рабочей памяти у данной категории пациентов [\[37\]](#).

Важно отметить, что выявленные различия в когнитивном профиле отражают не только различия в анатомической локализации функциональных нарушений, но и в их происхождении и степени устойчивости. Так, при шизофрении нарушения вербальной памяти формируются на фоне структурных и функциональных изменений, имеющих хронический, прогрессирующий характер [\[34; 35\]](#). В то время как при НПВ-психозах когнитивные дефициты нередко обусловлены обратимыми (или частично обратимыми) нарушениями нейропластичности, связанными с острым или субхроническим воздействием веществ [\[36\]](#).

Таким образом, наблюдаемая функциональная дивергенция в области памяти может служить индикатором различной природы когнитивного дефицита при эндогенных и экзогенных психозах. При этом профиль, характеризующийся дефицитом вербального запоминания при относительной сохранности кратковременной памяти, с большей вероятностью свидетельствует в пользу шизофрении. Напротив, выраженные трудности с рабочей памятью при относительной сохранности вербальной — могут указывать на интоксикационную, НПВ-индуцированную этиологию.

Особенности нарушений внимания

Продолжая анализ когнитивных различий между группами, следует выделить и специфику нарушений в сфере внимания, которая дополняет выявленную ранее диссоциацию в структуре памяти. Как и в случае с другими когнитивными доменами, характер дефицита внимания у пациентов с шизофренией и у лиц с НПВ-индуцированными психозами различается как по выраженности, так и по предполагаемым нейropsychологическим механизмам.

У пациентов с шизофренией отмечаются стойкие трудности в поддержании произвольного внимания, устойчивости концентрации и переключения между стимулами. Эти нарушения носят системный характер и, согласно современным представлениям, связаны с дисфункцией распределённых нейронных сетей, включая префронтальную и теменную кору, а также таламус [38]. Нарушения внимания у данной категории пациентов, как правило, не являются реакцией на текущее психотическое состояние, а выступают относительно стабильной чертой когнитивного функционирования. Это согласуется с представлением о том, что при шизофрении дефицит внимания входит в состав так называемого «когнитивного ядра» расстройства, формируясь вне зависимости от наличия продуктивной симптоматики [38].

В то же время, у пациентов с НПВ-индуцированными психозами наблюдаются иные характеристики нарушений внимания. Несмотря на наличие определённых трудностей, их профиль в меньшей степени отражает системную дезорганизацию. Относительно лучшие показатели внимания в данной группе могут быть обусловлены как меньшей вовлечённостью кортикальных механизмов, так и спецификой нейрофармакологического действия веществ. Исследования показывают, что синтетические каннабиноиды и катиноны способны оказывать двоякое влияние: с одной стороны, нарушать регуляторные функции, включая рабочую память и произвольный контроль; с другой — временно повышать бдительность и скорость реакции за счёт стимуляции дофаминергических и норадренергических систем [39]. Таким образом, в остром периоде интоксикации может наблюдаться парадоксальное сочетание расторможенности и усиления отдельных компонентов внимания, что придаёт нарушениям фрагментарный и неустойчивый характер.

Дополнительно следует отметить, что у пациентов с НПВ-индуцированными психозами нарушения внимания чаще имеют функциональную природу и обладают большей потенциальной обратимостью. Согласно данным [26], преобладающее значение здесь имеют временные сбои нейротрансмиссии, в отличие от структурных нарушений, фиксируемых при эндогенных расстройствах. Это согласуется с тем, что у данной категории пациентов отмечается большая динамичность показателей внимания в ходе клинического наблюдения и реабилитации.

В совокупности полученные данные позволяют предположить, что у пациентов с шизофренией дефицит внимания отражает глубинную, относительно стабильную когнитивную дисфункцию, тогда как у лиц с НПВ-индуцированными психозами нарушения внимания формируются на более поверхностном, регуляторном уровне. Эти различия в клинической картине и нейрокогнитивной организации внимания имеют потенциальную диагностическую ценность и могут использоваться в рамках мультидоменного подхода к дифференциальной диагностике.

Особенности нарушений мышления

Продолжая анализ различий когнитивных профилей, необходимо рассмотреть

особенности мыслительной деятельности, так как именно в этом домене выявлены наиболее чёткие и качественно различающиеся паттерны между пациентами с шизофренией и лицами с НПВ-индуцированными психозами. Эти различия логично дополняют ранее описанные расхождения в структуре памяти и внимания, формируя целостную картину функционирования при психозах различного генеза.

У пациентов с шизофренией в задачах на категоризацию и абстрагирование выявляется выраженное преобладание латентных ошибок — специфических нарушений, отражающих искажение формально-логической структуры мышления. Такие ошибки, как правило, указывают на ослабление понятийной иерархии, утрату внутренней логической согласованности высказываний, а также нарушение семантической организации суждений. Эти проявления согласуются с представлениями о том, что мыслительные расстройства при эндогенных психозах, особенно при шизофрении, обусловлены нарушениями в левовисочных и префронтальных зонах, участвующих в переработке и структурировании речевой и смысловой информации. Более того, латентные ошибки рассматриваются как отражение глубинных расстройств семантической интеграции и могут быть использованы в качестве нейropsychологического маркера шизофренического процесса [\[40\]](#).

Примечательно, что при этом у пациентов с шизофренией наблюдается относительно высокий уровень формально корректных ответов, что может восприниматься как парадоксальное явление. Однако данная особенность интерпретируется в контексте известного феномена когнитивного расщепления: логическая структура суждений может сохраняться, несмотря на нарушения смыслового наполнения и общей направленности мышления. Таким образом, пациент может формально правильно решать задачу, не опираясь на полноценную понятийную систему, а используя стереотипные или ригидные стратегии [\[27\]](#).

В группе НПВ-индуцированных психозов картина нарушений мышления иная. Здесь преобладают конкретно-ситуативные ошибки, а также пропуски, что свидетельствует о снижении уровня абстрагирования, недостаточности произвольного контроля и общей фрагментации когнитивной регуляции. Такие ошибки характеризуются опорой на поверхностные, перцептивно-наглядные признаки и неспособностью к построению обобщающих категорий. Это согласуется с данными исследований, указывающих на то, что мыслительные нарушения при НПВ-индуцированных психозах преимущественно обусловлены дисфункцией префронтальной коры, в частности её дорсолатеральных отделов, отвечающих за планирование, контроль и гибкость мышления [\[35\]](#).

Однако важно подчеркнуть, что когнитивный профиль данной группы не ограничивается только регуляторными и ситуативными дефицитами. Анализ патопсихологических ответов показал наличие существенного количества латентных ошибок — искажений логико-семантического характера, характерных для глубинных нарушений понятийной структуры. Их присутствие отличает НПВ-психозы от типичных органических состояний, где такие ошибки встречаются редко, и сближает когнитивную картину с наблюдаемой при шизофрении. Дополнительно, высокая доля пропусков указывает на выраженную фрустрацию контроля и когнитивное истощение при выполнении мыслительных задач.

Таким образом, картина нарушений мышления при НПВ-индуцированных психозах может быть охарактеризована как гибридная: с одной стороны, проявляется нарушение произвольной регуляции и сужение уровня обобщения, типичное для интоксикационных состояний, с другой — фиксируются элементы смысловой дезинтеграции, присущей

эндогенным расстройствам. Это сочетание говорит о более сложной и вариативной природе когнитивного дефицита, чем это предполагается в рамках традиционного органического патопсихологического синдрома, и требует выведения НПВ-психозов в отдельный клинико-когнитивный контекст.

Важной отличительной чертой мыслительных нарушений у пациентов с НПВ-индуцированными расстройствами является их потенциальная обратимость. Поскольку данные когнитивные сбои преимущественно имеют функциональную природу — связанную с временным нарушением нейрохимического баланса под влиянием психоактивных веществ, — они в меньшей степени сопряжены с устойчивыми нейродегенеративными изменениями, как в случае шизофрении [35]. Следовательно, при прекращении интоксикации и адекватной когнитивной терапии возможно частичное или полное восстановление мыслительных функций.

Различия в типе и выраженности мыслительных нарушений между исследуемыми группами не только подтверждают различную природу когнитивной дезорганизации при эндогенных и экзогенных психозах, но и обладают важным дифференциально-диагностическим потенциалом. Преобладание латентных, смысло-логических искажающих ошибок типично для шизофрении, тогда как преобладание ситуативных, конкретизирующих и регуляторно несостоятельных. Сопоставление характеристик когнитивного функционирования в трёх ключевых доменах — памяти, внимания и мышления — позволяет сформировать содержательные, структурно различающиеся когнитивные профили, присущие пациентам с шизофренией и с НПВ-индуцированными психозами. Ранее описанные различия в типах нарушений в каждом из доменов не являются изолированными проявлениями, а формируют взаимосвязанные когнитивные паттерны, отражающие различную природу, глубину и механизм дезорганизации психических процессов.

В случае шизофрении когнитивная дисфункция носит характер системной, устойчивой и структурно обусловленной, что проявляется на всех уровнях обработки информации: от базовой переработки стимулов до высших регуляторных операций. На этом фоне у пациентов с НПВ-индуцированными психозами наблюдается более фрагментарное, функционально-пластичное и вариативное нарушение когнитивных функций, связанное преимущественно с острыми и субострыми токсико-нейрохимическими эффектами.

Интегральные характеристики

Полученные данные демонстрируют, что когнитивные профили при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах различаются не только по степени выраженности нарушений, но и по их структуре, устойчивости и предполагаемой обратимости. Это подтверждает необходимость рассматривать такие состояния в рамках отдельных клинико-когнитивных моделей.

У пациентов с шизофренией выявлен стабильный профиль, включающий дефициты в области вербальной памяти, произвольного внимания и логико-семантического мышления [27; 28; 31; 34; 40]. Эти нарушения формируют устойчивое когнитивное ядро, связанное с дисфункцией височно-префронтальных сетей [25; 40; 41], что делает их важным диагностическим ориентиром при эндогенных расстройствах.

На этом фоне профиль пациентов с НПВ-психозами отличается большей вариативностью и выраженным преобладанием нарушений рабочей памяти, регуляторных функций и абстрагирования [26; 29; 35; 36; 37]. Эти дефициты часто носят функциональный характер и

поддаются частичному восстановлению при детоксикации и когнитивной реабилитации [\[26; 29; 39\]](#).

Особенно важно подчеркнуть, что анализ только одного когнитивного домена — например, мышления — недостаточен для описания специфики НПВ-психозов. Только мультидоменный подход, охватывающий память, внимание и мышление, позволяет выявить **гибридную структуру нарушений**, в которой сочетаются признаки, характерные как для интоксикационных, так и для эндогенных процессов [\[12; 28; 34; 35; 38\]](#).

Сравнение когнитивных профилей позволяет выделить три ключевых различия:

1. **Структура дефицита:** при шизофрении страдают глубинные понятийные механизмы; при НПВ-психозах — регуляторные функции (внимание, рабочая память, контроль) [\[28; 34; 35\]](#).
2. **Стабильность:** шизофренические нарушения — устойчивые и слабообратимые [\[40; 43\]](#); при НПВ-психозах — динамичные, с потенциалом восстановления [\[26; 29\]](#).
3. **Фокус нарушений:** при шизофрении преобладают смысловые и логико-языковые искажения; при НПВ-психозах — ситуативные, фрагментарные и импульсивные ошибки [\[35; 38; 41\]](#).

На наш взгляд, построение целостного когнитивного профиля — с обязательным учётом всех трёх доменов — является ключевым условием для адекватной дифференциальной диагностики психозов различного происхождения.

Заключение

Сопоставление когнитивных профилей пациентов с шизофренией и с психозами, индуцированными новыми психоактивными веществами (НПВ), позволило выделить качественно различающиеся модели когнитивного функционирования, охватывающие три ключевых домена: память, внимание и мышление. Полученные результаты раскрывают структурную и динамическую специфику когнитивных нарушений при психозах различного генеза и формируют основания для их дифференцированной клинической интерпретации.

При шизофрении когнитивный профиль отличается выраженной стабильностью и устойчивостью во времени. Наиболее типичными являются дефициты в области вербальной памяти, произвольного внимания и логико-семантической организации мышления. Эти нарушения связаны с недостаточностью межрегионального взаимодействия между височными и префронтальными отделами мозга, включая гиппокамп и медиальную префронтальную кору [\[27; 28; 31; 34; 40; 41; 43\]](#), и рассматриваются как индикаторы глубинной дезорганизации понятийной структуры, сопровождающей шизофренический процесс [\[17; 25; 40\]](#).

В то же время когнитивные особенности пациентов с НПВ-индуцированными психозами формируют иной тип профиля. Здесь преобладают нарушения рабочей памяти, снижение произвольного контроля, ситуативные и конкретизирующие ошибки мышления, а также фрагментарность внимания. Эти проявления обусловлены острым токсическим действием синтетических каннабиноидов и катинонов, оказывающим функциональное воздействие на дорсолатеральные отделы лобной коры и связанные с ними исполнительные системы

[\[26; 29; 35; 36; 37\]](#). Для этой группы характерна высокая когнитивная лабильность, а выявленные дефициты в ряде случаев поддаются частичному восстановлению в процессе реабилитации [\[26; 29; 39\]](#).

Принципиальные различия между группами касаются не только уровня выраженности дефицитов, но и характера их когнитивной организации. У лиц с шизофренией преобладают искажения семантических связей, нарушается понятийная иерархия, что отражает глубинную перестройку смысловых и логико-языковых механизмов [\[34; 40; 41\]](#). у пациентов с НПВ-психозами, напротив, доминируют регуляторные и перцептивные сбои, связанные с нарушением контроля, гибкости и оперативности мышления [\[28; 35; 38\]](#).

Данный вывод подчёркивает необходимость комплексного, мультидоменного анализа когнитивного статуса. Изолированное изучение одного из компонентов — например, только мышления — не позволяет зафиксировать важные феноменологические различия, особенно при интоксикационных формах психоза. Только совокупная оценка памяти, внимания и мышления предоставляет содержательные основания для построения достоверных когнитивных профилей [\[12; 28; 34; 35; 38\]](#).

Полученные различия представляют собой значимый ресурс для клинической диагностики, особенно в условиях ограниченной анамнестической информации или в случаях, когда пациенты отрицают употребление психоактивных веществ [\[37\]](#). В подобных ситуациях анализ структуры когнитивного дефицита позволяет уточнить этиологию психотического состояния и дифференцировать эндогенные и экзогенные формы нарушений.

С практической точки зрения, выявленные профили диктуют необходимость использования дифференцированных подходов к восстановительной терапии. При шизофрении наибольшую эффективность демонстрируют вмешательства, направленные на восстановление логико-семантических связей, вербальной памяти и устойчивого внимания [\[40; 43\]](#). При НПВ-индуцированных расстройствах акцент должен смещаться на восстановление исполнительных функций, произвольного контроля, гибкости мышления и кратковременной памяти [\[42\]](#).

Вектор дальнейших исследований видится в уточнении устойчивости когнитивных паттернов во времени, в изучении их динамики в ремиссии и в оценке адаптационного потенциала пациентов. Лонгитюдные и межфазовые исследования позволяют более точно зафиксировать обратимые и необратимые компоненты когнитивного дефицита, что критически важно для выстраивания персонализированных схем когнитивной реабилитации и прогностической стратификации [\[26; 29\]](#).

Ограничения исследования

Среди ограничений исследования следует отметить невозможность оценки временной динамики выявленных когнитивных характеристик, обусловленную поперечным дизайном. Также в рамках данной работы не проводилась оценка субъективных психоэмоциональных состояний, таких как уровень тревожности или мотивации, которые, согласно ряду исследований, могут оказывать влияние на устойчивость и продуктивность внимания [\[28\]](#).

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом ФГБОУ ВО

«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» (№ протокола 143-д-з от 16.06.2022 г.).

Библиография

1. Анцыборов А. В., Мрыхин В. В. Синтетические катиноны "соли для ванн": механизм действия, токсикологические аспекты, клиника, формирование зависимости // Интерактивная наука. 2017. № 5 (15). С. 29-39. EDN: YNBYIJ.
2. Бохан Н. А. и др. Клиническая типология психопатологических расстройств у потребителей синтетических каннабиноидов (спайсов) // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2015. № 4 (89). С. 18-23. EDN: VBCMHL.
3. Dargan P. I. et al. The impact of changes in UK classification of the synthetic cannabinoid receptor agonists in 'Spice' // International Journal of Drug Policy. 2011. Vol. 22, № 4. P. 274-277. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2011.02.006>.
4. Every-Palmer S. Synthetic cannabinoid JWH-018 and psychosis: An explorative study // Drug and Alcohol Dependence. 2011. Vol. 117, № 2-3. P. 152-157. <https://doi.org/10.1016/j.drugaldep.2011.01.012> EDN: ONJQVV.
5. Дубатова И. В., Анцыборов А. В., Ширяев О. Ю. Синтетические катиноны и каннабиноиды - "дизайнерские наркотики" // Интерактивная наука. 2017. № 4 (14). С. 39-42.
6. Менделевич В. Д. Психотические расстройства в результате употребления наркотиков: современное состояние проблемы // Наркология. 2015. № 7. С. 93-100.
7. Gold J. M. et al. Selective attention, working memory, and executive function as potential independent sources of cognitive dysfunction in schizophrenia // Schizophrenia Bulletin. 2018. Vol. 44, № 6. P. 1227-1234. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbx155>.
8. Keefe R. S. E. et al. The Brief Assessment of Cognition in Schizophrenia: reliability, sensitivity, and comparison with a standard neurocognitive battery // Schizophrenia Research. 2004. Vol. 68, № 2-3. P. 283-297. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2003.09.011>.
9. Винникова М. А., Шахова С. М. Клинические проявления и общие подходы к терапии при синдроме зависимости от синтетических каннабиноидов ("Спайс") // Наркология. 2016. № 4. С. 34-43. EDN: VWACAJ.
10. Bersani G. et al. Cannabis and schizophrenia: impact on onset, course, psychopathology and outcomes // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. 2014. Vol. 264, № 2. P. 129-138. <https://doi.org/10.1007/s00406-013-0412-5>.
11. Harvey P. D. Domains of cognition and their assessment // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2019. Vol. 21, № 3. P. 227-237. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2019.21.3/pharvey>.
12. Карякина М. В. Когнитивные нарушения при шизофрении: мнение группы экспертов о современном состоянии проблемы // Социальная и клиническая психиатрия. 2022. Т. 32, № 3. С. 83-90. EDN: DVNIQW.
13. Nuechterlein K. H. et al. The MATRICS Consensus Cognitive Battery, part 1: test selection, reliability, and validity // American Journal of Psychiatry. 2008. Vol. 165, № 2. P. 203-213. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.07010042>.
14. Green M. F., Horan W. P., Lee J. Social cognition in schizophrenia // Nature Reviews Neuroscience. 2015. Vol. 16, № 10. P. 620-631. <https://doi.org/10.1038/nrn4005>.
15. Плотников В. В., Плотников Д. В. Когнитивные нарушения при шизофрении: современные представления // Психиатрия и психофармакотерапия. 2018. Т. 20, № 3-4. С. 27-33.
16. Fervaha G. et al. Motivational deficits and cognitive test performance in schizophrenia // JAMA Psychiatry. 2014. Vol. 71, № 9. P. 1058-1065. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2014.1105>.

17. Baumann M. H. et al. Bath salts, spice, and related designer drugs: The science behind the headlines // *Journal of Neuroscience*. 2014. Vol. 34, № 46. P. 15150-15158. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.3223-14.2014> EDN: UPMONP.
18. Luethi D., Liechti M. E. Designer drugs: Mechanism of action and adverse effects // *Archives of Toxicology*. 2020. Vol. 94, № 4. P. 1085-1133. <https://doi.org/10.1007/s00204-020-02693-7> EDN: TOPPPN.
19. Banister S. D. et al. Pharmacology of valinate and tert-leucinate synthetic cannabinoids... // *ACS Chemical Neuroscience*. 2016. Vol. 7, № 9. P. 1241-1254. <https://doi.org/10.1021/acscchemneuro.6b00137> EDN: XTROVF.
20. Kuropka P., Zawadzki M., Szpot P. A narrative review of the neuropharmacology of synthetic cathinones // *Human Psychopharmacology*. 2023. Vol. 38, № 3. P. e2866. <https://doi.org/10.1002/hup.2866> EDN: OCSOUO.
21. Петров Д. С. и др. Медико-социальные проблемы и методы диагностики когнитивных нарушений у пациентов, употребляющих "спайс" // *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021. Т. 29, № 5. С. 1121-1124. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1121-1124> EDN: JBCNTB.
22. Cohen K., Weinstein A. M. Synthetic and non-synthetic cannabinoid drugs and psychosis: Neurobiology // *Current Psychiatry Reports*. 2018. Vol. 20, № 3. Art. 3. <https://doi.org/10.1007/s11920-018-0873-3>.
23. Bilel S. et al. Cognitive dysfunction and impaired neuroplasticity following repeated exposure to the synthetic cannabinoid JWH1018 in male mice // *British Journal of Pharmacology*. 2023. Vol. 180, № 21. P. 2777-2801. <https://doi.org/10.1111/bph.16156> EDN: YQLUCC.
24. Zawilska J. B., Wojcieszak J. Synthetic cannabinoids: More than innocent substitutes for marijuana // *International Journal of Neuropsychopharmacology*. 2013. Vol. 16, № 11. P. 2597-2616. <https://doi.org/10.1017/S1461145713001247> EDN: SOQBDH.
25. Зейгарник Б. В. Патопсихология. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. 287 с.
26. Критская В. П., Мелешко Т. К. Патопсихология шизофрении. М.: Ин-т психологии РАН, 2015. 392 с. EDN: UGZWGF.
27. Плотников В. В. Патология мышления при шизофрении (клинико-экспериментальное исследование): автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1974. 32 с.
28. Тиганов А. С. (ред.) Психиатрия: руководство для врачей. Т. 1. М.: Медицина, 2012. 832 с.
29. Castaneto M. S., Gorelick D. A., Desrosiers N. A. et al. Synthetic cannabinoids: epidemiology, pharmacodynamics, and clinical implications // *Drug and Alcohol Dependence*. 2022. Vol. 225. Art. 108764. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2021.108764>.
30. Скворцов А. А. Нарушения программирования, регуляции и контроля мышления: о возможном методе их исследования // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 2008. № 1.
31. Херсонский Б. Г. Клиническая психодиагностика мышления: практическое руководство. М.: Смысл, 2012. 432 с.
32. Fiorentini A., Cantù F., Crisanti C., Cereda G., Oldani L., Brambilla P. Substance-Induced Psychoses: An Updated Literature Review // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. Art. 694863. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2021.694863> EDN: WSNRBD.
33. Karimi I., Pooyanmehr N. Substances Led to Psychosis: A Systematic Review // *The Open Psychology Journal*. 2024. Vol. 17, № 1. <https://doi.org/10.2174/0118743501297735240510161825> EDN: WGPHXX.
34. McCutcheon R. A., Keefe R. S. E., McGuire P. K. Cognitive impairment in schizophrenia: aetiology, pathophysiology, and treatment // *Molecular Psychiatry*. 2023. Vol. 28. P. 1902-1918. <https://doi.org/10.1038/s41380-022-01926-8> EDN: OEMBOR.

35. Cohen K., Weinstein A. M. The effects of cannabinoids on executive functions: evidence from cannabis and synthetic cannabinoids-a systematic review // Brain Sciences. 2018. Vol. 8, № 3. Art. 40. <https://doi.org/10.3390/brainsci8030040>.
36. Theunissen E. L., Reckweg J. T., Hutten N. R. P. W. et al. Psychotomimetic symptoms after a moderate dose of a synthetic cannabinoid (JWH-018): implications for psychosis // Psychopharmacology. 2021. Vol. 239. P. 1251-1261. <https://doi.org/10.1007/s00213-021-05940-6>.
37. Elrassas H., Elsayed Y. A., Abdeen M. S. et al. Synthetic cannabinoids impact on cognitive functions // The Egyptian Journal of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery. 2023. Vol. 59. Art. 151. <https://doi.org/10.1186/s41983-023-00764-x> EDN: RSJSBC.
38. Moura B. M., Van Rooijen G., Schirmbeck F. et al. A network of psychopathological, cognitive, and motor symptoms in schizophrenia spectrum disorders // Schizophrenia Bulletin. 2021. Vol. 47, № 4. P. 915-926. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbab002> EDN: GXYWGS.
39. de Oliveira M. C. et al. Toxicity of synthetic cannabinoids in K2/Spice: A systematic review // Brain Sciences. 2023. Vol. 13, № 7. Art. 990. <https://doi.org/10.3390/brainsci13070990> EDN: TEBSCU.
40. Green M. F., Kern R. S., Heaton R. K. Longitudinal studies of cognition and functional outcome in schizophrenia: implications for MATRICS // Schizophrenia Research. 2020. Vol. 220. P. 21-28. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2020.03.047>.
41. Keefe R. S. E., Harvey P. D. Cognitive impairment in schizophrenia // Handbook of Experimental Pharmacology. 2022. Vol. 271. P. 11-37. https://doi.org/10.1007/164_2021_523.
42. Ordak M. et al. Pharmacotherapy of patients taking new psychoactive substances: a systematic review and analysis of case reports // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. Art. 669921. <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2021.669921> EDN: YVWCCT.
43. Kahn R. S., Sommer I. E., Murray R. M. et al. Schizophrenia // Nature Reviews Disease Primers. 2021. Vol. 7, № 1. Art. 58. <https://doi.org/10.1038/s41572-021-00296-9> EDN: KVFSPE.
44. Li Z. et al. Systematic review and meta-analysis on the effects of chronic peri-adolescent cannabinoid exposure on schizophrenia-like behaviour in rodents // Molecular Psychiatry. 2025. Vol. 30, № 1. P. 285-295. <https://doi.org/10.1038/s41380-024-02575-9>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является анализ когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, опросный метод и, как указано в тексте рукописи, были применены следующие методики: «шкалы BACS (Brief Assessment of Cognition in Schizophrenia)» в русскоязычной адаптации, «методика таблиц Шульте», методика ««Исключение лишнего», «Субтест «Недостающие детали» шкалы Векслера», а также метод экспертных оценок и методы математической статистики («непараметрические критерии (U-критерий Манна-Уитни) и χ^2 -критерий Пирсона»).

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку современный социум порождает множество разнообразных рисков, которые влекут за собой различные угрозы, которые

в первую очередь отражаются на состоянии здоровья современного человека, в том числе психическом здоровье. Одной из таких угроз становится широкое распространение употребления различных видов новых психоактивных веществ (НПВ) среди различных социальных групп, а наибольшему риску подвержена молодежь. Однако последствия их употребления приводят к серьезным нарушениям в физическом и психическом состояниях здоровья человека, прежде всего, к различным когнитивным расстройствам. В этом контексте анализ когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах представляет научный интерес в сообществе ученых и практический интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна исследования заключается в проведении по авторской методике анализа когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах. В исследование было проведено обследование и изучение людей, которые пребывали на лечении в психиатрическом стационаре, в том числе «72 пациента» составили группу НПВ-индуцированных психозов, а «61 пациент» представили группу шизофрении.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также демонстрацией результатов исследования в табличных формах, их подробным анализом и описанием.

Структура статьи в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как введение, теоретические основания работы, материалы и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, выводы исследования, ограничения и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленные в ходе исследования и отмеченные тенденции, характеризующие особенности нарушений в ключевых когнитивных доменах, а именно, особенности нарушений памяти, внимания и мышления в сравниваемых группах пациентов (группа НПВ-индуцированных психозов и группа шизофрении).

Библиография содержит 43 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения ученых, характеризующие особенности когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что в ходе проведения исследования с изучением особенностей двух сравниваемых групп пациентов (пациенты с шизофренией и пациенты с психозами, индуцированными употреблением новых психоактивных веществ) были установлены явные различия в их когнитивных профилях, что подробно проанализировано и описано в представленной рукописи.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и работниками медицинских учреждений, имеющих психиатрические стационары, психологами, психиатрами, психотерапевтами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в названии статьи при использовании сокращения «нпв» целесообразно было бы применить заглавные буквы, как это везде представлено в тексте рукописи, то есть «...НПВ-индуцированных...». При оформлении таблиц необходимо обратить внимание на

требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. В тексте статьи встречаются некоторые количественные несоответствия, в частности, при описании материалов исследования указано, что «статьи возможно было бы использовать и зарубежные источники, сослаться на них и включить в библиографический список, а не ограничиваться исключительно отечественными изданиями. При описании материалов и методов исследования указано, что «В исследование включены 131 пациент...», затем уточнено «Группа НПВ-индуцированных психозов — 72 пациента...», «Группа шизофрении — 61 пациент...», а в таблице 4 содержится информация «Группа НПВ-психозов (n=72)» и «Группа шизофрении (n=63)», то есть возникает вопрос об общем количестве обследуемых и отдельно по группам. Кроме того, в статье представлены «выводы исследования» и «выводы», возможно, окончательные выводы следовало бы представить в виде заключения по проведенному исследованию. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и внести соответствующие уточнения в текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Анализ когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах». Работа включает в себя введение, в котором описана актуальность и поставлена проблема исследования. Автором также определена его цель. Особое внимание уделено описанию теоретического анализа. В основном разделе представлено рассмотрение: когнитивных нарушений при шизофрении, когнитивные нарушения при НПВ-индуцированных психозах и пр. Значительное внимание уделено проведению эмпирического исследования и описанию его результатов. Автор представил описательные статистики когнитивных показателей по шкале BACS, сравнение показателей BACS между группами (U-критерий Манна-Уитни), сравнение параметров таблиц Шульте между группами пациентов с НПВ-психозом и шизофренией, распределение типов ответов в субтесте Векслера «Недостающие детали» по группам, статистические показатели критерия χ^2 для сравнения групп по субтесту «недостающие детали», общее распределение типов ошибок по группам для методики «Исключение лишнего», статистические показатели критерия χ^2 для сравнения групп по тесту «исключение лишнего» и т.д. В заключении описаны подробные и аргументированные выводы и заключение.

Предмет исследования. Целью проведенного исследования является интегративный анализ когнитивных нарушений в сферах памяти, внимания и мышления у пациентов с шизофренией и НПВ-индуцированными психозами для выявления специфических паттернов, имеющих дифференциально-диагностическое значение. Автором был проведен теоретический анализ проблемы, проведено эмпирическое исследование и проанализированы полученные результаты. В целом, проведенная работа позволила раскрыть предмет исследования.

Методологическая основа исследования. Автором проведен теоретический анализ затронутой проблемы, а также описано эмпирическое исследование. В исследование включены 133 пациента, находившиеся на лечении в психиатрическом стационаре. Средний возраст участников составил 31,26 года. Отбор проводился на основании

клинического диагноза и стадии стабилизации состояния.

Для оценки когнитивного функционирования использовалась русскоязычная адаптация шкалы BACS (Brief Assessment of Cognition in Schizophrenia), валидированная для отечественной выборки. Тестирование проводилось индивидуально в бумажном формате.

Для изучения внимания применялась методика таблиц Шульте, позволявшая оценить темп, устойчивость и переключаемость внимания, а также утомляемость при серийном выполнении заданий.

Нарушения мышления анализировались с помощью двух патопсихологических методик:

- «Исключение лишнего», выявляющая особенности обобщения, категоризации и логической аргументации;
- Субтест «Недостающие детали» шкалы Векслера, направленный на оценку способности к анализу, критичности и выделению существенных признаков.

Статистическая обработка данных выполнялась с использованием программ IBM SPSS Statistics 23.0 и Microsoft Excel. Применялись непараметрические критерии (U-критерий Манна–Уитни) и χ^2 -критерий Пирсона.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что В последние годы наблюдается стремительный рост распространения психозов, вызванных употреблением новых психоактивных веществ (НПВ) — синтетических соединений, имитирующих эффект классических наркотиков, но обладающих высокой токсичностью и непредсказуемым психогенным действием. Среди них особую угрозу представляют синтетические каннабиноиды и катиноны, способные вызывать острые психотические состояния даже при однократном приеме. В то же время, особое внимание должно быть уделено не только клинической практике, но также анализировать когнитивные профили таких пациентов.

Научная новизна исследования. Проведенное исследование позволило сопоставлять когнитивные профили пациентов с шизофренией и с психозами, индуцированными новыми психоактивными веществами. Автором выделены качественно различающиеся модели когнитивного функционирования, охватывающие три ключевых домена: память, внимание и мышление. Полученные результаты раскрывают структурную и динамическую специфику когнитивных нарушений при психозах различного генеза и формируют основания для их дифференцированной клинической интерпретации.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы четко прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный для раскрытия предмета исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 44 отечественных и зарубежных источников, незначительное количество которых издано за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также методические рекомендации. Источники не во всех позициях оформлены однородно. Например, в источниках 22, 30, 33 и пр. отсутствует указание на диапазон страниц.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Во введении определить объект, предмет, задачи, научную новизну и гипотезу исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, а также теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами шизофреноформных психозов. Вопрос рассматривается через призму анализа когнитивных профилей при шизофрении и НПВ-индуцированных психозах. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть

выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Шиловская Н.В., Мерзлякова Ю.С., Цверков С.П., Алимова А.О. Роль семейных отношений в оценке качества жизни родителей с онкобольными детьми-подростками в ремиссии // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74641 EDN: MLPVHG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74641

Роль семейных отношений в оценке качества жизни родителей с онкобольными детьми-подростками в ремиссии

Шиловская Наталья Витальевна

ORCID: 0009-0001-7880-0644

старший преподаватель; институт образования; Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Калининград, ул. Александра Невского, 14.

✉ snatalia108@gmail.com

Мерзлякова Юлия Сергеевна

ORCID: 0009-0004-8808-7223

бакалавр; институт педагогики, психологии и социальных технологий; Удмуртский государственный университет

426034, Россия, Удмуртская Респ, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1

✉ john.anderson.2019@mail.ru

Цверков Станислав Петрович

ORCID: 0009-0007-5025-0912

старший преподаватель; институт образования; Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Калининград, ул. А.Невского, 14

✉ mail@tsverkov.ru

Алимова Анна Олеговна

ORCID: 0009-0007-2838-0403

магистр; институт образования; Балтийский федеральный университет им. И. Канта
236041, Калининград, ул. А. Невского, 14

✉ alimovaanna38@gmail.com

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74641

EDN:

MLPVHG

Дата направления статьи в редакцию:

29-05-2025

Дата публикации:

27-06-2025

Аннотация: Предмет исследования. Ситуация онкологического заболевания ребенка связана с длительным психоэмоциональным напряжением родителя, которое сохраняется в период выхода заболевания в ремиссию и негативно влияет на качество жизни всех членов семьи. Тревога и беспокойство родителей негативно сказываются на качестве жизни как самого родителя, так и семьи в целом. Качество жизни, наряду с ответом опухоли и безрецидивной выживаемостью, является одним из показателей эффективности лечения детского рака. В статье представлены результаты исследования связи семейных отношений и оценки качества жизни родителей, воспитывающих подростков имеющих в анамнезе онкологические заболевания, находящиеся в ремиссии сроком до 5 лет на момент исследования. В группе родителей подростков (N=70) оценивались показатели качества жизни и семейной адаптации и сплоченности. Использовались опросник качества жизни SF-36 (Medical Outcomes Study – Short Form Health Survey) и шкала семейной адаптации и сплоченности FACES-3. Факторный анализ методом главных компонент позволил выявить 6 факторов семейных отношений, влияющих на жизнеспособность семьи и качество жизни: физическое функционирование (0,567), психическое здоровье (0,688), социальное функционирование (0,571), жизненная активность (0,634), сплоченность (0,730), гибкость (0,607). Впервые исследована связь семейных отношений и качества жизни родителей подростков с онкозаболеваниями в ремиссии. Полученные данные демонстрируют, что семейные отношения родителей подростков характеризуются высокой степенью сплоченности и взаимозависимости, а также гибкостью и некоторой хаотичности в процессе адаптации. Результаты исследования могут быть использованы специалистами в области психологии, медицины и социальной работы для создания программ социально-психологической реабилитации, направленной на улучшение качества жизни не только самого подростка, но и его семьи в целом. В качестве основных направлений психологических интервенций для семей, имеющих детей с онкологическими заболеваниями в ремиссии необходимо рассматривать развитие целеполагания, внутренних опор родителей и семьи в целом.

Ключевые слова:

онкологические заболевания, подростки, тип семейных отношений, качество жизни, ремиссия, родители, семейная адаптация, сплоченность, психоэмоциональное состояние, социально-психологическая реабилитация

Введение. По данным ВОЗ (Всемирная организации здравоохранения), онкозаболевания в подростковом возрасте являются одной из значительных дилемм в современном мире. Несмотря на рост пятилетней общей выживаемости по онкозаболеваниям среди детей, составляющей около 75–80%, в последние десятилетия

отмечается увеличение заболеваемости среди подростков, что требует особого внимания исследователей и медицинских специалистов [1]. Стойкой ремиссии или стабилизации заболевания при длительных сроках наблюдения достигают 6 детей из 10 [1, 2]. Важнейшим показателем эффективности лечения онкологического заболевания ребенка и сохранения ремиссии, является качество жизни [2, 3, 4, 5]. За последние десятилетия исследователи обратили свое внимание не только на изучение качества жизни самих онкобольных, но и членов их семей, особенно родителей [2, 3, 4]. Качество жизни родителей служит не только показателем их собственного состояния, но и индикатором влияния их эмоций и переживаний на общее состояние здоровья ребенка [6, 7]. Психоэмоциональное состояние и выздоровление ребенка зависит во многом от самочувствия и настроения родителей [8, 9, 10, 11, 12, 13]. Так, Реверчук И.В. [14], Бусыгина Н.П. [15], Иванов Е.А. [16], Костина Н.И. [17] и другие авторы, отмечают, что родственники таких пациентов в кризисной ситуации имеют склонность к повышенной тревожности, депрессивным состояниям и другим симптомам эмоциональной дезадаптации. Результаты исследования Реверчука И. В., Главатских М. М., Миклина Д. Н. [18] показывают, что чем более выражены симптомы эмоциональной дезадаптации больных и их родственников, тем более выражены неконструктивные стратегии совладения с кризисной ситуацией, коммуникативные дисфункции. Суроегина А.Ю. обращает внимание на наблюдаемые симптомы посттравматического стресса у членов семьи онкологического пациента [19]. В исследовании Х. Дэвиса показана ведущая роль представления, отношения к больному ребенку и его заболеванию в адаптации семьи [20]. Жизнеугрожающее заболевание требует от родителей больших физических и эмоциональных ресурсов не только для поддержки ребенка, но для преодоления многих препятствий, организации бытовой и социальной жизни семьи в условиях заболевания [8, 9, 13]. Постоянное напряжение, тревожное ожидание ухудшения прогноза, страх потери ребенка истощают психологические силы родителей [10, 13, 21, 22]. Очевидно, что психологический климат семьи, система отношений в семье могут как укреплять жизненные силы родителей, так и истощать их, становясь важным инструментом в лечении и реабилитации детей. В условиях роста выживаемости особую важность приобретает изучение факторов, влияющих на качество жизни семей, преодолевших болезнь ребенка. В связи с онкологическим заболеванием ребенка семья оказывается в критической жизненной ситуации с формированием комплекса психологических и социальных проблем: хронический эмоциональный стресс и нарушение здоровья у членов семьи; разрушение привычного уклада жизни; кризис системы семейных отношений; ухудшение материального положения; психолого-социальная дезадаптация [10, 23].

Цель данного исследования - изучение связи семейных отношений и оценки качества жизни родителей детей-подростков, имеющих в анамнезе онкологические заболевания в ремиссии.

Материалы и методы исследования.

Выборку составили родители из числа семей, проходящих социально – психологическую реабилитацию в семейных реабилитационных лагерях «Мираклион», организуемых благотворительным центром «Верю в чудо», г. Калининград, в количестве 70 человек (матери - 48 человек, отцы - 22 человека). Средний возраст родителей составляет 40,1 лет. Средний возраст детей - 13,4 года. Средний срок ремиссии составляет 2,6 года. Нозология заболеваний детей следующая: «острый лимфобластный лейкоз» (48%),

«острый миелобластный лейкоз» (23 %), «лимфома Ходжкина» (23 %), нефробластома (6 %).

Для достижения целей исследования использовались опросник качества жизни SF- 36 [24] и шкала семейной адаптации и сплоченности FACES-3 [25, 26]. Обработка проводилась в программе SPSS Statistics.

В качестве методики определения качества жизни родителей онкологических подростков в ремиссии использовался Опросник качества жизни SF-36 - Medical Outcomes Study - Short Form Health Survey (авт. J. Ware, C. Sherbourne (1992), адаптация ИКФИ (2000)): неспецифический опросник для оценки качества жизни [5, 23, 24]. Опросник отражает общее благополучие и степень удовлетворенности теми сторонами жизнедеятельности человека, на которые влияют состояние здоровья. Опросник состоит из 8 шкал, включающих 36 вопросов [23]:

- 1) Физическое функционирование (отражает степень, в которой физическое состояние ограничивает выполнение физических нагрузок - самообслуживание, ходьба, подъем по лестнице, переноска тяжестей и т. п.).
- 2) Ролевое функционирование, обусловленное физическим состоянием (отражает влияние физического состояния на повседневную ролевую деятельность - работу, выполнение повседневных обязанностей).
- 3) Интенсивность боли (отражает влияние боли на способность заниматься повседневной деятельностью, включая работу по дому и вне дома).
- 4) Общее состояние здоровья (отражает оценку респондентом своего состояния здоровья в настоящий момент и перспектив лечения).
- 5) Жизненная активность (отражает ощущение себя полным сил и энергии или, напротив, обессиленным).
- 6) Социальное функционирование (отражает степень, в которой физическое или эмоциональное состояние ограничивает социальную активность - общение).
- 7) Ролевое функционирование, обусловленное эмоциональным состоянием (отражает степень, в которой эмоциональное состояние мешает выполнению работы или другой повседневной деятельности, включая большие затраты времени, уменьшение объема работы, снижение ее качества и т. п.).
- 8) Психическое здоровье (характеризует настроение, наличие депрессии, тревоги, общий показатель положительных эмоций).

Для оценки особенностей семейной системы была использована шкала семейной адаптации и сплоченности FACES-3 (авт. D. H. Olson, J. Portner, Y. Lavee, 1985; адаптация Э. Г. Эйдемиллер, М. Ю. Городнова, 2002, 2006), основанная на «круговой модели» семейной структуры Д. Олсона. Данная шкала предназначена для оценки уровня семейной сплоченности (степень эмоциональной связи между членами семьи) и уровня семейной адаптации (способность меняться под воздействием стрессоров). Опросник позволяет проанализировать, как члены семьи воспринимают свою семью в данное время, и какой они хотели бы ее видеть. Семейная сплоченность – это степень эмоциональной связи между членами семьи. При максимальной выраженности этой связи они эмоционально взаимозависимы, при минимальной – автономны и дистанцированы друг от друга. Для диагностики семейной сплоченности используются показатели

«эмоциональная связь», «семейные границы», «принятие решений», «время», «друзья», «интересы» и «отдых». Семейная адаптация – характеристика того, насколько гибко или, наоборот, ригидно способна семейная система приспосабливаться, изменяться при воздействии на нее стрессоров. Для ее диагностики используются следующие параметры: «лидерство», «контроль», «дисциплина», «правила» и «роли» в семье [26].

Результаты исследования и их обсуждение.

По результатам опросника SF-36 отмечается, что субъективная оценка здоровья отличается у родителей этих детей от 100% уровня «идеального» здоровья, однако практически по всем показателям (физическое функционирование, ролевая деятельность, телесная боль, общее здоровье, жизнеспособность, социальное функционирование, эмоциональное состояние и психическое здоровье) субъективная оценка здоровья выше, чем в среднем по популяции (для респондентов $42,3 \pm 15,0$ лет) [27]. При этом у родителей наиболее выражено физическое функционирование (PF), интенсивность боли (BP) и социальное функционирование (SF), то есть объем физической нагрузки, социальных контактов практически не ограничиваются состоянием здоровья и, по мнению наших респондентов, болевые ощущения они практически не испытывают (рис.1).

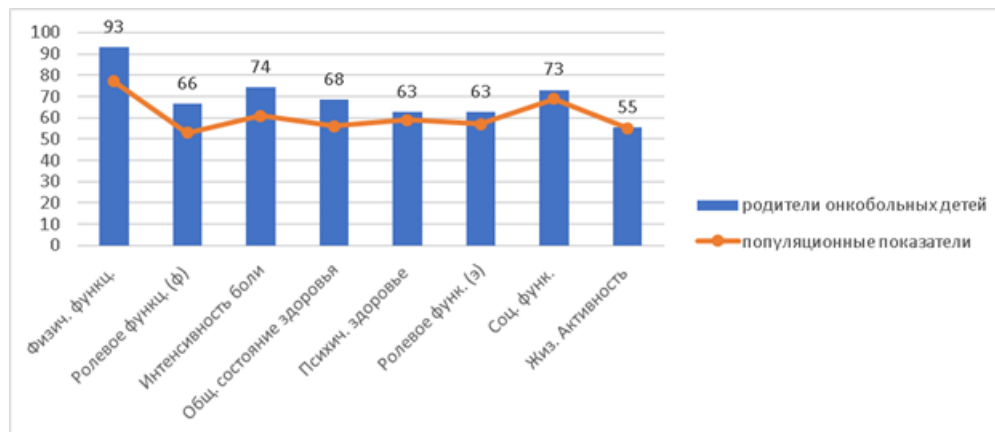

Рис. 1 - Средние значения показателей качества жизни родителей онкобольных детей в ремиссии и средние значения по популяции здоровых взрослых.

Полученные результаты могут свидетельствовать о возможной мобилизации всех ресурсов организма родителя в условиях заболевания ребенка. Даже наступление ремиссии не предоставляет родителю возможности «расслабиться» и уделить должное внимание своему психоэмоциональному состоянию. На протяжении длительного времени пребывание в состоянии высокой тревожности и стресса создает различные нагрузки, которые могут негативно сказаться на здоровье родителя и привести к психоэмоциональному и физическому истощению. Психологический стресс, вызванный необходимостью постоянного контроля состояния здоровья ребенка и поддержкой семейной динамики, может привести к хронической усталости, а также к развитию различных психосоматических расстройств. Даже в условиях ремиссии, когда внешний фактор угрозы здоровью ребенка может снижаться, внутреннее состояние родителей требует внимания и заботы.

Результаты оценки сплоченности по опроснику FACES-3 показали, что у наших респондентов представлены все уровни сплоченности в семейной системе, при этом сбалансированные типы распределены следующим образом: связанный 37% и разделенный 17%. Крайние типы - разобщенный 11%, сцепленный 34% (рис.2). Как

отмечают исследователи, относительно семей с детьми-подростками в целом можно говорить о большей тенденции к автономности и дистанцированности, чем о сильной эмоциональной связанности и взаимозависимости [28]. В данном случае обнаружена выраженная тенденция к связанности и, более того, к максимальному ее проявлению – сцепленности в отношениях, то есть существует слишком много центростремительных сил в семье, крайности в требовании эмоциональной близости и лояльности, когда отдельные члены семьи не могут действовать независимо друг от друга. В таких семьях доминирует высокая степень согласия, при этом различия во мнениях не получают должного поощрения [26]. Отношения в такой семье характеризуются низким уровнем дифференциации. Семья как система обладает жесткими внешними границами, отделяющими её от окружающего мира, и слабыми внутренними границами между подсистемами и индивидуальностями. Энергия членов семьи сосредоточена преимущественно внутри самой семьи или в рамках отдельных её подсистем, что приводит к недостатку независимых от семьи отношений и интересов [26].

Мы полагаем, что онкозаболевание ребенка, являясь стрессом для родителей, требуя мобилизации всех сил семьи, приводит к повышению эмоциональных связей семьи, практически к сцепке семьи, когда процессы сепарации, характерные для подросткового периода, отступают, родители и дети становятся практически единым целым, границы семьи «закрываются».

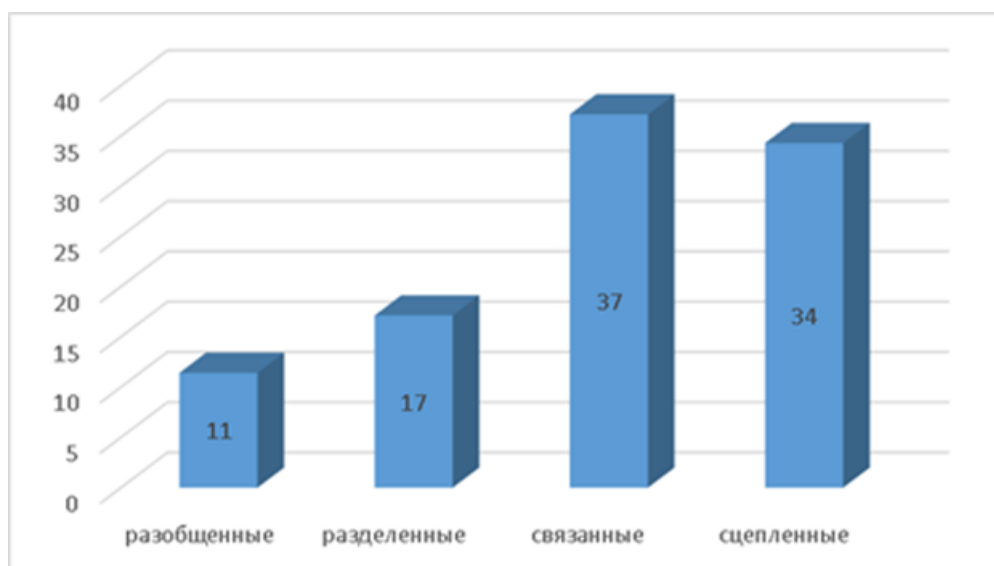

Рис.2. Уровни сплоченности у родителей онкобольных детей в ремиссии

Анализ уровней гибкости по опроснику FACES-3 Д.Х. Олсона позволил сделать выводы, что для наших респондентов характерны гибкий и хаотичный типы семей (рис.3). Гибкий тип отражает демократический стиль руководства, переговоры, учет мнения членов семьи, открытость; хаотичный стиль проявляется в отсутствии лидерства, роли в семье не ясны. Причем отмечается, что данный тип свойственен кризисным периодам жизни семьи, и становится проблемным, когда фиксируется надолго [26]. Важно, что ригидный тип, когда семья перестает отвечать на жизненные задачи и меняться в связи с жизненными ситуациями (рождение, смерть, развод), у наших респондентов не представлен вообще.

Таким образом, в оценке семейных отношений родители онкобольных подростков в ремиссии продемонстрировали особенности, напрямую связанные с их трудной жизненной ситуацией (болезнью ребенка) – высокая сплоченность и, даже,

сцепленность, а в адаптации – гибкость и хаотичность.

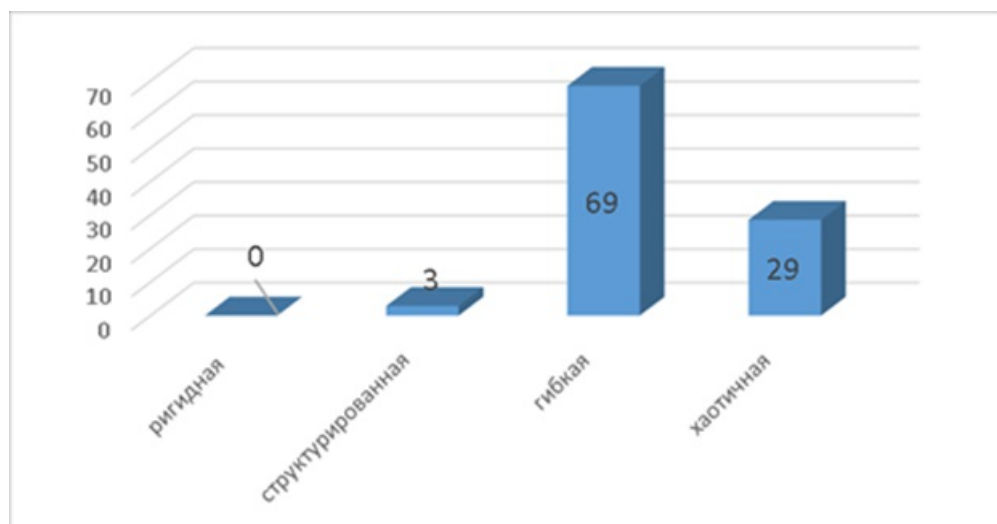

Рис.3. Уровни гибкости у родителей онкобольных детей в ремиссии

Для поиска связи между типом семейных отношений и субъективной оценкой качества жизни мы провели факторный анализ методом главных компонент с вращением Варимакс, предварительно проверив данные на нормальность: распределение является нормальным (значение асимметрии и эксцесса находится в пределах ± 2). Всего в системе показателей было выделено 2 фактора. Для исследования значимость имеет второй фактор, в который входят показатели качества жизни, гибкости и адаптации (таб.1).

Таблица 1. Матрица факторных нагрузок показателей оценки качества жизни, сплоченности и адаптации семейной системы.

Показатели	Факторные нагрузки
Физическое функционирование	0,567
Психическое здоровье	0,688
Социальное функционирование	0,571
Жизненная активность	0,634
Сплоченность	0,730
Гибкость	0,607

Таким образом, мы видим, что самую большую нагрузку (0,730) имеет показатель сплоченности. Мы можем говорить, что это фактор сплоченности, который связан прямой связью с физическим функционированием (0,567), психическим здоровьем (0,688), социальным функционированием (0,571), жизненной активностью (0,634) и гибкостью (0,607). Высокие уровни выраженности сплоченности, практически, сцепленности семьи, когда в семье нивелируются различия, наблюдается слабая дифференциация друг от друга, связаны у родителей с большей ресурсностью и в плане физического, психологического и социального функционирования. При этом наблюдается прямая корреляция вышеназванных показателей качества жизни с высокими значениями гибкости – вплоть до несбалансированного хаотичного состояния, когда нет распределения функций и роли смещаются от одного члена семьи к другому, возможно, без учета возраста (если есть бабушки и дедушки, здоровые сиблинги). Мы полагаем, что семья с онкобольным ребенком достигает наиболее эффективного функционирования, ответа на стоящие перед ней жизненные задачи именно через повышение сплоченности и гибкости до несбалансированных вариантов. Однако очень

высокий уровень сплоченности, «сцепленности» семьи может свидетельствовать о критическом состоянии, в рамках которого семья функционирует на пределе своих сил и ресурсов. В данной ситуации семья может быть ориентирована на достижение сверхидеи (выздоровление болеющего ребенка). Тем не менее функционирование в несбалансированном виде, обеспечивающее решение задач семьи в определенный период времени, становится проблемой, если система застревает в нем надолго [\[25\]](#). Это может приводить к эмоциональному и физическому истощению членов семьи, которое характеризуется как кризисный уровень функционирования семейной системы, что, в свою очередь, делает ее уязвимой к внутренним и внешним стрессорам.

Полученные результаты позволяют нам сосредоточить свое внимание на психологической помощи родителям, где в качестве мишеней могут выступать социализация родителей и семьи в целом, развитие навыков планирования будущего, формирование автономности, поиск новых способов взаимодействия семьи с окружающими, переход к структурированному типу семьи. Структурированные семейные системы обладают чертами демократического управления, что позволяет членам семьи участвовать в обсуждении общих проблем и принимать во внимание мнения детей [\[26\]](#). При этом роли и внутрисемейные нормы проявляют стабильность, однако сохраняется возможность для их критического обсуждения и адаптации. Такой подход может способствовать созданию более устойчивой и гибкой семейной среды, что в свою очередь может снизить риск кризисных состояний и способствовать сохранению психоэмоционального здоровья всех членов семьи. Целеполагание для родителей подростков с онкозаболеваниями в ремиссии становится особенно актуальным, когда даже при достижении ремиссии сохраняется тревога и переживание неопределенности. Процесс постановки новых конкретных и достижимых целей как краткосрочных, так и долгосрочных, может помочь родителям сосредоточиться на позитивных аспектах жизни, будет способствовать формированию стабильности в семье, что особенно важно для подростка, переживающего нестабильность эмоционального фона. Расширение социальных контактов семьи через участие в группах поддержки для родителей, семейных консультациях с психологами или медицинскими специалистами, мероприятиях социокультурной направленности может помочь родителям чувствовать себя более уверенно и поддерживает их в процессе сохранения ремиссии ребенка.

Сосредоточение на индивидуальных целях родителей, связанных с личностным или профессиональным ростом, может стать мощной внутренней опорой в периоды планового мониторинга здоровья, планового лечения, позволяя родителям поддерживать как себя, так и ребенка-подростка. Таким образом, целеполагание и формирование внутренних опор представляют собой ключевые аспекты, которые могут существенно улучшить эмоциональное и психологическое состояние родителей онкобольных подростков в ремиссии. Эти направления не только способствуют созданию более крепкой и сплоченной семьи, но и помогают родителям развивать уверенность в своих силах, что, в свою очередь, позитивно сказывается на состоянии здоровья и улучшении качества жизни семьи как системы.

Заключение.

Представленное исследование показывает наличие связи между характеристиками семейных отношений и качеством жизни родителей онкобольных детей в ремиссии. Установлено, что высокий уровень гибкости семейной системы способствует адаптации, однако чрезмерная пластичность, граничащая с хаотичностью, может приводить к дисфункциональным проявлениям, таким как нечёткое распределение ролей и смещение

функций между членами семьи без учёта их возрастных и индивидуальных возможностей. Результаты показали, что семьи, воспитывающие детей с онкологическими заболеваниями в ремиссии, характеризуются высокой сплочённостью и взаимозависимостью, что, с одной стороны, обеспечивает поддержку, а с другой – может создавать напряжение из-за отсутствия чётких границ и ролевой нестабильности. Полученные данные подчёркивают необходимость разработки комплексных психологических программ, направленных на гармонизацию семейных отношений в семьях с детьми в ремиссии онкозаболеваний. Оптимизация семейных отношений и качества жизни родителей может стать важным компонентом социально-психологической реабилитации семьи после перенесенного онкозаболевания заболевания ребенка.

Библиография

1. Всемирная организация здравоохранения. Cancer in children [Электронный ресурс]. 2021. 5 с. Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cancer-in-children> (дата обращения: 03.06.2024).
2. Детская онкология. Национальное руководство / Под ред. М.Д. Алиева, В.Г. Полякова, Г.Л. Менткевича, С.А. Маяковой. М.: Издательская группа РОНЦ, Практическая медицина, 2012. 684 с.
3. Пак Е. Е., Лысенко И. Б., Котлярова А. Б., Дмитриева В. В. Результаты комплексного лечения злокачественных лимфом у детей и подростков // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. № 1-5. С. 112-118.
4. Рукавицин О. А. Исследование качества жизни в онкологии и гематологии // Фармаэкономика. Гематология. Санкт-Петербург, 2007. С. 764-786.
5. Sullivan M., Karlsson J. The Swedish SF-36 Health Survey III. Evaluation of criterion-based validity: results from normative population // J Clin Epidemiol. 1998. Vol. 51, No. 11. P. 1105-1113.
6. Шиловская Н. В., Главатских М. М., Реверчук И. В. Копинг-поведение ближайших родственников онкобольных детей в ремиссии как фактор их качества жизни // Educational Bulletin Consciousness. 2025. Vol. 27, No. 1. P. 11-25. DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2025-27-1-11-25.
7. Jiménez, N. N. V., Montes, J. E. O., & Alcocer, E. C. P. Hospital pedagogy: A space of love and recognition for the oncological pediatric patient. Texto & Contexto - Enfermagem, 2019, No. 28, DOI: 10.1590/1980-265X-T CE-2018-0112.
8. Александрова О. В., Дерманова И. Б., Ткаченко А. Е., Кушнарева И. В. Отношение к будущему и восприятие ситуации родственниками детей, больных онкологией // Сборник материалов научно-практической конференции с международным участием. Москва, 2018. С. 50-52.
9. Миклин Д. Н. Психопатологическая симптоматика (проявления дистресса, тревоги, депрессии и соматизации) у ближайших родственников гематоонкобольных: клинико-динамический аспект // Сибирский вестник психиатрии и наркологии. 2021. № 1(110). С. 38-43. DOI: 10.26617/1810-3111-2021-1(110)-38-43.
10. Миклин Д. Н., Главатских М. М., Реверчук И. В. Клинические особенности стресс-совладающего поведения и качества жизни у женщин-родственниц онкологических больных // Медицинская сестра. 2019. № 1. С. 18-21. DOI: 10.29296/25879979-2019-01-05.
11. Миклин Д. Н., Реверчук И. В. Особенности клинически значимых нарушений психического здоровья у родственников онкогематологических больных // Медицинская психология в России. 2021. № 4. С. 45-53. DOI: 10.24412/2219-8245-2021-4-8.
12. Badr H., Krebs P. Psychological functioning and coping in caregivers of children with cancer: A systematic review // Psycho-Oncology. 2013. Vol. 22, No. 5. P. 1055-1064.

13. Шишкова А. М. и др. Особенности психологического статуса родственников пациентов со злокачественными новообразованиями // Вопросы онкологии. 2023. № 6. С. 789-798. DOI: 10.37469/0507-3758-2023-69-6-1081-1090.
14. Реверчук И. В. Теоретические и методологические противоречия становления биопсихосоциальной парадигмы // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2008. № 4. С. 109-123.
15. Бусыгина Н. П. Психологическая помощь онкологическим больным в свете холистической модели болезни // Московский психотерапевтический журнал. 2000. № 1. С. 77-97.
16. Иванов Е. А., Турчин А. С. Особенности влияния ближайшего окружения на психологическое самочувствие больных с онкоурологическим диагнозом // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2016. № 1. С. 293-300.
17. Костина Н. И. Психологическая помощь онкобольным и родственникам на стационарном этапе // Злокачественные опухоли. 2016. № 4. С. 161-162. [[5] Яровая Е. Г. К проблеме психосоциального сопровождения онкологических больных // Консультативная психология и психотерапия. 2014. № 1. С. 178-196.
18. Реверчук И. В., Главатских М. М., Миклин Д. Н. Применение психосемантических методов в диагностике психоэмоционального статуса ближайших родственников онкобольных // Образовательный вестник "Сознание". 2018. № 5. С. 52-57.
19. Суроегина А. Ю. Динамика психоэмоционального состояния и интерперсональных отношений подростков и молодежи, перенесших тяжелую физическую травму. М.: МГППУ, 2011. С. 40-47.
20. Девис Х. Как помочь семье, в которой серьезно болен ребенок. Москва: Этерна, 2011. 220 с.
21. Hastings R. P. et al. Difficulties of Parent Caregivers of Children with Cancer: Psychological Impacts // Supportive Care in Cancer. 2019. Vol. 27, No. 4. P. 1391-1400.
22. Miller K. D. et al. The Role of Coping Strategies in Reducing Stress Levels Among Cancer Caregivers // Health Psychology. 2020. Vol. 39, No. 2. P. 115-123.
23. Ware J. E. Jr, Sherbourne C. D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection // Medical Care. 1992. Vol. 30, No. 6. P. 473-483.
24. Aaronson N. K. et al. Multilingual quality of life questionnaire: development and psychometric validation of the EORTC QLQ-C30 // European Journal of Cancer. 1993. Vol. 29A, No. 2. P. 212-219.
25. Черников А. В. Системная семейная терапия: Интегративная модель диагностики. М.: Класс, 2001. 208 с.
26. Эйдемиллер Э. Г., Добряков И. В., Никольская И. М. Семейный диагноз и семейная психотерапия. СПб.: Речь, 2006. 352 с.
27. Амирджанова В. Н., Горячев Д. В. Популяционные показатели качества жизни по опроснику SF-36 (результаты многоцентрового исследования качества жизни "МИРАЖ") // Научно-практическая ревматология. 2008. № 1. С. 36-48.
28. Федунина Н. Ю., Банников Г. С., Вихристюк О. В. Связь семейной сплоченности и адаптивности по опроснику FACES-3 с коррелятами суицидального поведения в подростковом возрасте // Вестник РГГУ. Психология. Педагогика. 2017. № 3 (09). С. 22-35.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является роль семейных отношений в оценке качества жизни родителей с онкобольными детьми-подростками в ремиссии.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы метод категоризации, дескриптивный метод, метод сравнения, метод анализа, опросный метод с применением методик «опросник оценки качества жизни SF-36» и «опросник FACES-3» «для оценки семейной адаптации и сплоченности», а также методы математической статистики.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях постоянных происходящих социальных изменений вопрос качества жизни семей с детьми стоит очень остро, а особенно, это касается тех семей, где воспитываются дети с онкозаболеваниями. Онкология, несмотря на видимый прогресс, достигнутый в медицине в методах лечения, и в увеличении продолжительности жизни пациентов с этим диагнозом, остается одним из тяжелых видов заболеваний. Одной из главных проблем при этом остается психоэмоциональное состояние как самого онкобольного, так и его близких родственников и членов семьи, что оказывает существенное влияние на систему их взаимоотношений. В этих контекстах изучение роли семейных отношений в оценке качества жизни родителей с онкобольными детьми-подростками в ремиссии представляет научный интерес как в сообществе ученых, так и практический интерес в профессиональных сообществах различных специалистов.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение роли семейных отношений в оценке качества жизни родителей с онкобольными детьми-подростками в ремиссии, а также в авторском анализе и описании полученных результатов. В исследовании, проведенном по авторской методике, приняли участие 70 человек, отцов и матерей детей-подростков с разными онкозаболеваниями в стадии ремиссии.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения научных позиций различных ученых по изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также с анализом, наглядной демонстрацией и описанием полученных результатов исследования.

Структуру статьи, к сожалению, нельзя считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования можно весьма условно выделить такие элементы, как вводная часть, основная часть, заключительная часть и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет описание и авторский анализ средних значений показателей качества жизни родителей онкобольных детей в ремиссии в сопоставлении со средними значениями по популяции здоровых взрослых, что наглядно представлено на рисунке 1.

Библиография содержит 21 источник, включающий в себя отечественные и зарубежные периодические и непериодические издания, а также электронные ресурсы.

В статье приводится описание научных подходов, характеризующих показатели качества жизни родителей с онкобольными детьми, а также особенности оценки этих показателей. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященным этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании в заключительной части содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что целеполагание, формирование и поддержание внутренних опор являются той базой, которая позволит помочь улучшить психологическое и эмоциональное состояние

родителей детей с онкологическими заболеваниями, укрепить сплоченность в семье и оказать положительное воздействие на качество жизни семьи.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, медицинскими работниками, социальными работниками, специалистами реабилитационных центров, лагерей, организаций, социологами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что большее внимание в статье следовало бы уделить именно обзору научной литературы по теме исследования и описанию методологии и методов исследования, а не ограничиться лишь кратким упоминанием и перечислением примененных опросников. Целесообразно было бы кроме представленных в тексте выводов сформулировать и обобщающее заключение, которое должно создать впечатление законченности и логической завершенности исследования. При оформлении рисунков и таблицы необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. В тексте рукописи обнаружена опечатка в написании слова («... лекйоз...»). Кроме того, с учетом представленных в тексте наглядных материалов в виде рисунков и таблицы, а также библиографии, объем авторского текста не позволяет максимально полно и всесторонне раскрыть заявленную очень актуальную тему. Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, однако их необходимо оперативно устранить и несколько доработать текст статьи. Рукопись рекомендуется отправить на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тема психологического исследования семей с детьми, страдающими онкологическими заболеваниями, очень актуальна во всех отношениях. Это связано с большими проблемами семейно-психологического характера, поскольку напряженность супружеских отношений может привести к распаду семей, что оказывает губительное влияние на больного ребенка. Но, надо подчеркнуть, все зависит от супружеских отношений, которые являются ядром семьи. В некоторых случаях разрывы супружеских отношений (разводы) могут быть полезны.

Во введении правильно написано, что качество жизни родителей служит не только показателем их собственного состояния, но и индикатором влияния их эмоций и переживаний на общее состояние здоровья ребенка. Психоэмоциональное состояние и выздоровление ребенка зависит во многом от самочувствия и настроения родителей. Дело в том, что жизнеугрожающее заболевание требует от родителей больших физических и эмоциональных ресурсов не только для поддержки ребенка, но для преодоления многих препятствий, организации бытовой и социальной жизни семьи в условиях заболевания. Постоянное напряжение, тревожное ожидание ухудшения прогноза, страх потери ребенка истощают психологические силы родителей. Очевидно, что психологический климат семьи, система отношений в семье могут как укреплять жизненные силы родителей, так и истощать их, становясь важным инструментом в лечении и реабилитации детей.

Автор правильно понимает и описывает психологические проблемы таких семей.

Соответственно сформулирована и цель исследования - изучение связи семейных отношений и оценки качества жизни родителей детей-подростков, имеющих в анамнезе онкологические заболевания в ремиссии. Только слово «изучение» лучше заменить на «выявление».

Необходимо еще сформулировать предмет исследования и привести обоснование его научной новизны. Название статьи, цель, предмет и новизна исследования при этом должны быть согласованы между собой.

Важно еще добавить методологию исследования, хотя бы кратко сославшись на те теории, концепции или принципы, которые взяты за основу выполнения этой работы. Можно привести хотя бы одну теорию (или концепцию). В клинической психологии они имеются.

Стиль работы научно-исследовательский. Автор умет работать с литературой, организовывать и проводить научные исследования.

Структура работы в целом правильная, но необходимо добавить, кроме указанного выше, еще и выводы.

Содержание статьи свидетельствует о достаточно большом объеме проделанной работы. Особенно, если учесть диагнозы детей. Всего обследовано 70 родителей с использованием методов, которые позволяют выявить показатели качества жизни таких семей.

Автор выявил, что субъективная оценка здоровья отличается у родителей этих детей от 100% уровня «идеального» здоровья, однако практически по всем показателям (физическое функционирование, ролевая деятельность, телесная боль, общее здоровье, жизнеспособность, социальное функционирование, эмоциональное состояние и психическое здоровье) субъективная оценка здоровья выше, чем в среднем по популяции (для респондентов $42,3 \pm 15,0$ лет).

Автор верно поступает, когда приводит собственную интерпретацию полученных данных. Например, отмечает, что полученные результаты могут свидетельствовать о возможной мобилизации всех ресурсов организма родителя в условиях заболевания ребенка. Даже наступление ремиссии не предоставляет родителю возможности «расслабиться» и уделить должное внимание своему психоэмоциональному состоянию.

Собственные умозаключения подкрепляются литературными данными. Например, показано, что «В таких семьях доминирует высокая степень согласия, при этом различия во мнениях не получают должного поощрения [26]. Отношения в такой семье характеризуются низким уровнем дифференциации».

По мнению автора, онкозаболевание ребенка, являясь стрессом для родителей, требуя мобилизации всех сил семьи, приводит к повышению эмоциональных связей семьи, практически к сцепке семьи, когда процессы сепарации, характерные для подросткового периода, отступают, родители и дети становятся практически единым целым, границы семьи «закрываются». С этим можно согласиться.

Анализ уровней гибкости по опроснику FACES-3 Д.Х. Олсона позволил автору сделать выводы, что для таких респондентов характерны гибкий и хаотичный типы семей. Гибкий тип отражает демократический стиль руководства, переговоры, учет мнения членов семьи, открытость; хаотичный стиль проявляется в отсутствии лидерства, роли в семье не ясны. Причем отмечается, что данный тип свойственен кризисным периодам жизни семьи, и становится проблемным, когда фиксируется надолго.

Оформление рисунков необходимо доработать, указав обозначения приведенных количественных показателей.

По поводу табл. 1, в которой приведена матрица факторных нагрузок показателей оценки качества жизни, сплоченности и адаптации семейной системы, также необходимы дополнительные пояснения по тексту.

В частности, почему можно говорить, что фактор сплоченности (0,730) связан прямой связью с физическим функционированием (0,567), психическим здоровьем (0,688), социальным функционированием (0,571), жизненной активностью (0,634) и гибкостью (0,607). Почему автор называет это связью? Тем более, прямой. Необходимы пояснения. Ведь далее по тексту речь идет именно об этом механизме связи одного с другим. Например, указано, что очень высокий уровень сплоченности, «сцепленности» семьи может свидетельствовать о критическом состоянии, в рамках которого семья функционирует на пределе своих сил и ресурсов.

И в заключении написано, что представленное исследование показывает наличие связи между характеристиками семейных отношений и качеством жизни родителей онкобольных детей в ремиссии. Что высокий уровень гибкости семейной системы способствует адаптации, однако чрезмерная пластичность, граничащая с хаотичностью, может приводить к дисфункциональным проявлениям, таким как нечеткое распределение ролей и смещение функций между членами семьи без учёта их возрастных и индивидуальных возможностей.

То есть, на основе фактора связи построена уже авторская концепция, хотя сам смысл этой связи не совсем понятен. Необходимо привести пояснение.

Целесообразно сформулировать выводы. Для этого в статье сведений вполне достаточно.

Библиографический список состоит из литературных источников по теме исследования. Хотя один из них (№ 2) прямого отношения к теме не имеет и может быть исключен.

С учетом актуальности статьи, она может быть с интересом воспринята читающей аудиторией. Поэтому после доработки текста ее можно будет рекомендовать к опубликованию в научном журнале.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Объект и предмет исследования прямо не заявлены в тексте статьи, но очевидны из заголовка, который корректно отражает содержание статьи. Прописана цель исследования, которая является корректной и грамотно заявленной, содержание работы, ход исследования вполне "работают" на выполнение данной цели.

Методология исследования является корректной, но главное, что она подробно описана. Выборка весьма небольшая, но в целом является минимально достаточной для подобного исследования. Даны характеристики выборки. Не указано, как испытуемые приглашались к участию в исследовании, но это не существенная поправка. Прописана характеристика выборки.

Авторами выбраны стандартизированные методики для своего исследования. Эти методики в статье описаны, позволяют составить представление об обоснованности выбора, то есть авторы выбирали методики осознанно. Сам выбор представляется грамотным, избранные методики соответствуют цели исследования. Весьма подробно описана процедура математической обработки данных. Опять же, процедура на наш взгляд является корректной, соответствующей цели исследования. Быть может можно сделать одно небольшое замечание. Для применения метода главных компонент выборка в 70 человек все же не слишком объемна, но теоретически такая выборка считается приемлемой, поэтому, опять же, это незначительная поправка. В целом столь подробное описание методологии значительно повышает качество статьи, делает исследование прозрачным и воспроизводимым, это необходимо отметить как серьезное

достоинство работы.

Актуальность темы обоснована авторами через ссылки на другие исследования, а также через отсылки к статистике. Темп исследования представляется актуальной.

Научная новизна результатов с одной стороны следует из актуальности темы для отечественной психологии, но могла бы быть заявлена авторами несколько более явно. Например, можно было бы несколько чётче акцентировать наличие или отсутствие похожих исследований в отечественной и зарубежной психологии. Стиль статьи научный. При этом нельзя назвать стиль тяжеловесным, статья легко читается. Структура статьи абсолютно соответствует требованиям к структуре научной статьи.

Библиография статьи состоит из 28 источников, что вполне достаточно для обоснования эмпирической статьи. Содержит ссылки на зарубежные источники.

Как пожелание, стоит отметить, что можно было бы добавить чуть больше ссылок на источники последних пяти лет или отметить их отсутствие в отечественной литературе, также больше ссылок на свежие зарубежные работы. Но в целом библиография подобрана грамотно, литературный обзор достаточно качественный.

Апелляция к оппонентам как таковая отсутствует. Было бы полезно добавить сравнение результатов исследования с подобными исследованиями, отечественными и зарубежными, это бы сделало в том числе более очевидной научную новизну исследования.

В целом несмотря на указанные замечания статья является работой весьма высокого качества. На наш взгляд, она может быть опубликована в том виде, в котором представлена

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Хороших П.П., Кравцова Ю.В. Переживание одиночества: философско-психологический анализ феномена // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74589 EDN: CNRTFF URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74589

Переживание одиночества: философско-психологический анализ феномена

Хороших Павел Павлович

ORCID: 0000-0003-0061-8399

старший преподаватель; департамент психологии и образования; Дальневосточный федеральный университет
старший преподаватель; кафедра психологии и социологии; Херсонский технический университет
медицинский психолог; Отделение клинической психологии и психотерапии; Медицинский центр,
Дальневосточный федеральный университет

690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Фрунзенский р-н, Океанский пр-кт, д. 19а

✉ khoroshikh.pavel@inbox.ru

Кравцова Юлиана Владимировна

студент; департамент психологии и образования; Дальневосточный федеральный университет

690091, Россия, Приморский край, г. Владивосток, Фрунзенский р-н, Океанский пр-кт, д. 19а

✉ kravtcova.yv@dvfu.ru

[Статья из рубрики "Понять человека"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74589

EDN:

CNRTFF

Дата направления статьи в редакцию:

25-05-2025

Аннотация: Исследование посвящено изучению феномена одиночества в современной психологической науке. Авторы проводят сравнительный анализ существующих концепций одиночества, представленных в отечественной и зарубежной литературе, подчеркивая многозначность и сложность данного понятия. Рассматриваются подходы различных научных школ — философия, социология, психология, каждая из которых

предлагает свое понимание одиночества. Особое внимание уделяется историческому аспекту проблемы, начиная с античных времен и заканчивая современностью. Подчеркиваются различия в интерпретациях одиночества различными мыслителями, такими как Гегель, Маркс, Ницше, Сартр, Камю и другие. Авторы отмечают, что современная эпоха характеризуется новым уровнем восприятия одиночества благодаря глобальному распространению цифровых коммуникаций, которые влияют на социальное поведение и восприятие индивидуальности. Актуальность исследования определяется необходимостью углубленного изучения влияния одиночества на развитие личности и её психологическое благополучие, особенно среди подростков, чей внутренний мир оказывается уязвимым перед негативными последствиями чувства одиночества. Методология исследования включает литературный обзор отечественных и зарубежных публикаций, систематизацию и критический анализ существующих подходов к определению одиночества. Основной метод — аналитико-теоретический, позволяющий классифицировать представления ученых относительно одиночества и сформировать рабочую концепцию. Внимание уделяется формированию четкого рабочего определения одиночества, позволяющего глубже понимать механизмы возникновения и переживания одиночества. Научная новизна настоящего исследования состоит в попытке интеграции современных взглядов на феномен одиночества в едином теоретическом пространстве, что позволяет создать целостное представление о причинах, механизмах и формах переживания одиночества. Впервые проведен глубокий сравнительный анализ различных подходов к пониманию одиночества, включая культурологический, исторический и междисциплинарный контексты. Особенность исследования заключается в выделении ключевых факторов, определяющих возникновение и последствия одиночества в условиях цифровой эпохи, а также детальном изучении особенностей переживаний одиночества у подростков. Исследование дополняет существующие знания, предлагая новое определение одиночества, основанное на интегративном подходе, которое подчеркивает роль личностных качеств, социальных условий и индивидуальных предпочтений в формировании опыта одиночества. Полученные выводы расширяют перспективы дальнейших эмпирических исследований, направленных на разработку эффективных методов профилактики негативных последствий одиночества и поддержку молодых людей в период формирования личности.

Ключевые слова:

Одиночество, Личность, Психологическое состояние, Субъективное переживание, Социальная изоляция, Цифровая эпоха, Подростковый возраст, Коммуникативные технологии, Теория одиночества, Профилактика одиночества

Введение.

На сегодняшний день в психологии отсутствует единообразный подход при определении понятия одиночества. Оно выступает предметом изучения в различных научных дисциплинах — философии, социологии, теологии, культурологии и психологии. Каждая наука предлагает свою интерпретацию данного феномена, зависящую от методологических установок, направлений исследований и взглядов конкретных авторов. Исследования в философии, социологии и теологии указывают на то, что это сложное понятие может быть трактовано по-разному в зависимости от научной школы, исследователя и направления исследования. Проблема одиночества занимает важное место также в современной психологической науке. Несмотря на многочисленные

исследования, однозначного подхода к определению одиночества пока не выработано. Причины такой широкой популярности данной области кроются и в сложной природе одиночества, его тесной связи с глубинными аспектами человеческой сущности и повседневностью жизни каждого человека. Анализируя это состояние, учёные пытаются понять, почему некоторые люди испытывают чувство глубокого одиночества, даже находясь в среде множества окружающих их людей.

Определение четких границ и характеристик одиночества позволит создать фундаментальную основу для дальнейших исследований в области психологии и смежных наук. Такое знание способно обогатить наше представление о человеческом существовании, раскрыть внутренние причины и механизмы возникновения чувства одиночества. Можно также отметить, что существующие на данный момент результаты исследований [12, 13,14] помогают разработать стратегии предотвращения и борьбы с негативными последствиями одиночества. Важно понимать, что хроническое одиночество повышает риск развития депрессий [15], тревожно-панических расстройств, сердечно-сосудистых заболеваний и ухудшения общего самочувствия. Поэтому разработка научно обоснованных рекомендаций и вмешательств становится жизненно необходимой задачей.

Стоит также подчеркнуть и социальную значимость изучаемого вопроса. Одинокие люди сталкиваются с проблемами интеграции в общество, испытывают дефицит взаимопонимания и доверия, что ведёт к снижению их социальной активности и гражданской вовлечённости. Социальные структуры и государственные учреждения должны уделять особое внимание вопросам одиночества, создавая специальные службы и поддерживающие инициативы.

Основной целью данного исследования является анализ одиночества как сложного эмоционального состояния, возникающего в контексте социокультурных изменений и специфических социальных взаимодействий. Предметом исследования выступает влияние одиночества на эмоциональное состояние человека, его социальные взаимодействия и уровни психического здоровья, а также особенности восприятия одиночества в различных социальных и культурных контекстах. Мы выдвигаем гипотезу о том, что одиночество представляет собой не только индивидуальный опыт, но и социально обусловленное явление, существенно влияющее на психическое здоровье и общее благополучие. Для достижения поставленной цели используются методы теоретического анализа и метаанализа существующей литературы и эмпирических исследований. Необходимо также подчеркнуть, что понимание одиночества как социально-эмоционального явления открывает пространство для дальнейших исследований и разработки практических рекомендаций по его преодолению, что имеет важное значение как для науки, так и для общества в целом.

Одиночество как философская категория

Философия оказывала особую заинтересованность в проблеме одиночества и рассматривала его исходя из разных подходов.

Гегель и К. Маркс использовали более широкий термин "отчуждение", которому они сознательно придавали негативное значение, рассматривая его как особого рода социальную "болезнь", скорее обусловленную системой, чем свойственную самому человеку [1]. Мыслители, склонные к субъективно-идеалистической ориентации, проявляют более специфический интерес к проблеме одиночества. Это объясняется тем, что в конечном счете субъективный идеализм ведет к признанию только одной

реальности - изолированного субъективного сознания.

Ф. Ницше же считал, что чем больше человек развивает свой дух и возвышается над окружением, тем более он становится подвержен одиночеству [\[2\]](#). Ф. Ницше выражает призыв к "великим людям", чтобы они не смешивались с "базарной толпой", но в то же время предупреждает о негативных последствиях замыкания только на себя. В результате образуются две категории людей: "базарная толпа" и "элита". Внутри каждой из этих групп проблема одиночества находится в принципе решенной, но есть очевидная угроза такого разделения людей. Если рассматривать идею «Сверхчеловека» по ницшеанской концепции как всего лишь метафору, то данные взгляды не имеют ничего эксцентричного и провокационного. Они являются аналогом повторно обсуждаемой темы одиночества творческой личности, которая не находит понимания в своих духовных поисках.

Однако, хотя одиночество, согласно Ницше, представляется неизбежным следствием высокой личной реализации, оно не должно становиться поводом для пассивности или уныния. Напротив, великий человек, сталкиваясь с ним, получает шанс укрепить свою волю и утвердить собственную систему ценностей, независимую от внешних обстоятельств. Именно благодаря такому состоянию человек способен развиваться дальше, формировать собственные представления о добре и зле, искусстве и морали.

Тем не менее, Ницше предупреждал о возможных опасностях абсолютного замыкающегося одиночества. Закрываясь от внешнего мира, человек рискует потерять контакт с окружающей действительностью и оказаться жертвой собственного эгоизма. Вместо того чтобы позволить своему одиночеству парализовать активность, великие личности должны учиться искать смыслы вне стандартных форматов общественного одобрения, сохраняя открытость к диалогу с теми немногими избранниками, которые способны разделить их устремления.

Идея «Сверхчеловека» в философии Ницше [\[16\]](#) символизирует стремление преодолеть ограничения обычного человеческого существования и достичь высшего уровня свободы духа. Такой путь предполагает осознанное принятие одиночества как неотъемлемой части процесса личностного роста. Когда человек решается идти против массовых тенденций и стереотипов, он неизбежно оказывается изолированным, но эта изоляция открывает пространство для творчества и самостоятельного решения жизненных задач.

Трансценденталисты (Г. Торо, Р. Эмерсон и др.) рассматривали одиночество как результат городской жизни, который не только наполняет сознание людей с недостаточным духовным и интеллектуальным развитием отчаянием, но также и предоставляет необходимое уединение для творческих личностей. Они склоняются к позитивному взгляду на принцип уединения, поскольку он способствует укреплению духовного потенциала личности, ее социальному и творческому росту [\[3\]](#).

При этом трансценденталисты отмечали, что одиночество может выступать положительной силой, позволяющей обрести внутреннюю гармонию и ясность мыслей. Уединение предоставляло возможность уйти от хаоса и стресса городского пространства, углубившись в созерцание природы и собственное "я". Отсюда родилась идея об укрепляющем воздействии одиночества на личность, способствующем раскрытию её творческого потенциала и достижению нового уровня духовного просветления.

Многие современные психологи подтверждают выводы трансценденталистов, отмечая

благотворное влияние периодического уединения на душевное равновесие и продуктивность человека. Исследования показывают, что кратковременные эпизоды одиночества повышают концентрацию внимания, снижают уровень стресса и увеличивают степень удовлетворения жизнью [\[17\]](#). Другие исследования подчеркивают положительное влияние одиночества на творческие способности, укрепление уверенности в себе и общее улучшение ментального здоровья [\[18\]](#).

В контексте рассмотрения одиночества стоит рассмотреть позицию Ж.-П. Сартра, как одного из самых известных французских философов, который делал в своих работах акцент на данной работе. Ж.-П. Сартр [\[11\]](#) считал, что одиночество переживается человеком в контексте сложных и противоречивых взаимосвязей с окружающим миром. Для этого философ разворачивает перед читателем процесс постижения, а затем преломления мира вещей и людей в экзистенциальном сознании героев. Сартр рассматривает различные способы преодоления или компенсации одиночества как экзистенциального состояния: общение, дружбу, любовь, творчество. По-разному осмысляя эти условные по своей сути возможности, он приходит к выводу о том, что именно одиночество является основой индивидуального бытия в абсурдном, бессмысленном мире.

Отсюда вытекает главный вывод Сартра: одиночество — это основа индивидуальной жизни, причём одиночество не физического плана, а экзистенциального. Физическое присутствие других людей рядом не гарантирует избавления от чувства одиночества, так как сами по себе они не могут заполнить пробел в вашем собственном сознании.

Это заключение резко контрастирует с традиционной точкой зрения, предполагающей, что одиночество является патологичным состоянием, подлежащим устранению. С точки зрения Сартра, одиночество встроено в структуру человеческого существования и невозможно устранить полностью. Через познание одиночества человек осознаёт глубину своего бытия и возможность влиять на ход своей судьбы.

А. Камю писал о том, что растущее ощущение людьми своего одиночества, по его мнению, связано с развивающимся в западном обществе феноменом отчуждения [\[4\]](#). Современные люди все больше и больше становятся оторванными от природы, затем они утрачивают связь с полноценной трудовой деятельностью, постепенно отдаляются друг от друга и, в итоге, отстраняются от культуры и даже от самого себя, таким образом у Камю одиночество является актуальной проблемой, с которой нужно бороться.

По мере же развития цивилизации количество одиноких людей увеличивалось. Особенно способствовала этому процессу начавшаяся в конце XIX века урбанизация. Скопление огромных масс населения в городах привело, с одной стороны, к увеличению числа контактов между множеством (большой частью незнакомых и малознакомых) людей, а с другой – к их обезличиванию. Сложилась парадоксальная ситуация, когда человек стал вынужден чуть ли не постоянно взаимодействовать с другими людьми, и, в то же время, лишился близких, доверительных отношений. С этого времени одиночество стало уделом не единиц, а тысяч людей.

Таким образом, в философии одиночество рассматривалось с различных сторон. Философы понимали данный феномен, и как «болезнь», и как стимул к развитию, состояние, в котором необходимо пребывать, чтобы совершенствоваться или же даже как результат развития собственной личности. Существует множество подходов к пониманию одиночества. Объединяет их то, что феномен понимается как физическое состояние отсутствия в окружении других людей.

Одиночество как социально-психологическая категория

В разные исторические периоды, в различных культурах и подходах одиночество понималось по-разному. В настоящее время важным фактором является то, что внешние обстоятельства жизни потеряли прежнюю значимость, а современные коммуникационные средства делают общение легче, чем раньше. Многогранная личность нашего времени, нуждающаяся в обособлении от других, добровольно ищет уединения. В то же время она острее переживает одиночество как следствие дефицита значимого общения или невозможности (в том числе, неумения) выразить свои переживания. У большинства людей сочетается и то, и другое, т. е. иногда человек ищет уединения, а иногда близости. От того, насколько успешно люди могут удовлетворить обе эти потребности в момент актуализации каждой из них, зависит, насколько хорошо они себя чувствуют. Как правило, люди ощущают себя наиболее гармонично, когда в данное время они могут выбирать между уединением, проведением времени со своими близкими или общением с более широким кругом [\[5\]](#).

Обобщая современную психологическую литературу, можно выделить три принципиальных подхода к рассмотрению одиночества:

Пространственно-социальный подход. Первый подход концентрируется на физическом пространстве и уровне социальных взаимодействий. Согласно этой точке зрения, одиночество возникает тогда, когда человек фактически изолирован от окружения, проживает отдельно или редко вступает в контакты с другими людьми. Пространственная дистанция и недостаток общения приводят к чувству заброшенности и недостатка поддержки. Примером подобного взгляда служат ранние работы американских психологов Роберта Вейссера и Леона Манделла, разработавших теорию первичных и вторичных типов одиночества [\[19\]](#).

Эмоциональный/психологический подход. Во второй перспективе одиночество рассматривается преимущественно как внутреннее психоэмоциональное состояние, не обязательно связанное с физическим отсутствием других людей. Главное внимание уделяется субъективному опыту, связанным с неудовлетворёнными потребностями в привязанности, принадлежности и признании. Люди могут испытывать чувство одиночества, находясь в окружении большого количества знакомых, если не получают желаемого уровня эмоциональной близости и интимности. Ярким представителем данного подхода является Джон Качиоппо, автор многочисленных исследований, посвященных связи одиночества с психическими и физиологическими реакциями организма [\[20\]](#).

Интерактивный подход. Третий подход объединяет элементы первых двух и подчеркивает взаимовлияние внешних обстоятельств и внутренних ощущений. Взаимодействие человека с внешним миром, включение в социальные группы и наличие близких друзей влияют на восприятие одиночества. Ключевое внимание уделяется качеству социальных связей, а не количеству контактов. Интерактивный подход основывается на предположении, что глубина и насыщенность социальных взаимодействий определяют интенсивность переживания одиночества. Примером данного подхода служат работы Джона Холландера и Маргариты Росаса, которые предложили дифференцированную модель одиночества, основанную на взаимодействии личностных черт и социальных ситуаций [\[21\]](#).

Таким образом, проанализировав отечественную и зарубежную литературу, можно в общем охарактеризовать одиночество как определенное эмоциональное состояние,

возникающее в различных социальных ситуациях и выявить несколько принципиально различающихся подходов в понимании одиночества.

Интересен также анализ самого термина «одиночество».

В первом определении, которое сосредоточено на степени изоляции человека от общества, одиночество рассматривается как результат возникшей социальной ситуации [6]. Причина данного явления заключается в фактическом отсутствии людей вокруг, что определяет специфику пространственных и временных параметров этого одиночества. Люди являются ключевым элементом внешней среды для человека, и их наличие или отсутствие создает разные социально-психологические ситуации.

В современном мире, где, в связи с быстрым развитием и популяризацией технологий общения в сети, не осталось места пространственно-временному одиночеству, данный термин приобретает иное понимание. Люди переживают его внутри себя, даже находясь в компании и ежедневно контактируя с другими. Фактически, проблема теперь заключается не в самом одиночестве, а в том, как человек относится к нему и переживает его. Так, **во втором подходе** одиночество рассматривается в первую очередь как психическое или эмоциональное состояние, и здесь выделяются несколько основных источников одиночества, такие как: недостаточное удовлетворение личностных потребностей, когнитивный диссонанс и особенности личности [7]. В данном варианте ситуация одиночества объективно не обусловлена, вокруг человека находится множество разных людей, но взаимодействие с ними либо происходит эпизодически, либо имеет поверхностный характер. В результате возникает ощущение изолированности, будто между человеком и другими существует стена, так же, как и в первом случае. Однако, отличие данной ситуации заключается не только в присутствии людей в окружении, а ещё и в том, что наличие хотя бы одного-двух близких людей, частые встречи и доверительное общение с ними полностью решают проблему. Таким образом, основная суть одиночества в данном контексте заключается в отсутствии психологически и духовно близких людей или во временной оторванности от них, когда невозможна интеракция и коммуникация. Этот подход наиболее интересен нам в рамках данной работы, так как его изучение наиболее близко приближает нас к пониманию феномена субъективного переживания одиночества в современном обществе и, исходя из него, можно сказать, что одиночество является глубоким социально-обусловленным явлением, которое изучалось и продолжает изучаться в виду того, что его переживание оказывает серьёзное влияние на личность человека.

В рамках нашего исследования мы фокусируемся на переживании одиночества, поэтому важно уточнить это понятие. В русском языке термин «пережить» может означать выдержать тяжёлые жизненные испытания, преодолеть препятствия и сложные эмоциональные состояния, справиться с кризисом и другие подобные процессы. Однако в контексте нашего исследования, переживание не сводится к способности испытывать страдания, а представляет собой активный процесс, который трансформирует психологическую ситуацию, иными словами переживание как деятельность. Это отличается от традиционного понимания в психологии, где переживание рассматривается как спонтанное, не требующее усилий субъективное ощущение психических явлений. В нашем исследовании мы придерживаемся первого определения, которое расходится с классическим психологическим взглядом на переживание как непосредственно данное сознанию психическое содержание. Мы утверждаем, что есть определённые жизненные обстоятельства, которые не могут быть разрешены через предметно-практическую или познавательную деятельность, но могут быть преодолены

через процессы переживания. Таким образом, мы принимаем следующее определение Василюка Ф.Е.: «переживание – это особая деятельность, особая работа по перестройке психологического мира, направленная на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которой является повышение осмысленности жизни» [8].

Необходимо также отметить, что самая явная форма переживания одиночества впервые проявляется в подростковом и юношеском возрасте [7] и, в случае если такое одиночество является вынужденным для подростка, а не добровольным и выбранным (уединение), оно может стать источником серьёзных психологических проблем и нарушений [9].

Исходя из проведённого теоретического анализа феномена и того факта, что одиночество является сложным и неоднозначным явлением мы в данной работе решили использовать рабочее определение Корчагиной С. Г.: «Одиночество – это психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими» [10]. Это определение будет использовано в работе, так как здесь одиночество рассматривается именно как субъективное переживание, а внешние факторы не являются обязательными для его ощущения. Также, в данном понимании одиночества отмечается важность признания себя другими и самим собой, для формирующейся личности старших школьников это имеет особую критическую необходимость, так как может серьёзно сказаться на дальнейшем отношении подростка к себе и его восприятию окружающего мира. В данном определении одиночество понимается как состояние, а значит оно имеет ограничение во времени и обладает характеристикой интенсивности, что позволяет исследовать данный феномен в этом ключе.

Выводы

Таким образом, переживание одиночества в психологии рассматривается как сложный составной феномен, который отражает именно субъективное ощущение человеком такого состояния. Для того, чтобы испытывать данное чувство, не обязательно физически быть одному. В современном обществе одиночество чаще обусловлено психическим и эмоциональным состоянием человека, недостаточным удовлетворением личностных потребностей, когнитивным диссонансом и особенностями личности.

Проведенный анализ исследований позволил сделать следующие выводы.

Прежде всего, одиночество как феномен изучалось в форматах различных дисциплин. Авторы исследовали проявления одиночества в разных условиях и с разных сторон. Позитивные и негативные аспекты переживания одиночества, влияющие на развитие личности и психическое состояние человека, как представляли, так и представляют интерес для исследователей. В настоящее время проблема одиночества становится наиболее актуальной в связи с цифровизацией общества, увеличением времени, проводимого человеком в сети, и уменьшением количества живого общения между людьми. Наиболее сильно переживание одиночества проявляется у подростков и серьёзно влияет на их ещё формирующуюся личность.

Кроме этого, одиночество рассматривается как многогранный и сложный феномен, который не сводится лишь к физическому состоянию, а прежде всего обусловлен внутренними психоэмоциональными процессами. Это означает, что человек может

испытывать одиночество даже находясь в окружении других, если не ощущает эмоциональной близости и взаимопонимания.

Важный вывод заключается в том, что одиночество, будучи предметом внимания различных научных дисциплин, исследуется с разных точек зрения, охватывающих философские, социальные и психологические аспекты. Каждое из направлений предлагает уникальные интерпретации и подходы к пониманию этого феномена, что подчеркивает его сложность и многослойность.

Научная новизна исследования заключается в осмыслении одиночества как состояния, которое в значительной мере формируется под влиянием социокультурных факторов, включая цифровизацию общества и изменения в стилях общения. Учитывая, что одиночество стало более актуальным в условиях увеличивающейся зависимости от технологий и уменьшения живого общения, это подчеркивает необходимость дальнейшего изучения его психологических и социальных аспектов.

Значимость данного исследования также заключается в его практическом применении. Полученные данные могут быть использованы для разработки программ и стратегий по профилактике одиночества, особенно среди уязвимых групп, таких как подростки, чья личность еще формируется. Важно понимать, что одиночество способно негативно сказаться на психическом здоровье и общее благополучие людей, что делает вопросы о его предупреждении и устранении критически важными для общества. Важность изучения механизмов формирования и последствий одиночества определяется влиянием данного состояния на здоровье, благополучие и адаптацию человека в обществе. Изучение феномена одиночества помогает разрабатывать эффективные программы профилактики и помощи лицам, испытывающим это состояние.

Таким образом, данное исследование обращает внимание на важные аспекты одиночества, позволяя не только углубить научное понимание этого явления, но и предложить практические рекомендации для борьбы с его негативными последствиями в условиях современного мира. В свете вышеизложенного, следуя рекомендациям исследования, государственные и социальные институты должны уделять внимание созданию условий для повышения эмоционального благополучия граждан, минимизируя последствия одиночества.

Одновременно возникают важные практические вопросы относительно роли государства и общества в предотвращении и минимизации одиночества. Возрастающая социальная нестабильность, стрессовые условия жизни, экономический кризис и политические потрясения способствуют усилению тревожности и депрессивных состояний, связанных с чувством одиночества. Следовательно, государственная политика должна учитывать эти тенденции и предпринимать меры для снижения уровня одиночества среди населения.

Таким образом, несмотря на многообразие точек зрения и разнообразие подходов к изучению одиночества, данная тема остается чрезвычайно важной и востребованной в современной психологии. Дальнейшие исследования позволят лучше понять природу одиночества, механизмы его возникновения и последствия для здоровья и благополучия человека.

Библиография

1. Гегель, Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Философия духа. Москва: Мысль, 1977. 471 с.
2. Ницше, Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. Москва: Жанна, 1994. 363

с.

3. Торо, Г. Д. Жизнь в лесу. Москва, 1980. 230 с.
4. Камю, А. Избранные произведения. Москва: Панорама, 1993. 448 с.
5. Вейс, Р. С. Вопросы изучения одиночества // Лабиринты одиночества. 1989. С. 114-128.
6. Лебедев, В. И. Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции // Психология и психопатология одиночества и групповой изоляции. 2002. С. 22.
7. Слободчиков, И. М. Современные исследования переживания одиночества // Психологическая наука и образование. 2007. № 3. С. 27-35. EDN: ICJGTF.
8. Василюк, Ф. Е. Психология переживания. Москва: Издательство МГУ, 1984. 240 с. EDN: TPDZTN.
9. Осин, Е. Н., Леонтьев, Д. А. Одиночество как предмет психологического исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. № 1. С. 55-81. EDN: QYZBYJ.
10. Корчагина, С. Г. Генезис, виды и проявления одиночества. Москва, 2005. 196 с. EDN: UVGSDB.
11. Бурнашев, Р. Ф., Рахманкулова, С. З. Философия экзистенциализма как метод анализа глобальных проблем современности // Universum: общественные науки. 2025. № 4 (119).
12. Миронов, А. В. Понятийный аппарат исследования проблемы социального одиночества / А. В. Миронов // Парадигмы истории и общественного развития. 2021. № 21-22. С. 84-88. EDN: ALJNQC.
13. Набиева З.Б. Сравнительный анализ отечественных и зарубежных исследований феномена одиночества. // Психолог. 2023. № 5. С. 206-216. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.44060 EDN: ASMXWG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44060
14. Методологические подходы к исследованию одиночества // Молодёжь Сибири - науке России: Материалы международной научно-практической конференции, Красноярск, 24 апреля 2024 года. Красноярск: Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2024. С. 245-248. EDN: PKNNOS.
15. Король, Н. В., Моложавская, Д. А. Взаимосвязь одиночества и депрессии в период ранней взрослости // Флагман науки. 2023. № 4(4). С. 518-523. DOI 10.37539/2949-1991.2023.4.4.021. EDN: GPXAAK.
16. Киселева, А. В. Идея сверхчеловека в философии Фридриха Ницше / А. В. Киселева // Россия и мир в исторической ретроспективе: материалы XXIX международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга. В 3 т., Санкт-Петербург, 07 апреля 2023 года. Том 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. С. 878-883. EDN: LPRMCO.
17. Баранова, К. М. Человек и Природа в произведениях трансценденталистов / К. М. Баранова // Человек и время в языке и литературе: Сборник научных трудов по лингвистике и литературоведению, посвященный юбилею доктора филологических наук, профессора Ольги Геннадьевны Чупрыны, Москва, 08 февраля 2024 года. Москва: ООО "Языки народов мира", 2024. С. 199-205. EDN: YLCMNS.
18. Шиян, А. Международный научный семинар "Трансцендентальный поворот в современной философии - 9: метафизика, эпистемология, теория сознания, когнитивистика и искусственный интеллект, теология" (11-13 апреля 2024 г., Москва, Россия) / А. Шиян // HORIZON. Феноменологические исследования. 2024. Т. 13, № 2. С. 648-659. DOI 10.21638/2226-5260-2024-13-2-648-659. EDN: DTMJIU.
19. Григорова, А. Н., Шевырева, Е. Г. Теоретические аспекты проблемы одиночества в психологии / А. Н. Григорова, Е. Г. Шевырева // Психология психических состояний: сборник материалов XVII Всероссийской научно-практической конференции для

- студентов, магистрантов, аспирантов, молодых ученых и преподавателей вузов, Казань, 16-17 февраля 2023 года. Казань: Казанский университет, 2023. С. 97-102. EDN: LHIYYB.
20. Кочнева, Е. М., Рыбкина, В. С. Практика изучения феномена одиночества в психологии / Е. М. Кочнева, В. С. Рыбкина // Нижегородский психологический альманах. 2023. № 1. С. 98-107. EDN: OFLCAU.
21. Муртазина, И. Р. Особенности переживания одиночества взрослыми в связи с их личностными характеристиками / И. Р. Муртазина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2024. Т. 14, № 1. С. 96-112. EDN: BUEQDE.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является переживание одиночества в контексте философско-психологического анализа феномена.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье в рамках комплексного междисциплинарного подхода были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в современных условиях постоянных социальных трансформаций, последствий глобализации, ставшей объективной реальностью, процессов урбанизации, цифровизации многих сфер жизни и повышения многофакторных нагрузок на личность феномен одиночества получил широкое распространение. Глубокое изучение этого феномена лежит в исследовательском поле различных наук, что обуславливает необходимость его познания с учетом комплексного подхода. С этих позиций изучение переживания одиночества в контексте философско-психологического анализа феномена представляет исследовательский интерес в сообществе ученых.

Научная новизна статьи заключается в проведении по авторской методике исследования, направленного на подробное изучение и описание переживания одиночества в контексте философско-психологического анализа феномена, а также в рассмотрении различных подходов к определению категории одиночества.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения научных позиций различных ученых по изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования в рамках междисциплинарного подхода.

Структуру статьи, к сожалению, нельзя считать выдержанной с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы, как введение, основная часть, выводы и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет обзор с описанием отдельных подходов к рассмотрению категории одиночества, а также авторском понимании переживания одиночества как деятельности и активного процесса. Библиография содержит 10 источников, включающих в себя только отечественные неперIODические издания и периодические издания.

В статье приводится описание научных подходов, характеризующих различные подходы к пониманию определения одиночества и особенностей его переживания. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященным этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся

указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся очень краткие выводы, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, что феномен одиночества рассматривается как сложная комплексная категория, требующая рассмотрения в рамках различных научных подходов, а переживание одиночества является особым видом активности личности, который имеет свои позитивные и негативные особенности в зависимости от индивидуальных характеристик, возраста, социальной ситуации и других факторов.

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, философами, социологами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье целесообразно было бы конкретизировать и описать именно методологию исследования и используемые методологические подходы. Необходимо было бы сделать обобщающее заключение по проведенному исследованию, а не ограничиваться исключительно очень краткими выводами, поскольку именно заключение создает впечатление законченности и логической завершенности исследования. При подготовке исследования целесообразно было бы использовать более современные периодические и непериодические отечественные и зарубежные издания (например, за последние 5 лет), сослаться на них и включить их в библиографию. Самым новым источником, указанным в библиографии, является периодическое издание, опубликованное в 2013 году. Кроме того, представленный объем авторского текста не позволяет всесторонне и в полной мере раскрыть заявленную актуальную тему. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, однако публикация статьи в представленном виде и объеме не представляется целесообразной. Рукопись рекомендуется отклонить.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Переживание одиночества: философско-психологический анализ феномена». Работа включает в себя введение, в котором описана актуальность и поставлена проблема исследования. В основном разделе представлено описание одиночества как философской категории. Автор проанализировал подходы таких мыслителей как Гегель, К.Маркс, Ф.Ницше, представителей трансценденталистов. Это позволило ему прийти к выводу, что в философии одиночество рассматривалось с различных сторон. Философы понимали данный феномен, и как «болезнь», и как стимул к развитию, состояние, в котором необходимо пребывать, чтобы совершенствоваться или же даже как результат развития собственной личности. Второй раздел посвящен рассмотрению одиночества как социально-психологической категории. Автор обобщил современную психологическую литературу и выделил три принципиальных подхода к рассмотрению одиночества: пространственно-социальный подход, эмоциональный/психологический подход, интерактивный подход. Особое внимание уделено анализу самого термина «одиночество». Представлены разные подходы. В заключении описаны краткие выводы и намечены перспективы дальнейшего исследования.

Предмет исследования. Предметом исследования выступило проведение философско-психологического анализа феномена «одиночество». В то же время, важно в

заключительном разделе представить авторское понимание данного феномена и его компонентов.

Методологическая основа исследования. В проведенном исследовании применялся анализ философско-психологической литературы по проблеме исследования.

Актуальность исследования. Автор отмечает, что в психологической науке отсутствует единообразный подход при определении понятия одиночества. Оно выступает предметом изучения в различных научных дисциплинах — философии, социологии, теологии, культурологии и психологии. В то же время, несмотря на многочисленные исследования, однозначного подхода к определению одиночества пока не выработано. Определение четких границ и характеристик одиночества позволит создать фундаментальную основу для дальнейших исследований в области психологии и смежных наук.

Научная новизна исследования. Проведённое исследование позволило уточнить содержание феномена «одиночество», выделить механизмы формирования и последствия данного состояния.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 21 отечественных источников, половина которых изданы за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии и справочные издания. Источники не во всех позициях оформлены корректно и однородно. Так, не во всех источниках имеется указание на количество страниц (например, нет указания количества страниц в источнике 11). Наблюдается отсутствие синтаксической однородности при оформлении источников. Например, в источниках 1-4 перед указанием страниц имеется знак «-»? , а в некоторых источниках (например, в номерах 5-7) такой знак отсутствует. Важно, чтобы источники литературы были оформлены корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Во введении сформулировать объект, предмет, цель, гипотезу, а также его методы и методики. 2). В заключении сделать аргументированные выводы и выделить научную новизну и значимость проведенного исследования. 3). Сделать анализ большего количества теоретических источников, в том числе, современных.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, а также теоретической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами одиночества. Вопрос рассматривается через выделение философско-психологического анализа феномена переживания одиночества. Однако статья не может быть рекомендована к опубликованию. Важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья выполнена на достаточно актуальную тему, поскольку феноменология одиночества имеет совершенно неоднозначную трактовку в смысле переживаний этого состояния. Автор тоже пишет об этом, отмечая, что, анализируя это состояние, учёные пытаются понять, почему некоторые люди испытывают чувство глубокого одиночества,

даже находясь в среде множества окружающих их людей. Переживания состояния одиночества зависят от очень многих факторов и условий. Таких, как возраст, пол, предыдущий жизненный опыт, темперамент человека, интеллектуальное развитие и многих других. Поэтому философско-психологический анализ этого феномена вполне уместен.

С учетом актуальности исследования, его целью является анализ одиночества как сложного эмоционального состояния, возникающего в контексте социокультурных изменений и специфических социальных взаимодействий. Предметом исследования выступает влияние одиночества на эмоциональное состояние человека, его социальные взаимодействия и уровни психического здоровья, а также особенности восприятия одиночества в различных социальных и культурных контекстах.

Обе эти формулировки каких-либо возражений не вызывают.

Научная новизна исследования заключается в осмыслении одиночества как состояния, которое в значительной мере формируется под влиянием социокультурных факторов, включая цифровизацию общества и изменения в стилях общения. Все верно. Формулировка научной новизны правильная.

Методологическое обоснование исследования также не вызывает никаких сомнений, поскольку автор опирается на теории и концепции авторов, результаты исследований которых проверены временем и являются общепризнанными в научном отношении.

Стиль изложения текста аналитический. Автор умело использует в целях научного анализа различные подходы и направления, которые включают феномен одиночества в качестве объекта исследования.

При этом в качестве достоинства работы можно отметить ее логичное структурирование. Имеются в виду две основные части. Так, в первой части рассматриваются вопросы одиночества в качестве философской категории. А во второй части представлены результаты анализа одиночества как социально-психологической категории.

Такой подход к структуре работы позволяет видеть конкретные умозаключения автора о том, что философы понимали данный феномен, и как «болезнь», и как стимул к развитию, состояние, в котором необходимо пребывать, чтобы совершенствоваться или же даже как результат развития собственной личности.

В психологическом же отношении можно выделить три принципиальных подхода к рассмотрению одиночества:

- пространственно-социальный подход концентрируется на физическом пространстве и уровне социальных взаимодействий. Согласно этой точке зрения, одиночество возникает тогда, когда человек фактически изолирован от окружения, проживает отдельно или редко вступает в контакты с другими людьми;
- эмоциональный/психологический подход, при котором одиночество рассматривается преимущественно как внутреннее психоэмоциональное состояние, не обязательно связанное с физическим отсутствием других людей;
- интерактивный подход объединяет элементы первых двух и подчеркивает взаимовлияние внешних обстоятельств и внутренних ощущений.

К достоинству работы можно отнести также рассмотрение в ней переживаний одиночества, которые не сводятся только к способности испытывать страдания, а представляют собой активный процесс, который трансформирует психологическую ситуацию, иными словами переживание рассматривается как деятельность.

Исходя из проведенного теоретического анализа феномена и того факта, что одиночество является сложным и неоднозначным явлением, автор использует определение Корчагиной С. Г.: «Одиночество – это психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной невозможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими». С

таким определением можно согласиться.

В работе имеются выводы, в которых отмечается, что позитивные и негативные аспекты переживания одиночества, влияющие на развитие личности и психическое состояние человека, как представляли, так и представляют интерес для исследователей. В настоящее время проблема одиночества становится наиболее актуальной в связи с цифровизацией общества, увеличением времени, проводимого человеком в сети, и уменьшением количества живого общения между людьми. Наиболее сильно переживание одиночества проявляется у подростков и серьёзно влияет на их ещё формирующуюся личность.

Поэтому значимость данного исследования также заключается в его практическом применении. Полученные данные могут быть использованы для разработки программ и стратегий по профилактике одиночества, особенно среди уязвимых групп, таких как подростки, чья личность ещё формируется.

Кроме того, изучение феномена одиночества помогает разрабатывать эффективные программы профилактики и помощи лицам, испытывающим это состояние.

Библиографический список включает литературные источники по теме исследования.

С учетом теоретической и практической значимости, данная работа может быть рекомендована к опубликованию в научном журнале, как представляющая интерес для читающей аудитории.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Поляков А.С., Груненкова Е.В. Особенности проявления самодетерминации и контроля поведения студентами первого и третьего курсов // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.73896 EDN: COKFQV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73896

Особенности проявления самодетерминации и контроля поведения студентами первого и третьего курсов

Поляков Александр Сергеевич

ORCID: 0000-0003-3643-9851

кандидат психологических наук

доцент, кафедра психологии; Московский международный университет

125040, Россия, г. Москва, Беговой р-н, Ленинградский пр-кт, д. 17

✉ aleksandr-pv@mail.ru

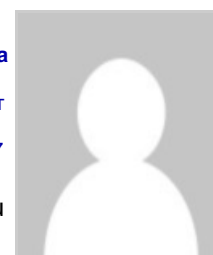

Груненкова Екатерина Викторовна

студент, кафедра психологии; Московский международный университет

125040, Россия, г. Москва, Беговой р-н, Ленинградский пр-кт, д. 17

✉ kategrunenкова@yandex.ru

[Статья из рубрики "Мотивация и духовность личности"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.73896

EDN:

COKFQV

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2025

Аннотация: Предметом данного исследования являются особенности проявления самодетерминации и ее взаимосвязи с контролем поведения у студентов первого и третьего курсов. Авторы подробно рассматривают теоретические основы самодетерминации в рамках теории Деси и Райана, включая базовые психологические потребности (автономия, компетентность, принадлежность). Особое внимание уделяется сравнительному анализу показателей самодетерминации и поведенческого контроля у

студентов разных курсов. Авторы исследуют, как изменяются эти показатели в процессе обучения, и выявляют статистически значимые различия между группами. Показано, что студенты первого курса демонстрируют более высокий уровень автономии и волевого контроля, в то время как у третьекурсников наблюдается повышенная тревожность при совершении ошибок. Особый акцент делается на выявленных корреляциях между автономией и эмоциональным контролем, а также между тревожностью и чувством принадлежности. Эти результаты имеют важное значение для понимания психологических механизмов адаптации студентов к учебному процессу. Выборку исследования составили 41 студент в возрасте от 17 до 21 года. Психологические методики: Шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (М. Gagne), опросник Контроль поведения (Е. А. Сергиенко и др.) и Шкала направленности мотивации при совершении ошибки (K. Schell). Методы математической статистики: критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ Спирмана. Новизна исследования заключается в комплексном изучении связи между уровнем самодетерминации, контролем поведения и отношением к совершаемым ошибкам у студентов первого и третьего курсов. Впервые выявлены различия в проявлении автономии, компетентности и принадлежности у первокурсников и третьекурсников, а также установлены их корреляции с эмоциональным и волевым контролем. Основными выводами проведенного исследования являются: у студентов первого курса показатели автономии и волевого контроля выше, чем у третьекурсников, что может быть связано с адаптацией к учебной среде; уровень самодетерминации коррелирует с эмоциональным контролем и мотивацией при совершении ошибок, но не зависит от возраста студентов; выявлена обратная связь между автономией и тревожностью по поводу ошибок, что подчеркивает важность развития самодетерминации для снижения стресса. Результаты исследования могут быть использованы для разработки стратегий поддержки студентов в процессе обучения.

Ключевые слова:

Самодетерминация, Контроль поведения, Мотивация, Психологические потребности, Эмоциональная регуляция, Студенты, Саморегуляция, Страх ошибок, Психологическое благополучие, Адаптация

Введение

Вопрос самодетерминации находится на пересечении психологических, социальных и образовательных аспектов современной жизни, всё чаще обсуждается в психологической литературе. Исследование самодетерминации студентов особенно значимо для составления психологического портрета будущих участников трудовых отношений. Именно студенческие годы являются периодом интенсивного развития личности, выбора жизненного пути и профессиональной ориентации. Вместе с тем студенчество часто сопровождается увеличением социальных, академических и психологических нагрузок, что ставит перед обучающимися сложные задачи управления собственным поведением, временем и ресурсами, а отсутствие развитых навыков самоконтроля может привести к снижению мотивации, ухудшению учебных результатов, возникновению стрессовых состояний и другим негативным последствиям.

В современном высшем образовании возрастает значимость индивидуализации образовательного процесса и учет личностных потребностей студентов. Развитие самодетерминации у студентов может способствовать более эффективному обучению,

повышению мотивации и удовлетворенности обучением, а также развитию профессиональных навыков и компетенций.

Целью данного исследования является выявить особенности проявления самодетерминации и контроля поведения студентами первого и третьего курсов. Объект исследования – проявление самодетерминации у студентов. Предметом данного исследования является особенности проявления самодетерминации и ее взаимосвязи с контролем поведения у студентов первого и третьего курсов.

Новизна исследования заключается в комплексном изучении связи между уровнем самодетерминации, контролем поведения и отношением к совершаемым ошибкам у студентов первого и третьего курсов. Впервые выявлены различия в проявлении автономии, компетентности и принадлежности у первокурсников и третьекурсников, а также установлены их корреляции с эмоциональным и волевым контролем.

Проведение научных исследований, направленных на изучение механизмов самодетерминации, и разработка методов формирования у студентов навыков самоконтроля и саморегуляции - перспективное и важное направление в современной психологии.

Теоретическая основа исследования.

Проблема самодетерминации – комплексная и многоплановая, подробно ее рассматривали в своих исследованиях Э. Деси, Р. Райан. Из отечественных исследователей – Д.А. Леонтьев, П.К. Анохин, Е.Н. Расторгуев, С.И. Кудинов.

Самодетерминация — это собственная активность человека, основным критерием которой является способность человека гибко взаимодействовать с окружающим миром, при этом сочетая в себе автономию поведения и гармонию с окружающей средой (Э. Деси и Р. Райан) [\[20, с. 68-78\]](#), а также свободу и ответственность (Д. А. Леонтьев) [\[9\]](#). Проявление самодетерминации многогранно - здесь можно сказать и о потенциальном будущем личностного развития, и о самоорганизации, и жизненных планах и смысловых аспектах в жизни человека, также включающих вопрос выбора, принятия решений и дальнейшего самоопределения [\[2\]](#).

Самодетерминация как самостоятельный подход в изучении мотивации стала развиваться в 1980-х годах. В ее основе лежат труды американцев Р. Райана и Э. Деси, считающиеся создателями теории самодетерминации. Данная теория помогает понять природу мотивации человека и дает возможность разработать индивидуальные подходы, позволяющие стимулировать внутреннюю мотивацию и улучшать личностный психологический настрой. Базовая теория самодетерминации послужила основой для пяти специализированных теорий: теория целей, интеграционная теория, теория основных потребностей человека с точки зрения психологии, теория казуальных ориентаций и когнитивной оценки [\[5\]](#). При этом надо помнить, что в современных трудах по психологии понятия «автономия» и «самодетерминация» часто считаются синонимичными, хотя автономия — это более широкое понятие [\[8\]](#).

Р. Райан и Э. Деси определяли самодетерминацию как психологическую активность индивидуума, направленную на налаживание коммуникативного взаимодействия со средой [\[17, 20\]](#). В основе теории самодетерминации лежит определение личностных потребностей, оказывающих непосредственное воздействие на личностную мотивационную сферу и закладывающих базис психологического благополучия. К таким

потребностям относятся: автономия (стремление человека к гармоничному существованию с самим собой), компетентность (желание самореализоваться в профессиональной среде), принадлежность (стремление к межличностным коммуникациям и взаимодействию). Не вызывает сомнения тот факт, что желание жить в гармонии с самим собой и окружающим миром, желание коммуницировать с другими членами общества и заботиться о них, является личностной потребностью большинства членов социума [\[20, С. 68-78\]](#).

Б. Шварц, психоаналитик из США, в своих научных работах описывает феномен самодетерминации в аспекте свободы личностного выбора. Часто этот выбор в современном обществе влечет за собой сложные личностные переживания и негативные психологические проявления. Б. Шварц считает, что индивидум может считать себя свободным лишь в том случае, когда ему по силам сделать верный выбор в том, что ему важно, одновременно переставая заострять свое внимание на второстепенных вещах [\[22\]](#). Самодетерминация приводит к личностной психологической стабильности в момент выбора, так как человек возлагает ответственность за последствия своего решения на себя самого (С. Бланшар, Д. Перраулт, М. Морган, Л. Мак) [\[19, С. 1-6\]](#).

Изучением феномена самореализации много занимались К. Роджерс и А. Маслоу. При этом они оперировали такими понятиями, как самореализация и самоактуализация. Их часто считают синонимами, но понятие «самоактуализация» чаще используется для описания внутриличностных психологических процессов, а «самореализация» - для описания взаимодействия личности с социумом и окружающей общественной средой. Самоактуализацию можно рассматривать как один из мотивов, побуждающих человека к личностному развитию. Самореализация — это построение человеком себя в окружающем его мире, поиск своего места в социуме, обретение смысла собственной жизни [\[10\]](#).

Российский психолог Д.А. Леонтьев говорит о том, что самодетерминация позволяет человеку гармонично сочетать *свободу и ответственность* как в своем поведении, так и в собственной деятельности [\[9, с. 24-25\]](#). Без возможности самодетерминации, построение образа будущего, который помогает человеку развиваться и определять свои цели, представляется невозможной. Для того, чтобы развивать личность и самоопределяться, необходимо иметь возможность выбирать свой путь и принимать свои собственные решения [\[3\]](#). Чувство власти и контроля над своей жизнью дает человеку возможность формировать сильные и устойчивые ценности, что является основой для развития самопознания и самореализации. Создание условий, позволяющих человеку самостоятельно определять свои цели и стремиться к их достижению, является важным пунктом в становлении личности человека, чтобы в результате по-настоящему проявить себя и реализовать свой потенциал.

П. К. Анохин ввёл термин «*образ потребного будущего*» — обязательный компонент любой разворачивающейся деятельности, которой и является самодетерминированное развитие [\[1, с. 272\]](#). Образ будущего играет огромную роль в жизни человека, так как именно он определяет направление его развития и опыт, который он приобретет. Каждое решение, каждый выбор направляет человека к определенной точке и влияет на его окружение, самочувствие и на то, каким он в итоге станет. Свобода выбора дает человеку возможность самостоятельно определять свою судьбу и нести ответственность за свои действия и за последствия в результате сделанного выбора. Под взглядом П.К. Анохина самодетерминация предполагает осознание последствий своих решений и

готовность принять ответственность за них. Без этого осознания человек не сможет по-настоящему свободно выбирать свой путь и развиваться как личность. Для грамотного проявления самодетерминации человеку необходимо иметь представление о тех образах человека, которые он видит в качестве своей цели и идеала развития, т. е. те самые варианты «образа потребного будущего». Владение представлениями о различных человеческих мировоззрениях качественно улучшает способность человека к самодетерминации [\[1\]](#).

На личностную самореализацию сильное воздействие оказывает самодетерминация, во многом влияя на успешность протекания процесса. Е.Н. Расторгуева в своих работах описывает самоактуализацию в виде динамического процесса, в ходе которого раскрывается человеческая индивидуальность, и становятся очевидными характеристики, связанные с раскрытием всего внутреннего потенциала индивидуума. При этом также проявляются активности различного вида, и в первую очередь субъектная активность, помогающая налаживать коммуникативные взаимодействия на основе собственного видения мира. Самодетерминация гораздо ярче выражена по сравнению с внешней детерминацией и работает во взаимодействии с самотрансценденцией [\[12, с. 194-203\]](#).

Студенческие годы выпадают на стадию «интимности против изоляции» по Эрику Эриксону [\[16\]](#), которая происходит примерно в возрасте от 18 до 40 лет и представляет собой период, когда молодые люди стремятся к созданию близких и глубоких отношений с другими людьми. Самодетерминация напрямую способствует построению здоровых и равноправных отношений, в которых каждый партнер уважает и поддерживает индивидуальное самовыражение другого.

Самодетерминация помогает молодому человеку находить баланс между интимностью и независимостью в отношениях, а также развивать свои личностные и профессиональные компетенции. Умение самостоятельно принимать решения позволяет формировать собственную идентичность, четко определять свои цели и жизненный путь, а также эффективно реализовывать свой потенциал. Студенты в университете могут пользоваться разнообразием академических и внеучебных возможностей для развития своих способностей и интересов. В учебной сфере это могут быть различные курсы, практики, научные исследования, участие в конференциях и семинарах. Внеучебная активность включает в себя спортивные мероприятия, культурные мероприятия, волонтерскую деятельность, клубы и общественные организации.

Развитие самодетерминации повышает возможность самостоятельно принимать решения и грамотно планировать своё время. Стремление к саморазвитию и самореализации может способствовать лучшим результатам в учёбе, более эффективному использованию образовательных возможностей и повышению профессионального роста в будущем, развитию карьеры.

В студенческой жизни часто возникают ситуации, связанные с необходимостью принятия решения, которое заключается в выборе. Именно при реализации таких ситуаций ярко проявляется процесс самодетерминации. Необходимость решения проблемы актуализирует широкий спектр человеческих потребностей, в первую очередь общественного и познавательного плана. Но одновременно актуализируются и более значимые для человека потребности, например, повышение уровня самооценки. При этом в молодом возрасте человек начинает в полной мере понимать детерминанты, влияющие на самоопределение, развитие и самореализацию [\[4, с. 192-193\]](#). Если в

подростковом возрасте ощущение собственной взрослости часто перерастает в бунтарство и семейные конфликты, то в юношеском возрасте подобные конфликтные ситуации носят более сглаженный характер. Дело в том, что многие в юношеском возрасте уже начинают самостоятельную жизнь, что способствует быстрому развитию личностной самодетерминации [\[6\]](#).

Самоконтроль студентов является не менее важным аспектом личностного и академического развития. Теоретическая психологическая база самоконтроля основывается на концепции саморегуляции, которая рассматривает способность человека управлять своими мыслями, эмоциями и поведением для достижения поставленных целей.

Е.А. Сергиенко, Г.А. Виленская и И.И. Ветрова рассматривают контроль поведения как психологический уровень регуляции поведения, который реализует индивидуальные ресурсы психической организации человека, обеспечивает соотношение внутренних возможностей (способностей человека) и внешних целей [\[13, с. 182-200\]](#).

Понятие контроля поведения основано на трех теоретических положениях. Первое положение заключается в том, что когнитивные, эмоциональные и исполнительные компоненты психической организации (мысли, чувства и действия) неразрывно связаны между собой. Второе положение утверждает, что именно субъект как носитель психического является связующим звеном между всеми упомянутыми компонентами. Третье положение состоит в том, что каждый субъект всегда индивидуален, то есть взаимодействие компонентов психики каждый раз строится уникальным образом, что делает организацию контроля поведения у каждого человека неповторимой. Понимание этих теоретических положений помогает более глубоко изучать процессы контроля поведения и его специфику у различных людей, а контроль поведения является основой самоконтроля [\[14\]](#), что не может не оказывать влияния на самодетерминированность личности.

Реакция личности на ошибку имеет большое влияние на результат деятельности [\[18, с. 59-69\]](#), что напрямую влияет на степень проявления самодетерминации человека. Ошибки могут приводить к негативным последствиям и создавать преграды на пути к достижению цели, вместе с тем они могут являться источниками ценной информации для дальнейшего развития и совершенствования человека [\[21, с. 527-547\]](#).

Выборка и методы исследования.

Выборку исследования составили 41 студент в возрасте от 17 до 21 года. Распределение выборки по полу: женский пол – 24 человека, мужской пол – 17 человек. Участники исследования были разделены на две группы, в зависимости от курса обучения (1 курс и 3 курс).

В исследовании были использованы три следующие методики: Шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (автор: М. Gagne, адаптация: И. Ю. Суворова, А. А. Бабий, Н. В. Корзун), опросник Контроль поведения (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, И. И. Ветрова.) и Шкала направленности мотивации при совершении ошибки (автор: К. Schell, адаптация: Н. В. Подбукцкая, А. Е. Кныш).

«Шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» помогает определить, насколько человек чувствует удовлетворение своими базовыми психологическими потребностями, формирующие его целостность и способствующие его гармоничному

существованию в обществе. Невыполнение этих потребностей может привести к ощущению отчуждения от социального окружения и неуверенности. Определение базовых психологических потребностей устанавливалось в рамках теории самодетерминации.

Вариант оценки способов поведения при использовании анкеты «Контроль поведения» рассматривает поведение в виде общей системы регулирования при использовании системно-субъектного подхода. Данная система разбивается на три регулятивных подсистемы. Это волевой контроль, умственный контроль и психоэмоциональная регуляция. Вместе они составляют личностный саморегулятивный паттерн.

«Шкала направленности мотивации при совершении ошибки» отражает уровень мотивационных направлений при каких-либо ошибках. Обычно это обуславливается проработкой действий с осознанием ошибки, тревожностью по поводу ошибки и желание скрыть ее. Анализ ответов на вопросы анкеты дает возможность понять, насколько человек сосредоточен, чтобы достичь поставленную цель, какие его личностные особенности в первую очередь определяют мотивацию, и готов ли он саморазвиваться и самосовершенствоваться. Нужно понимать, что использование шкалы направленности мотивации при совершении ошибки позволяет изучить мотивационную структуру личности и ее связь с ошибочным поведением, что важно для личностного развития ради достижения поставленных целей.

Обработка результатов психологического тестирования производилась при помощи методов математической статистики: критерий Манна–Уитни и корреляционный анализ Спирмана.

Результаты исследования.

На первом этапе исследования были определены базовые психологические потребности (автономия, компетентность и принадлежность) у студентов 1 и 3 курсов.

Как видно на рисунке 1 в среднем результаты по данной методике выше у студентов первого курса. Однако затруднительно ответить на вопрос – это связано с фактором среды (изменения произошли в процессе обучения) или обусловлено возрастом респондентов.

Рис. 1 Сравнение средних баллов по методике «Шкала удовлетворение базовых психологических потребностей»

Значение 39,067 у студентов 1 курса на шкале «Автономия» говорит о том, что они обладают уровнем автономности выше среднего. Это может указывать на то, что они способны принимать решения и действовать самостоятельно в некоторых ситуациях, но, возможно, им еще не хватает опыта и навыков для полной автономии. Для студентов 3

курса значение 32,6 также находится в пределах среднего значения, но ближе к нижней границе. Вероятно, это свидетельствует о том, что, столкнувшись со всем разнообразием студенческих обязанностей, студенты стали более объективно оценивать свои возможности.

Значение шкалы «Компетентность» у студентов 1 курса (30,67) выше, чем у студентов 3 курса (26,067). Это может свидетельствовать о том, что студенты первого курса имеют более развитые знания и навыки, соответствующие уровню и требованиям обучающей программы их уровня, чем студенты третьего курса. Это может быть связано с тем, что требования образовательной программы к студентам-первокурсникам ниже, чем к студентам третьего курса. Также студенты первого курса только начинают учиться и активно осваивают новую информацию, в то время как студенты третьего курса могут испытывать усталость от обучения или потерю мотивации.

Значение 39,8 по шкале «Принадлежность» у студентов 1 курса может говорить о том, что они обладают сильными социальными связями и высокой заботой о других людях. Вероятно, у них развито чувство общности и готовность помогать окружающим. Это может быть связано с тем, что на первом курсе студенты только начинают свою учебу, знакомятся с новыми людьми и создают новые социальные связи, что способствует укреплению их принадлежности к группе. Значение 36,7 по этой же шкале у студентов 3 курса немного ниже. Возможно, на этом этапе обучения студенты сталкиваются с новыми вызовами и обязанностями, что может немного снизить значение этой шкалы, но все равно сохранить средний уровень социальных связей и заботы. Можно также предположить, что различия в значениях могут быть связаны с тем, что студенты на первом курсе чувствуют себя более открытыми к новым знакомствам и взаимодействиям, в то время как студенты на третьем курсе уже укрепили свои отношения с определенными группами людей и фокусируются на своих рутинных обязанностях.

Для определения достоверности различий между группами исследуемых был применен непараметрический метод Манна-Уитни (табл.1). Расчеты показали, что достоверные различия есть только по шкале автономии ($p = 0,008$), соответственно различия по шкалам компетентность и принадлежность у студентов 1 и 3 курсов статистически незначимы

Таблица 1

Достоверность различий по методике «Шкала удовлетворения базовых психологических потребностей» между студентами 1 и 3 курсов.

	автономия	компетентность	принадлежность
U Манна-Уитни	49,5	74	83,5
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,009	0,109	0,228
а. Группирующая переменная: курс			

На втором этапе сравнивались особенности регуляции поведения у студентов 1 и 3 курсов по трем подсистемам регуляции (когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию, волевой контроль). Результаты сравнения показаны на рисунке 2.

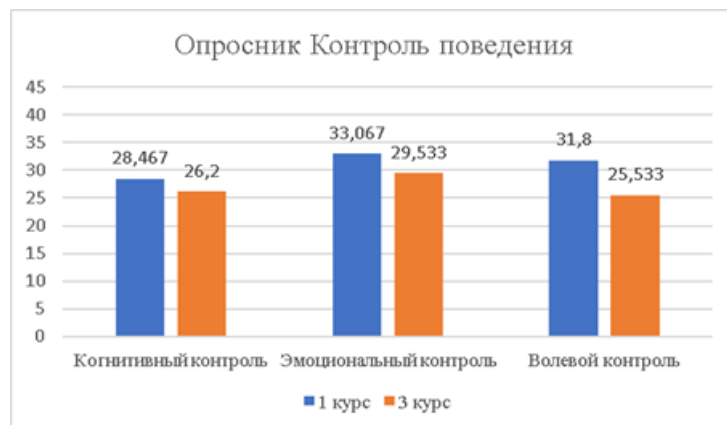

Рис. 2 Сравнение средних баллов по опроснику «Контроль поведения»

Из полученных данных можно сделать вывод, что студенты 1 курса имеют более высокий уровень когнитивного контроля, чем студенты 3 курса. Значение, равное 28,467 у студентов 1 курса, находится на среднем уровне, что говорит об их способности эффективно контролировать свои познавательные процессы. В то время как у студентов 3 курса значение 26,2 находится на нижней границе среднего уровня. Также у студентов 1 курса наблюдается более высокий уровень эмоционального контроля (33,067) по сравнению со студентами 3 курса (29,533). Это говорит о способности совладать со своими эмоциями. Снижение показателя этой шкалы от 1 курса к 3 может быть вызвано как индивидуальными особенностями студентов, так и влиянием учебного процесса на развитие навыков эмоционального контроля.

Значения шкалы «Волевой контроль» у студентов 1 курса (31,8) выше, чем у студентов 3 курса (25,533), что может указывать на то, что в начале учебного пути студенты более решительны и лучше контролируют свои действия. Меньшая выраженность этого показателя на 3 курсе может быть связана с увеличением нагрузки и стрессом, с которыми студенты сталкиваются на этапе углубленного изучения профильных предметов. Разница между значениями шкалы в данном случае может означать различия в уровне самодисциплины, управления временем и способности к преодолению трудностей.

Для определения значимости описанных различий данные были проверены при помощи непараметрического метода Манна-Уитни (табл.2). Расчеты показали, что достоверные различия есть только по шкале волевого контроля ($p = 0,004$), соответственно различия по шкалам когнитивный и эмоциональный контроль у студентов 1 и 3 курсов статистически незначимы

Таблица 2

Достоверность различий по опроснику «Контроль поведения» между студентами 1 и 3 курсов.

	когнитивный контроль	эмоциональный контроль	волевой контроль
U Манна-Уитни	78	88,5	42,5
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,151	0,318	0,004
а. Группирующая переменная: курс			

На третьем этапе сравнивались мотивация студентов 1 и 3 курсов при совершении ошибок. Результаты сравнения показаны на рисунке 3.

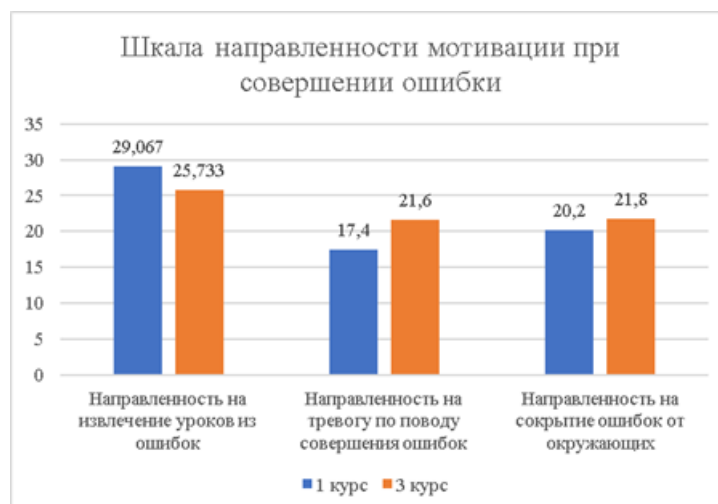

Рис. 3 Сравнение средних баллов по методике «Шкала направленности мотивации при совершении ошибки»

Опираясь на полученные данные, можно предположить, что у студентов 1 курса наблюдаются более высокие показатели по шкале «направленность на извлечение уроков из ошибок» по сравнению со студентами 3 курса. Значение 29,067 у студентов 1 курса показывает, что они склонны к активному изучению своих ошибок и стремятся использовать их для личного и профессионального роста. В то же время значение 25,733 у студентов 3 курса является на уровне среднего, что может говорить о более пассивном подходе к процессу извлечения уроков из ошибок.

Также можно сделать вывод, что студенты 1 курса имеют более низкую направленность на тревогу при совершении ошибок, чем студенты 3 курса. Значение 17,4 по шкале «Направленность на тревогу по поводу совершения ошибок» у студентов 1 курса находится в пределах верхней границы низкого значения шкалы, что указывает на то, что они склонны к более спокойному отношению к совершаемым ошибкам. В то же время значение 21,6 у студентов 3 курса является средним для данной шкалы, что говорит о том, что они проявляют более выраженную тревожность при допущении ошибок.

Данные, полученные по шкале «Направленность на сокрытие ошибок от окружающих» говорят о том, что средняя направленность на сокрытие ошибок у обследуемых первокурсников составляет 20,2, что можно оценить как умеренный уровень склонности к сокрытию ошибок. Результаты 3 курса по данной шкале незначительно выше - 21,8, что также говорит о низкой степени направленности мотивации на сокрытие ошибок.

Для определения значимости описанных различий данные были проверены при помощи непараметрического метода Манна-Уитни (табл.3). Расчеты показали, что достоверные различия есть только по шкале «извлечение уроков из ошибок» ($p = 0,003$), соответственно различия по шкалам сокрытие ошибок от окружающих и тревога по поводу ошибок у студентов 1 и 3 курсов статистически незначимы

Таблица 3

Достоверность различий по методике «Шкала направленности мотивации при совершении ошибки» между студентами 1 и 3 курсов.

	извлечение	тревога	сокрытие

	уроков из ошибок	по поводу ошибок	сокращение ошибок от окружающих
U Манна-Уитни	43	83,5	101,5
Асимптотическая значимость (2-сторонняя)	0,003	0,226	0,646
а. Группирующая переменная: курс			

Четвертым этапом исследования было выявление взаимосвязи между изучаемыми показателями для каждой исследуемой группы. В качестве метода математического анализа применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Сравнение выявленных взаимосвязей между шкалой «автономия» с другими изучаемыми переменными у студентов первого и третьего курса представлены на рисунках 4 и 5

Рис. 4 Корреляционные связи между шкалой «Автономия» и шкалами методик «Шкала направленности мотивации при совершении ошибки» и «Контроль поведения» в группе студентов 3 курса.

Рис. 5 Корреляционные связи между шкалой «Автономия» и шкалами методик «Шкала направленности мотивации при совершении ошибки» и «Контроль поведения» в группе студентов 1 курса.

Общим элементом для студентов первого и третьего курсов является наличие взаимосвязи (для первого курса $r = 0,793$, при $p < 0,01$; для третьего курса $r = 0,516$, при $p < 0,05$) между переменными «эмоциональный контроль» и «автономия». Это означает, что чем лучше студент умеет контролировать свои эмоции, тем больше у него возможностей по принятию независимых решений и контролю над своей жизнью. Этот эффект можно объяснить тем, что способность регулировать свои эмоции и реагировать на них адекватно способствует повышению чувства уверенности и независимости, что напрямую связано с чувством автономии.

У студентов третьего курса была выявлена взаимосвязь между шкалами «тревога по отношению к совершаемым ошибкам» и «автономия» ($r = -0,883$, при $p < 0,001$) – это означает, что чем выше уровень автономии у человека, тем ниже уровень тревоги по поводу совершаемых ошибок. Повышение уровня автономии может способствовать снижению тревоги по поводу возможных ошибок, так как человеку будет проще принимать решения самостоятельно и не бояться их последствий. Наоборот, недостаток

автономии и чувство ограничений в принятии решений могут усиливать тревогу и неуверенность в своих действиях. Также в группе студентов третьего курса обнаружена обратная корреляция ($r = -0,559$ при $p = 0,03$) между шкалами «направленность мотивации на сокрытие ошибок от окружающих» и «автономия», то есть чем выше уровень автономии у человека, тем ниже стремление скрывать свои ошибки от других людей. Повышение уровня автономии может способствовать тому, что человек будет более открыто реагировать на свои ошибки, не стараясь скрывать их от окружающих, так как он чувствует большую ответственность за свои поступки и готов принимать результаты своих действий, как положительные, так и негативные. Недостаток автономии, напротив, может приводить к повышенной напряженности и неуверенности, что может стимулировать желание скрывать свои ошибки от других.

У студентов первого курса была выявлена взаимосвязь между другими переменными, которая не характерна для студентов третьего курса. Прямая корреляция ($r = 0,701$, при $p < 0,01$) между шкалами «волевой контроль» и «автономность» предполагает, что уровень волевого контроля субъекта тесно связан с его уровнем автономности. Иными словами, чем выше уровень волевого контроля, тем более вероятно, что субъект будет демонстрировать высокий уровень автономии в своих действиях и решениях. Это может быть связано с тем, что субъект, обладающий развитым волевым контролем, способен эффективно управлять своими действиями и проявлять большую самостоятельность в принятии решений.

Сравнение выявленных взаимосвязей между шкалой «компетентность» с другими изучаемыми переменными у студентов первого и третьего курса представлены на рисунках 6 и 7

Рис. 6 Корреляционные связи между шкалой «Компетентность» и шкалами методик «Шкала направленности мотивации при совершении ошибки» и «Контроль поведения» в группе студентов 3 курса.

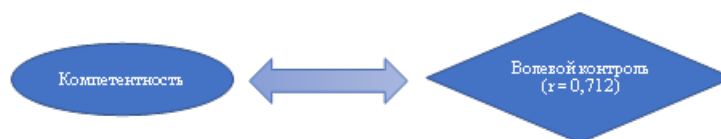

Рис. 7 Корреляционные связи между шкалой «Компетентность» и шкалами методик «Шкала направленности мотивации при совершении ошибки» и «Контроль поведения» в группе студентов 1 курса.

Объединяющим элементом студентов первого и третьего курса является взаимосвязь между шкалами «волевой контроль» и «компетентность» (у первокурсников $r = 0,712$, при $p < 0,01$; у студентов 3 курса $r = 0,616$, при $p < 0,01$). Студенты с высоким уровнем волевого контроля обычно демонстрируют более высокую компетентность в учебных делах, так как более твердо и направленно следуют учебным планам, четко вырабатывают стратегии достижения целей и эффективно управляют своим временем.

Уникальным элементом, который присутствует только у студентов 3 курса является

наличие обратной взаимосвязи ($r = -0,557$, при $p < 0,01$) между шкалами «направленность на тревогу по поводу совершаемых ошибок» и «компетентность». Это означает, что чем выше уровень тревоги по поводу совершаемых ошибок у человека, тем ниже уровень его компетентности, и наоборот. Это может быть связано с тем, что постоянная тревожность и страх ошибиться могут препятствовать развитию навыков и знаний, необходимых для выполнения задач. Люди, склонные к чрезмерной тревоге из-за ошибок, могут сосредотачиваться на своих недостатках и негативных последствиях, вместо того чтобы активно развивать свои навыки и знания. Кроме того, уровень компетентности может влиять на уровень тревоги по поводу совершаемых ошибок.

Заключительным третьим мотивом в теории самодетерминации является принадлежность. Результаты корреляции между шкалой «принадлежность» с другими изучаемыми переменными у студентов первого и третьего курса представлены на рисунках 8 и 9

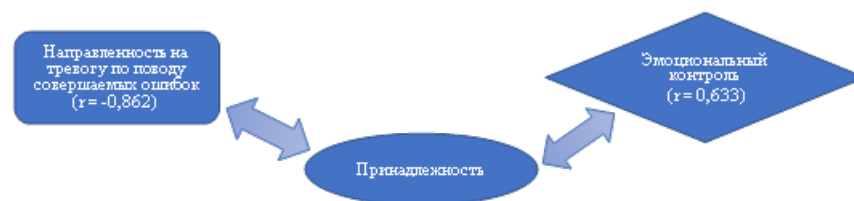

Рис. 8 Корреляционные связи между шкалой «Принадлежность» и шкалами методик «Шкала направленности мотивации при совершении ошибки» и «Контроль поведения» в группе студентов 3 курса

Рис. 9 Корреляционные связи между шкалой «Принадлежность» и шкалами методик «Шкала направленности мотивации при совершении ошибки» и «Контроль поведения» в группе студентов 1 курса

Корреляция между шкалами «эмоциональный контроль» и «принадлежность» была выявлена как у студентов первого курса ($r = 0,519$, при $p < 0,05$), так и у студентов третьего курса ($r = 0,633$, при $p < 0,01$). Это говорит о том, что чем выше уровень эмоционального контроля у человека, тем сильнее его чувство принадлежности к определенной группе или сообществу. Это может быть связано с тем, что способность контролировать свои эмоции помогает человеку лучше адаптироваться к социальной среде и находить общий язык с другими людьми, что, в свою очередь, укрепляет его чувство принадлежности к определенной группе.

Корреляция, которая была выявлена только у группы студентов третьего курса – это взаимосвязь ($r = -0,862$, при $p < 0,001$) между шкалами «направленность на тревогу по поводу совершаемых ошибок» и «принадлежность». Соответственно, чем выше уровень направленности на тревогу по поводу совершаемых ошибок у человека, тем ниже его уровень чувства принадлежности к сообществу или группе. Люди, склонные к переживаниям и тревоге относительно своих ошибок, могут испытывать чувство отчуждения и исключенности из социальной среды. Вероятно, это связано с их стремлением к самоконтролю и избеганию возможных отрицательных оценок со стороны

окружающих.

Также была выявлена взаимосвязь характерная только для студентов первого курса - между шкалами "принадлежность" и "волевой контроль" ($r = 0,587$, при $p < 0,05$). Это означает, что чувство принадлежности к сообществу может быть связана с уровнем волевого контроля у человека. Студенты, находящиеся в тесных отношениях с другими людьми и имеющие поддержку со стороны группы, могут лучше осуществлять волевой контроль и достигать своих целей.

Обсуждение результатов/выводы.

Обобщая полученные результаты, можно констатировать, что проявления самодетерминации и контроля поведения отличаются у студентов первого и третьего курсов. На первом курсе студенты чувствуют себя более независимыми и свободными, чем на третьем, но при этом волевой контроль выше. Также существуют достоверные различия в навыке по извлечению уроков из совершенных ошибок: на первом курсе этот навык лучше проявляется, чем у студентов третьего курса. Это может быть обусловлено переходным состоянием, с одной стороны, ощущение свободы после 10 лет обучения в школе, с другой стороны еще присутствует самодисциплина в плане образовательного процесса, т.е. умение мобилизовать себя в новых условиях университетской среды, что к третьему курсу трансформируется в противоположные тенденции.

Как показал корреляционный анализ, снижение чувства автономии у студентов третьего курса может быть связано с повышением тревоги из-за ошибок и одновременно с повышением мотивации к их сокрытию. Это говорит о том, что в процессе получения высшего образования студенты начинают больше обращать внимание на требования преподавателей и меньше стремятся к творческой самореализации, для них важнее становится все сделать по правилам.

Еще одна интересная закономерность была выявлена только у студентов третьего курса: чем выше тревога из-за совершенных ошибок, тем ниже ощущение компетентности и, соответственно, чаще испытывается чувство отчуждения от социальной группы. Это может быть свидетельством того, что по мере освоения профессии в университете, осознавая объем знаний и требований к специалистам данной сфере, у студентов возникает страх несоответствия данным требованиям, что приводит к снижению самооценки.

У студентов первого курса корреляционный анализ также показал уникальные взаимосвязи. Повышенный уровень волевого контроля связан с чувством принадлежности и более выраженной демонстрацией автономии в своих действиях и решениях. Это может быть обусловлено новым статусом – студента, которое и позволяет на более высоком уровне контролировать свое поведение и образовательные тактики, чем на третьем курсе, когда уходит ощущение значимости статуса студента.

При этом сложно определить, являются ли полученные результаты закономерными и отражают логичную трансформацию или являются случайными.

Заключение.

Обобщая полученные результаты можно предположить, что самодетерминация играет важную роль в жизни студентов, так как позволяет им развивать свою личность, принимать решения самостоятельно, осознавать свои цели и стремиться к их достижению. В ситуациях, когда студенты имеют возможность самостоятельно выбирать

свой образ жизни, профессиональное направление и учебные предметы, они более мотивированы и продуктивны в учебе. Самодетерминация также помогает студентам развивать самосознание, уверенность в себе и ответственность за свои поступки.

Кроме того, самодетерминация способствует формированию самостоятельности и саморазвития, что важно для успешной карьеры и личной жизни. Когда студенты обладают возможностью принимать важные решения самостоятельно, они более готовы к самостоятельной жизни и работе после окончания учебы. Это помогает им выстраивать свои отношения, достигать поставленных целей и ощущать себя уверенно в любых ситуациях.

Результаты эмпирического исследования и анализ данных показали, что самодетерминация как феномен связана с развитием личности в студенческие годы, причем уровень самодетерминации коррелирует как с контролем своего поведения, так и с направленностью мотивации при совершении ошибок. Проявление самодетерминации в контроле своего поведения студентов старших курсов незначительно ниже, чем у студентов младших курсов.

Библиография

1. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы: избранные труды. – Москва: Наука, 1978. – 399 с.
2. Борзова Т. В., Плотникова Е. С. Проявление самодетерминации в личностной, деятельностной и социальной самореализации студентов // Психолог. – 2020. – № 4. – С. 12-21. – DOI 10.25136/2409-8701.2020.4.33082. EDN: OYPFVZ
3. Борзова Т. В. Психология понимания как ресурс развития современного вузовского образования. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2023. – 218 с. EDN: SCLCJZ
4. Гордеева Т. О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования. – 2010. – № 4(12). – С. 11. EDN: MUXUPT
5. Гуткина Н. И. Концепция Л.И. Божович о строении и формировании личности (культурно-исторический подход) // Культурно-историческая психология. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 116-128. – DOI 10.17759/chp.2018140213. EDN: USBSJL
6. Кон И. С. Социализация детей в изменяющемся мире // Вопросы воспитания. – 2010. – № 1. – С. 18-24. EDN: QZDEZV
7. Кудинов С. И. Полисистемная концепция самореализации личности // Дизайн и технологии. – 2014. – № 41(83). – С. 114-120. EDN: TBRLDX
8. Костенко В. Ю., Леонтьев Д. А. Взгляд на себя со стороны: роль рефлексии и самодетерминации в развитии личности // Мир психологии. – 2016. – № 3(87). – С. 97-108.
9. Леонтьев Д. А. От феномена самостоятельности к механизмам самодетерминации // Вопросы образования. – 2024. – № 1. – С. 142-161. – DOI 10.17323/vo-2024-17626. EDN: PFHLDU
10. Маслоу А. Психология бытия. – 2-е изд. – Москва: Академический проект, 2022. – 275 с.
11. Подбужкая Н. В., Кныш А. Е. Апробация шкалы направленности мотивации при совершении ошибки К. Шелла (EOMS: The Error-Oriented Motivation Scale) // Психологический журнал. – 2020. – Т. 41, № 2. – С. 127-138. – DOI 10.31857/S020595920008571-4. EDN: NGQVEU
12. Расторгуева Е. Н. Самоактуализация: самодетерминация или самотрансценденция? (К проблеме личностного развития) // Мир психологии. – 2017. – № 1. – С. 194-203. EDN:

YZICZF

13. Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ветрова И. И. Новый метод оценки психической регуляции – опросник "Контроль поведения" // Экспериментальная психология. – 2023. – № 1. – С. 182-200. DOI: 10.17759/exppsy.2023160111. EDN: WPQZOW
14. Сергиенко Е. А., Виленская Г. А., Ковалева Ю. В. Контроль поведения как субъектная регуляция. – Москва: Институт психологии РАН, 2010. – 353 с. EDN: TGHNTV
15. Суворова И. Ю., Бабий А. А., Корзун Н. В. Адаптация общей шкалы удовлетворения базовых психологических потребностей Э. Деси и Р. Райана // Актуальные проблемы психологического знания. – 2021. – № 1-2(55). – С. 55-66. EDN: FWHHJC
16. Эриксон Э. Г. Детство и общество. – Санкт-Петербург: Питер, 2019. – 448 с.
17. Deci E. L., Ryan R. M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality // Journal of Research in Personality. – 1985. – Vol. 19, Issue 2, – P. 109-134. – DOI 10.1016/0092-6566(85)90023-6
18. Keith N., Frese M. Effectiveness of error management training: A meta-analysis // Journal of Applied Psychology. – 2008. – Vol. 93(1). – P. 59-69. – DOI 10.1037/0021-9010.93.1.59
19. Perreault D., Mask L., Morgan M., Blanchard C. M. Internalizing emotions: Self-determination as an antecedent of emotional intelligence // Personality and Individual Differences. – 2014. – Vol. 64. – P. 1-6. – DOI 10.1016/j.paid.2014.01.056
20. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55 (1). – P. 68-78. – DOI 10.1037/0003-066X.55.1.68. EDN: GSHHWJ
21. Rybowskiak V., Garst H., Frese M., Batinic B. Error Oriented Questionnaire (EOQ): Reliability, validity, and different language equivalence // Journal of Organizational Behavior. – 1999. – Vol. 20 (4). – P. 527-547. – DOI: 10.1002/(SICI)1099-1379(199907)20:43.0.CO;2-G
22. Schwartz B. The paradox of choice: Why more is less / B. Schwartz. – New York: HarperCollins, 2004. – 304 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Особенности проявления самодетерминации и контроля поведения студентами первого и третьего курсов». Работа включает в себя вводную часть с определением общей значимости проводимого исследования. Следующий раздел посвящен рассмотрению проблемы самодетерминации в теоретических исследованиях. Проведенный анализ позволил автору рассмотреть понятие контроля поведения с опорой на три теоретических положения. Первое положение заключается в том, что когнитивные, эмоциональные и исполнительные компоненты психической организации (мысли, чувства и действия) неразрывно связаны между собой. Второе положение утверждает, что именно субъект как носитель психического является связующим звеном между всеми упомянутыми компонентами. Третье положение состоит в том, что каждый субъект всегда индивидуален, то есть взаимодействие компонентов психики каждый раз строится уникальным образом, что делает организацию контроля поведения у каждого человека неповторимой. В основном разделе представлено описание и анализ результатов эмпирического исследования. Заканчивается статья общим выводом.

Предмет исследования. Автором отмечается, что самодетерминация играет важную роль

в жизни студентов, так как позволяет им развивать свою личность, принимать решения самостоятельно, осознавать свои цели и стремиться к их достижению. В ситуациях, когда студенты имеют возможность самостоятельно выбирать свой образ жизни, профессиональное направление и учебные предметы, они более мотивированы и продуктивны в учебе. Самодетерминация также помогает студентам развивать самосознание, уверенность в себе и ответственность за свои поступки. Кроме того, самодетерминация способствует формированию самостоятельности и саморазвития, что важно для успешной карьеры и личной жизни. Когда студенты обладают возможностью принимать важные решения самостоятельно, они более готовы к самостоятельной жизни и работе после окончания учебы. Это помогает им выстраивать свои отношения, достигать поставленных целей и ощущать себя уверенно в любых ситуациях. В исследовании были рассмотрены особенности проявления самодетерминации и контроля поведения студентами.

Методологическая основа исследования.

В эмпирическом исследовании принял участие 41 студент в возрасте от 17 до 21 года. Используемые методики включали в себя: Шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (автор: М. Gagne, адаптация: И. Ю. Суворова, А. А. Бабий, Н. В. Корзун), опросник Контроль поведения (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, И. И. Ветрова.) и Шкала направленности мотивации при совершении ошибки (автор: К. Schell, адаптация: Н. В. Подбукская, А. Е. Кныш). Обработка результатов психологического тестирования производилась при помощи методов математической статистики: критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ Спирмана. Анализ полученных результатов представлен в виде графиков, таблиц и рисунков.

Актуальность исследования. Автор отмечает, что проведение научных исследований, направленных на изучение механизмов самодетерминации, и разработка методов формирования у студентов навыков самоконтроля и саморегуляции - перспективное и важное направление в современной социальной психологии. В то же время, теоретических и эмпирических исследований в настоящее время проводится недостаточно.

Научная новизна исследования. Анализ результатов эмпирического исследования показали, что самодетерминация как феномен связана с развитием личности в студенческие годы. Причем уровень самодетерминации коррелирует как с контролем своего поведения, так и с направленностью мотивации при совершении ошибок. Проявление самодетерминации в контроле своего поведения студентов старших курсов незначительно ниже, чем у студентов младших курсов.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы не прослеживается, автором не выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы достаточный, чтобы раскрыть предмет исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 21 отечественный и зарубежный источник, незначительная часть которых была издана за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, монографии и учебные пособия. Источники не во всех позициях оформлены корректно. Так, не во всех источниках указано количество страниц/диапазон страниц (например, в номере 5). При оформлении не во всех источниках есть синтаксические знаки (например, знак «-» отсутствует в источнике 3). Важно оформить источники литературы однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

1). Структурировать работу, выделив введение с определением актуальности, цели,

объекта и предмета, методологии и методов исследования, научной новизны и практической значимости.

2). Важно выделить заключение с обоснованными и аргументированными выводами.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами самодетерминации поведения. Вопрос рассматривается через призму изучения особенностей проявления самодетерминации и контроля поведения студентами. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ «ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ И КОНТРОЛЯ ПОВЕДЕНИЯ СТУДЕНТАМИ ПЕРВОГО И ТРЕТЬЕГО КУРСОВ»

Предмет исследования – особенности проявления самодетерминации и ее взаимосвязи с контролем поведения у студентов первого и третьего курсов (заявлен автором в статье). Методология исследования построена на классическом подходе, который включает в себя теоретический анализ и обобщение литературных данных по заявленной теме, проведение прикладного исследования с помощью сравнительного анализа двух групп студентов (1 и 3 курс). Всего в исследовании участвовали 41 респондент, студенты 1 и 3 курсов, преимущественно девушки. Группа вызывает некоторые сомнения с точки зрения небольшой численности. Как пилотное исследование на четырёх десятках респондентов оно может иметь ценность. Но если говорить о научной значимости, то число испытуемых недостаточное для формирования фундаментальных выводов. Непонятны критерии отбора испытуемых (кроме курса и пола) – какая форма обучения, специальность или направление подготовки, регион и пр. Возможно, что другие критерии отбора могут иметь значение для интерпретации и определять полученные выводы.

Прикладная часть в исследовании построена на применении психодиагностических методов:

- Шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (автор: М. Gagne, адаптация: И. Ю. Суворова, А. А. Бабий, Н. В. Корзун);
- опросник Контроль поведения (Е. А. Сергиенко, Г. А. Виленская, И. И. Ветрова.);
- Шкала направленности мотивации при совершении ошибки (автор: K. Schell, адаптация: Н. В. Подбужкая, А. Е. Кныш).

Методы математической статистики - критерий Манна-Уитни и корреляционный анализ Спирмана (скорее автор имел в виду «Спирмена»).

Подбор психодиагностических и статистических методов не вызывает вопросов.

Актуальность представленной статьи очевидна. Тема самодетерминации и контроля поведения студентов как будущих трудовых ресурсов требует изучения и интерпретации применительно к выполнению ими трудовых функций. Это связано с нарастанием роли персонализации в образовательном процессе. Поэтому возможно значимой является цель исследования - выявить особенности проявления самодетерминации и контроля поведения студентами первого и третьего курсов. Остается вопрос – почему именно

студентов 1 и 3 курса? Рекомендуется в дальнейших исследованиях уделить внимание данному вопросу.

Научная новизна заявлена автором в двух контекстах:

- 1) комплексное изучение связи между уровнем самодетерминации, контролем поведения и отношением к совершаемым ошибкам у студентов первого и третьего курсов;
- 2) впервые выявлены различия в проявлении автономии, компетентности и принадлежности у первокурсников и третьекурсников, а также установлены их корреляции с эмоциональным и волевым контролем.

Но есть сомнение, что данные контексты имеют научную значимость, так как в рамках статьи раскрыты лишь прикладные аспекты конкретного исследования, проведенного на выборке из 41 респондента. Кроме того, установление корреляции не может быть научной новизной. Корреляция – это лишь результат применения статистического метода. В дальнейшем рекомендуется изменить формулировки научной новизны.

Стиль, структура, содержание

Вводная часть обосновывает выбор темы, а основная часть представляет описание различных подходов к пониманию самодетерминации (Д.А.Леонтьев, П.К.Анохин, Д.Райан и др.), к роли самоконтроля студентов в личностном и академическом развитии (Е.А.Сергиенко, И.И.Ветрова и др.).

В основной части статьи автор раскрывает особенности организации исследования (выборка, методы, этапы проведения эмпирической части работы), а также описывает полученные результаты в виде диаграмм и графиков. Некоторые выводы по рис.1 и 2 являются спорными (например, о различиях в уровнях когнитивного, эмоционального и волевого контроля в группах студентов), но в целом интерпретации данных соответствует представленным цифровым значениям. Содержательная часть статьи содержит 9 рисунков, которые информативно описывают полученные результаты.

В заключении автор делает выводы, которые несколько шире тех результатов, которые представлены в статье. Полученные результаты могут иметь частное значение для работы с конкретными группами студентов, но рассматривать их как наукообразные данные пока рано. Требуется более серьёзное исследование, возможно лонгитюдного характера для подтверждения вывода о том, что «Проявление самодетерминации в контроле своего поведения студентов старших курсов незначительно ниже, чем у студентов младших курсов».

Библиография

Насчитывает 22 литературных источника и включает статьи из журналов, монографии. Среди которых представлены фундаментальные работы отечественных и зарубежных ученых, прикладные работы, в том числе на английском языке. Важно, что автор использует литературные источники разных лет, а также разные работы – и фундаментальные, и прикладные (применительно к студенчеству).

Апелляция к оппонентам – статья может быть допущена к публикации с указанием в тексте статьи, что представленные материалы являются пилотным исследованием и описанием того, какие планируются дальнейшие исследовательские действия на репрезентативной выборке.

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории – преподавателей психологии, профориентологов, специалистов по работе с молодёжью, которые занимаются привлечением молодежи для работы на предприятия.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Воробей А.С. Цвет как фактор проектирования образовательной среды: обзор исследований // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.71082 EDN: SKINYT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71082

Цвет как фактор проектирования образовательной среды: обзор исследований

Воробей Анна Сергеевна

аспирант; кафедра социологии и философии; Смоленский государственный университет

214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. Пржевальского, 4

✉ super_ka@mail.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.71082

EDN:

SKINYT

Дата направления статьи в редакцию:

20-06-2024

Аннотация: Цвет в образовательной среде может как направлять внимание обучающегося, так и создавать нерелевантную учебным задачам когнитивную нагрузку. В этой работе обзревается данные, опубликованные за последние десять лет, по проблеме поиска взаимосвязи между цветовым оформлением образовательных пространств и различными психическими и когнитивными характеристиками учащихся. Проблема исследования заключается в том, что контекст и среда современного обучения претерпевают значительные изменения, оказывая влияние на психическое состояние, когнитивные способности и образовательную успешность школьников и студентов. Целью работы являются сбор и систематизация знаний, определение тенденций и новых направлений в исследованиях цвета в образовательном пространстве, обзор перспективных идей для определения вектора дальнейшего изучения научной проблемы и прикладного применения полученных результатов. Особое внимание уделяется гибриднему характеру современной образовательной среды. В процессе работы использовались методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения. Были выделены две группы работ: исследования

воздействия цвета в физической образовательной среде и в цифровом пространстве. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на русском языке были проанализированы научные публикации по проблематике цветового оформления образовательных пространств в контексте возможного влияния на эффективность обучения. На основе проведенного анализа были сформулированы следующие выводы: 1. Контекст обучения, где перед человеком стоят познавательные цели, в исследованиях цвета зачастую остается за рамками исследовательских задач. 2. Полученные в анализируемых работах результаты пока не дают возможности сделать окончательные выводы о влиянии цвета в образовательной среде на когнитивные способности, успешность и эмоции обучающихся. 3. За пределами исследовательского интереса остается обширный контекст современной образовательной среды. Накопленные данные о цветовом оформлении учебных классов видятся мало информативными в текущих условиях обучения, когда переход между цифровыми и физическими средами осуществляется все чаще и быстрее. 4. В силу методологических и ресурсных ограничений в фокус внимания исследователей попадают лишь определенные свойства цвета и ограниченная часть цветового спектра. 5. Мало данных для получения выводов о возрастной, гендерной и социокультурной специфике восприятия и роли цвета в образовательной среде.

Ключевые слова:

цвет, образовательная среда, когнитивные способности, мультимедийное обучение, когнитивные функции, цветовые предпочтения, виртуальная реальность, эмоциональный дизайн, принцип сигнализации, эффективность обучения

Введение

Цвет является важным фактором как в физической среде обучения, так и в проектировании цифровой учебной среды. Цвет может как направлять внимание обучающегося, так и создавать дополнительную, нерелевантную учебным задачам когнитивную нагрузку. В связи с чем вопрос о роли цвета в образовательной среде, о его влиянии на когнитивные способности, успешность и эмоции обучающихся, важен для разработки практических рекомендаций для проектирования образовательных пространств. Примечательно, что среди остальных переменных дизайна цвет выделяется простотой реализации и обновления.

Актуальности изучению факторов, способных оказывать влияние на когнитивные способности, добавляют глобальные вызовы нового времени. Так, масштабное исследование людей, переживших COVID-19, показало наличие у них значительного когнитивного дефицита по сравнению с контрольной группой [\[1\]](#). Сопровождавшее пандемию дистанционное обучение также, судя по всему, продемонстрировало свое влияние на когнитивные способности учащихся: в препринте своей статьи Алан С. и Туркум Б. показали, что развитие абстрактного мышления и когнитивной эмпатии серьезно затрудняется, когда дети лишены стимуляции школьной среды [\[2\]](#). Остается открытым для научного осмысления вопрос, какова здесь роль физических факторов среды, и какова — коммуникативных.

Проблема исследования заключается в том, что контекст и среда современного обучения претерпевают значительные изменения, оказывая влияние на психическое состояние, когнитивные способности обучающихся и, в конечном счете, на образовательную

успешность школьников и студентов. В связи с чем необходимо изучать специфические характеристики среды, одной из наиболее важных среди которых является цвет в совокупности его свойств.

Прикладные исследования *цвета*, как правило, фокусируются на экспериментах с одним или несколькими цветовыми свойствами. В теории цвета выделяют три его основных свойства: тон, яркость и насыщенность. Тон — это то свойство, которое и определяется как цвет, например синий, красный или зеленый. Яркость — это относительная светлота или темнота цвета. Интенсивность (также насыщенность или хроматичность) — это чистота оттенка. Цвет также классифицируется по температуре: половина цветового круга определяется как теплая, а другая — как холодная [3]. На восприятие цвета и температуры также может влиять освещение, из-за чего характеристики освещенности часто встречаются в работах по теории цвета.

Реакции на цвет бывают как физиологическими, так и психологическими, и в зависимости от исследуемого типа реакций выбирается соответствующая методология исследования. Благодаря своей способности влиять на человека, цвета могут быть очень эффективным инструментом визуального стимулирования в образовательной среде. Дизайн пространства для обучения может иметь значимые последствия для познания, включающего множество взаимосвязанных психических процессов, таких как восприятие, внимание, память и мышление, и образовательных результатов учащихся. И потому создание среды, способствующей эффективному обучению без чрезмерной стимуляции и сенсорной перегрузки, — весьма перспективное направление для научного поиска и разработки прикладных рекомендаций.

В целях данного исследования *образовательная среда* рассматривается в рамках экологического подхода как система влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [4].

В настоящее время появляется все больше исследований, посвященных влиянию цвета в окружающей среде на когнитивные способности и эффективность обучения различных групп населения. Так, обзор исследований цвета в образовательной среде для пожилых людей был проведен Ю. А. Грибер, В. В. Селивановым и Р. Вебером [5]. Авторы работы подчеркивают, что корректировка цвета в образовательной среде для рассматриваемой группы людей способна вызвать заметные изменения качества обучения сразу на нескольких уровнях: биологическом, психологическом и социальном. Есть основания полагать, что и для обучения детей и взрослых данное наблюдение может быть справедливым, что и предстоит прояснить в рамках настоящего исследования.

С точки зрения нейрофизиологии Льюренс-Гамес М., Игера-Трухильо Х. Л., Омаррементерия К. С., Ллинарес К. [6] в систематическом обзоре собрали показатели влияния искусственной внутренней среды на когнитивные процессы памяти и внимания у людей. Из обзора следует, что исследования цвета как элемента внутренней среды единичны и используют преимущественно психометрические методы: только в одной из упомянутых работ были использованы нейрофизиологические методы.

Накоплены некоторые научные данные о влиянии цвета на отдельные когнитивные функции человека. В обзоре Дзулкифли М., Мустафар М. Ф. [7] собраны данные о влиянии цвета на работу памяти, которая на данный момент превалирует в исследованиях над остальными когнитивными функциями. На основе проведенного

анализа авторы резюмируют, что эффективность воздействия цвета на производительность памяти основана на нескольких факторах: консистентность цветов, используемых на этапах кодирования и извлечения, и цветовые сочетания, обеспечивающие более высокий или низкий уровень контраста.

Вместе с тем, исследования цвета как значимого фактора в проектировании образовательных пространств систематизированы не в полной мере. В этой работе обзореваются данные, опубликованные за последние десять лет, по проблеме поиска взаимосвязи между цветовым оформлением образовательных пространств и различными психическими и когнитивными характеристиками учащихся.

Целью работы являются сбор и систематизация знаний, определение тенденций и новых направлений в исследованиях цвета в образовательном пространстве, обзор перспективных идей для определения вектора дальнейшего изучения научной проблемы и прикладного применения полученных результатов. В процессе работы использовались *методы* сравнительного анализа, систематизации и обобщения. *Научная новизна* исследования заключается в том, что впервые на русском языке были проанализированы научные публикации по проблематике цветового оформления образовательных пространств в контексте возможного влияния на эффективность обучения.

Поиск материалов для исследования осуществлялся через системы eLibrary.Ru (входящие в РИНЦ), Google Scholar, PubMed и ResearchGate. По итогам отбора по критерию релевантности работы заявленной теме и экспериментальности исследования было отобрано 34 статьи, опубликованных с 2014 по 2024 год. Стоит отметить, что подавляющее число релевантных теме исследования работ, написанных и опубликованных на русском языке, не попали в текущий анализ по причине отсутствия экспериментальной части и их общефилософского характера. Так, например, Ломов, С. П., Аманжолов С. А., Федосенко Е. В. в своей работе [\[8\]](#) рассматривают роль белого цвета в формировании образовательной среды с точки зрения его символического значения и проводят историко-культурологический анализ, что является ценным для изучения цвета в педагогике и психологии, однако не подходит под критерий экспериментальности, выбранный для текущего исследования. Ряд отечественных исследователей предпринимали попытки систематизировать знания о роли цвета в образовательной среде на основе монографий и учебных пособий [\[9, 10, 11, 12\]](#), что может быть полезно с точки зрения разработки практических рекомендаций, но, тем не менее, видится выводами с ограниченной доказательностью и актуальностью.

На основе проведенного в текущем исследовании анализа были выделены две группы из отобранных работ: исследования воздействия цвета в физической образовательной среде и в цифровом пространстве с акцентом на технологии виртуальной реальности и мультимедиа.

Цвет как фактор физической среды: общественные пространства и учебные классы

Цветовые предпочтения в физической среде

При изучении воздействия цвета на человека в физической среде принято считать, что у людей есть определенные *цветовые предпочтения* в окружающем их интерьере. В исследовании Цзян А., Яо С., Хемингрей К. и Вестленда С. [\[13\]](#) изучались предпочтения цвета квартиры и уровень возбуждения, измеренный как вариабельность сердечного

ритма, для 21 цвета среди молодых китайцев. Результаты показали, что испытуемые предпочитают светло-красные, красные, желтые и серые области цветового спектра и меньше всего предпочтения отдают более темным цветам в зеленых, серых и коричневых областях цветового спектра. Цвета в красной, фиолетовой и желтой областях цветового спектра оказали наибольшее влияние на возбуждение по сравнению с серым и коричневым цветами.

Улучай Н. было проведено исследование [\[14\]](#) предпочтений цветовой гаммы интерьера среди студентов. В одном и том же пространстве выставки дизайна интерьера, которая была организована на кафедре дизайна интерьера университета, визуальные элементы интерьера были скомбинированы по разным методам подбора цвета. Больше всего предпочтения студенты отдавали желтому, оранжевому, фиолетовому и синему цветам. При этом в интерьерных композициях более привлекательным оценивалось сочетание основных цветов пастельных тонов по сравнению с комбинацией только основных цветов. Это соотносится с принятым в литературе по психологии цвета представлением о том, что маленькие дети предпочитают яркие основные цвета, а подростки и молодежь — более пастельные тона.

В работе Коста М., Фрументо С., Несе М. и Предиери И. [\[15\]](#) исследовалась среда университетского общежития, состоящая из шести отдельных зданий, отличающихся только цветом интерьера (фиолетовый, синий, зеленый, желтый, оранжевый и красный). В исследовании приняли участие студенты, более года проживающие в одном из шести зданий. Оценивались цветовые предпочтения, предпочтение светлоты, а также влияние цвета на учебу и настроение. По результатам опроса предпочтение отдается синим интерьерам, далее следуют зеленый, фиолетовый, оранжевый, желтый и красный. Также была обнаружена предвзятость предпочтений в отношении конкретного цвета интерьера, в котором жил студент, и гендерные различия в предпочтениях синего и фиолетового цвета. Авторы работы рекомендуют при проектировании общежитий университетов отдавать предпочтение синему и зеленому цветам и избегать красного, желтого и оранжевого цвета. В общежитиях для студентов мужского пола лучше ограничить цветовую палитру только синими и зелеными оттенками, тогда как для студенток цветовая палитра может быть более разнообразной, включая также красно-фиолетовые и фиолетовые оттенки. Синий цвет рекомендуется использовать для оформления учебных зон, белый потолок предпочтительнее цветного.

В исследовании Дехвари Х., Миршоджаян Х. И. и Маддахи С. [\[16\]](#) была предпринята попытка изучить влияние уровня образования на цветовые предпочтения учащихся, чтобы выбрать подходящий цвет для интерьера классной комнаты и улучшить качество обучения в образовательной среде. Результаты не показали существенной связи между выбором цвета в качестве предпочтительного и уровнем образования у студентов. Однако когда результаты тестового вопроса изменились с любимого цвета учащихся на предпочтительный цвет интерьера классной комнаты, была обнаружена значительная связь между выбором цвета в качестве предпочтительного и уровнем образования респондентов.

Восприятие цветов в физической среде

Помимо уже имеющихся у учащихся цветовых предпочтений, отдельные цвета в физической среде могут восприниматься ими по-разному и вызывать различные ассоциации и эмоции. В воспроизводящем исследовании Салахаддин Б., Хусейн Х., Сазгар С. [\[17\]](#) проверялись полученные ранее данные о влиянии цвета фона на

восприятие учащихся на основе семи цветов из колориметрической системы Манселла (желтый, зеленый, синий, фиолетовый, белый, черный, серый). Результаты подтверждают, что холодные цвета, такие как белый, зеленый и синий, лучше всего подходят для образовательных помещений, положительно влияя на восприятие респондентов и добавляя чувство надежды, любопытства и удовлетворения. Напротив, темные цвета (черный и серый) определялись испытуемыми как цвета беспокойства и страха.

В работе Йылдирим К., Чагатай К. и Аялп Н.^[18] было оценено влияние трех разных цветов на поверхностях стен классных комнат на перцептивные способности учащихся мужского пола. Исследование показало, что помещения с синими стенами воспринимались испытуемыми более позитивно, чем помещения кремового или розового цвета.

Что касается влияния цветового воздействия на эмоции человека, в большей степени оно изучено в условиях общественных пространств. Переносить полученные результаты на образовательные среды нужно с осторожностью, с учетом наличия разной степени сложности учебных задач в качестве дополнительной когнитивной нагрузки, а также всего насыщенного контекста обучения. Тем не менее, видится значимым рассмотрение актуальных работ в данном направлении в целях планирования дизайна последующих исследований в образовательной среде.

В работе Гюнеш Э. и Ольгунтюрк Н.^[19] были изучены эмоциональные реакции на красный, зеленый, синий и серый цвета. Испытуемые просматривали короткий видеоролик с 3D-моделью гостиной, а затем сопоставляли каждую из просмотренных комнат с выражениями лиц шести основных эмоций. С красной комнатой чаще всего соотносились отвращение и счастье, а наименее выраженными эмоциями были печаль, страх, гнев и удивление; в зеленой комнате лидировали эмоции нейтральности и счастья, а гнев, удивление, страх и печаль были наименее выраженными; в синей комнате наиболее выраженной эмоцией была нейтральная, а наименее выраженными — гнев и удивление. В серой комнате доминировали нейтральность, отвращение и печаль. Гендерных различий в эмоциональных реакциях на цвет стен обнаружено не было.

Ряд исследований эмоционального воздействия цвета пытались определить, как цвет в окружающей среде может влиять на настроение, удовлетворенность, мотивацию и производительность человека. Несмотря на то, что некоторые из них обнаружили данные, говорящие в пользу существования положительной корреляции между длиной волны и ощущением возбуждения, где длинные волны возбуждают, а короткие, напротив, расслабляют, остается дискуссионным вопрос, влияет ли цвет окружающей среды на настроение в ситуации сосредоточения на конкретной задаче, когда люди концентрируются именно на ней, а не на цвете.

В пользу незначительности, если не сказать отсутствия, влияния цвета окружающего пространства на процессы расслабления или возбуждения, а также на производительность при выполнении когнитивных задач, говорят данные исследования ^[20], проведенного Фон Кастелл К., Стельцманн Д., Оберфельд Д., Уэлш Р. и Хехт Х. Для эксперимента были отобраны цвета, которые коммерчески позиционируются как оказывающие влияние на эмоциональное состояние и когнитивные функции: «охлаждающе розовый» (расслабляющий эффект и снижение когнитивной нагрузки), «энергичный красный» (возбуждающий и повышающий работоспособность), «расслабляющий синий» (повышает внимание и концентрацию) и белый цвет в качестве контрольного. Подвергаясь воздействию одного из вышеперечисленных цветов,

испытуемые старшеклассники должны были выполнять ряд учебных задач. Эмоциональное состояние участников измерялось до и после эксперимента. Полученные данные не продемонстрировали какого-либо систематического влияния цвета учебной среды на эмоциональное состояние учащихся. Отдельно стоит отметить, что насыщенность и яркость цветов были непостоянны и варьировались от оттенка к оттенку, а также то, что внимание испытуемых в исследовании данного дизайна было сосредоточено в первую очередь на учебной задаче, а не на самом цвете. В последнем нюансе может скрываться принципиальное отличие изучения эмоционального воздействия цвета как стимульного материала, предъявляемого субъекту исследования, и цвета как характеристики окружающей среды.

Влияние цвета среды на физиологию

Отдельного внимания заслуживает группа работ, посвященных влиянию цвета окружающей среды на *физиологические параметры* организма человека. Как и в случае изучения влияния цвета на эмоции, в рамках экологического подхода к пониманию образовательной среды для максимально эффективной реализации потребности в обучении крайне важно понимать, какие физиологические параметры учащихся могут быть подвержены влиянию цвета. Рассмотрим, данные каких актуальных работ могут послужить методологической и сравнительной базой для последующих научных поисков.

Так в исследовании О Дж. и Парка Х.^[21] изучалось, как изменение цветовой хроматичности окружающей среды влияет на вариабельность сердечного ритма и стресс с учетом пола испытуемых. В эксперименте использовались 12 цветовых стимулов разной хроматичности в зеленых/синих тонах и высокой/низкой яркости. И у мужчин, и у женщин показатель низкочастотного компонента спектра (показатель частотного анализа ритма сердца — индикатор тонуса вегетативной нервной системы) уменьшался по мере увеличения насыщенности в условиях зеленого оттенка и низкой интенсивности; показатель состояния парасимпатической системы, ответственной за физиологическое восстановление организма, уменьшался по мере увеличения насыщенности в синих оттенках и высокой интенсивности. Показатель низкочастотного компонента спектра уменьшался также по мере увеличения хроматичности в условиях синего тона и высокой яркости у мужчин. Оценка влияния цвета на стресс показала, что чем выше хроматичность цвета в условиях высокой яркости, тем более положительна эмоция стресса, а чем ниже хроматичность цвета в условиях низкой яркости, тем более негативна эмоция стресса. Поскольку хроматичность увеличивается в условиях низкой яркости, цвет является фактором стресса; у мужчин этот эффект был более заметен в синем тоне.

Для оценки влияния цвета на обучение, физиологическое и эмоциональное состояние Аль-Аяш А., Кейном Р. Т., Смитом Д. и Грин-Армитаж П. было проведено исследование ^[22] шести цветов (ярко-красный, ярко-синий, ярко-желтый, бледно-красный, бледно-голубой и бледно-желтый) в моделируемой учебной среде. Рассматривалось воздействие цветов на успеваемость, эмоции и частоту сердечных сокращений студентов университетов. Результаты показали, что, хотя участники оценивали ситуацию как расслабленную, спокойную и приятную в условиях бледных цветов, оценки чтения были значительно выше в условиях ярких цветов. На частоту сердечных сокращений существенно влиял тон: они увеличились в присутствии красного и желтого. Кроме того, результаты показали, что независимо от степени белизны тон оказывает существенное влияние на эмоции участников. Синий тон усилил чувство расслабления и спокойствия.

Ллинарес К., Игера Т., Хуан Л., Серра Х. был проведен анализ ^[23] влияния стен классной комнаты теплых и холодных тонов на когнитивные функции внимания и памяти студентов вузов. Результаты показали, что цвета холодных оттенков повышают возбуждение и улучшают работу внимания и памяти. Это можно объяснить на нейрофизиологическом уровне активацией симпатической системы. Авторы работы обращают внимание на корреляцию между психологическими метриками и большинством нейрофизиологических метрик, что позволяет предположить, что было бы полезно использовать последние в исследованиях, чтобы глубже понять основные процессы памяти и внимания.

Влияние цвета среды на когнитивные способности

В рамках исследования влияния цвета стен классной комнаты на *внимание* учащихся, проведенного Дуян Ф. и Унвер Р ^[24], в течение 5 дней подряд стены школ перекрашивались в цвета, выбранные с помощью колориметрической системы Манселла (на основе цветовых предпочтений учащихся были выбраны красный, желтый, зеленый, синий, фиолетовый). Уроки проводились в стенах разного цвета, а в конце учебного дня учащиеся проходили тесты на внимание. По итогам проведенных тестирований показатели внимания были самыми высокими в условиях фиолетового цвета стен и самыми низкими в условиях красного цвета стен.

В одной из работ, посвященных воздействию цвета на когнитивные способности, Мин Ё. Х. и Ли С. изучалось влияние контраста в помещениях нейтральных, теплых и холодных цветов на пространственную память ^[25]. Участники просматривали короткое видео с виртуальной моделью жилой студии, затем им было предложено нарисовать карту архитектурных элементов. Пространственная память измерялась с точки зрения масштаба и скорости запоминания объектов. Контраст и тон не оказали существенного влияния на запоминание пропорционального масштаба. Но при этом высококонтрастные схемы позволили значительно лучше запомнить архитектурные элементы, чем низкоконтрастные схемы. При сравнении эффекта тонов значительная разница была замечена в запоминании деталей мебели и осветительных приборов. Участники сообщили о значительно лучшей пространственной памяти на нейтральные и теплые цветовые схемы, чем на холодные. Эффекта взаимодействия между контрастом и тоном в цветовых сочетаниях не наблюдалось. Эти результаты могут быть применены при разработке цветовых схем архитектурных пространств, требующих развитого пространственного познания и памяти.

В исследовательской работе Грибер Ю. А., Делова А. А. ^[26] было оценено воздействие различных условий цветовой стимуляции на показатели кратковременной вербальной *памяти*. Показатели кратковременной памяти измерялись с помощью методики заучивания десяти слов и теста на запоминание цифровых рядов, в качестве цветовых стимулов использовались фокальные цвета 27 наиболее популярных у носителей русского языка цветовых категорий. Наиболее эффективно слова запоминались испытуемыми в условиях стимуляции черным и темно-фиолетовым цветом, цифровые ряды — в присутствии красного, зеленого и фуксии. Успешность запоминания оказалась максимальной в условиях воздействия первичных основных черного, зеленого и синего цветов, а также неосновных бирюзового и малинового. Также результаты исследования демонстрируют, что изменение параметров памяти коррелирует не только с тоном цветовых стимулов, но и со светлотой и насыщенностью.

В работе Барретт П., Дэвис Ф., Чжан Ю. и Барретт Л. было проанализировано влияние

физического пространства обучения на успеваемость по конкретным предметам: чтению, письму и математике [27]. Большое значение в отношении математики продемонстрировали параметры индивидуализации, для чтения и письма наиболее важными оказались сложность среды и цвет. Наиболее оптимальным для цветового оформления учебного пространства для развития навыков чтения и письма исследователи называют выбор средних значений яркости, также рекомендованы белые или бледных оттенков стены с акцентными деталями ярких цветов.

В исследовательской работе А. И. Андриевича [28] изучалось влияние цветовых решений в аудиториях на работоспособность студентов. На первом этапе был проведен опрос студентов, во время которого они поделились мнением о влиянии цвета аудитории на их работоспособность: большинство выделили желтый цвет как наиболее удачный выбор для окрашивания учебной среды; наименее предпочтительным, отвлекающим от работы и раздражающим был определен красный цвет. Второй эксперимент был проведен с помощью теста Люшера: испытуемому предлагалось восемь карточек (синяя, зеленая, красная, желтая, фиолетовая, коричневая, черная, серая), которые нужно было расставить по степени субъективной приятности. Оценка проводилась в аудиториях с разным цветом стен: розовым, голубым и салатным. В розовой и голубой комнате лидировали предпочтения красного, желтого и оранжевого, на последнем месте оказались коричневый и черный. В салатной комнате на первые места вышли синий и фиолетовый, черный и серый выбраны наименее приятными. При оригинальности оценки цветовых предпочтений внутри определенным образом окрашенной цветовой среды, нельзя не отметить небольшие выборки исследования (15 и 8 человек соответственно) и сведение оценки работоспособности к субъективной приятности и самоотчету испытуемых, что затрудняет возможность формулировки объективных выводов и рекомендаций.

Цвет как фактор цифровой среды: виртуальная реальность и мультимедийное обучение

В исследованиях цвета все чаще применяются технологии *виртуальной реальности (VR)* для проектирования различных условий цветового воздействия. Во многом это происходит из-за методологических проблем предыдущих исследований в среде физической, которую сложно контролировать и изменять. При этом остается открытым вопрос, насколько достоверно полученные результаты можно экстраполировать из цифровой среды в физическую. К тому же, как и в физических средах, крайне мало работ, изучающих воздействие цвета в контексте обучения и образовательных задач, чаще рассматриваются психические и физические реакции на виртуальные интерьеры.

В русле теории цвета в контексте в работе Липсон-Смит Р., Бернхардт Дж., Замунер Э. и др. [29] при помощи очков виртуальной реальности Google Daydream View изучалось настроение и цветовые предпочтения как реакция на цвета в трех различных контекстах: гостиная, зал ожидания в больнице и пустая кубическая комната. Участники были случайным образом распределены в один из восьми кластеров, в каждом из которых было представлено пять разных цветов. В общей сложности было исследовано сорок цветов. По результатам исследования было обнаружено, что контекст, в котором представлен цвет, может влиять на настроение и цветовые предпочтения, однако эффект не был одинаковым для разных кластеров, что дает повод для дальнейшего изучения влияния контекста на цветовосприятие.

В работе Ча С., Чжан С. и Ким Т. [30] исследовалось влияние цветовых схем интерьера в

иммерсивных виртуальных средах на эмоции, выполнение задач и частоту сердечных сокращений. В эксперименте использовались четыре модели помещений разных цветов (красный, зеленый, синий и белый). Результаты показали, что красный цвет воспринимался как значительно более тяжелый, теплый, волнующий, напряженный и неприятный. При выполнении заданий значительно меньше ошибок возникало при погружении в белый цвет по сравнению с зеленым. Хотя частота сердечных сокращений снижалась для каждого цвета, значительное снижение было обнаружено в моделях синего, белого и зеленого цветов.

В ходе экспериментов Ся Г., Генри П., Чен Ю., Кейруш Ф., Вестленда С., Ченга Ц.^[31] дополнительно изучалось влияние цветовых характеристик (тон, хроматичность и яркость) в иммерсивной среде виртуальной реальности на способности участников к логическому и нестандартному мышлению, а также на их внимание к деталям. Выводы исследования зафиксировали значимость влияния яркости зеленого цвета на внимание людей к деталям: при яркости 75% участники допускали значительно меньше ошибок и реагировали быстрее, чем при яркости 60% и 45%.

В исследовании Вейс М. Л., Йонаускайте Д., Ройтиманн Р., Мор К., Ленггенхагер Б.^[32] участников подвергали воздействию красной или синей VR-среды различной светлоты и насыщенности. Физиологические реакции оценивались по частоте сердечных сокращений и электрической активности кожи, а также с помощью самоотчета испытуемых. Результаты выявили физиологические эффекты светлоты и тона. Проводимость кожи увеличилась больше в красной комнате, чем в синей, что сигнализирует о более высоком возбуждении. Разница между красным и синим цветами была заметна только при некоторых сочетаниях насыщенности и светлоты. Исследователи пришли к выводу, что среда разных цветов может влиять на физиологическое возбуждение, однако не все изменения вызваны исключительно тоном, и не все эффекты можно измерить по всем физиологическим параметрам.

Фахардо М. Л. Н., Игера-Трухильо Х. Л., Ллинарес К.^[33] провели анализ относительного влияния освещения, цвета и геометрии пространства на внимание и память, а также на предпочтения учащихся. В эксперименте на основе виртуальной реальности студенты выполняли тесты на внимание, память и предпочтения в классах с различными конфигурациями освещения (цветовая температура и освещенность), цветов (насыщенность и тон) и геометрии пространства. В результате исследования были выявлены гендерные различия: наибольшее влияние оказала освещенность, существенно влиявшая на память студентов мужского пола, внимание студенток женского пола и предпочтения обоих полов. Цвет также оказался элементом, значительно влияющим на внимание студенток, и в целом внимание выступило показателем, наиболее чувствительным к вариациям дизайна.

Влияние цвета экрана, просматриваемого во время завершения учебного теста, на когнитивные способности и успеваемость детей при выполнении ряда когнитивных задач исследовалось в работе Брукер А. и Франклин А.^[34] По результатам исследования красный цвет значительно ухудшал производительность при выполнении когнитивных задач примерно на 6% по сравнению с базовым серым цветом. Никакие другие из рассмотренных цветов (оранжевый, желтый, зеленый, синий, фиолетовый, светло-красный, светло-синий) существенно не улучшали и не ухудшали производительность.

В работе Чан Д. и Чой К.^[35] было изучено влияния цветовых схем и цветовых конфигураций интерьера на субъективные и когнитивные реакции внимания в

виртуальном классе. По результатам исследования участники предпочитали конфигурации, в которых использовался нейтральный тон для стен/потолка, темный тон для мебели и светлый тон для пола. Напротив, наименее предпочтительными конфигурациями были светлый тон для стен/потолка, темная мебель и нейтральный пол. Исследователи призывают в разработке дизайна учебных пространств выйти за рамки традиционного метода цветовой палитры и использовать более сложный подход к цветовому дизайну.

Ся Г., Генри П., Ли М., Кейрос Ф., Вестлендом С., Ю Л.^[36] было проведено сравнительное исследование влияния цвета на когнитивные и интеллектуальные способности в обычных лабораторных условиях и в примерно идентичной среде виртуальной реальности. Полученные данные продемонстрировали различное влияние цвета в условиях с использованием стандартных цветных дисплеев и в примерно идентичной среде виртуальной реальности. Различались показатели влияния цветов на способности к логическому и латеральному мышлению, а также внимания к деталям. Наиболее стабильным тоном оказался зеленый, оказывающий более сильное воздействие на когнитивные способности учащихся. Сравнительный анализ показывает, что цветовые стимулы в виртуальной реальности имеют более сильный импульсивный эффект, чем в стандартных условиях.

При осуществлении выбора релевантных слов и изображений фоновый цвет учебных текстов может служить сигналом для поиска и повлиять на когнитивную нагрузку и мотивацию. В работе Юзель Ф., Шеллер Н., Рей Г. Д., Шнайдер С.^[37] был изучен связанный и несвязанный цвет фона ученых текстов. В контрольной группе демонстрировался белый фон учебных текстов и учебных вопросов. Результаты исследования показали, что цвет фона остается контекстной информацией, хранящейся отдельно от информации об элементе, который необходимо извлечь из памяти. Для того, чтобы служить подсказкой для поиска, просто цвета фона не достаточно. Также использование цветного фона в мультимедийных учебных средах не увеличивает когнитивную нагрузку по сравнению с белым фоном.

Распространение цифровых образовательных платформ и интерактивных учебных материалов стимулирует исследовательскую задачу по изучению цвета в интерфейсах. В работе Грибер Ю. А., Цыганковой К. Ю. и Устименко Ю. А.^[38] было изучено влияние хроматических характеристик сенсорных кнопок (52 оттенка) на мотивацию пользователей смартфонов прикоснуться к экрану. Наиболее мотивирующими к прикосновению оказались оттенки с высокой насыщенностью четырех чистых тонов: яркие синие и желтые, зеленые и красные цвета. Также были обнаружены некоторые гендерные различия: женщин сильнее мотивируют красные и красно-фиолетовые оттенки, мужчин – желтые, оранжевые, зеленые и зелено-синие. Перспективным видится воспроизведение исследования для других возрастных категорий и для пользователей персональных компьютеров в целях лучшего понимания эффективности цветовых стимулов в интерфейсах.

В мультимедийном обучении цвет может служить *сигналом*, помогающим ориентироваться в структуре материала и выделять для учеников самое важное в тексте. Метаанализ 2020 года работ о влиянии сигнального принципа на образовательные результаты, проведенный Альпизар Д., Адесопе О. О. и Вонгом Р. М.^[39], подтвердил улучшение результатов учащихся. Однако в проанализированных материалах типы сигналов (например, цветовой контраст) не модерировали. Из-за множества типов сигналов, упоминаемых в литературе, существует вероятность того, что каждый из них может

влиять на обучение по-своему. Необходимы дальнейшие исследования для углубления понимания сигнальной функции цвета.

Наряду с формой, цвет может встраиваться в мультимедийную среду обучения в качестве элемента *эмоционального дизайна*. Метаанализ эффективности включения эмоционального дизайна в процесс мультимедийного обучения, проведенный Вонгом Р. М. и Адесоп О. О. [\[40\]](#), подтвердил улучшение результатов обучения (удержание, передача, понимание, изменение положительного аффекта, внутренняя мотивация, умственные усилия, симпатия/удовольствие и снижение воспринимаемых трудностей). Однако остается за скобками, насколько эффективны цвета с различными характеристиками в проектировании эмоционального дизайна.

Таким образом, важной исследовательской задачей становится углубление понимания роли цвета в мультимедийной образовательной среде в рамках актуальных подходов педагогического дизайна.

Заключение

Анализ научных источников по проблематике учета цвета как важного фактора проектирования образовательной среды позволяет сделать ряд выводов о состоянии исследований в данной области знания.

Во-первых, контекст обучения, где перед человеком стоят познавательные цели, увеличивающие когнитивную нагрузку, в исследованиях цвета зачастую остается за рамками исследовательских задач.

Во-вторых, полученные в анализируемых работах результаты пока не дают возможности сделать окончательные выводы о влиянии цвета в образовательной среде на когнитивные способности, успешность и эмоции обучающихся. Необходимо накопление большей исследовательской базы и последующее проведение мета-анализов.

В-третьих, за пределами исследовательского интереса остается обширный контекст современной образовательной среды, мультимодальной и гибридной. Накопленные данные о цветовом оформлении учебных классов видятся мало информативными в текущих условиях обучения, когда переход между цифровыми и физическими средами осуществляется все чаще и быстрее по ходу образовательного процесса. Отдельно стоит поднимать вопрос о правомерности экстраполяции выводов, полученных в экспериментах в условиях одной среды, на другую.

В-четвертых, в силу методологических и ресурсных ограничений в фокус внимания исследователей попадают лишь определенные свойства цвета и ограниченная часть цветового спектра.

В-пятых, мало данных для получения выводов о возрастной, гендерной и социокультурной специфике восприятия и роли цвета в образовательной среде.

Вместе с тем представленные в данной работе исследования позволяют разработать ряд рекомендаций для проектирования образовательных пространств, комфортных и эффективных для обучения и выбора оптимальных колористических решений. Наиболее предпочтительными для учащихся являются по преимуществу: красный, желтый, оранжевый, фиолетовый, синий, зеленый цвета [\[13, 14, 15\]](#). При этом важно принимать во внимание возрастные различия: дети младшего возраста предпочитают яркие цвета, подростки и молодежь — пастельные [\[14\]](#).

Более положительно воспринимаются холодные цвета, такие как белый, зеленый и синий [17, 18]. К тому же цвета холодных оттенков улучшают работу внимания и памяти [23]. Самые высокие показатели внимания зафиксированы в условиях фиолетового цвета [24]. Синий и зеленый вызывают нейтральные эмоции [19], усиливают расслабление и спокойствие [22], хорошо сказываются на запоминании [26]. Синий, зеленый и фиолетовый в целом видятся оптимальными для активного использования в дизайне образовательных пространств. На практике также рекомендуется выбор средних значений яркости, белые или бледных оттенков стены с акцентными деталями [27].

При этом нейтральные и теплые цветовые схемы значительно лучше, чем холодные, влияют на пространственную память [25], что делает их удачно применимыми для холлов, рекреаций и больших пространств с затрудненной навигацией.

Что касается мультимедийных образовательных сред, распространенное на большинстве платформ и сайтов использование белого фона видится оптимальным, т. к. воздействие белого цвета уменьшает количество ошибок при выполнении заданий [30]. Хотя данные и говорят о том, что цветной фон в мультимедийных учебных средах не увеличивает когнитивную нагрузку [37]. Для гибридных сред наиболее стабильным тоном оказался зеленый цвет, положительно влияющий на когнитивные способности учащихся. Следует, однако, учитывать, что цветовые стимулы в виртуальной реальности имеют более сильный импульсивный эффект, чем в стандартных условиях школьной среды [36].

Проведенный анализ подчеркивает необходимость дальнейших исследований, чтобы обеспечить глубокое понимание того, как человеческое познание может быть усилено цветовым оформлением среды.

Библиография

1. Hampshire A., Trender W., Chamberlain S. R., Jolly A. E., Grant J. E., Patrick F., Mazibuko N., Williams S. C., Barnby J. M., Hellyer P., Mehta M. A. Cognitive deficits in people who have recovered from COVID-19 // *EClinicalMedicine*. 2021. No. 39.
2. Alan S., Turkum B. Disruption to Schooling Impedes the Development of Abstract Reasoning and Theory of Mind in Children. 2023.
3. Грибер Ю. А. Прикладные исследования цвета: учебное пособие. М.: Согласие, 2022.
4. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. М.: Смысл, 2001.
5. Грибер Ю. А., Селиванов В. В., Вебер Р. Цвет в образовательной среде для пожилых людей: обзор современных исследований // *Перспективы науки и образования*. 2020. № 5 (47). С. 368-383.
6. Llorens-Gámez M., Higuera-Trujillo J. L., Omarrementeria C. S., Llinares C. The impact of the design of learning spaces on attention and memory from a neuroarchitectural approach: A systematic review // *Frontiers of Architectural Research*. 2022. No. 11(3). Pp. 542-560.
7. Dzulkifli M., Mustafar M. F. The Influence of Colour on Memory Performance: A Review // *The Malaysian journal of medical sciences*. 2013. No. 20. Pp. 3-9.
8. Ломов С. П., Аманжолов С. А., Федосенко Е. В. Роль белого цвета в формировании комфортной образовательной среды // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 75 (3). С. 244-247.
9. Куликова А. А., Соломаха Е. Н., Родионова Ю. В. Психолого-педагогическое влияние цвета в дизайне образовательных учреждений // *Проблемы современного педагогического образования*. 2022. № 74(4). С. 145-147.

10. Марченко М. Н., Сидоренко М. М. Использование цвета в дизайн-проектировании жилых и общественных пространств и его влияние на развитие детей // Наукосфера. 2022. № 12(2). С. 6-9.
11. Плавник А. С. Значение цветового оформления помещения для младших школьников в учебном процессе // Дидакт. 2022. № 1(9). С. 102-106.
12. Гребенюк, М. С. Влияние цвета и освещения на комфорт в образовательных средах // Наука и образование в новых реалиях: проблемы, дискуссии, пути совершенствования : Материалы XXXII Всероссийской научно-практической конференции, Краснодар, 11 декабря 2023 года. Краснодар: ООО "Издательство Панорама", 2023. С. 12-13.
13. Jiang A., Yao X., Hemingray C., Westland S. Young people's colour preference and the arousal level of small apartments // Color Research & Application. 2021. No. 47(3). Pp. 783-795.
14. Uluçay N. Ö. An interior design exhibition: An assessment of color scheme preferences and the emotional states of students // Color Research & Application. 2018. No. 44(1). Pp. 132-138.
15. Costa M., Frumento S., Nese M., Predieri I. Interior Color and Psychological Functioning in a University Residence Hall // Frontiers in Psychology. 2018. No. 9.
16. Dehvari H., Mirshojaeian H. I., Maddahi S. The Effect of Educational Background on Students' Color Preferences for Improving the Quality of Learning in Learning Environments (A Case Study: Undergraduate Students Majoring in Computer and Architecture in Mashhad). 2023. Pp. 1-15.
17. Salahaddin B., Husein H., Sazgar S. The Impact Of Colour On Students' Perception In Learning Spaces // Tikrit Journal of Engineering Sciences. 2021. No. 28. Pp. 33-43.
18. Yildirim K., Çağatay K., Ayalp N. Effect of wall colour on the perception of classrooms // Indoor and Built Environment. 2014. No. 24.
19. Güneş E., Olguntürk N. Color-emotion associations in interiors // Color Research & Application. 2019. No. 45(1). Pp. 129-141.
20. Von Castell C., Stelzmann D., Oberfeld D., Welsch R., Hecht H. Cognitive performance and emotion are indifferent to ambient color // Color Research & Application. 2017. No. 43(1). Pp. 65-74.
21. Oh J., Park H. Effects of Changes in Environmental Color Chroma on Heart Rate Variability and Stress by Gender // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. No. 19(9).
22. AL-Ayash A., Kane R. T., Smith D., Green-Armytage P. The influence of color on student emotion, heart rate, and performance in learning environments // Color Research & Application. 2016. No. 41(2). Pp. 196-205.
23. Llinares C., Higuera T., Juan L., Serra J.. Cold and warm coloured classrooms. Effects on students' attention and memory measured through psychological and neurophysiological responses // Building and Environment. 2021. No. 196.
24. Duyan F., Unver R. A research on the effect of classroom wall colours on student's attention // A/Z : ITU journal of Faculty of Architecture. 2016. No. 13(2). Pp. 73-78.
25. Min Y. H., Lee S. Does interior color contrast enhance spatial memory? // Color Research & Application. 2019. No. 45.
26. Грибер Ю. А., Делов А. А. Влияние цвета на показатели кратковременной памяти // Перспективы науки и образования. 2023. № 5 (65). С. 500-518.
27. Barrett P., Davies F., Zhang Y., Barrett L. The Holistic Impact of Classroom Spaces on Learning in Specific Subjects // Environment and Behavior. 2016. No. 49.
28. Андриевич А. И. Влияние цветовой гаммы учебных помещений на работоспособность студентов // Вестник УлГТУ. 2018. № 2 (82). С. 7-8.
29. Lipson-Smith R., Bernhardt J., Zamuner E. et al. Exploring colour in context using Virtual

- Reality: Does a room change how you feel? // Virtual Reality. 2021. No. 25. Pp. 631-645.
30. Cha S. H., Zhang S., Kim, T. W. Effects of Interior Color Schemes on Emotion, Task Performance, and Heart Rate in Immersive Virtual Environments // Journal of Interior Design. 2020. No. 45(4). Pp. 51-65.
31. Xia G., Henry, P., Li, M., Queiroz, F., Westland, S., Yu, L. A Comparative Study of Colour Effects on Cognitive Performance in Real-World and VR Environments // Brain Sciences. 2022. No. 12(31).
32. Weijs M. L., Jonauskaite D., Reutimann R., Mohr C., Lenggenhager B. Effects of environmental colours in virtual reality: Physiological arousal affected by lightness and hue // Royal Society Open Science. 2023. No. 10(10).
33. Fajardo M. L. N., Higuera-Trujillo J. L., Llinares C., Lighting, colour and geometry: Which has the greatest influence on students' cognitive processes? // Frontiers of Architectural Research. 2023. No. 12(4). Pp. 575-586.
34. Brooker A., Franklin A. The effect of colour on children's cognitive performance // British Journal of Educational Psychology. 2016. No. 86(2). Pp. 241-255.
35. Jang D., Choi K. Colour in virtual classroom: Effects of colour schemes and interior elements on students' preference and attention // IASDR 2023: Life-Changing Design. 2023. Pp. 9-13.
36. Xia G., Henry P., Chen Y., Queiroz F., Westland S., Cheng Q. The effects of colour attributes on cognitive performance and intellectual abilities in immersive virtual environments // Computers in Human Behavior. 2023. No. 148.
37. Meusel F., Scheller N., Rey G. D., Schneider S. The influence of content-relevant background color as a retrieval cue on learning with multimedia // Education and Information Technologies. 2024. No. 1(22).
38. Грибер Ю. А., Цыганкова К. Ю., Устименко Ю. А. Цвет как триггер: влияние хроматических характеристик сенсорных кнопок на мотивацию прикосновения // Психолог. 2022. № 6. С. 73-87.
39. Alpizar D., Adesope O. O., Wong R. M. A meta-analysis of signaling principle in multimedia learning environments // Educational Technology Research and Development. 2020. No. 68. Pp. 2095-2119.
40. Wong R. M., Adesope O. O. Meta-analysis of emotional designs in multimedia learning: A replication and extension study // Educational Psychology Review. 2021. No. 33(2). Pp. 357-385.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Цвет как фактор проектирования образовательной среды: обзор исследований». Работа представляет собой обзор теоретических и эмпирических исследований.

Предмет исследования. Работа нацелена на то, чтобы собрать и систематизировать знания, определить тенденции и новые направления в исследованиях цвета в образовательном пространстве, осуществить обзор перспективных идей для определения вектора дальнейшего изучения научной проблемы и прикладного применения полученных результатов.

Методологией исследования. Автором проанализированы, в основном, зарубежные исследования, которые рассматривают затронутую проблему. Были применены методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения.

Актуальность исследования обусловлена тем, что контекст и среда современного обучения претерпевают значительные изменения. Это оказывает влияние на психическое состояние, когнитивные способности обучающихся и, в конечном счете, на образовательную успешность школьников и студентов. Поэтому важно изучать специфические характеристики среды, одной из наиболее важных среди которых является цвет в совокупности его свойств. В то же время, наблюдается дефицит проводимых теоретических и эмпирических исследований, которые затрагивают поставленные проблемы. В работе был проведен обзор в основном зарубежных работ.

Научная новизна исследования. В работе были сделаны следующие выводы:

- впервые на русском языке были проанализированы научные публикации по проблематике цветового оформления образовательных пространств в контексте возможного влияния на эффективность обучения;
- цвет был исследован как важный фактор проектирования образовательной среды;
- выделены «проблемные поля» дальнейшего изучения поставленной проблемы.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе прослеживается. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы позволяет раскрыть в полной мере предмет исследования.

Во вводном разделе поставлена проблема и актуальность исследования. Автором отмечается, что цвет - важный фактор, как в физической среде обучения, так и в проектировании цифровой учебной среды. В работе отмечается, что цвет направляет внимание обучающегося, так и создает дополнительную, нерелевантную учебным задачам когнитивную нагрузку. Поэтому вопрос о значении цвета в образовательной среде, о его влиянии на когнитивные способности, успешность и эмоции обучающихся, необходим для того, чтобы разрабатывать практические рекомендации для проектирования образовательных пространств. В вводной части статьи определены также цель, научная новизна и методы исследования.

Основной раздел затрагивает рассмотрение таких вопросов, как: цветовые предпочтения в физической среде, восприятие цветов в физической среде, влияние цвета среды на физиологию, влияние цвета среды на когнитивные способности. Проведенный анализ позволяет рассматривать цвет как фактор физической среды (общественные пространства и учебные классы). Особое внимание уделено рассмотрению цвета как фактора цифровой среды (виртуальной реальности и мультимедийного обучения).

В завершении статьи автор представил подробные выводы, наметил перспективы дальнейшего исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 32 отечественных и зарубежных источника, большая часть которых издана за последние три года. В список включены статьи и тезисы. Помимо этого, имеются также монографии и учебные пособия. Источники оформлены, в основном, корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации:

- 1) провести анализ большего количества современных отечественных работ специалистов, которые рассматривают данную проблему;
- 2) предложить рекомендации с учетом проведенного теоретического анализа;
- 3) просмотреть работу на предмет описок (например, «акцентами», «студенок» и пр.).

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью; будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами проектирования образовательной среды. Статья может быть

рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена обзор исследований влияния цвета на успешность обучения и проектирование образовательной среды, которая рассматривается в рамках экологического подхода как система возможностей, влияний и условий формирования личности по заданному образцу в социальном и пространственно-предметном окружении.

Методология исследования базируется на поиске материалов для исследования в электронных базах данных eLibrary.Ru, Google Scholar, PubMed и ResearchGate; отборе по критерию релевантности работ по заявленной теме, углубленном исследовании 34 статей, опубликованных за последнее десятилетие, применении методов сравнительного анализа, систематизации и обобщения.

Актуальность работы авторы связывают с тем, что исследования цвета как значимого фактора в проектировании образовательных пространств систематизированы не в полной мере, несмотря на то, что цвет является важным фактором как в физической среде обучения, так и в проектировании цифровой учебной среды, который может как направлять внимание обучающегося, так и создавать нерелевантную учебным задачам когнитивную нагрузку.

Заявленная авторами научная новизна исследования заключается в систематизации научных публикаций по проблематике цветового оформления образовательных пространств в контексте возможного влияния на эффективность обучения.

В публикации структурно выделены следующие разделы и подразделы: Введение, Цвет как фактор физической среды: общественные пространства и учебные классы, Цветовые предпочтения в физической среде, Восприятие цветов в физической среде, Влияние цвета среды на физиологию, Влияние цвета среды на когнитивные способности, Цвет как фактор цифровой среды: виртуальная реальность и мультимедийное обучение, Заключение, Библиография.

В тексте статьи отражены результаты определения тенденций и новых направлений в исследованиях цвета применительно к образовательному пространству, осуществлен обзор перспективных идей для определения вектора дальнейшего изучения научной. Авторами сделаны выводы о том, что наиболее предпочтительными для учащихся являются красный, желтый, оранжевый, фиолетовый, синий, зеленый цвета; дети младшего возраста предпочитают яркие цвета, подростки и молодежь — пастельные; положительно воспринимаются холодные цвета (белый, зеленый и синий), которые улучшают работу внимания и памяти; самые высокие показатели внимания зафиксированы в условиях фиолетового цвета; синий и зеленый вызывают нейтральные эмоции, усиливают расслабление и спокойствие, хорошо сказываются на запоминании; синий, зеленый и фиолетовый оптимальны для использования в дизайне образовательных пространств; нейтральные и теплые цветовые схемы значительно лучше, чем холодные, влияют на пространственную память, рекомендуются для холлов, рекреаций и больших пространств с затрудненной навигацией.

Библиографический список включает 40 источников – научные публикации

отечественных и зарубежных ученых на русском и иностранных языках по рассматриваемой теме, на которые в тексте публикации имеются адресные отсылки к списку литературы, подтверждающие наличие апелляции к оппонентам.

Тема статьи актуальна, материал отражает результаты проведенного авторами исследования, содержит элементы приращения научного знания, соответствует тематике журнала «Психология и Психотехника», может вызвать интерес у читателей и рекомендуется к публикации.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Глушкова С.А. Психологические аспекты использования цифровых образовательных технологий // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.71302 EDN: CUZSCW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71302

Психологические аспекты использования цифровых образовательных технологий

Глушкова Светлана Александровна

ORCID: 0009-0006-9699-9366

аспирант, кафедра педагогики, психологии и социальной работы; Частное учреждение образовательной организации высшего образования «Омская гуманитарная академия»

644105, Россия, Омская область, г. Омск, ул. Четвертая Челюскинцев, 2А

✉ glushkova.s.a@gmail.com

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.71302

EDN:

CUZSCW

Дата направления статьи в редакцию:

20-07-2024

Аннотация: В статье анализируются эффекты цифровой среды в системе современного образования. Изучаются документы, регламентирующие деятельность субъектов образовательного процесса в условиях использования цифровой среды. Приводятся вариативные мнения ученых о проблеме психологического влияния цифровой среды на подростков поколения альфа. Приводятся оценка целесообразности применения виртуальной среды и учет негативных психологических последствий. Целью данной статьи является изучение проблемы психологических эффектов на подростков в условиях применения цифровых образовательных ресурсов. Тема статьи является актуальной в связи с требованиями законодательства в области образования. Развитие рыночных отношений приводит к необходимости формирования навыков электронной коммуникации начиная со школьной скамьи. Школьная система образования должна отражать реальные потребности современного общества, поэтому внедрение и грамотное использование цифровых ресурсов поможет реализовать требующиеся нормативы в области интернет-коммуникаций. Научно-исследовательское изучение

проводится в соответствии с принципами психологических наук. Базовой детерминантой в работе является процесс коммуникации между пользователями в среде интернет-технологий. В свою очередь конкретным методом исследования содержательных данных цифровизации современного образования является общенаучный анализ исследования по проблеме психологических аспектов в условиях реализации цифровой образовательной среды. Проведенный теоретический анализ демонстрирует выявление амбивалентного эффекта для пользователей цифровой среды. Примечательным является трансформация пространственно-временных особенностей онлайн коммуникации, искажение реальности и формирование предпочитаемого образа жизни за счет нигилизма существующих общественных ценностей и предпочтение в выборе авторитетов их круга публичных личностей. Результаты исследования сигнализируют о необходимости формирования психологической поддержки с целью минимизировать отрицательное влияние виртуального мира на неокрепшую личность подростков. Подростковая лабильность приводит к формированию негативных характеристик, сказывающихся на процессе коммуникации. взаимодействие может становится обезличенным, лишенным смысловых контекстов. Следует придерживаться норм нетикета и осознавать релевантность изучаемой информации. Предполагается создание благоприятной атмосферы внутри цифрового образовательного пространства и своевременное оказание психологической поддержки в случае получения негативного опыта.

Ключевые слова:

цифровая среда, поколение альфа, интернет-технологии, информационное общество, рыночная экономика, образование, психологические эффекты, информационализм, нигилизм, когнитивное искажение реальности

Введение. Ключевой характеристикой современного постиндустриального общества является информационализм, базовым экономическим источником которого становится информация, а умения и навыки обработки, хранения и передачи являются главными условиями конкурентоспособности в условиях рыночной экономики. Причем фундаментальным признаком информационализма признается безопасное хранение информации, непрерывно изменяющиеся способы ее обработки из аккумулированного массива ценных данных [\[1\]](#). Современный человек вынужден приобретать новые навыки, необходимые для работы с информационными технологиями и трансформирующие его психологическое состояние. По мнению Н.П. Дедова цифровые технологии вплетается в естественную сферу жизнедеятельности практически всех людей независимо от возраста и профессиональной принадлежности [\[2\]](#). По мере использования информационных технологий индивид приобретает качества, схожие с техническими устройствами, поэтому в ряде случаев человек действует согласно запрограммированному алгоритму, приобретая такие качества как алгоритмичность, логичность и структурированность, но значительно теряя в эмоциональной сфере. По словам А.Л. Крайнова цифровое общество становится новой реальностью, которое сформировалась благодаря естественным процессом цифровизации, в свою очередь именно цифровая экономика выявляет детерминанты развития [\[3\]](#). Согласно мнению автора трансформации, затрагивающие основные сферы человеческой деятельности, стимулируют изменение структуры ценностно-смысловых направлений индивида, что отражает актуальность проблематики исследования в области психологического знания.

Меняющаяся парадигма жизни естественно отражается и на образовательном процессе. Результатом динамических изменений становится увеличившийся объем информации, ее общедоступность, претерпевают изменения функциональные особенности работы с массивами данных. Тотальная доступность знаний позволяет приобретать знания в различной форме, а также использовать на практике уже приобретенные знания в реальных жизненных обстоятельствах [4]. Уровень развития цифровых ресурсов позволяет пользователям быть не просто пассивными потребителями, но и быть источником данных посредством публикации в свободном доступе. Следовательно, знаниевая парадигма жизни теряет свою субъективную ценность.

В сложившихся обстоятельствах педагогический работник как транслятор знаний теряет свою значимость для участников образовательного процесса, становясь навигатором в мире информации, помогающим анализировать возрастающие объемы информации и осуществлять систематизацию картины мира. В этой связи главной задачей педагогического работника становится мониторинг учебной и самообразовательной деятельности обучающихся, ориентированный на понимание значимости и ценности самообразования, который будет сопровождать на протяжении всего становления профессиональной карьеры. Исходя из представленных данных, в современных реалиях педагогический работник выступает в роли организатора образовательного процесса, а также мотивирует формирование активной жизненной позиции [5].

Согласно опросу, проведенному среди 8 тысяч респондентов, среди которых были представители начального, общего и среднего общего образования, их руководители, а также представители дополнительного образования, абсолютное большинство (90%) педагогических работников отдают предпочтение электронной презентации, 85% включают готовые видео для просмотра на своих занятиях [6]. Популярным ресурсом среди образовательных организаций является платформа Якласс, которая насчитывает 7 500 000 пользователей среди обучающихся, 521 000 педагогических работников, которые регулярно выдают задания на данной платформе [7]. Для хранения и обработки данных административные работники образовательных организаций используют Гугл диск (30%) или Яндекс диск (65%), для коллективной работы над проектами и документами 20% работников применяют виртуальные доски.

Объективно обусловленная трансформация функции работников образования в том числе сопряжена с изменением социального поведения самих обучающихся. Современных подростков принято относить к так называемому поколению альфа, к которому причисляют подростков, родившихся после 2010 года, а также с которым связывают появление популярных iPhone, голосового помощника Siri и массовое распространение социальных сетей. Отличия альфа от предыдущих поколений связано с иной средой формирования личности, окруженной информационными технологиями буквально с рождения. В силу сложившихся обстоятельств локдауна подросткам пришлось столкнуться с мерами борьбы против коронавирусной инфекции, удаленной работой родителей и непрерывным контактом с близкими. Поколение альфа начинает постоянно применять гаджеты в возрасте 3-4 лет, они проживают в постоянно изменяющемся мире, погруженного в цифровые ресурсы. Отличительными особенностями данного поколения являются: мультизадачность, индивидуализм, трудность в концентрации внимания, стремление к мультикультурности и глобализации, высокий уровень социального сознания [8]. Термин digital natives впервые был сформирован Марком Пренски. Это первое поколение людей, которые росли и формировались под воздействием цифровых информационных технологий. Для

поколения альфа цифровые ресурсы становятся одним из ключевых ресурсов социокультурного развития, оказывая воздействие на образовательную сферу прежде всего. Поскольку для альфа технологии становятся реальностью с самого раннего детства, они, по мнению М.Н. Даниловой быстро обучаются и с легкостью обрабатывают информацию, практически мгновенно способны переключаться с одной задачи на другую [9]. Становится вполне очевидным, что особенности восприятия информации накладывает определенные обязательства на изменение образовательной среды со стороны педагогических работников.

Справедливо замечают В. И. Блинов, И. С. Сергеев, Е. Ю. Есенина, что имеющийся разница между доцифровым и цифровыми поколениями – действительность, которую обязаны учитывать в образовательных учреждениях всех типов [5]. Образовательный процесс должен строиться на учете как негативных, так и позитивных характеристик интеллектуальных процессов, мотивации и картины мира, поэтому следует учитывать психологические аспекты использования цифровых образовательных ресурсов в образовательных организациях. Исходя из вышеизложенных данных предполагается изучить положительные и отрицательные аспекты цифровой образовательной среды, чтобы процесс обучения проходил с минимальными рисками для участников образовательного процесса.

С целью минимизации дистанции между цифровой реальностью и постсоветской обстановкой в образовательных организациях требуется адекватный ответ министерства образования и создания полноценной цифровой среды. Цифровые образовательные ресурсы представлены широким спектром ресурсов: виртуальные библиотеки, хранилища виртуальных наглядных ресурсов, электронные энциклопедии, виртуальные лаборатории, мультимедийные пособия [10]. Также активно развивается рынок цифровых образовательных услуг. Согласно мониторингу BusinesStat оборот торговых площадок виртуальных образовательных инструментов составил 2,1 млрд рублей, увеличившись на 57% [11, с. 15]. Кроме платных ресурсов на виртуальной арене представлен широкий диапазон бесплатных ресурсов, которые способны заменить современные образовательные организации.

На текущий момент в Российской Федерации реализуется национальные стратегические направления, целью которых служит создание ситуации для формирования рыночной экономики, изменение качества жизни жителей страны, обеспечение политического суверенитета государства [12]. К настоящему моменту разработаны соответствующие документы, регламентирующие деятельность по развитию национальных стратегических инициатив: Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, Концепция технологического развития на период до 2030 года. Перед педагогическими работниками возникает проблемное поле по цифровой трансформации образования в пределах Постановления Правительства Российской Федерации от 7 декабря 2020 г. № 2040 «О проведении эксперимента по внедрению цифровой образовательной среды».

Цифровые образовательные технологии – это прогрессивный метод организации образовательного процесса с применением цифровых систем для реализации принципа наглядности [13]. Целью внедрения цифровых образовательных технологий является повышение качества образования за счет увеличения его эффективности и успешной социализации. Принципами цифровой образовательной среды принято считать: инструменты искусственного интеллекта, применение возможностей искусственного

интеллекта, формирование виртуального образовательного пространства и компиляцию больших массивов данных. Но следует адекватно оценивать возможности и показатели цифровых образовательных ресурсов индивидуально с учетом положительных и отрицательных психологических аспектов, исследование которых и является целью данной работы [\[14\]](#).

Методология. Научное изучение проблемы исследования происходит в соответствии с принципами, ориентированными на формирование значимости полученных знаний и понимания ценностно-смысловых установок. В роли общего социально-психологического фактора семантизации выступают основные черты цифровых ресурсов в рамках образовательного процесса в эпоху доцифровой и цифровой среды. Фактическим методом исследования психологических аспектов виртуального образования является теоретический анализ текущих психологических научных работ по проблеме исследования, чтобы охарактеризовать и выделить положительные и отрицательные стороны взаимодействия учителей и обучающихся.

Результаты. Метаанализ фундаментальных работ по вопросу исследования дает возможность выявить спектр значимых социально-психологических аспектов цифрового образования в оцениваемом контексте [\[15\]](#).

По мнению С. М. Куценко, С. Ф. Малацион существует три важных аспекта, способствующих углубленной рационализации цифровой образовательной среды:

- оптимизация и модернизация образовательных ресурсов;
- повышение уровня компьютерной грамотности среди педагогических работников и обучающихся;
- интеграция передовых информационных ресурсов в образовательную деятельность;
- децентрализация образовательных кластеров, размытие территориальных границ между мегаполисами и провинциальными городами [\[16\]](#).

Выявленные аспекты цифровизации образования логически приводят к характерному психологическому эффекту на участников образовательного процесса. Генеральным изменением считается трансформация пространственно-временных свойств коммуникационного взаимодействия, деперсонализация и абстрагирование от аппаратной структуры при использовании различных видов цифровых ресурсов.

А. А. Соколова, Н. В. Генералова, Н. А. Соколова справедливо замечают, что традиционные формы образования не заменяют цифровую среду, даже если участники образовательного процесса показывают высокие показатели цифровой грамотности и обладают навыками работы с разными формами цифровых ресурсов. Обучающиеся никогда не останутся без внимания педагогических работников и администрации учреждения образования [\[13, с. 118\]](#). По данным А.В. Морозова возможность взаимодействовать между участниками цифровых ресурсов в режиме реального времени является ключевым фактором в удовлетворенности цифровой средой [\[17\]](#).

Как правило современная цифровая среда может обеспечить интерактивный характер взаимодействия в рамках виртуальной коммуникации. Однако А. Паркер отмечает, что в формате дистанционного обучения теряется привычная среда коммуникации лицом к лицу, поэтому данный факт рассматривается как существенный минус. В целом средства цифровых ресурсов могут иметь как положительные, так и негативные эффекты на

подростков [\[18\]](#).

В своем исследовании, посвященном автоматизированному обучению, А. Н. Ветров закономерно резюмирует, что цифровая среда открывает новые возможности и перспективы, однако приобретенные навыки вполне сочетаются со значительными потерями [\[19, с. 32\]](#). Ознакомление с диссертационными работами, посвященными психологическим аспектам цифровой образовательной среды, предоставляет возможность выявить и охарактеризовать позитивные и негативные стороны внедрения цифровых ресурсов в сферу образования.

К положительным аспектам цифрового образования следует отнести следующие психологические проявления:

1) нивелирование пространственных и временных барьеров в процессе получения информации или данных. Всеобщая доступность образовательных услуг, понимаемая как облегчение получения доступа для жителей отдаленных регионов и как результат привлекательное ценообразование [\[20\]](#).

2) Популяризация высокого уровня образования, снижение периодичности социального удаления из глобальной информационной сети и, соответственно, разрешение вопроса коммуникационного и учебного неравенства не смотря на социальное неравенство или места проживания [\[2\]](#).

3) Индивидуализация обучения, адаптация индивидуальной образовательной траектории в зависимости от темпа обучения и последовательности ее освоения. Вероятность асинхронности сотрудничества между педагогическим работником и учеником, которая позволяет подбирать удобный способ обучения и временные промежутки [\[21; 22\]](#).

4) Высокий уровень производительности рекомендательной, аксиологической, диагностика-оценочной ответной реакции в процессе решения учебных задач, возможности вариантов оценивания и рефлексии со стороны других участников, доступность и понятность результатов деятельности, мотивирующая на дальнейшее углубление знаний и навыков [\[23\]](#).

5) Повышенный уровень интенсивности, который благоприятно сказывается на результативности обучающихся и улучшении пользовательских навыков педагогических работников. Применение вариативных методов обучения, например, сетевое взаимодействие, использование различного мультимедийного контента, приложений, конструкторов, тренажеров и т.д. создание благоприятной атмосферы для раскрытия талантов и способностей, формирования метапредметных и личностных навыков повышенного уровня, критического мышления [\[18\]](#).

Не смотря на наличие положительных характеристик цифровой образовательной среды, многие авторы вынуждено констатируют наличие негативных аспектов:

1) Пониженное доверия предоставляемой информации, возможность осуществить верификацию данных на предмет истинности, увеличение критичности и нигилизма в результате обилия информации на ежедневной основе, когнитивное искажение транслируемых смыслов, снижение авторитетности мнения педагога [\[3\]](#).

2) Создание искаженной картины мира, воображаемой реальности, закрепление стереотипов поведения, популяризированного представителями культовых личностей,

упрощение образа жизни, в котором деятельность носит демонстративный характер [2].

3) Формирование виртуальной социализации личности, нарушающей традиционные механизмы социализации; сложности с усвоением этических норм и ценностей в ситуации снижения реального взаимодействия между людьми, отсутствие полноценного воспитательного потенциала образовательной среды [24].

4) Снижение возможностей формирования полноценных межличностных взаимоотношений, пренебрежение социальными контактами, стагнация личного общения со сверстниками, которая может приводить к появлению чувства одиночества и опустошенности [2, 3].

5) Попадания в ситуации кибербуллинга, возникновение проблемы предоставления информационной безопасности, риски попадания в деструктивные сообщества с различными противозаконными целями по политическим, экстремистским, мошенническим схемам [19].

Таким образом, амбивалентное отношение ученых к цифровым образовательным ресурсам свидетельствует о формировании границ применения данной технологии. Помимо существующих санитарных норм, которые нормируют время препровождения за использованием виртуальных ресурсов, перспективы обширного применения могут сдерживать психологические факторы. Полноценный переход на цифровое образование в существующих реалиях невозможен, а сама виртуальная образовательная среда призвана стать дополнительным инструментом, компенсируя невозможность коммуникации между участниками образования в случае заболеваемости и дополняя имеющиеся традиционные способы взаимодействия участников образовательного процесса.

Выводы. Исходя из представленного анализа проблемы психологического влияния цифровой образовательной среды, представляется возможным сделать вывод о том, что цифровые ресурсы накладывают определенный психологический эффект на сферу коммуникации субъектов образовательного процесса. К психологическим аспектам влияния цифровой среды представляется выделить позитивные и негативные, которые сказываются на психологическом портрете обучающихся. Определенно существуют позитивные аспекты применения цифровых ресурсов, дополняющие образовательную деятельность и позволяющие построить индивидуальную образовательную траекторию.

К сожалению, далеко не все обучающиеся готовы психологически к использованию средств цифровой среды в образовательных целях, обладая недостаточной информационной компетентностью, которая приводит к следующим проблемным зонам: отсутствие ответственности, самостоятельности, являющимися ключевыми характеристиками при работе с электронными ресурсами. Принимая во внимание негативные последствия применения цифровой образовательной среды следует разрабатывать методы психологической поддержки, призванной снизить риски цифровых ресурсов на формирующуюся личность подростков поколения альфа.

Библиография

1. Серкина Н. Е. Понятие сетевого общества М. Кастельса // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. № 2. С. 161–169. URL: <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-12017>
2. Дедов Н. П. Психологические особенности использования цифровых технологий в образовательной деятельности / Н. П. Дедов, О. А. Комиссарова, И. В. Кохова, О. Э.

- Петруня // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. №1. URL: <https://esj.today/PDF/35FAVN123.pdf>
3. Крайнов А. Л., Шалаева Н. В. Проблемы и перспективы развития цифрового общества: социально-философский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Том 11, № 5А. С. 150–156. doi: 10.34670/AR.2022.55.58.018
4. Козлова Н. Ш. Цифровые технологии в образовании. Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2019. №1. С. 83–91. URL: <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-11008>
5. Блинов В. И., Сергеев И. С., Есенина Е. Ю. Основные идеи дидактической концепции цифрового профессионального образования и обучения. М., 2019. 24 с.
6. Сычева Т.А. Статистический анализ применения цифровых ресурсов в образовательном процессе педагогами Кузбасса в 2021/2021 учебном году // Символ науки. 2021. №10-1. С.24-25.
7. Цифровые ресурсы для организации образовательного процесса и оценки достижений обучающихся в дистанционном формате: обзор цифровых ресурсов для дистанционного образования. Н. Новгород: Мининский университет. 2020. 50 с.
8. Мухаметзянова Ф.Г., Степанова К.И. Размышления о новых поколениях обучающихся и особенности поколения Альфа в глобальном образовании // Глобальная экономика и образование. 2021. 1 (2). С. 42-50.
9. Данилова Л.Н. Психолого-педагогический портрет поколения альфа // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2022. Т. 28. № 4. С. 5–12. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-5-12>
10. Поладов, Ш. Цифровые образовательные ресурсы и их виды по представлению и содержанию // Молодой ученый. 2024. № 7 (506). С. 237-239.
11. Анализ рынка цифровых образовательных инструментов в России в 2019-2023 гг., прогноз на 2024-2028 гг. URL: <https://marketing.rbc.ru/research/26927/>
12. Багдасарьян Н. Г., Ромашкина А. П. Цифровое поведение личности в интернет-коммуникациях: культура и риски // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2021. №1. С. 61–72.
13. Ваганова О.И., Гладков А.В., Коновалова Е.Ю., Воронина И. Р. Цифровые технологии в образовательном пространстве // БГЖ. 2020. №2 (31) doi: 10.26140/bgz3-2020-0902-0012
14. Яницкий М. С. Психологические аспекты цифрового образования. Профессиональное образование в России и за рубежом. 2019. 2 (34). С. 38–44.
15. Корытова Г.С. Психологическая трансформация личности обучающегося в условиях цифровизации образования // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical Review. 2024. № 2(54). С. 159–167. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-2-159-167>
16. Куценко С.М., Малацион С.Ф. Об организации дистанционного обучения в условиях пандемии // Ученые записки ИСГЗ. 2020. № 1 (18). С. 89–98.
17. Соколова А. А., Генералова Н. В., Соколова Н. А. Тенденции развития цифровой образовательной среды в контексте распространения массовых открытых онлайн ресурсов: российский опыт. Финансы и бизнес. 2020. №4 (16). С. 111–130.
18. Морозов А. В. Современные тенденции развития цифрового образования: «За» и «Против» // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. №3-1. С. 673–674.
19. Parker A. (2020). Interaction in distance education: the critical conversation. AACE review (formerly AACE Journal) 13-17. Waynesville, NC USA: Association for the Advancement of Computing in Education (AACE). <https://www.learntechlib.org/primary/p/8117/>

20. Ветров А. Н. Среда автоматизированного обучения со свойствами адаптации на основе когнитивных моделей. Санкт-Петербург. 2020. 271 с.
21. Малиночка А. В. Особенности цифровой образовательной среды в школе. Цифровая образовательная среда в школе: психологические риски и возможности: сборник методических разработок краевого конкурса среди педагогов-психологов Ставропольского края. Ставрополь: СКИРО ПК и ПРО. 2022. С. 6–19.
22. Галимуллина Э. З. Педагогическое обеспечение достижения предметных образовательных результатов школьниками в цифровой образовательной среде. Казань. 2023. 220 с.
23. Хамитов Р.М. Цифровизация образования и ее аспекты. Современные проблемы науки и образования. 2021. № 3. doi: 10.17513/spno.30771
24. Полупан К. Л. Концептуальные основы проектирования индивидуального образовательного маршрута студента в цифровой образовательной среде университета. Калининград: ФГАОУ ВО «Балт. федер. ун-т им. Иммануила Канта», 2021. 458 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Психологические аспекты использования цифровых образовательных технологий»

Предмет исследования – в статье не обозначен. Можно предположить, что предмет заявлен в наименовании статьи – психологические аспекты использования цифровых образовательных технологий. Но в понятие «цифровые образовательные технологии» не раскрыто автором в статье. Остается непонятным – что под ними понимается. Также открыт вопрос о контуре (перечне) этих психологических аспектов. В выводах они не обозначены.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования. В первой части есть короткое описание важности подхода и темы. К сожалению, автор несколько вольно использует термины (например, «поколение Альфа»), что снижает качество теоретического обзора.

Прикладная часть в исследовании отсутствует. В качестве метода автор заявляет следующее: «Фактическим методом исследования психологических аспектов виртуального образования является теоретический анализ текущих психологических научных работ по проблеме исследования»

С методологической точки зрения вызывают вопросы термины. Которые автор использует в статье, они не соотносятся с методологией обучения с применением цифровых инструментов:

- Виртуальные коммуникации;
- Цифровые образовательные технологии;
- Виртуальное образование;
- Дигитализация;
- Учебная и самообразовательная деятельность.

Автор использует термины «педагог», «учитель», «преподаватель» как равнозначные, что вызывает вопрос – на какой выбор проводится исследование, тем более что в тексте регулярно идет отсылка к школе.

Методы математической обработки в статье отсутствуют.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Интерес к изучению

применения новых образовательных технологий обусловлен теоретической и практической значимостью. К сожалению, автор не представил доказательства актуальности статистическими данными, обзором проведенных исследований по заявленной теме. Есть исследования по смежным темам, но этого недостаточно.

Научная новизна потенциально может быть в представленной работе. Но в силу отсутствие прикладного исследования и грамотного анализа имеющихся на сегодняшний день результатов исследовательских работ по заявленной теме, научная новизна не прослеживается.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она достаточно проработана.

В основной части статьи автор описывает методологию проведенного исследования и его результаты. В качестве принципов исследования заявлены «принципы постнеклассической научной рациональности», но совершенно непонятно, что подразумевается под этим.

В качестве рекомендаций – важно, чтобы автор использовал верные термины, согласованные с ФЗ Об образовании, с ФГОСами. К сожалению, текст изобилует терминами, которые выглядят самопроизвольными и не соответствуют законодательству РФ в области образования.

Вывод, который делает автор по результатам исследования (амбивалентное отношение ученых к цифровым образовательным ресурсам свидетельствует о формировании границ применения данной технологии), вызывает еще один вопрос – в чем все-таки цель и результаты проведенной работы?

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности, но при этом он содержит множество опечаток. Например, «в Российской федерации реализуется национальные стратегические направления».

Библиография

Насчитывает 20 наименований литературных источников, большинство из которых статьи в журналах и публикации в сборниках конференций.

Апелляция к оппонентам – статья не соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и рекомендуется к исправлению по заявленным в рецензии замечаниям.

Выводы, интерес читательской аудитории – после исправления недостатков статья вызовет интерес читательской аудитории, заинтересованной в изучении личностных особенностей. Она будет полезна широкому кругу лиц – психологам, преподавателям, учителям.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье являются психологические аспекты использования цифровых образовательных технологий.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод сравнения, а в качестве основного метода был применен «теоретический анализ текущих психологических научных работ по проблеме исследования».

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку в объективных условиях цифровизации основных сфер жизни современного общества система образования

активно подвергается этим процессам и требует постоянного внедрения в процесс обучения информационных технологий. Цифровизация образовательной среды имеет множество положительных сторон, однако при этом существенно меняется роль педагогических работников в процессах обучения и воспитания, минимизируются их непосредственные контакты с обучающимися, а процесс коммуникации переходит, зачастую, в дистанционную плоскость, что сопровождается и рядом отрицательных аспектов, в том числе психологического характера как для педагогов, так и для учащихся.

Научная новизна исследования заключается в глубоком теоретическом анализе и подробном описании психологических аспектов использования цифровых образовательных технологий.

Статья написана языком научного стиля с использованием в тексте исследования изложения теоретических подходов и различных позиций ученых к изучаемой проблеме и применением научной терминологии и дефиниций, а также подробным описанием результатов исследования.

Структура выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей, структура данного исследования включает в себя введение, методологию, результаты, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенно ценным и интересным в содержании статьи следует отметить авторский акцент на то, что «аспекты цифровизации образования логически приводят к характерному психологическому эффекту на участников образовательного процесса. Генеральным изменением считается трансформация пространственно-временных свойств коммуникационного взаимодействия, деперсонализация и абстрагирование от аппаратной структуры при использовании различных видов цифровых ресурсов».

Библиография содержит 24 источника, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперіодические издания.

В статье приводится описание различных позиций и точек зрения известных ученых, характеризующих теоретические подходы и различные аспекты к пониманию цифровизации образования и связанных с ней процессов, а также содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, касающиеся предметной области исследования. В частности, отмечается, что «цифровые ресурсы накладывают определенный психологический эффект на сферу коммуникации субъектов образовательного процесса. К психологическим аспектам влияния цифровой среды представляется выделить позитивные и негативные, которые сказываются на психологическом портрете обучающихся. Определенно существуют позитивные аспекты применения цифровых ресурсов, дополняющие образовательную деятельность и позволяющие построить индивидуальную образовательную траекторию. К сожалению, далеко не все обучающиеся готовы психологически к использованию средств цифровой среды в образовательных целях, обладая недостаточной информационной компетентностью, которая приводит к следующим проблемным зонам: отсутствие ответственности, самостоятельности, являющимися ключевыми характеристиками при работе с электронными ресурсами. Принимая во внимание негативные последствия применения цифровой образовательной среды следует разрабатывать методы психологической поддержки, призванной снизить риски цифровых ресурсов на формирующуюся личность подростков поколения альфа».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории,

они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, руководством и администрацией образовательных организаций, специалистами по работе с обучающимися, классными руководителями, кураторами, психологами, консультантами, аналитиками и экспертами. В качестве недостатков данного исследования следует отметить, что в тексте статьи встречаются незначительные опечатки и технические ошибки. При оформлении библиографии необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, особенно, на оформление источников, которые являются электронными ресурсами, в частности, необходимо указать дату обращения (например, источник № 11 в библиографии). Возможно, текст статьи целесообразно было бы дополнить обобщающим заключением, а не ограничиваться только краткими выводами по проведенному исследованию. Указанные недостатки не снижают научную значимость самого исследования, а скорее, относятся к оформлению текста статьи. Статью рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Флеров О.В. Закономерности и противоречия развития цифровой информационной культуры личности обучающегося // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74288 EDN: CVFWIK
URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74288

Закономерности и противоречия развития цифровой информационной культуры личности обучающегося

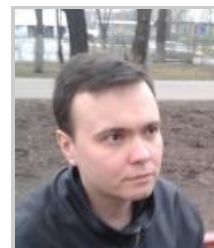
Флеров Олег Владиславович

кандидат педагогических наук

Научный сотрудник ; Научно-исследовательский центр ; ЧОУ ВО "Московский университет им. С.Ю.Витте"

115432, Россия, г. Москва, Даниловский р-н, 2-й Кожуховский проезд, д. 12

✉ olegflyoroff@yandex.ru

[Статья из рубрики "Психология и педагогика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74288

EDN:

CVFWIK

Дата направления статьи в редакцию:

01-05-2025

Аннотация: Объектом исследования в настоящей статье выступает диалектика развития цифровой информационной культуры личности обучающегося, предметом – её общие и специфические закономерности и противоречия. Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях проникновения цифровой среды в жизнь людей на всех уровнях актуализируются вопросы развития цифровых качеств личности в том числе и в учебном процессе как уровне отдельных навыков, так и более сложных дидактических единиц. Цель исследования состоит в раскрытии закономерностей и противоречий влияния современной цифровой среды на информационную культуру личности как педагогически рассматриваемое и формируемое качество. Исследование основано на положениях фундаментальных работ, выдвинувших понятие информационной культуры в социальном и позже в педагогическом понимании на фоне эпохи компьютеризации, а также современных трудов, рассматривающих информационную культуру личности с междисциплинарных гуманитарных позиций. Основным методом исследования выступает диалектический анализ, позволяющий сопоставлять различные факторы развития

цифровой информационной культуры личности; метод абстрагирования, позволяющий говорить о влиянии информации на развитие человека без привязки к её содержанию, и метод синтеза, благодаря которому формируются понимания разрешения возникающих противоречий. В работе обосновывается понимание цифровой информационной культуры как нового видового качества личности по сравнению с информационной культурой в традиционном понимании. Подчёркивается усиление влияния стихийной внеинституциональной информационной среды на интеллектуальные процессы обучающегося. Рассматриваются возможности разрешения обозначенных противоречий в условиях педагогического процесса. В результате исследования делается вывод о соответствии закономерностей и противоречий общей диалектике педагогического процесса, при которой взаимодействует индивидуальность человека и массовость образования, в том числе цифрового в современном контексте. Новизна работы заключается в рассмотрении развития информационной культуры с обобщённо-теоретических позиций влияния цифровой информации на обучающегося в условиях педагогических взаимодействий в противовес традиционно принятому рассмотрению формирования конкретных качеств с акцентом на технологическую сторону процесса.

Ключевые слова:

педагогические закономерности, педагогические противоречия, информационная культура, цифровая среда, цифровая информация, развитие личности, педагогическая диалектика, информационное общество, информационная траектория, потребление информации

Введение (постановка проблемы). За последние полтора десятилетия проникновение цифровой среды в жизнь людей достигло такого высокого уровня, что объём информации и впечатлений, получаемых из цифрового пространства, сопоставим или для многих даже превосходит исходящий из подлинного мира. В таких условиях актуализируются вопросы развития цифровых качеств личности, в том числе и в учебном процессе на уровне отдельных навыков, а также компетенций как более сложных дидактических единиц. Отметим, что в основном дискурс при этом ведётся вокруг функциональных и инструментальных вопросов взаимодействия человека с цифровыми устройствами, и сравнительно мало внимания уделяется влиянию собственно самой цифровой информации и цифровой среды на его развитие. Между тем становится всё более очевидным, что специфика современного цифрового пространства с его стихийными информационными потоками, приращение которых в последнее время происходит в первую очередь за счёт малосодержательной информации, требует осмысления взаимодействия с ними не только в функциональном, но и в рефлексивном, и в ценностном плане. Так информационная культура как наиболее обобщённое педагогически рассматриваемое в данном контексте качество приобретает цифровую парадигму, расширяющую её содержание от качеств сбора и обработки информации до понимания реалий цифрового мира и особенностей существования человека в нём. Общеизвестно педагогическое понимание одновременного влияния академической институциональной и социальной внеинституциональной среды на развитие личности. Однако если прежде второе почти не затрагивало интеллектуальное развитие человека, поскольку глобальные знания о мире черпались в основном из институциональных источников, то сегодня цифровая стихия становится для всё большего числа людей основным источником знаний. Известно также, что поскольку знание есть личностно принятая и осмысленная информация, интеллектуальное развитие влияет на личностные

качества человека, так можно говорить об интеллектуально-личностном развитии. Несмотря на «восторг» от цифровых технологий с гуманитарных позиций ещё не выработано устойчивое понимание относительно их влияния на человека во внефункциональном контексте. Без анализа этого влияния на уровне теоретического обобщения конкретные методы, формы и технологии, нацеленные на развитие информационной культуры личности, в цифровую эпоху будут производить локальный эффект, и настоящее исследование нацелено на восполнение данной методологической ниши.

Представленные выше рассуждения мотивируют понимание того, что **объектом** исследования в данной статье выступает психолого-педагогическая диалектика развития цифровой информационной культуры личности обучающегося, в то время как **предметом** – её общие и специфические закономерности и противоречия.

Цель исследования определяется представленными выше пониманиями и состоит в раскрытии закономерностей и противоречий влияния современной цифровой среды на информационную культуру личности как педагогически рассматриваемое и формируемое качество.

Научная новизна работы заключается в рассмотрении развития информационной культуры с абстрактных обобщённо-теоретических позиций влияния цифровой информации на широкий спектр проявлений личности обучающегося (когнитивных, коммуникативных, мотивационных и др.) в условиях педагогических взаимодействий в противовес традиционно принятому рассмотрению формирования конкретных качеств с акцентом на технологическую сторону процесса.

Материал и методы исследования. Исследование информационной культуры в педагогическом понимании, то есть применительно к личности началось во второй половине прошлого века на фоне активной разработки концепции информационного общества сначала в зарубежной (Э. Тоффлер, Д. Белл, М. Кастельс, М. Маклюэн и др.) [1-4], а затем и в отечественной науке (Р.Ф. Абдеев, Б.С. Иноземцев, А.И. Ракилов и др.) [5-7] и было методологически мотивировано компьютеризацией как трендом эпохи, в которую качества взаимодействия с информационными технологиями стали требоваться от рядового человека.

Первое системное описание информационной культуры с сугубо педагогических позиций в отечественной науке содержится в работах И.Я. Лернера «Дидактические основы методов обучения» [8], где автор понимает её как составную часть общеучебных знаний и умений, необходимых для освоения другой предметной области; в работе А.П. Ершова «Школьная информатика в СССР: от грамотности к культуре» [9], в которой автор рассматривает информационную культуру как совокупность умений строить простые математические модели, применять простые алгоритмы, интерпретировать полученные при помощи ЭВМ результаты и применять их на практике; в монографии А.П. Суханова «Информация и прогресс» [10] с трактовкой информационной культуры как личностной характеристики человека эпохи компьютеризации, а также в последующих книгах, изданных в рамках данной научной школы, в частности «Твоя информационная культура» Г.Г. Воробьёва [11]. Существенным содержательным признаком данных работ выступает то, что информационная культура рассматривается уже как готовность человека к жизни в информационном обществе, формируемая средствами педагогического процесса.

В нашем веке наблюдается исследование данного проблемного поля с позиций различных гуманитарных наук, что демонстрирует большую сложность и многоаспектность влияния информации на развитие личности в современном мире. Среди фундаментальных работ по социологии, рассматривающих информационную культуру личности как образовательно-обусловленный объект, можно выделить диссертацию И.Н. Гайдаревой «Информационная культура личности в условиях трансформации российского общества: Социологический аспект» [12], где первая представлена в динамике трансформаций социума на рубеже XX-XXI веков. В парадигме культурологии информационная культура как личностное свойство рассматривается в диссертации Е.В. Гореловой «Информационная культура и ее роль в формировании личности» [13]. В современных философских диссертационных работах информационная культура и информационная культура личности рассматриваются в первую очередь через призму социальной философии. Так в исследованиях А.И. Жубинского, Л.А. Зайцевой и А.А. Строкова [14-16] реализуется аксиологический анализ информационно-образовательной сферы; в работах С.В. Гриценко, А.А. Залевской, В.П. Казанцевой и Г.В. Поляковой [17-20] информационная культура рассмотрена как социальный феномен на уровне личности и на уровне общества в целом. Цифровая трансформация информационной среды рассмотрена в диссертации С.С. Носовой [21], а социально-коммуникативные аспекты в данных условиях – в трудах С.С. Зубаревой и Е.В. Лазининой [23]. Возвращаясь к педагогическому фокусу, отметим, что в последнее десятилетие (то есть в эпоху окончательного утверждения цифрового пространства как основного наряду с подлинным миром в жизни человека) педагогические публикации по вопросам развития информационной культуры личности посвящены в основном либо общим сущностно-содержательным аспектам данного феномена, либо организационному обеспечению рассматриваемого педагогического процесса; при этом фокуса на закономерностях и противоречиях развития не наблюдается.

Основным методом исследования выступает диалектический анализ, позволяющий сопоставлять различные факторы развития цифровой информационной культуры личности. Активно также применяется и метод абстрагирования, позволяющий говорить о влиянии информации на развитие человека без привязки к её содержанию, а также метод синтеза, благодаря которому формируются понимания разрешения возникающих противоречий.

Результаты исследования и их обсуждение. С общеметодологических позиций закономерности развития цифровой информационной культуры личности обусловлены такими факторами как общее теоретико-педагогическое понимание законов образовательного процесса, современное устройство и законы функционирования сетевого цифрового пространства и сущностно-содержательная специфика цифровой информационной культуры. Исходя из этого, можно сделать вывод, что развитие цифровой информационной культуры подчиняется как общим, так и частным закономерностям. Рассмотрим вначале, как традиционно принятые в теории общепедагогические закономерности находят отражение в преломлении рассматриваемой тематики.

Закономерность динамики, выражающаяся в педагогике пониманием, что чем выше ступень развития достигается, тем доступнее следующий уровень развития. Иными словами, итоговый результат зависит от достижения результата промежуточного. Так эффективность информационной деятельности можно представить в виде гиперболы.

Действительно, чем выше уровень развития цифровой информационной культуры, тем проще человеку отбирать информацию, противостоять «информационным соблазнам», ведущим к потере временных и психофизиологических ресурсов на бесполезные информационные массивы и бессодержательный информационный обмен. Более высокий уровень развития в данном случае предполагает лучшее владение «информацией об информации», что ведёт к автоматическому регулированию собственного информационного поля, по параметрам которого всё большая часть цифровой информации предстаёт как в принципе не нужная.

Данная динамика вписывается в общеметодологический принцип В. Парето, при котором, как широко известно, эффективная деятельность предполагает получение около 80 процентов результата за счёт около 20 процентов усилий. Действительно, для контроля собственного информационного поля в цифровых условиях достаточны уже базовые функциональные качества работы с информацией и устойчивое понимание негативных сторон информационного излишества и переизбытка. Дальнейшая «калибровка» собственного информационного поля и, соответственно, развитие цифровой информационной культуры протекает уже на этой почве по заданному вектору в рамках профессиональных, социальных и личностных интересов с углублением знаний и расширением кругозора на данной основе.

Общая закономерность развития личности как результата педагогического процесса, достигаемого его средствами, сводится в призме нашей тематики к пониманию того, что культура как качество личностна по природе, поскольку представляет собой системный набор устойчивых перманентных характеристик человека, определяющих его отношение к информации и информационную деятельность.

Общая закономерность управления педагогическим процессом, сводящаяся к пониманию значимости обратной связи между обучающимся и педагогом, вписывается в информационную парадигму в аспекте интерактивности и роста активной и продуктивной информационной деятельности в современных цифровых условиях в противовес доминировавшему прежде простому потреблению информации.

Общая закономерность взаимодействия чувственного, рационального и практического как условия педагогического результата отражается в исследуемом фокусе в понимании, что взаимодействие человека с информацией не может осуществляться только на интеллектуальном уровне. Несмотря на то, что рациональность выступает ведущей парадигмой информационной деятельности, только она одна фактически отождествляет человека с искусственным интеллектом, активно развивающимся сегодня.

Мы упоминали выше личностное принятие как категорию, отличающую знание от информации в «сыром виде» и одновременно как условие преобразования её в знание. Личностная значимость информации отличается от другого взаимосвязанного с ней параметра – практической значимости – как раз наличием в ней нерациональной ценности для человека, основанной на чувственном, эстетическом и эмоциональном удовольствии от информации. Если отталкиваться от традиционного понимания удовольствия как чувства, которое человек испытывает от удовлетворения собственных потребностей или интересов, то можно дифференцировать практическую значимость информации как удовлетворяющую потребности и личностную – как удовлетворяющую интересы. Устойчивые интересы, как известно, есть проявление развития личности. Однако известно, что интересы и увлечения также формируют и определённые практические потребности, удовлетворяемые рациональным образом – и именно в этом

видится взаимосвязь практической и непрактической значимости информации в структуре цифровой информационной культуры.

Общая закономерность социальной обусловленности, подразумевающая потребность социума как детерминанту содержания педагогического процесса, в настоящем контексте выражается в цифровой социализации как фактически необходимом процессе и качестве личности для функционирования в социуме, где всё больше взаимодействий и отношений реализуются в цифровой парадигме. Цифровой акцент социального заказа предполагает перенос традиционных культурно-обусловленных качеств деятельности, поведения, взаимодействия и пр. в цифровую среду, что также порождает зависимость между их развитием в традиционном понимании и в цифровом парадигме.

Общая закономерность стимулирования, традиционно сводящаяся к пониманию зависимости эффективности учебной деятельности от совокупности внутренних и внешних мотивов, в информационном разрезе выражается в том, что стремление к информации фактически есть познавательный интерес, который служит основным условием успеха не только в информационной деятельности, но и в любой другой, где используются полученные знания. Иными словами, эту закономерность можно обозначить как чем более компетентным человек становится, тем более интересна ему данная сфера, соответственно, повышающийся познавательный интерес служит стимулом взаимодействия с информацией. Этот личностный механизм затрагивает не только пассивную информационную деятельность, то есть потребление информации, но и активную. Повышающийся познавательный интерес стимулирует желание делиться, то есть обмениваться информацией, а также продуцировать информацию на основе полученного познавательного опыта.

Если подытожить характер влияния общих педагогических закономерностей на процесс развития цифровой информационной культуры, то можно сказать, что в центре этого влияния находится информационная деятельность и взаимодействия. Их спецификой определяются соответствующие частные закономерности, которые мы рассмотрим ниже. Они образуются на основе рассмотренной выше общей диалектики с учётом особенностей цифровой среды.

Закономерность равномерности предполагает то, что ввиду природной интегративности информационной культуры как личностного качества успех в её росте зависит от равномерного развития всех её компонентов (интеллектуального, социального, аксиологического и др.) Именно системность, по нашему мнению, отличает информационную культуру от информационной компетенции и от информационной грамотности, представляющихся более простой совокупностью навыков с более слабым образом выраженными связями. Если в случае с компетенцией или грамотностью низкий уровень какого-либо качества при остальных высоких всё равно позволяет говорить об общем высоком уровне, то в случае с культурой справедлива формула «система работает на уровне слабейшего своего звена». Так условием успешной педагогической работы в данном случае выступает не только вариативность, но и равномерность.

Закономерность баланса мотивационных факторов предполагает равное действие отрицательных и положительных стимулов к цифровой информационной деятельности. Устройство современной цифровой среды предполагает обязательное столкновение пользователя как с позитивными, так и с негативными информационными явлениями. Это порождает необходимость применения педагогических приёмов, нацеленных на формирование как позитивного, так и негативного их образа, то есть имеет место как

мотивация, так и демотивация. Баланс между этими двумя процессами чрезвычайно важен для формирования объективного понимания и представления о цифровых информационных реалиях.

Закономерность рациональности предполагает, что развитие цифровой информационной культуры зависит от того, насколько рационально отношение к цифровой информации человеком. Данная рациональность проявляется в первую очередь в потреблении информации, а уже последующим образом в обмене и в продуцировании её. Действительно, если человек сам рационален в потреблении информации, он ожидает этого же качества от других, следовательно, он не будет перегружать информационное поле иных субъектов лишней информацией без явной необходимости. Рациональное отношение подразумевает восприятие информации как ресурса, нерациональное – как стихии. Ресурс исчерпаем, применим, полезен конкретным образом и соотносится с временен и усилиями. Стихия же подразумевает восприятие чего-либо как безусловной данности, как бесконечного пространства с развитием нерациональных проявлений на этой основе.

Закономерность цифровой социализации затрагивает в основном социально-коммуникативную сторону цифровой информационной культуры и предполагает, что успех развития последней зависит от уровня культуры вне цифровой парадигмы, то есть культуры социальной, культуры коммуникативной, культуры поведения в традиционном смысле этого слова, реализующейся вне цифрового мира. С учётом того, что одной из важных задач исследуемого процесса выступает цифровая социализация, то есть перенос социальных качеств из обычного мира (первичного даже в цифровую эру) в цифровой – данный перенос будет осуществляться при наличии этих качеств в устойчивом виде. Именно в этом аспекте проявляется взаимодействие традиционной и цифровой сред как двух «измерений», в которых живёт современный человек, и понимание взаимообусловленности развития его цифровых и нецифровых качеств.

Рассмотренные закономерности исследуемого педагогического процесса действуют не в изолированном виде, а наряду с внутренними закономерностями развития личности, общества, профессионально мира как его микросоциума, технологий и пр.. По этой причине взаимодействие различных закономерностей и процессов образует **противоречия**. С точки зрения общей диалектики противоречия выступают движущей силой развития любой системы, поскольку порождают необходимость их разрешения, а следовательно, качественного преобразования и выхода на новый уровень развития.

Развитие цифровой информационной культуры как образовательный и социальный процесс в данном случае не является исключением. Природа его противоречий соответствует общему пониманию истоков педагогических противоречий между индивидуальностью развития личности и массовостью институционального образования. Фактически в данном случае речь идёт о столкновении принципов индивидуализации и системности в педагогическом процессе. Сложность цифровой информационной культуры как качества предполагает априорную индивидуальность её развития, в то время как массовым пространством в данном случае выступает не только институциональная академическая среда, но и само цифровое пространство.

Во-вторых, противоречия в развитии цифровой информационной культуры восходят к общему пониманию о противоречии между целенаправленностью образования и хаотичностью внешней среды. Очевидно, что в цифровом контексте это противоречие актуализируется с учётом явно более высокой хаотичности цифрового пространства как в содержательном, так и в социальном плане. Рассмотрим ниже специфические

противоречия исследуемого процесса по отдельности и обозначим возможности их разрешения.

Противоречие между динамикой развития и однородностью цифровой среды.

Согласно общепедагогическому пониманию, как было упомянуто выше, локальный результат в развитии цифровой информационной культуры зависит от результатов и успехов на предыдущем этапе. Это подразумевает то, что для развития человек должен постепенно сталкиваться с более сложной информацией. Академическая среда доцифрового мира полностью вписывалась в эту парадигму: каждый год обучающийся держал в руках более сложный учебник, учебное пособие и прочие материалы, выступавшие основным источником информации. Цифровая среда чрезвычайно неоднородна в смысле содержательной несистемности, но однородна с точки зрения уровня сложности и интеллектуальной насыщенности в глобальном представлении. В данном случае можно провести обоснованную аналогию с лесным массивом, который, хотя в природе все растения по отдельности разные, и существует множество видов растений, однороден по своей сути.

Разрешение этого противоречия возможно на основе построения относительно обособленных информационных траекторий, предполагающих усложнение информации для формирования соответствующих информационных привычек, которые уже будут регулировать информационное поведение в цифровой среде в сторону либо углубления имеющихся знаний, либо расширения интеллектуального горизонта.

Противоречие содержательности, которое возникает в результате взаимодействия принципа критического отношения к цифровой информации с современной практикой, при которой преподаватели сами пользуются общедоступными сетевыми источниками, наполняя этой информацией не только лекционные материалы, но и учебно-методическую продукцию. Разрешение этого противоречия возможно на основе сведения этой практики только до уровня фактологической информации, носящей справочный характер, притом что содержательное наполнение учебных материалов на уровне суждений и умозаключений должно отражать авторские мнения, точки зрения и выводы.

На организационном уровне этого возможно достичь за счёт пересмотра универсальной проверки на текстовую оригинальность при издании учебных материалов в сторону более дифференцированного подхода к оценке качества справочной и идейно-содержательной информации.

Противоречие мотивации, сводящееся к пониманию взаимодействия мотивов как условия развития в образовательном процессе, согласно его общей закономерности, и информационной демотивации. Суть данного противоречия в том, что с одной стороны, согласно общепедагогической аксиоматике, для того чтобы развиваться в информационной деятельности обучающийся должен иметь устойчивую мотивацию к информации, то есть воспринимать её как ценность, с другой же – обилие информации и проникновение информационных потоков во все сферы жизни человека обесценивает информацию как явление.

Разрешение данного противоречия возможно на основе формирования устойчивой дифференциации ценной информации и «информационного шума». Сегодня разница в качестве информации достигла такой высокой амплитуды, что фактически можно говорить об информации, находящейся на разных полюсах уже как о разных явлениях. В этом смысле относительно новый термин «информационный шум» весьма удачно

отражает эту идею, поскольку с языковой точки зрения «признаёт» наличие признаков информации, но не статуса информации в полном смысле. В разрешении этого противоречия сочетается интеллектуальная и ценностная природа цифровой информационной культуры, поскольку с одной стороны представления о качестве информации формируются относительно уровня когнитивного развития, с другой же – сам факт понимания, что определённая доля информации не является «информацией в полном смысле этого слова» выступает безусловным ценностным ориентиром.

Интеллектуальное противоречие сводится к пониманию непараллельности векторов профессионального и повседневного интеллектуально-личностного развития с интеллектуальной точки зрения. Известно, что профессионально-интеллектуальное развитие предполагает углубление знаний в одной или максимум нескольких смежных сферах. Это в целом соответствовало паттерну повседневного потребления информации в доцифровом мире, когда людям было свойственно стремление углублять знания в рамках ограниченного круга интересов. Вектор получения знаний человека цифровой эпохи сместился от развития в глубину к развитию в ширину. С увеличением «информационных соблазнов» людям стало свойственно стремиться узнавать о большем количестве явлений, но с меньшей степенью детальности. Интеллектуальный опыт стал конкурировать в ценностном аспекте и в существенной доле заменяться опытом социально-коммуникативным. Так получили ценность «ликвидные знания», то есть те, которые могут быть востребованными (то есть доступными и понятными) при информационном обмене широкому кругу людей. Эти ценности фактически порождены трендами постиндустриализма как устройства мира, где коммуникация приобретает всё большую ценность в практическом аспекте и фактически выступает инструментом достижения социальной востребованности, в том числе и в профессиональном аспекте.

Так получается, что развитие профессиональное и социальное вступает в противоречие. На наш взгляд, его разрешению способствуют междисциплинарные взаимосвязи и их укрепление в интеллектуально-личностном поле. Действительно, мы живём в эпоху, когда различные профессиональные, технологические и научные области имеют очень много точек соприкосновения.

Соответственно, междисциплинарные знания, с одной стороны, развивают человека профессионально и интеллектуально, поскольку формируют системные и комплексные представления о явлениях и процессах, а с другой – делают человека более «информационно востребованным» в разных кругах, в том числе и в цифровом пространстве.

Заключение и выводы. Представленный теоретический анализ позволяет нам прийти к следующим выводам.

1) Диалектика развития цифровой информационной культуры личности актуализируется в условиях, при которых резко увеличивается объём информации, получаемой человеком из глобальной цифровой среды, которая по природе неинституциональна и педагогически несопровождаема. Диалектика влияния цифровой информационной среды на развитие информационной культуры личности основывается на общепедагогических закономерностях и противоречиях. Противоречия основаны на понимании взаимодействия индивидуальности личности и массовости цифровой информации.

2) Протекание закономерностей и противоречий развития цифровой информационной культуры в целом определяется спецификой познавательной деятельности и социальных взаимодействий в цифровом мире. В основе разрешения обозначенных противоречий

лежит педагогическое влияние на информационное развития личности, формирующее такие её качества как кругозор и устойчивые информационные интересы и предпочтения, выступающие ориентировками в расширяющемся информационном цифровом поле.

3) Затрагивая вопросы развития личности в условиях цифровой среды на уровне диалектического обобщения, представленное исследование может стать содержательным базисом для практических научных и методических работ, нацеленных на решение проблем развития информационной культуры обучающихся в условиях цифровой стихии.

Библиография

1. Тоффлер А. Третья волна. Нью-Йорк: Morrow, 1980. 544 с.
2. Белл Д. Приход постиндустриального общества: эксперимент в социальном прогнозировании. Нью-Йорк: Basic Books, 1973. 507 с.
3. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 492-505.
4. Маклюэн М. Понимание средств массовой информации: расширения человека. Нью-Йорк: McGraw-Hill, 1964. 324 с.
5. Абдеев Р.Ф. Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994. 336 с.
6. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М.: Логос, 2000. 302 с.
7. Ракитов А.И. Наш путь к информационному обществу // Теория и практика общественно-научной информации. М.: ИНИОН, 1989. С. 31-52.
8. Лернер И.Я. Процесс обучения и его закономерности. М.: Знание, 1980. 96 с.
9. Ершов А.П. Школьная информатика в СССР: от грамотности к культуре // Информатика и образование. 1987. № 6. С. 3-11. EDN: YRBLLZ
10. Суханов А.П. Информация и прогресс. Новосибирск: Наука, 1988. 190 с.
11. Воробьев Г.Г. Твоя информационная культура. М.: Молодая гвардия, 1988. 303 с.
12. Гайдарева И.Н. Информационная культура личности в условиях трансформации российского общества: социологический аспект: дис. ... канд. социол. наук. Майкоп, 2002. 150 с. EDN: NMCXRR
13. Горелова Е.В. Информационная культура и её роль в формировании личности: дис. ... канд. культурологии. Нижневартонск, 2008. 135 с. EDN: NQETAR
14. Жубинский А.И. Аксиологическое измерение процессов информатизации в современном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Армавир, 2010. 175 с. EDN: QFATEF
15. Зайцева Л.А. Человек в системе ценностей информационного общества: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 1999. 107 с.
16. Строков А.А. Цифровая культура и ценности российского образования: дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2021. 165 с. EDN: UJIIAO
17. Гриценко С.В. Информационная культура личности в постиндустриальном обществе: дис. ... канд. филос. наук. Пермь, 2005. 228 с. EDN: UCXUYZ
18. Залевская А.А. Развитие профессиональной субъектности личности в условиях цифровизации общества: дис. ... канд. филос. наук. Новочеркасск, 2023. 185 с.
19. Казанцева В.П. Информационная культура личности: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Красноярск, 2008. 168 с. EDN: NQHYBX
20. Полякова Г.В. Информационная культура в современном обществе: философские аспекты: дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2015. 150 с. EDN: VPGURL
21. Носова С.С. Метаморфозы цифрового сетевого общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2022. 176 с. EDN: ILYMWO
22. Зубарева С.С. Информационная реальность цифрового поколения: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2023. 179 с. EDN:

LQOOZD

23. Лазинина Е.В. Коммуникативные процессы в виртуальной реальности цифрового общества: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2023. 191 с. EDN: TFZQIZ

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная статья на тему «Закономерности и противоречия развития цифровой информационной культуры личности обучающегося» соответствует тематике журнала «Психология и Психотехника» и посвящена вопросу раскрытия закономерностей и противоречий влияния современной цифровой среды на информационную культуру личности.

В работе авторами представлена теоретико-методологическая основа исследования. Авторы ссылаются на работы, например, посвященные вопросам исследования информационной культуры в педагогическом понимании (зарубежные авторы - Э. Тоффлер, Д. Белл, М. Кастельс, М. Маклюэн и др., отечественные авторы - Р.Ф. Абдеев, Б.С. Иноземцев, А.И. Ракитов и др.); системного описания информационной культуры с сугубо педагогических позиций в отечественной науке (И.Я. Лернер); информационной культуры как совокупности умений строить простые математические модели (А.П. Ершов). Авторы в статье ссылаются на отечественный и зарубежные источники литературы, имеются ссылки в тексте на источники из списка литературы.

В качестве основных методов исследования авторы в работе указывают диалектический анализ, позволяющий сопоставлять различные факторы развития цифровой информационной культуры личности. Активно также применяется и метод абстрагирования. Также авторами в работе анализируются закономерности с общеметодологических позиций развития цифровой информационной культуры личности, такие как: закономерность динамики, общая закономерность развития личности, общая закономерность управления педагогическим процессом, общая закономерность взаимодействия чувственного, рационального и практического как условия педагогического результата, общая закономерность социальной обусловленности, общая закономерность стимулирования, закономерность равномерности, закономерность баланса мотивационных факторов, закономерность рациональности, закономерность цифровой социализации.

Также авторами проанализированы противоречия: между динамикой развития и однородностью цифровой среды; противоречие содержательности; противоречие мотивации; интеллектуальное противоречие.

В заключительной части авторами указывается, что представленное исследование может стать содержательным базисом для практических научных и методических работ, нацеленных на решение проблем развития информационной культуры обучающихся в условиях цифровой стихии.

Стиль и язык изложения материала является достаточно доступным для широкого круга читателей. Статья по объему соответствует рекомендуемому объему от 12 000 знаков. Статья достаточно структурирована - в наличии введение (постановка проблемы), заключение и выводы, внутреннее членение основной части (материал и методы исследования), результаты исследования и их обсуждение.

К недостаткам можно отнести следующие моменты: из содержания статьи не прослеживается научная новизна. В статье отсутствуют четко сформулированные

предмет и объект исследования.

Рекомендуется четко обозначить научную новизну исследования, сформулировать предмет, объект исследования.

Статья «Закономерности и противоречия развития цифровой информационной культуры личности обучающегося» требует доработки по указанным выше замечаниям. После внесения поправок рекомендуется к повторному рассмотрению редакцией рецензируемого научного журнала.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Закономерности и противоречия развития цифровой информационной культуры личности обучающегося». Работа включает в себя вводную часть с определением актуальности и постановки проблемы, значимости исследования, а также его объекта и предмета, цели и задач, а также научной новизны. Следующие разделы посвящены описанию материала и методик исследования, а также интерпретации полученных данных. Заканчивается статья обобщающими выводами.

Предмет исследования. В статье отмечается, что объектом исследования выступает психолого-педагогическая диалектика развития цифровой информационной культуры личности обучающегося, а предметом – ее общие и специфические закономерности и противоречия. Исследование нацелено на раскрытие закономерностей и противоречий влияния современной цифровой среды на информационную культуру личности как педагогически рассматриваемое и формируемое качество.

Методологическая основа исследования. Основным методом исследования выступил диалектический анализ, позволяющий сопоставлять различные факторы развития цифровой информационной культуры личности. Активно также был применен и метод абстрагирования, позволяющий говорить о влиянии информации на развитие человека без привязки к её содержанию, а также метод синтеза, благодаря которому формируются понимания разрешения возникающих противоречий.

Актуальность исследования. Автор отмечает, что, несмотря на распространение цифровых технологий до настоящего времени не выработано устойчивое понимание относительно их влияния на человека во внефункциональном контексте. Без анализа этого влияния на уровне теоретического обобщения конкретные методы, формы и технологии, нацеленные на развитие информационной культуры личности, в цифровую эпоху будут производить локальный эффект. Проведенное исследование нацелено на восполнение обозначенного автором методологического дефицита.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении развития информационной культуры с абстрактных обобщённо-теоретических позиций влияния цифровой информации на широкий спектр проявлений личности обучающегося (когнитивных, коммуникативных, мотивационных и др.) в условиях педагогических взаимодействий в противовес традиционно принятому рассмотрению формирования конкретных качеств с акцентом на технологическую сторону процесса.

Автором были рассмотрены закономерности динамики; общая закономерность развития личности, управления педагогическим процессом, социальной обусловленность, стимулирования; закономерности равномерности, баланса мотивационных факторов, рациональности, цифровой социализации. Особое внимание в работе уделено выделению противоречий между динамикой развития и однородностью цифровой среды, противоречиям содержательности, мотивации, интеллектуальным противоречиям.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой, но достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 23 отечественных источника, незначительное количество которых издано за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также учебные пособия, диссертации и монографии. Источники, в основном, оформлены корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Включить в теоретический анализ большее количество источников за последние 3 года.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами информационной культуры личности. Вопрос рассматривается через призму изучения закономерностей и противоречий в развитии цифровой информационной культуры личности обучающихся. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Величко Ю.А., Стоянова И.Я., Кузьмина А.С. Психологические предикторы панических атак при нарушениях сна // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.70859 EDN: DCMSLQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70859

Психологические предикторы панических атак при нарушениях сна

Величко Юлия Александровна

Медицинский психолог; Отделение реабилитации ПНС и КМС; Алтайская краевая клиническая больница

656024, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ляпидевского, 1

✉ yuliasboikova@gmail.com

Стоянова Ирина Яковлевна

ORCID: 0000-0003-2483-9604

доктор психологических наук

профессор; профессор кафедры психотерапии и психологического консультирования; Томский государственный университет

656902, Россия, Томская область, г. Томск, пр-т Ленина, 36

✉ ithka1948@mail.ru

Кузьмина Анна Сергеевна

ORCID: 0000-0001-5864-7120

кандидат психологических наук

ведущий научный сотрудник ; Алтайский государственный университет

656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Ленина, 61, оф. 302

✉ annakuz87@yandex.ru

[Статья из рубрики "Клиническая психология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.70859

EDN:

DCMSLQ

Дата направления статьи в редакцию:

27-05-2024

Аннотация: Актуальность исследования определяется распространенностью панических атак, их негативным влиянием на здоровье и качество жизни, а также необходимостью выявления психологических факторов, способствующих ночным приступам паники, которые в настоящее время остаются недостаточно изученными. В последнее время наблюдается увеличение числа больных с синдромом панических атак, в том числе подростков и студентов, что затрудняет процесс обучения и в целом снижает качество жизни и здоровья. Целью данного исследования является выявление индивидуально-психологических особенностей пациентов с паническим расстройством в качестве психологических предикторов ночных панических атак для повышения эффективности психологической помощи. Объектом исследования выступают клинико-психологические особенности панического расстройства. Предметом исследования являются психологические предикторы панических атак при нарушениях сна. В исследовании участвовали 29 пациентов с установленными диагнозами «Паническое расстройство» (F41.0) и агорофобия (F40.0) в возрасте 21-43 лет. Длительность панических атак от одного года до двенадцати лет. Методы исследования: методы клинико-психологической диагностики (анкетирование, тестирование, проективные методы), методы математической статистики. Результаты исследования показали, что для пациентов с частыми приступами паники в ночное время характерно более тревожное переживание болезни, сопровождающееся выраженными страхами перед приступами паники, тревоге за свое будущее и отношением к социальному окружению как основному источнику тревоги, чем пациентов с редкими приступами паники в ночное время. Для пациентов с частыми приступами паники в ночное время характерно более выраженное смещение локуса контроля в сторону экстернальности в области межличностных отношений и в отношении здоровья. Для пациентов с частыми приступами паники в ночное время характерна интрапсихическая направленность личностного реагирования на болезнь, тогда как для пациентов с редкими приступами паники в ночное время характерна внутренняя картина болезни без выраженных нарушений психической и социальной адаптации. Перспективы исследования связаны с расширением выборки в аспекте изучения проявления панических атак у учащейся молодежи, проявлений совладающего поведения, а также создания комплексных программ психологической помощи и профилактики нарушений психического здоровья.

Ключевые слова:

панические атаки, ночной сон, отношение к болезни, локус контроля, тревожность, настроение, проективные методы, анкетирование, психологические предикторы, психологическая помощь

Введение

В современных условиях одной из актуальных является проблема панических атак, что связано с довольно широкой их распространенностью в российской и мировой популяции, манифестацией в молодом, социально активном возрасте, тенденцией к затяжному и хроническому течению, сложностью лечения и невысокой эффективностью психологической помощи. В последнее время наблюдается увеличение числа больных с синдромом панических атак, в том числе подростков и студентов, что затрудняет процесс обучения и в целом снижает качество жизни и здоровья [\[1, 5, 6, 7\]](#).

Вместе с тем психологические факторы, способствующие ночным приступам паники, остаются недостаточно изученными.

Целью данного исследования является выявление индивидуально-психологических особенностей пациентов с паническим расстройством в качестве психологических предикторов ночных панических атак для повышения эффективности психологической помощи.

Предполагается, что проявления паники в ночное время обусловлены индивидуально-психологическими особенностями пациентов (повышенной тревожностью как личностной особенностью и реакцией на появления панических атак, экстернальным локусом контроля, отношением к болезни).

Теоретико-методологическими основаниями исследования явились теория отношений В.Н. Мясищева, а также концепции о нарушениях сна при панических атаках (Е.А. Корабельникова, Е.В. Яковлева, F.L.Lopesetal., Sh.V. Vashadzeetal., M. Schredl, G.Kronenberg, P.Nonell, I. Heuser, J. Kuschnir и др.).

Основная часть

Ночная паническая атака (НПА) - это подтип панического расстройства, при котором приступы паники начинаются во время сна без причины, будят пациента и вызывают ужас. Исследования показали, что повторяющиеся ночные приступы паники наблюдаются у 18-33% пациентов с паническим расстройством [\[13\]](#).

В качестве психологических предикторов панических атак выделяют опыт эмоциональной депривации и отсутствие стабильной привязанности, приводящие к дефициту в структуре личности, создающим пред disposition для манифестации панических атак [\[12\]](#); специфические личностные особенности: повышенная тревожность, тенденция к катастрофическому стилю мышления, стремлению к гиперконтролю [\[5\]](#), негативная эмоциональность, нейротизм и низкая устойчивость к стрессам [\[6\]](#); особенности познавательной сферы (например, дефицит внимания) [\[10\]](#); депрессивные состояния [\[8\]](#), воздействие стрессовых жизненных событий [\[9\]](#).

Необходимо отметить, что анализ как зарубежной, так и отечественной научной литературы показал, что панические атаки и нарушения ночного сна взаимосвязаны, но исследований психологических предикторов панических атак крайне мало, что обуславливает новизну данного исследования [\[2, 3, 4, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21\]](#).

На основе современных теоретических представлений о психологических предикторах панических атак и нарушениях сна при панических атаках организовано и проведено эмпирическое исследование с целью выявления индивидуально-психологических особенностей пациентов с паническим расстройством, обуславливающие приступы ночных панических атак.

Эмпирическую базу исследования составили 29 пациентов с установленными диагнозами «Паническое расстройство» (F41.0) и агорафобия (F40.0) в возрасте 21-43 лет. Длительность панических атак от одного года до двенадцати лет. В выборку не включались пациенты с сопутствующими другими психическими расстройствами и с зависимостями от психоактивных веществ.

Для формирования эмпирических выборок для проведения сравнительного анализа был

проведен опрос пациентов с помощью составленной анкеты, которая кроме социально-демографических характеристик, включала вопросы о наличии и частоте приступов паники в ночное время.

На основании результатов анкетирования сформированы две группы испытуемых: 1 группа (основная группа) - пациенты, часто переживающие ночные панические атаки (более двух раз в месяц) (13 человек); 2 группа (группа сравнения) - пациенты, редко переживающие ночные приступы паники (не чаще двух раз в месяц) (16 человек).

Изучение индивидуально-психологических особенностей проводилось с помощью следующих методик: «Интегративный тест тревожности» (ИТТ) (А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев); опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера; методика психологической диагностики типа отношения к болезни и лечению «ТОБОЛ»; проективная рисуночная методика «Я и моя болезнь».

Результаты сравнительного анализа тревожности как личностной характеристики и как реакции на ситуацию болезни, выявили в сравниваемых группах значимые различия по всем характеристикам тревожности, кроме уровня личностной тревожности (табл. 1). Отсутствие различий в уровне личностной тревожности, не зависимо от тяжести заболевания, а также ее повышенный уровень в обеих группах, позволяет рассматривать личностную тревожность как преморбидную черту личности пациентов с паническими атаками.

Таблица 1. Различия в выраженности характеристик тревожности пациентов с разной частотой приступов паники в ночное время

Сравниваемые показатели	M±σ* (стандарты)		Эмпирическое значение U-критерия	p
	Часто переживающие ночные приступы паники	Редко переживающие ночные приступы паники		
Ситуативная тревожность	7,5±1,5	6,1±1,7	52,5	0,024
Личностная тревожность	6,1±2,5	5,2±1,9	75	0,203
Эмоциональный дискомфорт	5,0±1,6	3,6±1,5	56,5	0,037
Астенический компонент	5,8±1,4	4,1±1,6	40,5	0,005
Фобический компонент	6,3±1,0	3,9±1,6	24	0,0003
Тревожная оценка перспективы	5,9±1,5	2,9±1,4	19	0,0002
Социальные реакции защиты	6,1±1,2	2,5±2,0	16	0,00005

Примечание: * - M - среднее арифметическое, σ - стандартное отклонение

Данные уровня ситуативной тревожности, полученные в настоящем исследовании, показывают, что для пациентов с частыми приступами паники в ночное время характерно ситуативное переживание тревоги – среднее значение в группе соответствует высокому

уровню ситуативной тревожности, тогда как в группе пациентов с редкими паническими атаками в ночное время ситуативная тревога соответствует умеренному уровню.

Анализ выраженности компонентов ситуативной тревоги показывает, что для пациентов с частыми приступами паники в ночное время значимо большей степени, чем пациенты с редкими ночными паническими атаками, испытывают эмоциональный дискомфорт, астению, страх непонятной угрозы, неуверенности в себе, собственной беспомощности, озабоченность будущим на фоне повышенной эмоциональной чувствительности, тревожность в сфере социальных контактов. При этом в структуре ситуативной тревоги, как реакции на болезнь, у пациентов с частыми приступами паники в ночное время, доминируют фобический компонент, тревожная оценка перспектив и социальные реакции защиты, которые у пациентов с редкими приступами паники в ночное время выражены в наименьшей степени.

Изучение локуса контроля позволяет выявить отношение к болезни как следствию внешних или внутренних факторов, а также степень активности и ответственности пациентов за свое здоровье. В ходе исследования локуса контроля у пациентов с разной частотой ночных панических атак значимые различия получены только в уровне интернальности в области межличностных отношений) и интернальности в отношении здоровья, уровень которой у пациентов с частыми приступами ночных панических атак ниже, чем у пациентов с редкими приступами паники в ночное время (см. табл. 2).

Смещение локуса контроля при различных заболеваниях, в том числе и психических, в экстермальную сторону, обусловлено формированием у больного чувства беспомощности, потребности в поддержке, опеке и сочувствии, что снижает собственную активность больного в борьбе с болезнью и контроль над собственной жизнью [7, с.38].

Таблица 2. Различия в выраженности интернальности у пациентов с разной частотой приступов паники в ночное время

Шкалы	М±σ* (баллы)		Эмпирическое значение U-критерия	p
	Часто переживающие ночные приступы паники	Редко переживающие ночные приступы паники		
Общая интернальность	16,7±26,6	36,6±25,3	61,5	0,062
Интернальность в области достижений	5,8±9,9	11,7±8,7	72,5	0,167
Интернальность в области неудач	2,8±8,5	10,0±9,3	61	0,059
Интернальность в семейных отношениях	-0,5±7,3	1,0±9,8	102	0,930
Интернальность в профессиональных отношениях	3,1±11,5	8,6±9,2	78,5	0,263
Интернальность в межличностных отношениях	0,2±6,0	9,6±4,7	38,5	0,004
Интернальность в отношении здоровья	-0,1±4,5	3,7±4,3	57	0,037

Примечание: * - М - среднее арифметическое, σ - стандартное отклонение

Результаты изучения отношения к болезни у пациентов с разной частотой ночных приступов паники показали, что по большинству параметров (ипохондрия, неврастения, астения, сенситивность, эгоцентричность, паранойяльность и дисфоричность) отношение к болезни совпадает (см. табл. 3). При этом по шкалам, отражающим нарушения психической и социальной адаптации, получены статистически значимые различия.

Таблица 3. Различия в выраженности различных типов отношения к болезни у пациентов с разной частотой приступов паники в ночное время

Тип отношения к болезни	М $\pm\sigma$ * (баллы)		Эмпирическое значение U-критерия	p
	Часто переживающие ночные приступы паники	Редко переживающие ночные приступы паники		
Гармоничный	20,1 $\pm$ 6,5	13,2 $\pm$ 6,4	42	0,007
Эргопатический (стенический)	20,4 $\pm$ 8,4	13,4 $\pm$ 7,6	47,5	0,013
Анозогнозический	18,9 $\pm$ 9,1	11,4 $\pm$ 4,3	45	0,010
Тревожный	14,9 $\pm$ 7,8	23,1 $\pm$ 8,2	45	0,010
Ипохондрический	17,9 $\pm$ 8,4	19,3 $\pm$ 9,7	95,5	0,709
Неврастенический	15,1 $\pm$ 6,1	14,6 $\pm$ 4,1	103,5	0,263
Меланхолический	17,4 $\pm$ 8,7	27,4 $\pm$ 9,8	45,5	0,010
Апатический	14,4 $\pm$ 6,2	15,1 $\pm$ 7,3	91,5	0,584
Сенситивный	17,4 $\pm$ 8,4	20,6 $\pm$ 10,6	84	0,379
Эгоцентрический (истероидный)	17,2 $\pm$ 8,7	16,4 $\pm$ 6,7	100	0,860
Паранойяльный	16,9 $\pm$ 10,7	17,5 $\pm$ 8,8	90	0,538
Дисфорический (агрессивный)	17,2 $\pm$ 7,8	21,0 $\pm$ 6,7	78,5	0,263

Примечание: * - М - среднее арифметическое, σ - стандартное отклонение

Так, для пациентов с редкими приступами паники в ночное время характерна внутренняя картина болезни без выраженных нарушений психической и социальной адаптации. У пациентов же с частыми приступами паники типы отношения к болезни, указывающие на наличие психической дезадаптации, связаны преимущественно с интрапсихической направленностью реагирования на болезнь. При этом степень выраженности типов отношения к болезни, относящихся к первому блоку (гармоничный, эргопатический и анозогнозический) у пациентов с частыми приступами паники в ночное время значительно ниже, а типов отношения к болезни, составляющих второй блок (тревожный и меланхолический), значительно выше, чем пациентов с редкими приступами паники в ночное время.

При исследовании внутренней картины болезни и особенностей личности больных по рисуночной методике «Я и моя болезнь» были также выявлены как значимые отличия в сравниваемых группах, так и общие черты отношения к болезни (см. табл. 4).

Необходимо отметить, что большинство рисунков в обеих группах были выполнены или простым карандашом, или с использованием двух-трех цветов, что может указывать на

то, что все пациенты с паническими атаками, не зависимо их частоты в ночное время, в той или иной степени склонны к депрессивному стилю переживания болезни и астении. Однако встречаемость признаков астении в группе пациентов с частыми приступами паники в ночное время значимо выше, чем в группе пациентов с редкими приступами, тогда как в распределении признаков депрессивного и субдепрессивного состояния достоверных различий не обнаружено.

Пациенты с частыми приступами паники в ночное время чаще переживают эмоциональные реакции по тревожно-депрессивному типу, стресс и ситуативную тревогу, связанную с болезнью, в то время, как у пациентов с редкими ночными приступами паники чаще фиксируются признаки острой тревоги.

Таблица 4. Различия в распределении признаков отношения к болезни в рисунках пациентов с разной частотой приступов паники в ночное время

Критерии	Частота (%)		χ^2 Эмп
	Часто переживающие ночные приступы паники	Часто переживающие ночные приступы паники	
Астения	43,8	76,9	8,536**
Депрессивное или субдепрессивное состояние	31,2	46,1	1,500
Тревожно-депрессивное состояние	0	23,1	21,142**
Эмоциональная напряженность	0	15,4	13,464**
Тревожность как черта личности	75	84,6	0,464
Ситуативная тревога	46,1	68,7	4,064**
Острая тревога	30,8	12,5	6,912**
Стрессовое состояние	0	30,7	28,732**
Невротическое состояние	81,2	61,5	2,45
Страх	43,7	53,8	0,850
Фигура автора (изображение человека)	68,7	23,1	21,668**
Метафорическое или символическое изображение фигуры автора	31,2	76,9	18,432**
Болезнь «внутри»	25	0	23,04**
Болезнь «снаружи» (болезнь, как опасность извне)	56,2	100	11,728**
Болезнь как ограничение стиля жизни (состояние фрустрации)	37,5	69,2	8,346**
Соматические жалобы	37,5	76,9	11,104**

Примечание: - ** - $p < 0,01$, * - $p < 0,05$

Так же пациенты с частыми приступами ночных панических атак испытывают эмоциональное напряжение, связанное с болезнью, тогда как в рисунках пациентов с редкими приступами паники в ночное время этого признака не встретилось. Статистический анализ показал, что всем пациентам с паническими атаками, независимо от их частоты в ночное время, свойственна тревожность как черта личности, что совпадает с данными методики ИТТ. Кроме того, в ходе исследования выявлено, что пациенты с частыми приступами паники в ночное время значимо чаще воспринимают болезнь, как опасность извне и испытывают состояние фрустрации, вызванное ощущением невозможности полноценной жизни, удовлетворения своих потребностей, они чаще воспринимают болезнь, как ограничение стиля жизни, что соответствует данным, полученным по методике ТОБОЛ. Пациенты с частыми приступами паники в ночное время также чаще воспринимают болезнь как опасность для физического здоровья с указанием на соматическое неблагополучие (болезнь давит, душит, причиняет боль, может причинить смерть и т.п.).

Заключение

Результаты исследования показали, что для пациентов с частыми приступами паники в ночное время характерно более тревожное переживание болезни, сопровождающееся выраженными страхами перед приступами паники, тревоге за свое будущее и отношением к социальному окружению как основному источнику тревоги, чем пациентов с редкими приступами паники в ночное время. Для пациентов с частыми приступами паники в ночное время характерно более выраженное смещение локуса контроля в сторону экстернальности в области межличностных отношений и в отношении здоровья, чем для пациентов с редкими ночными приступами паники. Для пациентов с частыми приступами паники в ночное время характерна интрапсихическая направленность личностного реагирования на болезнь, тогда как для пациентов с редкими приступами паники в ночное время характерна внутренняя картина болезни без выраженных нарушений психической и социальной адаптации. Эмоционально-личностная сфера пациентов с частыми приступами паники в ночное время характеризуется тревожно-депрессивными и тревожно-фобическими реакциями на болезнь, они чаще переживают стрессовое состояние, эмоциональное напряжение, вызванные болезнью, чем пациенты, редко переживающие панические атаки в ночное время.

Перспективы исследования связаны с расширением выборки в аспекте изучения проявления панических атак у учащейся молодежи, проявлений совладающего поведения, а также создания комплексных программ психологической помощи и профилактики нарушений психического здоровья.

Библиография

1. Вейн А.М. Психотерапия в лечении вегетативных кризов (панических атак) и психофизиологические корреляты ее эффективности // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. №4. С. 98-108.
2. Голубев В.Л., Башмаков М.Ю. Панические атаки и ночной сон // Русский медицинский журнал. 1999. 2(1). С. 3-6.
3. Карягина Т.Д., Шевцов К.Д. Психотерапевтическая работа с паническими атаками: клиническая и феноменологическая перспектива // Консультативная психология и психотерапия как средство решения личностных, семейных и профессиональных проблем. 2019. С. 29-64.
4. Корабельникова Е.А. Нарушения сна при паническом расстройстве // Журнал

неврологии и психиатрии. 2018. № 4 (2). С. 99-107.

5. Корабельникова Е.А., Яковлева Е.В. Инсомния при паническом расстройстве // International Journal of Innovative Medicine. 2023. № 02. С. 4-9.

6. Корабельникова Е.А., Яковлева Е.В. Роль инсомнии и её коррекции при паническом расстройстве // Анналы клинической и экспериментальной неврологии. 2022. № 16(4). С. 62-70.

7. Паническое расстройство. Клинические рекомендации. М.: МЗ РФ, 2021. 103 с.

8. Соколова Л.П. Нарушения сна и бодрствования: клинические проявления и направления терапии // Нервные болезни. 2021. №2. С. 54-63.

9. Тартынский К.М. Депрессии и панические атаки. Взаимосвязь, психопатология, терапия: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.01.06. М., 2019. 24 с.

10. Федоряка Д.А. Особенности внутренней картины болезни у лиц с паническим расстройством: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.04. СПб., 2019. 25 с.

11. Хикматуллаева Ш.Ш., Хайданов Н.К., Мухамедсаидова И.А., Арзиев Ш.Ш., Фатхуллаев Ш.Ш. Клинические аспекты панического расстройства // Тенденции развития науки и образования. 2020. №62-2. С. 33-36.

12. Agargun M.Y., Kara H. Recurrent sleep panic, insomnia, and suicidal behavior in patients with panic disorder // Compr Psychiatry. 1998. V. 39. Pp. 149-151.

13. Burchakov D. I., Tardov M. V. Insomnia in the practice of a therapist: the role of doxylamine // Medical advice. 2020. Pp. 45-53.

14. Çetinkaya Ö.G., Altınbaş K., İpekçioğlu D. [et al.] Nocturnal Panic Attack: Is It an Another Subtype? // Düşünen Adam The Journal of Psychiatry and Neurological Sciences. 2011. V. 24. Pp. 189-198.

15. Lopes F.L., Nardi A.E., Nascimento I. [et al.] Nocturnal panic attacks // Arq Neuropsiquiatr. 2002. V. 60(3-B). Pp. 717-720.

16. Medic G., Wille M., Hemels M. Short and long term health consequences of sleep disruption // Nat. Sci. Sleep. 2017. V. 9. Pp. 151-161.

17. Riemann D., Baglioni C., Bassetti C. [et al.] European guideline for the diagnosis and treatment of insomnia // J. Sleep Res. 2017. V. 26(6). Pp. 675-700.

18. Schenck L.C. Panic disorder // Neurosci. Biobehav. Rev. 2014. Vol. 46 (3). Pp. 343-344.

19. Shin J., Park D., Ryu S. et al. Clinical implications of agoraphobia in patients with panic disorder // Medicine (Baltimore). 2020. V. 99(30). Pp. 21-41.

20. Vashadze Sh.V., Khimshiashvili D., Shavadze M., Salvaridze T. Panic frustration and sleep disorder // Endless light in science. 2023. № 02. Pp. 4-9.

21. Zakharov A. V., Khivintseva E. V. Clinical use of melatonin in the treatment of sleep disorders // Effective pharmacotherapy. 2019. V. 15(44). Pp. 42-47.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью «Психологические предикторы панических атак при нарушениях сна»

Предмет исследования – в статье не обозначен. Очевидно, что он связан с психологическими предикторами панических атак при нарушениях сна.

Методология исследования построена на традиционных методах психологического исследования, а также связана с теорией отношений В.Н. Мясищева и концепциями о

нарушениях сна при панических атаках. Используются методы обзора и анализа литературы, систематизации данных научных концепций, а также методы прикладного исследования.

В нем участвовали 29 пациентов с установленными диагнозами «Паническое расстройство» (F41.0) и агорафобия (F40.0) в возрасте 21-43 лет. Из них были сформированы 2 группы респондентов:

1 группа (основная группа) - пациенты, часто переживающие ночные панические атаки (более двух раз в месяц) (13 человек);

2 группа (группа сравнения) - пациенты, редко переживающие ночные приступы паники (не чаще двух раз в месяц) (16 человек).

Прикладная часть в исследовании проведена с помощью следующих методов:

- метод опроса для формирования двух групп испытуемых;
- пакет диагностических методик для выявления индивидуально-психологических особенностей испытуемых: «Интегративный тест тревожности» (ИТТ) (А.П. Бизюк, Л.И. Вассерман, Б.В. Иовлев); опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Дж. Роттера; методика психологической диагностики типа отношения к болезни и лечению «ТОБОЛ»; проективная рисуночная методика «Я и моя болезнь».

Методы математической обработки в статье представлены анализом средних значений, расчетом стандартного отклонения, данными в процентном выражении.

Актуальность представленной статьи не вызывает сомнения. Действительно, нарушения сна становятся все более часто встречающимися у современных людей. Это снижает их качество жизни. Проблема обострилась в постковидный период.

Научная новизна представлена в работе изучением и систематизацией предикторов панических атак. Подробные работы в психологической науке пока недостаточно представлены. Степень новизны была бы более выражена, если бы автор использовал более обширную выборку, что подтвердит полученные данные более обоснованно.

Стиль, структура, содержание

Статья имеет традиционную структуру – вводная, основная и заключительная части.

Вводная часть обосновывает выбор темы. Она достаточно проработана. В первой части автор описывает подходы к пониманию панических атак и анализ их предикторов. Подробно и грамотно структурировано описание подходов в рамках темы исследования.

В основной части статьи автор работает над целью – выявление индивидуально-психологических особенностей пациентов с паническим расстройством в качестве психологических предикторов ночных панических атак для повышения эффективности психологической помощи. Подробно описана организация исследования, данные представлены в виде таблиц и качественно интерпретированы. Это позволило структурировать результаты и провести их системный анализ с полноценной интерпретацией.

Вывод, который делает автор по результатам исследования, подтверждены описанными в статье данными, связаны с заявленной целью и грамотно структурированы. Следует отметить, что автор в рамках выводов раскрывает перспективы исследования.

Стиль изложения материала соответствует требованиям научности и вполне доступен.

Библиография

Насчитывает 21 наименование литературных источников, большинство из которых статьи в журналах и публикации в сборниках конференций. Есть материалы на английском языке, а также диссертационные работы.

Апелляция к оппонентам – статья соответствует требованиям, предъявляемым к статьям для публикации в журналах из перечня ВАК, и рекомендуется к публикации

Выводы, интерес читательской аудитории – статья вызовет интерес читательской аудитории, заинтересованной в изучении личностных особенностей пациентов, которые

обращается с проблемами панических атак и нарушений сна. Она будет полезна широкому кругу лиц - психологам, преподавателям, медикам, а также медицинским психологам.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Семенова Н.А. Сущность метаресурса жизненной успешности и его взаимосвязь с личностными ресурсами конструктивной жизни у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации // Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.73964 EDN: DCQVJV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73964

Сущность метаресурса жизненной успешности и его взаимосвязь с личностными ресурсами конструктивной жизни у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Семенова Наталья Александровна

ORCID: 0000-0003-0687-0472

кандидат психологических наук

профессор; кафедра социально-гуманитарных дисциплин; Краснодарский университет МВД России

350089, Краснодар г, Чекистов пр-кт, д.16

✉ natalya_deeva@bk.ru

[Статья из рубрики "Сценарий вашего успеха"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.73964

EDN:

DCQVJV

Дата направления статьи в редакцию:

03-04-2025

Аннотация: Актуальность исследования метаресурса жизненной успешности и его взаимосвязи с ресурсами конструктивной жизни у сотрудников органов внутренних дел обусловлена рядом взаимообуславливающих факторов: необходимостью выявления и исследования таких личностных ресурсов, которые бы помогали современному человеку осуществлять конструктивную жизнь в современных условиях, перспективностью развития ресурсного подхода в психологии труда; необходимостью изучения ресурсных возможностей личности сотрудников органов внутренних дел в условиях современной реальности в связи с повышающимися требованиями к их профессиональной служебной деятельности. В статье представлено понимание и структурно-функциональная организация метаресурса жизненной успешности личности, обоснована его акцепторная функция. Уделено внимание системе личностных ресурсов, представлена точка зрения

на организацию ресурсов конструктивной жизни личности. В исследовании приняло участие 892 сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, из них 388 женщин и 504 мужчины. Диагностические методики направлены на измерение таких ресурсов конструктивной жизни личности, как: мотивационные и психологические состояния; интегративные личностные характеристики, способствующие эффективному и успешному преодолению жизненных трудностей; характеристики субъектности. Основные результаты проведенного исследования свидетельствуют о том, что метаресурс жизненной успешности, как сложное многокомпонентное интегративное образование, имеет устойчивые взаимосвязи со многими показателями личностных ресурсов конструктивной жизни в исследуемой выборке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. В результате проведения корреляционного анализа установлено большое количество значимых взаимосвязей компонентов метаресурса жизненной успешности с показателями личностных ресурсов конструктивной жизни. При этом компонент эмоциональные переживания (в частности, нравственные и бытийные переживания) имеет наименьшее количество значимых корреляций с показателями ресурсов конструктивной жизни. Метаресурс жизненной успешности, как сложное многокомпонентное интегративное образование, имеет устойчивые взаимосвязи со многими показателями личностных ресурсов конструктивной жизни в исследуемой выборке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Это позволяет сделать предположение о наличии в системе ресурсов респондентов определенных «ядерных» связей, которые участвуют в организации конструктивной жизни. Новизна и значимость полученных в представленном исследовании результатов заключается в том, что предложено понимание метаресурса жизненной успешности, основной функцией которого является акцепторная.

Ключевые слова:

личностные ресурсы, метаресурсы личности, метаресурс жизненная успешность, полицейский, ресурсы, личность, психологические ресурсы, ресурсный подход, психология труда, ресурсы конструктивной жизни

Актуальность изучения метаресурса жизненной успешности личности обусловлена перспективностью развития ресурсного подхода в психологии труда в плане поиска, обоснования и систематизации таких ресурсов современной личности, которые, с одной стороны, будут способствовать сохранению себя и своего внутреннего мира в определенной целостности, а, с другой, обеспечивать эффективное взаимодействие с современной реальностью. Это открывает возможности к более глубокому пониманию процессов профессионализации [\[7; 11; 24\]](#). Исследователи в области психологии труда отмечают, что «успешная профессиональная и социальная реализация возможна только в том случае, если она обеспечена определенными индивидуально-психологическими и личностными ресурсами» [\[11\]](#).

Определенную остроту данная проблематика приобретает применительно к социальным профессиям, в частности, к профессиональной служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел. В современной реальности, с ярко выраженными неопределенностью, хрупкостью, беспокойством, нелинейностью, непостижимостью [\[32\]](#), актуализируются истинные духовные и экзистенциальные основания профессиональной служебной деятельности, что обостряет противоречия между социальной направленностью и жесткой регламентированностью

профессиональной служебной деятельности [\[25; 28\]](#). При этом наиболее важными становятся такие смысловые контексты деятельности, как особая значимость защиты жизни и безопасности; постоянная готовность сохранения стабильности общества; решительное и жесткое противодействие преступности; участие в сбережении отечественной культуры; постоянная готовность к переменам с учетом чрезвычайности нестандартных ситуаций и перманентная напряженность работы; важность человеческого подхода к гражданам в этих условия. Данная проблематика обозначалась президентом России на ежегодных расширенных заседаниях коллегии МВД России по итогам работы в 2022 и 2023 годах. По словам Президента, в настоящее время сотрудники «...должны обеспечить нормальную жизнь для рядового гражданина России, но сами должны работать в условиях, близких к условиям военного времени». Все это требует наличия у профессионала таких личностных ресурсов, которые бы помогали конструктивно разрешать данные вопросы и противоречия, профессионально развиваться, быть жизненно и профессионально успешным.

В связи с этим, приобретает значимость выявление и обоснование метаресурсов личности [\[19; 21; 30\]](#), которые упорядочивают работу всей системы личностных ресурсов, а также изучение взаимосвязей в системе личностных ресурсов. В наших исследованиях к такого рода метаресурсами отнесена жизненная успешность, которая как сложное интегративное образование (регулятив), обеспечивает возможность обнаружения аутентичных путей жизнеосуществления, предвидения результатов, определение средств достижения и т.п. Жизненная успешность, в том числе, способствует выбору продуктивной стратегии профессионального развития, дает возможность сохранить психологическое здоровье и соответствие морально-нравственным требованиям профессии.

Для того, чтобы раскрыть понимание жизненной успешности как метаресурса личности обратимся к пониманию ресурсов и метаресурсов личности.

Психологические ресурсы в широком смысле связываются с позитивными эффектами психологической регуляции, а также с жизненной и профессиональной успешностью личности как субъекта труда [\[7; 11; 12; 24\]](#). Интерес к изучению ресурсов личности присутствует в рамках экзистенциального подхода [\[26\]](#), в теории психологического стресса [\[6; 7; 27\]](#), в рамках субъектно-деятельностной парадигмы [\[1; 4\]](#), в позитивной психологии [\[31; 33; 34; 35\]](#) и современных исследованиях выполненных в постнеклассической парадигме [\[2; 9; 37\]](#).

Эффективный подход к пониманию ресурсов существует в рамках взаимодополняющих регулятивной и субъектно-деятельностной парадигм. Например, В. А. Толочек в русле профессиональной успешности связывает ресурсы с позитивными эффектами психологической регуляции [\[24\]](#). Н.Е. Водопьянова также отмечает, что ключевым критерием определения ресурсов как субъектных качеств являются эффекты их регулирующих функций (удовлетворенности трудом, самореализации, сохранности профессионального здоровья) [\[7\]](#). В.И. Моросанова указывает на то, что система саморегуляции произвольной активности человека сама по себе является ресурсом, а уровень ее сформированности напрямую связан с ресурсной организацией и ее эффективностью [\[21\]](#). По Л.Г. Дикой субъектная саморегуляция является высшим уровнем координации системного взаимодействия регуляторных механизмов разного уровня и, по сути, является метасубъектной [\[12\]](#).

Таким образом, ресурсы представляют собой весьма широкий спектр психологических явлений, имеющих системные взаимосвязи и включающих в себя экзистенциальное основание, ценностно-смысловую сферу, личностные свойства, механизмы и процессы, посредством которых человек решает разнообразные задачи, выстраивает свою жизнь. В системе личностных ресурсов конструктивной жизни логично можно обозначить такие составляющие как: мотивационные и психологические состояния проявляющиеся в выраженности надежды, жизненной удовлетворенности, экзистенциальной наполненности; интегративные личностные характеристики, способствующие эффективному и успешному преодолению жизненных трудностей выражающиеся в жизнестойкости, адаптивности, готовности к изменениям, резилентности, диспозиционном оптимизме; характеристики субъектности такие как, активность, автономность, целостность, опосредованность, креативность и самооценность.

В настоящее время для психологической науки и практики одной из актуальных проблем является поиск и исследование метасистемных ресурсов или метаресурсов, которые упорядочивают работу всей системы ресурсов и обеспечивают наиболее эффективное взаимодействие личности с реальностью. Например, В.Н. Марков обращает внимание на то, что наличие определенного комплекса психологических ресурсов, которые являются необходимыми для успешного выполнения какой-либо деятельности, зачастую не обеспечивает ее результативности и утверждает, что метаресурс, обеспечивает эффективность системы «психического управления поведением и развитием личности», «показывает, в какой мере личности удалось освоить управление своими внутренними и внешними ресурсами для целей максимальной самореализации» [19, с.9]. В.И. Моросанова также отмечает, что ресурсы имеют иерархическую структуру по универсальности для достижения целей в различных сферах жизнедеятельности и делятся на специальные, универсальные и метаресурсы [21].

Обобщенно можно сказать, что метаресурсы занимают наивысший уровень в иерархии личностных ресурсов и представляют собой интегративные психологические образования, обеспечивающие наиболее эффективное разрешение противоречий, возникающих у личности как субъекта социальных отношений за счет рефлексивной трансформации и преобразования ценностно-смысловой сферы в процессе саморегуляции посредством рефлексивных механизмов, определенных свойств и состояний. Попытка методологического выхода на такое понимание метаресурса отчасти присутствует в предложенном Н.Е. Водопьяновой варианте систематизации «ресурсной базы», где ресурсы делятся на три функциональные категории: механизмы психической регуляции деятельности и поведения; организованные психические свойства и структуры их связей; ресурсные состояния [7].

Триадический подход к пониманию метаресурса, на наш взгляд, является продуктивным, так как позволяет раскрыть его метасистемную природу, заключающуюся в интеграции системы ресурсов на иерархически верхнем уровне посредством их активизации, перераспределения, организации в нужный «функциональный орган» в процессе предвосхищения и оценки будущего результата и построении программы какой-либо деятельности в пространстве целей, ценностей и смыслов.

При этом в результате анализа жизненной успешности с позиции ее метаресурсного статуса в философском, социально-философском и психологическом контекстах явно определил ее триадическое понимание, которое более подробно раскрыто в ряде работ [10; 23]. Результаты проведенного масштабного теоретического анализа позволяют сделать вывод о том, что жизненная успешность – сложный многоплановый инструмент

организации жизнедеятельности для продвижения к результату, в котором задействуются психологические и социально-психологические механизмы, личностные качества и эмоциональные переживания личности.

Вышесказанное позволяет говорить о принципе метаресурсности, как одном из важнейших оснований функционирования жизненной успешности личности: чем целостнее и согласованнее жизненная успешность как механизм, свойство и состояние, тем более эффективней реализуется ее функция как метаресурса, заключающаяся в рефлексивном соотнесении жизненных целей с результатами субъектной активности в пространстве ценностно-смыслового поля личности с учетом складывающихся социокультурных условий.

Теоретический конструкт жизненной успешности разработан и содержательно наполнен на основе принципов ресурсного, регулятивного и субъектно-деятельностного подходов, в результате масштабного теоретического, тематического анализа качественного анализа эмпирических данных [10; 23]. Исходя из чего, она трактуется как метаресурс, осуществляющий акцепторную функцию в пространстве «цель-ценность-смысл» посредством совокупности рефлексивных механизмов. Конкретизировать содержание и структурно-функциональную организацию триады базовых компонентов жизненной успешности, а также обосновать ее ведущую акцепторную функцию, позволили положения теорий функциональных систем [3], осознанной саморегуляции [14] и системного подхода к антиципации [17]. В целом, механизм работы акцептора включает в себя возможность корректно предвосхитить результат с учетом опыта и складывающейся ситуации, своего внутреннего состояния, а также умение сопоставить данный результат с созданным образом, продумать варианты его коррекции и т.п. На уровне осознанной саморегуляции личности такого рода регулятивом, механизмом (акцептором) является жизненная успешность. Суть акцепторной функции жизненной успешности состоит в рефлексивном соотнесении предвосхищаемых и уже достигнутых целей и результатов субъектной активности в соответствии с уже имеющейся и вырабатываемой программой действий в пространстве ценностно-смыслового поля личности с учетом складывающихся социокультурных условий на основе выборов и решений при помощи определенных свойств и состояний. Сложность и многогранность акцепторной функции позволяет говорить о жизненной успешности как о метаресурсе, который является рефлексивным по своей природе.

Итак, функционирование метаресурса жизненной успешности разворачивается в трех взаимосвязанных содержательных контекстах ценностно-смысловой сферы: цели-ценности-смыслы. В этом контекстуальном пространстве и происходит разворачивание акцепторной функции (рис. 1).

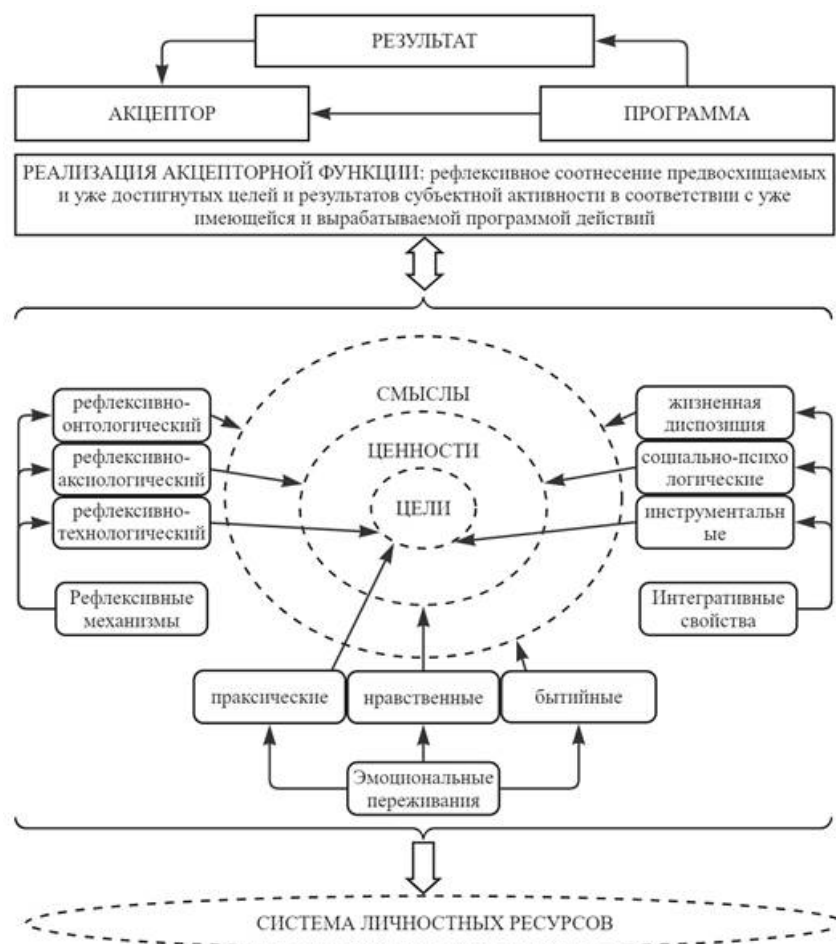

Рис. 1. Модель реализации акцепторной функции ресурса жизненной успешности

В контексте целей происходит сопоставленности целей и результатов. В данном случае, цель, как осознанный образ предвосхищаемого результата, определяет целостность выполняемой деятельности. В этой работе участвуют такие ее составляющие как рефлексивно-технологический механизм, инструментальные качества личности и практические переживания.

В контексте ценностей жизненная успешность проявляется в сопоставлении индивидуальных и социальных ценностей, в понимании личностью значимости своих успехов с позиций оценки общества и личных принципов. В данном контексте жизненная успешность организует направленность личности, показывает значимость целей, при этом отдельные успехи превращаются не просто в сумму, а некую интеграцию, дающую возможность личности ощутить свою значимость, самоопределиться и самореализоваться в жизненных сферах: профессия, личная жизнь, увлечения и т.п. Это становится возможным за счет слаженной работы рефлексивно-аксиологического механизма, социально-психологических качеств, способствующих реализации направленности на успех и нравственных переживаний.

В контексте смыслов жизненная успешность проявляет себя на уровне экзистенции личности на основании жизненных принципов и бытийных переживаний. В данном случае, это не просто достижение целей и значимость этих достижений, это осмысленность своей деятельности и жизнедеятельности, выстраивание собственной стратегии жизненной успешности, понимание своего предназначения. В этом случае активизируются рефлексивно-онтологический механизм диспозиционные качества и бытийные переживания.

Необходимо отметить, что компоненты жизненной успешности на различных уровнях ценностно-смыслового контекста связаны между собой и могут работать одновременно на всех уровнях, либо с преобладанием на одном, иметь различные индивидуальные сочетания и взаимосвязи. Такие сложные сочетания определяют особенности реализации акцепторной функции, которая, в свою очередь, взаимосвязана с особенностями организации всей системы ресурсов личности.

Таким образом, жизненная успешность как метаресурс личности, имеющий сложную структуру и выполняющий акцепторную функцию, вероятно, будет иметь взаимосвязи с ресурсами конструктивной жизни личности.

Целью данного исследования является обнаружение и обоснование взаимосвязей компонентов жизненной успешности с показателями ресурсов конструктивной жизни личности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

Материалы и методы

Исследование взаимосвязи метаресурса жизненной успешности с личностными ресурсами конструктивной жизни проводилось в ряде эмпирических исследований, в которых, в общей сложности, приняло участие 892 респондента из переменного и постоянного состава сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, из них 388 женщин и 504 мужчины. Выборка явилась смешанной по возрасту и функционалу профессиональной служебной деятельности.

Методический инструментарий был отобран с учетом взгляда на систему личностных ресурсов конструктивной: мотивационные и психологические состояния; интегративные личностные характеристики, способствующие эффективному и успешному преодолению жизненных трудностей; характеристики субъектности.

На измерение мотивационных и психологических состояний, проявляющихся в выраженности надежды, жизненной удовлетворенности, экзистенциальной наполненности направлены такие методики как, «Шкала надежды» Ч.Р. Снайдер (Adult Hope Scale (AHS))^[36] (адаптированная коллективом кафедры общей и практической психологии МГГУ им. М.А. Шолохова)^[13]; Тест «Индекс жизненной удовлетворенности (Life Satisfaction Index A, LSIA)» (Bernice L. Neugarten)^[15, с. 107-114]; «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер (Langle-Orgler Existence Scale) в адаптации И. Н. Майниной, А. Ю. Васанова^[18].

На измерение интегративных личностных характеристик, способствующих эффективному и успешному преодолению жизненных трудностей выражающиеся в жизнестойкости, адаптивности, готовности к изменениям, резилентности, диспозиционном оптимизме направлены такие методики как, Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой)^[16]; Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», (А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин); «Опросник готовности личности к изменениям PCRS (Personal change readiness survey)» (Родник, Хезер, Голд, Хал в адаптации Н.А. Бажановой и Г.Л. Бардиер) (Бажанова, 2005); «Краткая шкала резилентности (Brief Resilience Scale, BRS)» (Windle, G., Bennett, K.M. & Noyes, J. в адаптации В.И. Марковой, Л.А. Александровой, А.А. Золотаревой)^[38; 20]; Тест диспозиционного оптимизма (ТДО-П) LOT-R М (Шейер, Ч. Карвер и М. Бриджес в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина)^[8;9].

На измерение характеристик субъектности направлена методика «Уровень развития

субъектности личности» М.А. Щукиной [29].

Для исследования компонентов жизненной успешности личности применена авторская методика «Жизненная успешность» [10].

Полученные эмпирические данные обработаны при помощи методов описательной статистики, для выявления корреляций использован критерий Пирсона.

Результаты

Корреляционный анализ позволил установить значимые взаимосвязи компонентов метаресурса жизненной успешности с большим количеством показателей личностных ресурсов конструктивной жизни (рис1.)

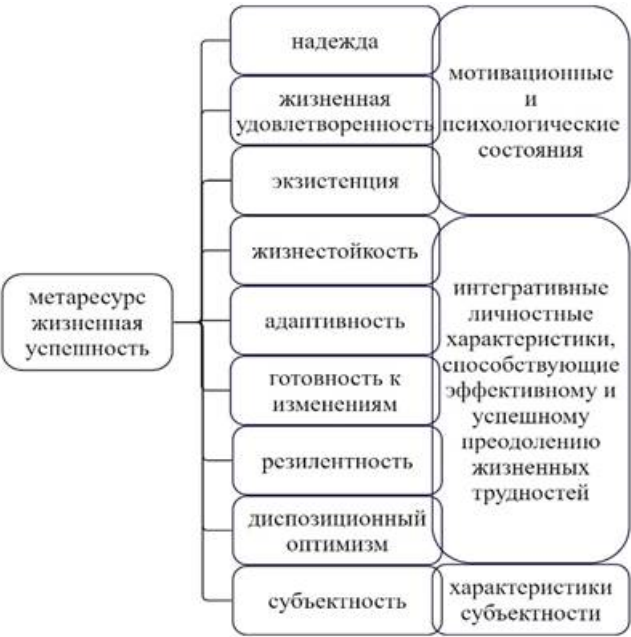

Рис.2. Обобщенная структура связей метаресурса жизненной успешности с личностными ресурсами конструктивной жизни

Подробный анализ позволил описать более дифференцированную картину (табл.1). В таблице представлены только значимые корреляции для удобства восприятия.

Таблица 1

Значимые корреляции компонентов метаресурса жизненной успешности и показателей личностных ресурсов конструктивной жизни

N=892	Шкалы/Компоненты	РТ	РА	РО	ИК	НУ	ЖД	ПП	НП	БП	СУ
146	Энергия	,42	,38	,34	,23	,25	,71			,73	,26
	Планирование	,34	,30	,22		,20	,57			,68	,36
	Надежда	,43	,38	,31	,26	,19	,60			,72	,27
	Интерес к жизни	,38	,39	,32	,20	,30	,21	,35		,35	,32
	Положительная оценка себя	,27	,32	,19	,20	,23	,24			,20	,44
	Общий фон настроения		,17		,25	,27*	,39	,29		,33	,23
	Индекс жизненной уд-ти	,39	,44	,33	,20	,26*	,25	,26		,28	,23
	-	--	--	--	--	--	--	--	--	--	--

91	Person	,23	,56	,38	,22		,25	,48	,50	,26	,52
	Ответственность	,24	,25		,23	,50	,22		,21	,48	,26
	Экзистенциальная наполненность	,53	,47		,48	,47	,47	,24	,47	,44	,26
99	Вовлеченность					,20					
	Контроль					,26					,26
	Принятие риска					,22					,25
	Личностный адапт. потенциал						,21				
	Нервно-психическая устойчивость				,22		,21				
	Коммуникативный потенциал						,23				
96	Страстность	,47	,22		,36	,36	,35		,23	,48	,23
	Уверенность				,36	,23				,22	,23
	Готовность к изменениям	,40	,21							,22	,23
346	Резилентность	,37	,37	,38	,37	,41	,37	,40	,15	,16	,24
	Диспозиционный оптимизм	,44	,45	,41	,42	,44	,40	,46	,17	,23	,20
114	Активность	,36	,44	,42		,19	,14	,21	,45	,36	,21
	Автономность	,38	,22	,38		,24	,35		,39	,21	
	Целостность	,21							,39		
	Опосредованность	,56	,50	,42		,22	,19	,20	,42		,23
	Креативность	,20		,21					,21		,23
	Самоценность	,38	,47	,48		,24	,39	,35	,44		,21

N – количество респондентов, *РТ* – рефлексивно-технологический механизм, *РА* – рефлексивно-аксиологический механизм, *РО* – рефлексивно-онтологический механизм, *ИК* – инструментальные качества, *НУ* – направленность на успех, *ЖД* – жизненная диспозиция, *ПП* – практические переживания, *НП* – нравственные переживания, *БП* – бытийные переживания, *РЦ* – рассогласование ценностей, *СУ* – субъективная оценка жизненной успешности, ($p < 0.05$, $p < 0.01$.)

Выявленные взаимосвязи свидетельствуют о том, что жизненная успешность имеет положительные корреляции со всеми исследуемыми личностными ресурсами конструктивной жизни, что подтверждает значение роли данного метаресурса в организации конструктивной жизни личности.

При этом наибольшее количество значимых корреляций присуще для показателей мотивационных и психологических состояний, а также для показателей субъектности. Интегративные личностные характеристики обнаруживают меньшее количество значимых корреляций.

На фоне общей картины по количеству значимых корреляций выделяются показатели диспозиционного оптимизма и резильентности, а именно, они связаны со всеми компонентами жизненной успешности. Тогда как показатели жизнестойкости и личностного адаптационного потенциала имеют единичные значимые связи с компонентами жизненной успешности.

При этом корреляции обнаружены между общим показателем личностного

адаптационного потенциала, нервно-психической устойчивостью, коммуникативным потенциалом и интегративным качеством жизненной успешности «жизненная диспозиция». Единичные корреляции присутствуют между такими показателями жизнестойкости, как вовлеченность, контроль, принятие риска и интегративным качеством «направленность на успех».

Среди компонентов метаресурса жизненной успешности наименьшее количество значимых корреляций с показателями ресурсов конструктивной жизни обнаружилось у всех видов эмоциональных переживаний, при этом наименьшее количество корреляций присуще практическим и нравственным переживаниям.

Обсуждение

Наибольшее количество взаимосвязей с ресурсами мотивационных и психологических состояний свидетельствует о том, что чем более выражены компоненты метаресурса жизненной успешности, и, соответственно, чем более проявляется ее акцепторная функция, тем более респонденты проявляют надежду в виде положительной мотивации по отношению к жизни и совершаемым действиям, демонстрируют большую энергию при планировании успешных действий. Они в большей степени проявляют интерес к жизни, положительно себя оценивают, зачастую имеют положительный фон настроения и большей степени удовлетворены своей жизнью. Все это подкрепляется состоянием экзистенциальной наполненности, принятием ответственности за свою жизнь и пониманием своего внутреннего мира. Однако стоит отметить, что в исследуемой выборке не было обнаружено значимых взаимосвязей показателей надежды и удовлетворенности жизнью с нравственными переживаниями (чувство собственного достоинства, чувство значимости своей деятельности (профессии), гордость, любовь, альтруистические чувства, чувство патриотизма, долга). Это может сигнализировать о недостаточной встроенности данного компонента в фон положительных мотивационных состояний и, возможно, неполном использовании ресурсных возможностей нравственных переживаний, которые могут восприниматься скорее как неудобные и неприятные. Отметим также, что практические переживания, которые связаны с процессом деятельности (удовлетворенность и увлеченность процессом, удовлетворенность результатом, восторг, радость, бодрость и т.п.), также не имеют значимых взаимосвязей с ресурсом надежды, положительной оценкой себя и ответственностью.

Малое количество корреляций компонентов метаресурса жизненной успешности с показателями интегративных личностных характеристик, способствующих эффективному и успешному преодолению жизненных трудностей, в частности, с показателями жизнестойкости и личностного адаптационного потенциала, обозначает проблему взаимосвязи данных ресурсов со способностями рефлексировать собственные цели, ценности и смыслы, оценивать и корректировать выработанную программу действий на предмет ее аутентичности, продуктивно переживать трудные ситуации.

При этом все-таки жизнестойкость положительно связана с такими качествами жизненной успешности, как оптимальная склонность к риску, лидерские качества, умение работать в команде, социальный интерес, потребность в саморазвитии, увлеченность деятельностью, уверенность в себе. Также респонденты, в большей степени проявляющие оптимистичность, реалистичность, принципиальность, внутреннюю свободу, активную позицию, ответственность и т.п., будут более адаптивными, психически устойчивыми и способными организовать продуктивную коммуникацию с окружением.

Взаимосвязи показателей готовности к изменениям и компонентов жизненной успешности демонстрируют то, что у респондентов с наиболее выраженными рефлексивными механизмами, интегративными качествами и эмоциональными переживаниями жизненной успешности данная готовность будет выражена в большей степени, изменения они будут воспринимать скорее как возможности для развития.

Устойчивые взаимосвязи резилентности и диспозиционного оптимизма со всеми компонентами жизненной успешности ярко демонстрируют их как ресурсы конструктивной жизни личности. Респонденты с наиболее выраженными компонентами жизненной успешности верят в то, что в их жизни будет больше хороших событий, чем плохих. При этом не просто проявляют устойчивость по отношению к жизненным трудностям, но и умеют быстро восстанавливать после воздействия сильных негативных факторов, стрессов, жизненных перипетий.

Взаимосвязь компонентов жизненной успешности с субъектностью личности, а именно, с рядом субъектных качеств, характеризует респондентов с выраженными компонентами жизненной успешности как наиболее активных, автономных, целостных, опосредованных, креативных, обладающих самооценностью. Субъектность, в данном случае, обеспечивает наиболее многогранное проявление метаресурса жизненной успешности.

Заключение

Результаты эмпирического исследования свидетельствуют о том, что метаресурс жизненной успешности, как сложное многокомпонентное интегративное образование, имеет устойчивые взаимосвязи со многими показателями личностных ресурсов конструктивной жизни в исследуемой выборке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Это позволяет обоснованно предположить то, что системе ресурсов респондентов есть определенные «ядерные» связи, которые участвуют в организации конструктивной жизни, при этом, метаресурсы могут играть ключевую роль их объединения.

Взаимосвязь жизненной успешности с ресурсами конструктивной жизни личности проявляется в том, что респонденты с наиболее выраженными показателями жизненной успешности обладают большим количеством выраженных ресурсов конструктивной жизни. Они могут корректно предвосхищать результат с учетом опыта и складывающейся ситуации, своего внутреннего состояния, а также умеют сопоставить данный результат с созданным образом, продумать варианты его коррекции и т.п. и при этом остаются энергичными, удовлетворенными жизнью, экзистенциально наполненными, оптимистичными, резилентными, готовыми к изменениям личностями с развитой субъектностью.

На фоне общей картины с большим количеством значимых взаимосвязей показателей личностных ресурсов с компонентами жизненной успешности отмечается их меньшее количество с такими компонентами как эмоциональные переживания, что свидетельствует о недостаточности использования ресурсной функции эмоциональных переживаний, сопутствующих обнаружению, пониманию и проживанию собственной успешности.

Новизна и значимость полученных в представленном исследовании результатов заключается в том, что предложено понимание метаресурса жизненной успешности, основной функцией которого является акцепторная. Обосновано его содержание и структурно-функциональная организация с позиций принципов ресурсного, субъектно-деятельностного и регулятивного подходов. Внесен вклад в понимание акцептора как

психологического феномена и обозначена роль метаресурсов в системе ресурсов личности. Полученные эмпирические результаты открывают путь для дальнейших исследований системы ресурсов конструктивной жизни личности, в частности, требуется более глубокое обоснование ее составляющих.

Ограничения эмпирического исследования, заключающиеся в недостаточной дифференцированности выборки, возможно преодолеть за счет дальнейших серий сравнительных исследований по полу, возрасту, функционалу сотрудников, а также в сравнении с представителями других профессий. Кроме того, в перспективе важно изучить предикторные связи измеряемых показателей, с целью установления тех ресурсов, которые будут приводить в движение данную систему ресурсов, а также дополнительного обоснования статуса жизненной успешности как метаресурса.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные эмпирические результаты позволили обосновать конвергентную валидность авторской методики «Жизненная успешность»; теоретический конструкт метаресурса жизненной успешности был положен в основу тренинга профессиональной и жизненной успешности сотрудников органов внутренних дел, который был успешно апробирован на базе Краснодарского университета МВД России. Полученные эмпирические данные также были учтены при разработке содержательной части данного тренинга.

Библиография

1. Абульханова К. А. Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991. 229 с.
2. Александрова Л. А., Золотарева А. А., Маркова В. И. Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью // Национальный психологический журнал. 2022. № 1. С. 65-75. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>. EDN: MKQKVV
3. Анохин П. К. Принципиальные вопросы общей теории функциональных систем. Принципы системной организации функций. М.: Наука, 1973. 61 с.
4. Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных ситуациях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15. № 1. С. 3-18. EDN: SAFDIZ
5. Бажанова Н. А. Личностная готовность к переменам в контексте исследования феномена "ожидания". Перевод и апробация опросника "Personal change-readiness survey" // Acta eruditorum. Научные доклады и сообщения (Приложение к журналу "Вестник РХГА", Т. 2). СПб.: Изд-во РХГА, 2005. С. 169-178.
6. Бодров В. А. Проблема преодоления стресса. Часть 2. Процессы и ресурсы преодоления стресса // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 115-116.
7. Водопьянова Н. Е. Современные концепции ресурсов субъекта профессиональной деятельности // Вестник СПбГУ. Серия 16: Психология. Педагогика. 2015. № 1. С. 45-54. EDN: TSIRZH
8. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Диагностика диспозиционного оптимизма, валидность и надежность опросника ТДО-П // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 18(1). С. 34-55. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-34-55>. EDN: QDVGRU
9. Гордеева Т. О., Сычев О. А., Осин Е. Н. Разработка русскоязычной версии Теста диспозиционного оптимизма (LOT) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 36-64. EDN: SUFPGP
10. Деева Н. А. Методика "Жизненная успешность": структура и валидизация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 3. С. 494-520.

<https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-3-494-520>. EDN: SBSDJV

11. Дикая Л. Г., Журавлев А. Л., Занковский А. Н. Современное состояние и перспективы исследований адаптации и реализации профессионала в условиях непрерывных социально-экономических изменений // Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда. 2016. Т. 1. № 1. С. 7-48. EDN: XVOZER
12. Дикая Л. Г. Субъектная активность и развитие личности // Методология комплексного человекознания и современная психология / Под ред. А. Л. Журавлева, В. А. Кольцовой. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2008. С. 176-182. EDN: WFHCCL
13. Елшанский С. П., Ануфриев А. Ф., Камалетдинова З. Ф., Сапарин О. Е., Семенов Д. В. Русскоязычная версия шкалы надежды Ч. Р. Снайдера // Современные научные исследования и инновации. 2014. № 7 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/07/36446> (дата обращения: 02.07.2024). EDN: SNLIIB
14. Конопкин О. А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вестник практической психологии образования. 2012. Т. 9. № 4. С. 97-101.
15. Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути / сост., общ. ред. А. А. Кроника. М.: Прогресс, 1993. 230 с.
16. Леонтьев Д. А., Рассказова Е. И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.
17. Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н. Антиципация в структуре деятельности. Москва: Наука, 1980. 279 с. EDN: TERDUV
18. Майнина И. Н., Васанов А. Ю. Стандартизация методики "Шкала экзистенции" А. Лэнгле, К. Орглер // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 1. С. 87-99. EDN: MANCNT
19. Марков В. Н. Ресурсный подход к психологической диагностике: основные принципы // Вестник РУДН. Серия Психология и педагогика. 2010. № 4. С. 6-10. EDN: NBGLAN
20. Маркова В. И., Александрова Л. А., Золотарева А. А. Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью // Национальный психологический журнал. 2022. № 1 (45). С. 65-75.
<https://doi.org/10.11621/nprj.2022.0106>. EDN: MKQKVW
21. Моросанова В. И. Сознательная саморегуляция как метаресурс для достижения целей и решения проблем человеческой деятельности // Психологический вестник Московского университета. 2021. № 1. С. 4-37. <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>. EDN: PUYXOX
22. Семенова Н. А. Метаресурс жизненной успешности как психологический предиктор профессиональной успешности сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2024. Т. 29. № 1(96). С. 89-101.
<https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-000-000>
23. Семенова Н. А. Жизненная успешность личности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации: концептуальное обоснование и структурно-функциональная организация // Прикладная психология и педагогика. 2024. Т. 9. № 2. С. 64-81.
<https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-2-64-81>. EDN: DCJHNY
24. Толочек В. А. Профессиональная успешность: от способностей к ресурсам (дополняющие парадигмы) // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009. Т. 6. № 3. С. 27-61. EDN: PBGPBV
25. Ульянина О. А. Личностная компетентность специалистов правоохранительной сферы: психотехнологии формирования в образовательных организациях высшего образования. Москва: ООО "Научно-издательский центр ИНФРА-М", 2022. 220 с.
<https://doi.org/10.29039/01884-2>. EDN: FWEIOUS
26. Фромм Э. Душа человека. М.: ООО "Издательство АСТ": ООО "Транзиткнига", 2004. 572 с. EDN: QXIYNZ

27. Хобфолл С. Влияние культуры, окружения и личностных особенностей на стрессовый процесс: развитие теории сохранения ресурсов // Прикладная психология. 2001. № 50 (2). С. 337-421.
28. Шаранов Ю. А., Устюжанин В. Н. Ситуации неопределенности и слабоструктурированные проблемы как системные атрибуты правоохранительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 223-229. EDN: YRQEXJ
29. Щукина А. М. Психология саморазвития личности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2015. 520 с.
30. Bokhan T. G., Galazhinsky E. V., Leontiev D. A., Rasskazova E. I., Terekhina O. V., Ulyanich A. L., Shabalovskaya M. V., Bogomaz S. A., Vidyakina T. A. Covid-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No 18 (2). pp. 259-275. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-259-275>. EDN: OVUHJX
31. Carver C. S., Scheier M. F. Optimism. Handbook of Positive psychology. Oxford University Press, 2002. 829 p.
32. Cascio J. A educação em um mundo cada vez mais caótico // Boletim Técnico do Senac. 2021. No 47 (1). pp. 101-105.
33. Peterson C., Steen T. A. Optimistic explanatory style // В книге: Handbook of positive psychology. Oxford University Press, 2002. pp. 244-256. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195187243.013.0029>
34. Scheier M. F., Carver C. S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies // Health Psychology: Official Journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association. 1985. No 4(3). pp. 219-247.
35. Seligman M. E., Abramson L. Y., Semmel A., von Baeyer C. Depressive attributional style // Journal of Abnormal Psychology. 1979. No 88 (3). pp. 242-247. <https://doi.org/10.1037/0021-843X.88.3.242>
36. Snyder C. R., Harris C., Anderson J. R., Holleran S. A., Irving L. M., Sigmon S. T., et al. The will and the ways: Development and validation of an individual-differences measure of hope // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. No 60. pp. 570-585. EDN: HIUNFL
37. Werner E. E., Smith R. S. Vulnerable but invincible. New York: McGraw-Hill, 1982. 229 p.
38. Windle G., Bennett K. M., Noyes J. A methodological review of resilience measurement scales // Health and Quality of Life Outcomes. 2011. No 9: 8. <https://doi.org/10.1186/1477-7525-9-8> URL: <https://hql.o.biomedcentral.com/articles/10.1186/1477-7525-9-8> (дата обращения: 02.06.2024). EDN: WHWXSR

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является сущность метаресурса жизненной успешности и его взаимосвязь с личностными ресурсами конструктивной жизни у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы дескриптивный метод, метод категоризации, метод анализа, метод моделирования, опросный метод, а также, как отмечается в статье, были применены методики: ««Шкала надежды» Ч.Р. Снайдер (Adult Hope Scale (AHS) (адаптированная коллективом кафедры общей и практической психологии МГГУ им. М.А. Шолохова)»; «Тест «Индекс жизненной удовлетворенности (Life Satisfaction Index A, LSIA)» (Bernice L.

Neugarten)»; ««Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер (Langle-Orgler Existence Scale) в адаптации И. Н. Майниной, А. Ю. Васанова»; ««Тест жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.И. Рассказовой)»; ««Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность», (А.Г. Маклаков и С.В. Чермянин)»; «Опросник готовности личности к изменениям PCRS (Personal change readiness survey)» (Родник, Хезер, Голд, Хал в адаптации Н.А. Бажановой и Г.Л. Бардиер) (Бажанова)»; ««Краткая шкала резилентности (Brief Resilience Scale, BRS)» (Windle, G., Bennett, K.M. & Noyes, J. в адаптации В.И. Марковой, Л.А. Александровой, А.А. Золотаревой)»; «Тест диспозиционного оптимизма (ТДО-П) LOT-R М (Шейер, Ч. Карвер и М. Бриджес в адаптации Т.О. Гордеевой, О.А. Сычева, Е.Н. Осина)»; «методика «Уровень развития субъектности личности» М.А. Щукиной»; «авторская методика «Жизненная успешность»», методы описательной статистики, критерий Пирсона.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, поскольку система органов внутренних дел Российской Федерации претерпела ряд серьезных реформ, а в настоящее время также испытывает различные изменения. Эти факторы оказывают существенное влияние на сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, которые имеют значительные разноплановые ресурсные нагрузки при выполнении служебных профессиональных задач, а все это в комплексе может приводить к различным негативным последствиям как для самих сотрудников, так и для системы органов внутренних дел Российской Федерации в целом. Особое значение в этой ситуации имеют особенности личностных ресурсов сотрудников и их жизненная успешность. В этом контексте изучение сущности метаресурса жизненной успешности и его взаимосвязи с личностными ресурсами конструктивной жизни у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации представляет научный интерес в сообществе ученых и, безусловно, практический интерес в профессиональном сообществе.

Научная новизна исследования заключается проведении по авторской методике исследования, направленного на изучение сущности метаресурса жизненной успешности и его взаимосвязи с личностными ресурсами конструктивной жизни у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, а также «обнаружение и обоснование взаимосвязей компонентов жизненной успешности с показателями ресурсов конструктивной жизни личности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации». В исследовании приняли участие 892 респондента.

Статья написана языком научного стиля с применением в тексте исследования изложения различных позиций ученых к изучаемой проблеме и научной терминологии и дефиниций, характеризующих предмет исследования, а также наглядной демонстрацией и анализом результатов исследования.

Структура статьи, в целом выдержана с учетом основных требований, предъявляемых к написанию научных статей. В структуре данного исследования представлены такие элементы как вводная часть с обзором литературы, материалы и методы, результаты, обсуждение, заключение и библиография.

Содержание статьи отражает ее структуру. В частности, особую ценность представляет выявленная и отмеченная в представленной статье тенденции, что «наибольшее количество взаимосвязей с ресурсами мотивационных и психологических состояний свидетельствует о том, что чем более выражены компоненты метаресурса жизненной успешности, и, соответственно, чем более проявляется ее акцепторная функция, тем более респонденты проявляют надежду в виде положительной мотивации по отношению к жизни и совершаемым действиям, демонстрируют большую энергию при планировании успешных действий. Они в большей степени проявляют интерес к жизни, положительно себя оценивают, зачастую имеют положительный фон настроения и большей степени удовлетворены своей жизнью. Все это подкрепляется состоянием экзистенциальной

наполненности, принятием ответственности за свою жизнь и пониманием своего внутреннего мира».

Библиография содержит 38 источников, включающих в себя отечественные и зарубежные периодические и неперіодические издания.

В статье приводится анализ исследований ученых по вопросам, описывающим сущность метаресурса жизненной успешности, а также особенности личностных ресурсов конструктивной жизни, в том числе у сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. В статье содержится апелляция к различным научным трудам и источникам, посвященных этой тематике, которая входит в круг научных интересов исследователей, занимающихся указанной проблематикой.

В представленном исследовании содержатся выводы, представленные в заключении, касающийся предметной области исследования. В частности, отмечается, «что метаресурс жизненной успешности, как сложное многокомпонентное интегративное образование, имеет устойчивые взаимосвязи со многими показателями личностных ресурсов конструктивной жизни в исследуемой выборке сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Это позволяет обоснованно предположить то, что системе ресурсов респондентов есть определенные «ядерные» связи, которые участвуют в организации конструктивной жизни, при этом, метаресурсы могут играть ключевую роль их объединения. Взаимосвязь жизненной успешности с ресурсами конструктивной жизни личности проявляется в том, что респонденты с наиболее выраженными показателями жизненной успешности обладают большим количеством выраженных ресурсов конструктивной жизни. Они могут корректно предвосхищать результат с учетом опыта и складывающейся ситуации, своего внутреннего состояния, а также умеют сопоставить данный результат с созданным образом, продумать варианты его коррекции и т.п. и при этом остаются энергичными, удовлетворенными жизнью, экзистенциально наполненными, оптимистичными, резилентными, готовыми к изменениям личностями с развитой субъектностью».

Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, психологами, психотерапевтами, сотрудниками кадровых служб и психологических подразделений органов внутренних дел Российской Федерации, консультантами, аналитиками и экспертами.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что при оформлении рисунков и таблицы необходимо обратить внимание на требования действующего ГОСТа, оформить их в соответствии с этими требованиями. В наименовании рисунка 1 допущена незначительная техническая ошибка в виде отсутствия пробела между словами («...функцииметаресурса...»). При оформлении таблицы, в качестве рекомендации, возможно, стоило бы избегать сокращений слов, например, таких, как «Индекс жизненной уд-ти», «Личностный адапт. потенциал». Указанные недостатки не снижают научную и практическую значимость самого исследования, а скорее, относятся к особенностям оформления текста статьи. С учетом незначительности указанных замечаний и после их устранения, несомненно, рукопись рекомендуется опубликовать.

Психология и Психотехника

Правильная ссылка на статью:

Рубцова Н.Е., Леньков С.Л. Психотехники диагностики профессиональных типов в условиях цифровизации //

Психология и Психотехника. 2025. № 2. DOI: 10.7256/2454-0722.2025.2.74050 EDN: DEAFVO URL:

https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74050

Психотехники диагностики профессиональных типов в условиях цифровизации

Рубцова Надежда Евгеньевна

ORCID: 0000-0002-1323-4741

доктор психологических наук

профессор кафедры общей психологии и психологии труда Российского нового университета (г. Москва)

105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, 22

✉ hope432810@yandex.ru

Леньков Сергей Леонидович

ORCID: 0000-0001-6934-3229

доктор психологических наук

Главный аналитик отдела координации научных исследований и подготовки кадров высшей квалификации; ФГБУ «Российская академия образования»

119121, Россия, г. Москва, р-н Хамовники, ул. Погодинская, д. 8

✉ new_psy@mail.ru

[Статья из рубрики "Психотехника"](#)

DOI:

10.7256/2454-0722.2025.2.74050

EDN:

DEAFVO

Дата направления статьи в редакцию:

10-04-2025

Аннотация: Современные профессиональные реалии, в которых нейросети генерируют код, а VR-терапевты корректируют психические состояния, ставят под сомнение адекватность традиционных классификаций профессий. В данном контексте предметом исследования выступает разработка психотехник диагностики профессиональных

психотипов, учитывающих цифровизацию всех сфер труда. Основная научная задача заключается в модернизации авторской психологической типологии профессий путем введения параметра цифровой интеграции и создания соответствующих диагностических инструментов. Исходим из предположения, что такой подход не только сохранит базовые принципы классификации, но и позволит отразить новые гибридные формы профессиональной деятельности, возникающие на стыке цифровых и традиционных компетенций, что в конечном итоге обеспечит релевантную оценку профессиональных характеристик в условиях современной цифровой среды. Методология исследования органично сочетает классические подходы психологии труда с современными цифровыми концепциями. Междисциплинарный синтез объединил достижения когнитивной психологии, нейронауки, антропологии цифрового труда. Последовательно реализован методологический принцип исследования – диалектическое сочетание преемственности и изменчивости в эволюции профессиональных психотипов. Сохранена базовая структура авторской психологической типологии (21 психотип) с добавлением цифрового параметра. Научная новизна заключается в создании и валидации авторских диагностических инструментов – модифицированного опросника профессиональной направленности и новой методики оценки цифровой вовлеченности. Проведенная на репрезентативной выборке (903 респондента) психометрическая проверка, включавшая конфирматорный факторный анализ, подтвердила высокую надежность и валидность методик. Особым вкладом стало обоснование параметра цифровой интеграции, который позволил выявить различные типы профессиональной адаптации к цифровой среде и зафиксировать новые гибридные формы профессиональной деятельности (аудиторы этики ИИ, медиаторы киберконфликтов), сохраняющие ядро традиционных метатипов при обновлении содержания деятельности. Сохраняя связь с традиционными профессиональными типами, они демонстрируют новое содержание деятельности, отражающее современные требования цифровой экономики. Практическая значимость исследования проявляется в создании эффективного диагностического инструментария, позволяющего оценивать уровень цифровой готовности специалистов, прогнозировать возможные кризисы профессиональной идентичности и разрабатывать персонализированные программы развития. Применение разработанных методик в организационной практике открывает новые возможности для кадровой работы, включая оценку цифровых компетенций, проектирование индивидуальных траекторий профессионального роста, оптимизацию процессов подбора персонала и профилактику профессиональной дезадаптации в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова:

психотехники, цифровизация, профессиональные психологические типы, трансформация труда, интегративно-типологический подход, цифровая интеграция, диагностика, психометрика, профессиональные гибриды, метакогнитивные механизмы

Современные изменения профессиональной деятельности под влиянием цифровых технологий ставят вопрос о необходимости пересмотра традиционных психологических классификаций. Особую актуальность приобретает не только теоретическая модернизация существующих моделей, но и создание практического диагностического инструментария – специализированных психотехник, оценивающих степень адаптации специалистов к новым условиям работы.

Теоретико-методологическая база исследования сочетает классические принципы авторского интегративно-типологического подхода [15] с актуальными концепциями цифровой эволюции [5; 8], создавая основу для разработки новых диагностических методик. Такой синтез обеспечивает преемственность научных знаний при адаптации профессиональной классификации к требованиям цифровой эпохи.

Профессиональная сфера претерпевает значительные изменения в цифровой среде, где метакогнитивные механизмы играют ключевую роль, что подтверждает необходимость обновления психологической типологии [5]. Данные процессы нашли отражение в более ранних работах по субъектно-информационному подходу [7-8], остающемуся значимым для современных исследований. Концепция информационной субъектности, в частности, обосновывает возможность сохранения базовой структуры типологии при включении нового цифрового критерия.

Исследования последних лет демонстрируют системное влияние цифровизации на профессиональную деятельность. А.В. Карпов с коллегами выявили нейрокогнитивные изменения профессионального мышления, требующие учета в диагностических инструментах [21]. О.А. Чеботарева показала необходимость адаптации образовательных методик к новым когнитивным паттернам, что согласуется с предлагаемой модернизацией типологии [22].

Центральным методологическим принципом исследования выступает диалектическое сочетание преемственности и изменчивости в эволюции профессиональных типов. Данный подход проявляется в бережном сохранении исходной трехмерной структуры профессиональных метатипов, включающей 21 психологический тип. Авторская система группировки этих типов реализуется через три взаимодополняющих аспекта анализа: управленческую позицию субъекта труда, уровни регуляции деятельности и характер предметной среды труда [15].

Важно отметить, что структурная целостность профессиональной деятельности сохраняется благодаря устойчивости базовых механизмов интеграции. Эти механизмы проявляются как на уровне индивидуального субъекта труда, так и в деятельности метасубъекта (коллективного профессионального сообщества), образуя единую систему психологических типов профессиональной деятельности. В частности, речь идет о функциональной интеграции, обеспечивающей согласование целей и средств деятельности; регулятивной интеграции, отвечающей за управление процессами деятельности; процессуальной интеграции, реализующей операциональное воплощение деятельности. Эти интегративные механизмы, сохраняя свою фундаментальную значимость, одновременно адаптируются к новым условиям цифровой трансформации, демонстрируя тем самым диалектическое единство устойчивости и изменчивости профессиональных систем.

Исследование направлено на развитие авторской психологической типологии профессий путем введения нового параметра – цифровой интеграции, отражающего характер взаимодействия специалиста с современными технологиями. Особое внимание уделяется разработке валидных психотехник, позволяющих оценивать профессиональные компетенции в условиях цифровой трансформации. Особый научный интерес представляет изучение инвариантных характеристик психологической структуры профессиональной деятельности, которые сохраняют свою устойчивость при изменении содержания труда под влиянием цифровизации. Такой подход позволяет выделить психологические закономерности профессиональной деятельности, актуальные как в

традиционных, так и в цифровых условиях труда.

Теоретическая база исследования включает междисциплинарный анализ, раскрывающий системный характер цифровой трансформации профессиональной сферы [\[25\]](#). М.В. Шугуров подтверждает необходимость модернизации традиционных моделей, что соответствует предлагаемому расширению типологии за счет параметра цифровой интеграции. Особое значение имеет выявленная динамика формирования новых когнитивных паттернов профессиональной деятельности в цифровой среде.

Исследования Н.Н. Гавриленко дополняют эту картину, выявляя когнитивные риски цифровизации, включая изменения глубины переработки информации и трансформацию мыслительных стратегий [\[2\]](#). Полученные данные подчеркивают важность учета нейropsychологических аспектов при разработке профессиональных типологий, что подтверждает необходимость введения параметра цифровой интеграции и создания соответствующих диагностических инструментов. Эти выводы отражают качественные изменения психологической структуры профессиональной деятельности в условиях интенсивной цифровизации. На когнитивном уровне это проявляется в формировании новых схем профессионального мышления, опосредованных цифровыми интерфейсами, и специфических способах переработки информации в условиях когнитивной перегрузки.

На регулятивном уровне наблюдаются существенные изменения в механизмах профессиональной саморегуляции, где традиционные формы контроля дополняются алгоритмизированными системами поддержки принятия решений.

Важной проблемой становится трансформация профессиональной идентичности личности в условиях цифро-аналоговой гибридности. Параллельно происходит перестройка мотивационной сферы, где внутренняя профессиональная мотивация начинает взаимодействовать с внешними стимулами цифровых сред. На операционном уровне цифровая интеграция приводит к возникновению новых психомоторных паттернов и когнитивных автоматизмов, специфичных для работы с цифровыми интерфейсами.

Концептуальный подход, укорененный в принципе единства сознания и деятельности, открывает новые направления для понимания механизмов профессиообразования в цифровую эпоху и позволяет анализировать интериоризацию цифровых инструментов, диагностировать текущее состояние профессионального развития, прогнозировать будущие изменения компетенций, разрабатывать адресные программы адаптации и создавать практико-ориентированные модели цифрового обучения. Особую ценность представляет возможность выявления зон ближайшего профессионального развития в условиях технологических изменений, что делает данный подход актуальным для современной организационной психологии и психологии профессионального образования.

Традиционная модель профессиональных психотипов не утрачивает своей значимости, но претерпевает качественную трансформацию через механизмы цифровой интеграции, формируя обновленную интегративно-типологическую классификацию профессий. Концепция «четвертой промышленной революции» [\[24\]](#) раскрывает системную природу этих изменений, демонстрируя сближение физических, цифровых и биологических аспектов профессиональной деятельности. Наши исследования подтверждают соответствие данных процессов структурным изменениям в системе профессиональных метатипов.

Как показывают исследования, наряду с возникновением высокотехнологичных

профессий наблюдается парадоксальный феномен «бесмысленного труда» – формальной занятости, не создающей ощутимой социальной ценности [3]. Этот дуализм цифровой трансформации требует обновления диагностического инструментария. Разрабатываемый параметр цифровой интеграции призван обеспечить многомерную оценку, включающую: уровень технологической компетентности, содержательную наполненность профессиональной деятельности, ее мотивационную вовлеченность, вклад в профессиональное сообщество.

Особую научную ценность приобретает обогащение психологической типологии актуальными примерами из цифровой практики, что убедительно иллюстрирует адаптацию классических метатипов к новым технологическим реалиям. Подобный анализ позволяет выявить как устойчивые элементы профессиональной структуры, так и принципиально новые формы трудовой активности, характерные для цифровой эпохи. Формирование новых профессиональных ролей, таких как специалисты по нейроинтерфейсам или дизайнеры эмоционального искусственного интеллекта, подтверждает сохранение структурного ядра типологии при одновременном расширении ее содержательного наполнения за счет цифрового компонента. При этом важно учитывать, что цифровая трансформация профессиональной деятельности носит диалектический характер, сочетая инновационные формы труда с традиционными психологическими механизмами профессиональной адаптации. Психологически значимые изменения деятельности – в сфере управления, где появляются новые профессиональные роли, позиции, отражающие вызовы цифровой эпохи. Директор по цифровой этике отвечает за соответствие технологических решений нормам и законодательным требованиям. Руководитель отдела цифровой трансформации координирует внедрение инновационных решений в бизнес-процессы, тогда как специалист по управлению распределенными командами обеспечивает эффективную работу географически разрозненных коллективов. Особое место занимают менеджер по цифровым экосистемам, разрабатывающий стратегии взаимодействия в цифровой среде, и координатор гибридных рабочих пространств, создающий оптимальные условия для совмещения офлайн- и онлайн-форматов работы.

Исполнительские функции также претерпевают значительную эволюцию, трансформируясь в технологичные профессии. Оператор промышленных роботов управляет автоматизированными системами, в то время как специалист по обслуживанию нейросетевых систем обеспечивает их бесперебойную работу. Модератор автоматизированных линий следит за технологическими процессами, а техник интернета медицинских устройств обслуживает диагностические комплексы. Отдельную позицию занимает инженер по калибровке сенсорных систем, где требуется понимание принципов взаимодействия оборудования и программных компонентов.

Наиболее интересные изменения происходят в сфере автономной деятельности, где появляются новые форматы профессиональной реализации. Создатель генеративного контента разрабатывает уникальные медиаматериалы с помощью систем ИИ, а независимый разработчик алгоритмов машинного обучения предлагает уникальные решения для различных отраслей. Фриланс-архитектор виртуальных пространств проектирует цифровые среды для бизнеса и развлечений, тогда как цифровой куратор персональных данных помогает пользователям защитить свою информационную безопасность. Завершает эту профессиональную иерархию специалист по проектированию нейроинтерфейсов, чья деятельность реализуется в пространстве когнитивно-технологического взаимодействия, где происходит глубинная трансформация субъект-объектных отношений в системе «человек-машина». Эти примеры показывают,

как цифровые технологии изменяют профессиональные роли, создавая новые возможности для самореализации, формирования новых форм психологической реальности, расширяя границы человеческого познания.

В когнитивно-аналитическом типе появляются такие востребованные специалисты, как аналитики предиктивного моделирования поведения, способные прогнозировать человеческие действия на основе больших данных. Наибольшую востребованность демонстрируют специалисты по интерпретации мультимодальных данных нейросетей, которые расшифровывают сложные алгоритмические решения. Не менее важны аудиторы этики алгоритмов ИИ, обеспечивающие соответствие ИИ этическим нормам, а также консультанты по когнитивной автоматизации процессов, оптимизирующие взаимодействие человека и машин.

Современная цифровая трансформация существенно обогащает социально-коммуникативный профессиональный тип новыми специализациями, требующими уникального сочетания традиционных навыков и цифровых компетенций. В частности, VR-терапевты применяют технологии виртуальной реальности для психологической реабилитации, создавая иммерсивные терапевтические среды. Тьюторы адаптивного обучения разрабатывают индивидуальные образовательные маршруты, интегрируя возможности физического и цифрового пространств. Цифровые антропологи исследуют закономерности социального поведения в виртуальных сообществах, а медиаторы киберконфликтов разрабатывают методики разрешения споров в цифровой среде. Особую роль играют дизайнеры социальных взаимодействий, которые проектируют интуитивно понятные и психологически комфортные коммуникативные пространства в метавселенных.

Как отмечает К. Шваб, эти изменения отражают формирование новых гибридных форм профессиональной деятельности, где традиционные социальные навыки органично сочетаются с цифровыми технологиями [\[24\]](#). Наши исследования подтверждают, что подобная трансформация особенно ярко проявляется в социально-коммуникативном метатипе, где возникающие профессии требуют развитых когнитивно-эмоциональных компетенций, способности к эмпатии в цифровой среде и навыков проектирования социальных взаимодействий в виртуальном пространстве. Данная тенденция свидетельствует о сохранении базовых психологических механизмов коммуникации при существенном изменении инструментария и среды профессиональной реализации.

Технико-исполнительный тип переживает не менее значительные изменения благодаря появлению инженеров квантовых криптографических систем, обеспечивающих новый уровень защиты информации. Разработчики нейроморфных процессоров создают решения, имитирующие работу человеческого мозга, а специалисты по киберфизической безопасности защищают стратегически важные системы от цифровых угроз. Технологии распределенных сетей «Интернет вещей» оптимизируют взаимодействие умных устройств, тогда как интеграторы бионических интерфейсов работают на стыке человеческого организма и компьютерных систем.

Наиболее значительные изменения наблюдаются в творческо-преобразующем типе, где дизайнеры эмоционального ИИ наделяют машины способностью распознавать и выражать чувства. Сценаристы нелинейных нарративов создают разветвленные сюжетные линии для взаимодействия с нейросетями, а кураторы цифровых двойников сохраняют культурные объекты в новом формате. Арт-директор генеративного дизайна использует алгоритмы для создания уникальных визуальных решений, а специалисты по сохранению цифрового наследия в системе распределенного психологического

контракта обеспечивают сохранность культурных ценностей. Эти профессии формируют новые стандарты профессиональной деятельности в цифровую эпоху, требуя от специалистов уникального сочетания технических и гуманитарных компетенций.

Метатипы регулятивной интеграции также претерпевают изменения на всех уровнях профессиональной деятельности. На оперативном уровне специалисты работают с графическими редакторами и системами управления психологией клиентских отношений. Появляются такие востребованные профессии, как операторы дронов для мониторинга объектов, специалисты по 3D-сканированию в реальном времени, а также эксперты по работе с чат-ботами и голосовыми помощниками. Особое значение приобретают модераторы контента в социальных сетях, которые должны не только быстро обрабатывать большие объемы информации, но и принимать решения в соответствии с цифровыми регламентами.

Тактический уровень профессиональной деятельности обогащается новыми специализациями, требующими глубокого понимания цифровых технологий. В эту категорию входят интеграторы умных систем, которые настраивают взаимодействие между промышленными роботами и системами ИИ. Не менее важны специалисты по киберфизическим системам, обеспечивающие безопасное взаимодействие между цифровыми и физическими компонентами производств. Отдельную группу составляют архитекторы цифровых моделей, создающие виртуальные аналоги реальных объектов для оптимизации их эксплуатации, а также координаторы распределенных команд, разрабатывающие алгоритмы эффективного управления удаленными сотрудниками.

На стратегическом уровне изменение профессиональных ролей становится особенно заметной. Здесь появляются такие ключевые позиции, как директора по цифровой трансформации, разрабатывающие комплексные дорожные карты перехода компаний на новые технологические рельсы. Специалисты по цифровому прогнозированию создают сложные аналитические модели, позволяющие предсказывать развитие отраслей на основе больших данных. Эксперты по регулированию ИИ разрабатывают психосоциальные системы профессионального саморегулирования для использования ИИ в различных сферах. Особое место занимают стратеги по цифровой устойчивости, которые обеспечивают стабильность систем в условиях быстро меняющейся цифровой среды.

Цифровая трансформация провоцирует когнитивную реорганизацию профессиональных ролей на всех уровнях. Исполнителям необходима адаптивная пластичность мышления для быстрого освоения новых технологий. Руководителям тактического звена требуется интегративная способность синтезировать разнородные цифровые решения. Стратегический уровень требует развитой перспективы – умения моделировать долгосрочные эффекты технологических изменений. Это формирует новый тип профессионального сознания с гибридными когнитивными схемами, сочетающими традиционные компетенции с цифровой культурой.

Добавление цифрового параметра сохраняет ядро типологии, усиливая ее диагностическую точность в новых реалиях. Классическая структура, дополненная цифровым измерением, позволяет создать валидный инструментарий для оценки современных профессиональных компетенций. Теоретическая база исследования демонстрирует органичное сочетание классических подходов и современных концепций цифровой трансформации. Работы М.А. Профьева^[13] и Т.Д. Марцинковской^[11] раскрывают диалектику профессионального развития, где сохранение устойчивого ядра типологии сочетается с необходимостью адаптации к цифровым реалиям. Научную

значимость приобретает выявленная взаимосвязь между историко-культурными основаниями профессиональной деятельности и ее современными цифровыми трансформациями. В контексте цифровизации возникают не только новые стратегические позиции, такие как директор по цифровой этике или менеджер цифровых экосистем, но и, используя терминологию Д. Гребера [\[3\]](#), так называемые «профессии-симулякры» – профессиональные роли с неочевидным вкладом в конечный продукт. Примером могут служить координаторы виртуальных платформ, чьи функции часто дублируют другие должности.

Отмеченная тенденция полностью подтверждает выдвинутый К. Швабом тезис о двойственной природе цифровой трансформации, где повышение эффективности сопровождается риском возникновения непродуктивных форм труда [\[24\]](#). В связи с этим при разработке диагностических психотехник особое внимание следует уделять критерию цифровой осмысленности, применяя шкалу вовлеченности в ИИ для оценки вклада профессиональной деятельности в развитие метасубъекта труда.

Современные эмпирические исследования, включая работы М.Г. Селюч и соавторов [\[17\]](#), А.А. Капицы и И.В. Абакумовой [\[4\]](#), убедительно демонстрируют системный характер изменений в профессиональной сфере. Полученные данные свидетельствуют о трансформации: когнитивных процессов профессиональной деятельности, эмоционально-личностных компонентов труда, ценностно-мотивационных основ профессионального становления.

Выделенные изменения требуют переосмысления традиционных типологий при сохранении их методологического ядра. Работы В.А. Мазилова [\[10\]](#) и Е.Е. Михайловой [\[12\]](#) подчеркивают важность философско-методологической рефлексии этих процессов, особенно в контексте формирования цифровой профессиональной идентичности.

Эмпирическая часть исследования естественным образом развивает теоретические положения, переводя их в практическое русло. Особое внимание уделяется созданию валидных психотехник для оценки профессиональных компетенций в цифровой среде. В статье представлены два авторских опросника:

- на выборке N=903 чел. модернизирована версия методики «Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности (ИНЛ-2)», демонстрирующая высокую надежность (α от 0,648 до 0,797 по шкалам), сохранение 7-факторной структуры при адаптации к цифровым условиям, устойчивость психометрических показателей [\[14, с. 162-164\]](#).
- на выборке N=425 чел. разработан новый опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» (ОВСИИ), отличающийся высоким уровнем надежности ($\alpha=0,902$ для общей шкалы), 4-факторной структурой (когнитивный, эмоциональный, поведенческий и ценностный компоненты), хорошей дискриминативной способностью (дисперсия факторов 38-68,7%) [\[9, с. 185-191\]](#).

Описание организации исследования по валидации методик и психометрические характеристики опросников подробно представлены в пособии авторов Н.Е. Рубцовой и С.Л. Ленкова «Психодиагностика в цифровом мире» [\[16, с. 76-148\]](#). Ряд характеристик опросников представлен в таблице 1.

Таблица 1 – Характеристики диагностических опросников

№ п/п	Характеристика опросника	Интегративно- типологическая профессиональная направленность личности (ИНЛ-2)	Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта»
1	Краткое название	ИНЛ-2	ОВСИИ
2	Выборка для психометрической проверки	N=903	N=425
3	Количество пунктов	22	19
4	Количество шкал	7 шкал; общей (суммарной) шкалы нет	4 шкалы + общая (суммарная) шкала
5	Оценочная шкала	5-пунктовая шкала Лайкерта	7-пунктовая шкала Лайкерта
6	Надежность (альфа Кронбаха, α)	$\alpha = 0,732$ для шкалы 1, $\alpha = 0,709$ для шкалы 2, $\alpha = 0,648$ для шкалы 3, $\alpha =$ $0,756$ для шкалы 4, $\alpha = 0,699$ для шкалы 5, $\alpha = 0,797$ для шкалы 6, $\alpha = 0,722$ для шкалы 7	$\alpha = 0,902$ для общей шкалы; $\alpha = 0,935$ для шкалы 1, $\alpha =$ $0,822$ для шкалы 2, $\alpha = 0,812$ для шкалы 3, $\alpha = 0,818$ для шкалы 4
7	% общей дисперсии факторов, выделенных по пунктам	от 54% до 67%	от 38% до 68,7%

Психометрическая проверка включала комплексную оценку: факторной валидности (эксплораторный и конфирматорный анализ), конструктивной валидности (дискриминантной и конвергентной), критериальной валидности (конкурентной и текущей). Полученные данные подтверждают диагностическую ценность разработанного инструментария для оценки профессиональных компетенций в условиях цифровой трансформации [\[16\]](#).

По аналогии с концепцией «бесмысленного труда» Д. Гребера, введение в опросник ОВСИИ параметра цифровой осмысленности (через субъективную оценку значимости цифровых действий) позволяет дифференцировать реальную вовлеченность от формального взаимодействия с интерфейсами. Разработанные психотехники обеспечивают комплексную оценку трех ключевых аспектов профессионального развития в цифровую эпоху: адаптационной гибкости, уровня технологической интеграции и динамики профессионального самоопределения. Этот подход органично сочетает традиции психологической диагностики с современными требованиями к оценке цифровых компетенций.

Эмпирические исследования последних лет подтверждают актуальность предложенного комплексного подхода. Работа В.В. Усольцевой и П.С. Шитовой [\[20\]](#) выявили закономерности трансформации когнитивных и личностных компонентов

профессиональной деятельности, в то время как исследование О.В. Ванновской раскрыло механизмы адаптации к цифровой образовательной среде [\[1\]](#). Важное значение для психологии труда имеет статья А.В. Карпова и соавторов о роли метакогнитивных процессов в профессиональной деятельности информационного типа [\[6\]](#).

Современные исследования обоснованно демонстрируют согласованность полученных результатов. Разработка Г.У. Солдатовой с соавторами шкалы цифровой саморегуляции [\[18\]](#), анализ изменений карьерных траекторий, проведенный В.А. Толочком [\[19\]](#), и выявление Н.А. Шараповым когнитивно-личностных детерминант профессиональной успешности [\[23\]](#) – все эти работы подтверждают необходимость учета параметра цифровой интеграции при модернизации профессиональной типологии. Полученные данные также подчеркивают важность комплексного подхода к оценке цифровых компетенций специалистов.

Системный анализ изменений психотехник в условиях цифровизации позволил разработать новые подходы к оценке профессиональных компетенций. Исследование обосновывает необходимость модернизации традиционных диагностических инструментов через введение параметра цифровой интеграции, что подтверждается высокой надежностью ($\alpha=0,65-0,90$) разработанного комплекса методик, включающего психотехники ИНЛ-2 и «Вовлеченность в сферу ИИ». В терминологии К. Шваба, цифровая трансформация профессий – часть «глобального перехода к экосистемам талантов», что коррелирует с нашими выводами о роли метакогнитивных навыков [\[24\]](#).

Результаты исследования свидетельствуют о становлении новой парадигмы в профессиональной психологии, которая органично сочетает классические теоретические положения с современным пониманием цифровой трансформации трудовой деятельности. Следует выделить разработанный авторами арсенал психотехник, адаптированных к требованиям цифровой эпохи - опросник ИНЛ-2 и методику «Вовлеченность в сферу ИИ».

Полученные данные перекликаются с предупреждением К. Шваба о необходимости гуманизации цифрового перехода, а выявленные изменения профессиональных психотипов (когнитивно-аналитического, творческо-преобразующего и других) отражают как возможности «индустрии 4.0», так и риски, описанные Д. Гребером – подмену содержательной деятельности формальным взаимодействием с интерфейсами.

Перспективным направлением дальнейших исследований станет разработка критериев цифровой осмысленности труда (баланс между продуктивностью и субъективной значимостью деятельности) на основе синтеза интегративно-типологического подхода и критического анализа прекарных и неустойчивых форм занятости.

Выводы исследования находят отражение в решении актуальных практических задач, таких как разработка механизмов адаптации специалистов к цифровой среде, формирование рекомендаций по этике использования ИИ, оценка психического здоровья в гибридных форматах работы.

Современные психотехники, представленные в исследовании, открывают новые возможности для мониторинга профессионального развития в условиях цифровой трансформации, обеспечивая преемственность между традиционными подходами и новыми требованиями цифровой реальности.

Библиография

1. Ванновская О. В. Методологические основы внедрения цифровых технологий в образовательный процесс вуза // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2024. № 2. С. 251-269. DOI 10.35231/18186653_2024_2_251.
2. Гавриленко Н. Н. Когнитивные риски цифровизации процесса подготовки переводчиков // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2024. № 4(56). С. 176-196. DOI 10.24412/2076-913X-2024-456-176-196.
3. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда / пер. с англ. М. : Ад Маргинем Пресс, 2024. 368 с.
4. Капица А. А., Абакумова И. В. Особенности эмпатии и ценностей при восприятии цифровой живописи у лиц разной профессиональной направленности // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/110PSMN324.pdf> (дата обращения: 10.04.2025). EDN: AXWCCV
5. Карпов А. В. Метакогнитивная регуляция информационной деятельности. Ярославль : ООО "Филигрань", 2023. 743 с. EDN: HFYCYP
6. Карпов А. В., Леньков С. Л., Рубцова Н. Е. Метакогнитивная детерминация удовлетворенности работой в профессиях информационного типа // Российский психологический журнал. 2021. Т. 18, № 3. С. 86-103. DOI 10.21702/rpj.2021.3.6. EDN: HDFJWQ
7. Леньков С. Л. Субъектно-информационный подход к психологическим исследованиям. Тверь : Тверской государственный университет, 2001. 128 с. EDN: XBJFHP
8. Леньков С. Л. Психологическая типология профессиональной деятельности информационного характера // Психология и психотехника. 2012. № 4(43). С. 72-83. EDN: QAEDBF
9. Леньков С. Л., Рубцова Н. Е., Низамова Е. С. Опросник "Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта" и его психометрические свойства // Ярославский педагогический вестник. 2025. № 1. С. 179-196.
10. Мазилев В. А., Слепко Ю. Н. Научные традиции в контексте современного историко-психологического познания // Психологический журнал. 2025. Т. 46, № 1. С. 113-118. DOI 10.31857/S0205959225010122. EDN: NASMXU
11. Марцинковская Т. Д. Время в творчестве Л.С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. Т. 47, № 4. С. 256-269. DOI 10.11621/LPJ-24-48. EDN: EHOJAE
12. Михайлова Е. Е. Философия в образовательном пространстве информационного общества // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2014. № 1. С. 83-87. EDN: SNFVLV
13. Профьев М. А. Историко-философские аспекты психологии удаленной работы: субъектность, идентичность и виртуальные взаимодействия // Научный поиск: личность, образование, культура. 2025. № 1(55). С. 90-95. DOI 10.54348/SciS.2025.1.15. EDN: TUFAWM
14. Рубцова Н. Е., Леньков С. Л. Опросник "Интегративно-типологическая профессиональная направленность личности": разработка второй версии // Ярославский педагогический вестник. 2023. № 1(130). С. 158-170. DOI: 10.20323/1813_145X_2023_1_130_158_170. EDN: UNZWTC
15. Рубцова Н. Е. Концепция интегративно-типологического подхода к психологической классификации профессиональной деятельности // Психология и психотехника. 2012. № 2(41). С. 51-60. EDN: QAEEZF
16. Рубцова Н. Е., Леньков С. Л. Психодиагностика в цифровом мире. Тверь : Печатница, 2025. 168 с. EDN: DAQJME
17. Селюч М. Г., Лейфа А. В., Никитина А. А. Особенности профессиональной

- востребованности и толерантности к неопределенности педагога в цифровой образовательной среде // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2025. № 1(62). С. 116-127. EDN: GRAXHH
18. Солдатова Г. У., Чигарькова С. В., Илюхина С. Н. Технологически расширенная личность: разработка и апробация шкалы самоуправления цифровой повседневностью // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. Т. 47, № 2. С. 175-200. DOI 10.11621/LPJ-24-20. EDN: HDXGHE
19. Толочек В. А. Профессиональная карьера: феномен, концепции, "апокрифы" // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2025. Т. 48, № 1. С. 30-54. DOI 10.11621/LPJ-25-02. EDN: WWYYPL
20. Усольцева В. В., Шитова П. С. Показатели адаптации студентов-психологов к цифровой трансформации образования в процессе обучения в вузе // Развитие образования. 2024. Т. 7, № 2. С. 92-98. DOI 10.31483/r-111330. EDN: TOGKBQ
21. Цифровизация как детерминанта трансформаций когнитивной подсистемы психики / А. В. Карпов, Е. В. Карпова, А. В. Чемякина, М. В. Башкин // Перспективы науки и образования. 2024. № 5(71). С. 536-556. DOI 10.32744/pse.2024.5.31. EDN: KQTUOD
22. Чеботарева О. А., Демьянова Ж. В., Умарова Е. В., Морозова М. В. Изменения в методике обучения в связи с особенностями мышления // Перспективы науки. 2024. № 6(177). С. 268-271. EDN: OYDBTI
23. Шарапов Н.А. Успешность карьеры в информационно-ориентированных профессиях // Психолог. 2025. № 1. С. 20-42. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.1.73083 EDN: IQCAZP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73083
24. Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. М. : Эксмо, 2017. 208 с.
25. Шугуров М. В., Мозжилин С. И. Цифровая трансформация науки: междисциплинарный подход // Научно-исследовательские исследования. 2022. № 4. С. 101-129. DOI 10.31249/scis/2022.04.06. EDN: MYOWXP

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Психотехники диагностики профессиональных типов в условиях цифровизации». Работа включает в себя вводную часть с определением актуальности проводимого исследования. Следующий раздел посвящен теоретическому анализу полученных результатов, описанию результатов и обсуждения полученных эмпирических результатов. Заканчивается статья кратким выводом и выделением перспектив изучения.

Предмет исследования. Исследование направлено на развитие авторской психологической типологии профессий путем введения нового параметра – цифровой интеграции, отражающего характер взаимодействия специалиста с современными технологиями. Особое внимание уделяется разработке валидных психотехник, позволяющих оценивать профессиональные компетенции в условиях цифровой трансформации. Особый научный интерес представляет изучение инвариантных характеристик психологической структуры профессиональной деятельности, которые сохраняют свою устойчивость при изменении содержания труда под влиянием цифровизации. Такой подход позволяет выделить психологические закономерности профессиональной деятельности, актуальные как в традиционных, так и в цифровых условиях труда.

Методологическая основа исследования.

Теоретико-методологическая база исследования сочетает классические принципы авторского интегративно-типологического подхода с актуальными концепциями цифровой эволюции, создавая основу для разработки новых диагностических методик. Теоретическая база исследования включает междисциплинарный анализ, раскрывающий системный характер цифровой трансформации профессиональной сферы. Такой синтез обеспечивает преемственность научных знаний при адаптации профессиональной классификации к требованиям цифровой эпохи. Центральным методологическим принципом исследования выступает диалектическое сочетание преемственности и изменчивости в эволюции профессиональных типов.

Актуальность исследования. Автором отмечается, что современные изменения профессиональной деятельности под влиянием цифровых технологий ставят вопрос о необходимости пересмотра традиционных психологических классификаций. Особую актуальность приобретает не только теоретическая модернизация существующих моделей, но и создание практического диагностического инструментария – специализированных психотехник, оценивающих степень адаптации специалистов к новым условиям работы.

Научная новизна исследования. Результаты исследования свидетельствуют о становлении новой парадигмы в профессиональной психологии, которая органично сочетает классические теоретические положения с современным пониманием цифровой трансформации трудовой деятельности. Следует выделить разработанный авторами арсенал психотехник, адаптированных к требованиям цифровой эпохи – опросник ИНЛ-2 и методику «Вовлеченность в сферу ИИ». Полученные данные перекликаются с предупреждением К. Шваба о необходимости гуманизации цифрового перехода, а выявленные изменения профессиональных психотипов (когнитивно-аналитического, творческо-преобразующего и других) отражают как возможности «индустрии 4.0», так и риски, описанные Д. Гребером – подмену содержательной деятельности формальным взаимодействием с интерфейсами.

Выводы исследования находят отражение в решении актуальных практических задач, таких как разработка механизмов адаптации специалистов к цифровой среде, формирование рекомендаций по этике использования ИИ, оценка психического здоровья в гибридных форматах работы. Современные психотехники, представленные в исследовании, открывают новые возможности для мониторинга профессионального развития в условиях цифровой трансформации, обеспечивая преемственность между традиционными подходами и новыми требованиями цифровой реальности.

Стиль, структура, содержание. Стиль изложения соответствует публикациям такого уровня. Язык работы научный. Структура работы прослеживается, несмотря на то, что автором выделены основные смысловые части. Логика в работе имеется. Содержание статьи отвечает требованиям, предъявляемым к работам такого уровня. Объем работы небольшой, но достаточный для того, чтобы раскрыть предмет исследования.

Библиография. Библиография статьи включает в себя 25 отечественных источников, значительное количество которых издано за последние три года. В список включены, в основном, статьи и тезисы, а также монографии и учебные пособия. Источники, в основном, оформлены корректно и однородно.

Апелляция к оппонентам.

Рекомендации: 1). Структурировать статью, выделив введение, основную часть и заключительный раздел. 2). Оформить заключение, в котором представить подробные и аргументированные выводы по результатам проведенного исследования.

Выводы. Проблематика затронутой темы отличается несомненной актуальностью, теоретической и практической ценностью. Статья будет интересна специалистам, которые занимаются проблемами профессиональной деятельности. Вопрос

рассматривается через рассмотрения психотехник диагностики профессиональных типов в условиях цифровизации. Статья может быть рекомендована к опубликованию. Однако важно учесть выделенные рекомендации и внести соответствующие изменения. Это позволит представить в редакцию научно-методическую и научно-исследовательскую работу, отличающуюся научной новизной и практической значимостью.

Англоязычные метаданные

The effect of anticipatory consistency on perceived stress level of women: coping as a mediator**Borovikov Andrei Vladislavovich**

Independent researcher, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, emb. Makarova street, 6

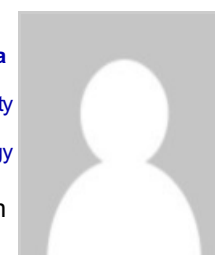
✉ alohaman1999@gmail.com

Limanskaia Alina Eduardovna

Independent researcher, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, emb. Makarova, 6, Faculty of Psychology

✉ allimane15@gmail.com

Abstract. Every day a person experiences tension and perceives various situations as stressful. Stress is known to have an impact on mental and physical health. There is evidence that women experience more distress than men. In this regard, it becomes relevant to study the factors and mechanisms associated with distress in women. Coping strategies and anticipatory consistency can be attributed to such variables. An analysis of the literature revealed a shortage of studies that would examine the relationship between anticipatory well-being, coping behavior, and perceived stress. The aim of the current study is to determine how anticipatory well-being affects perceived stress of women, and whether coping strategies are involved in this relationship. It is assumed that anticipatory consistency is negatively related to perceived stress, and coping strategies mediate the relationship between anticipation and stress. The study involved 305 female respondents. The following psychodiagnostic methods were used: the scale of perceived stress 10, the questionnaire "Strategies of coping behavior", a short version of the test of anticipatory consistency. Statistical methods: correlation analysis, simple mediation analysis, multiple mediation analysis. The result is a model of multiple mediation. Anticipatory well-being of women is negatively related to the level of perceived stress. This relationship is not direct, but is mediated by coping strategies. Coping methods such as "escape-avoidance" and "problem-solving planning" mediate the relationship between anticipatory well-being and the level of perceived stress. The higher the level of anticipatory ability, the higher the probability of using the "problem solving planning" strategy, which reduces the level of perceived stress, and the lower the probability of actualizing the "escape-avoidance" coping strategy, which is associated with increased stress. Anticipatory consistency makes it possible to predict the results of coping behavior even before the actualization of a specific activity, and coping strategies act as specific efforts that affect stress. The main limitations of the current work are also briefly considered.

Keywords: distress, perceived stress, stress, anticipatory consistency, anticipation, coping mechanisms, coping strategies, coping behavior, coping, adaptation

References (transliterated)

1. Ababkov V.A. i dr. Validizatsiya russkoyazychnoi versii oprosnika «Shkala

- vosprinimaemogo stressa-10» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. 2016. № 2. S. 6-15.
2. Abitov I.R. Osobennosti sovladaniya so stressom v norme i pri psichosomaticeskikh i nevroticheskikh rasstroistvakh // Psikhologicheskii zhurnal. 2013. T. 34. № 1. S. 86-96.
 3. Abitov I. R. i dr. Vzaimosvyaz' koping-strategii studentov s nekotorymi osobennostyami lichnosti // Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya: resursy, zdorov'e, razvitie: materialy IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: v 2-kh tomakh, Kostroma, 22-24 sentyabrya 2016 goda / pod. red. T. L. Kryukova, M. V. Saporovskaya, S. A. Khazova. Kostroma, 2016. T. 1. S. 274-276.
 4. Vasserman L.I. i dr. Metodika dlya psikhologicheskoi diagnostiki sovladayushchego povedeniya v stressovykh i problemnykh dlya lichnosti situatsiyakh: posobie dlya vrachei i meditsinskikh psikhologov. SPb.: Psikhonevrologicheskii institut imeni V.M. Bekhtereva, 2008. 35 s.
 5. Erzin A.I., Kovtunenkov A.Yu. Neiropsikhologiya antitsipatsii-1: Monografiya. M.: Akademicheskii proekt, 2020. 207 s.
 6. Lomov B.F. Psikhicheskaya regulyatsiya deyatel'nosti: Izbrannye trudy. M.: Institut psikhologii RAN, 2006. 624 s.
 7. Mendelevich V.D. Antitsipatsionnye mekhanizmy nevrozogeneza. M.: Gorodets, 2018. 448 s.
 8. Starchenkova E.S. Kontseptsiya proaktivnogo sovladayushchego povedeniya // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya. 2009. № 2-1. S. 198-205.
 9. Agafonova E. V., Granitsa A.S., Makaricheva E. V. Development of a short version of the test of anticipatory solvency // Neurology Bulletin. 2023. Vol. 55. No. 3. P. 21-30.
 10. Anbumalar C. et al. Gender differences in perceived stress levels and coping strategies among college students // The International Journal of Indian Psychology. 2017. Vol. 4. No. 4. P. 22-33.
 11. Biggs A., Brough P., Drummond S. Lazarus and Folkman's psychological stress and coping theory // The handbook of stress and health: A guide to research and practice. 2017. P. 349-364.
 12. Cohen S., Kamarck T., Mermelstein R. A global measure of perceived stress // Journal of health and social behavior. 1983. P. 385-396.
 13. Enns A. et al. Perceived stress, coping strategies, and emotional intelligence: A cross-sectional study of university students in helping disciplines // Nurse education today. 2018. Vol. 68. P. 226-231.
 14. Folkman S. et al. Dynamics of a stressful encounter: cognitive appraisal, coping, and encounter outcomes // Journal of personality and social psychology. 1986. Vol. 50. No. 5. P. 992.
 15. Graves B.S. et al. Gender differences in perceived stress and coping among college students // PloS one. 2021. Vol. 16. No. 8. P. e0255634.
 16. Groth N. et al. Coping as a mediator between locus of control, competence beliefs, and mental health: A systematic review and structural equation modelling meta-analysis // Behaviour research and therapy. 2019. Vol. 121. P. 103442.
 17. Kausar R. Perceived stress, academic workloads and use of coping strategies by university students // Journal of behavioural sciences. 2010. Vol. 20. No. 1.
 18. Krohne H.W. Stress and Coping Theories // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001. P. 15163-15170.
 19. Kube T. et al. How the discrepancy between prior expectations and new information

- influences expectation updating in depression—the greater, the better? // *Clinical Psychological Science*. 2022. Vol. 10. No. 3. P. 430-449.
20. Kumanova M.V., Karastoyanov G.S. Perceived stress and coping strategies // *Bulgaria, Pernik*. 2013. P. 5.
 21. Lazarus R.S., Launier R. Stress-related transactions between person and environment // *Perspectives in interactional psychology*. Boston, MA: Springer US, 1978. P. 287-327.
 22. Lazarus R.S., Folkman S. Transactional theory and research on emotions and coping // *European Journal of personality*. 1987. Vol. 1. No. 3. P. 141-169.
 23. Lazarus R.S. Progress on a cognitive-motivational-relational theory of emotion // *American psychologist*. 1991. Vol. 46. No. 8. P. 819.
 24. Matud M.P. Gender differences in stress and coping styles // *Personality and individual differences*. 2004. Vol. 37. No. 7. P. 1401-1415.
 25. Nicholls A.R. et al. The mediating role of coping: A cross-sectional analysis of the relationship between coping self-efficacy and coping effectiveness among athletes // *International Journal of Stress Management*. – 2010. Vol. 17. No. 3. P. 181.
 26. Onieva-Zafra M.D. et al. Anxiety, perceived stress and coping strategies in nursing students: a cross-sectional, correlational, descriptive study // *BMC medical education*. 2020. Vol. 20. P. 1-9.
 27. Pereira-Morales A.J. et al. Personality traits and health-related quality of life: the mediator role of coping strategies and psychological distress // *Annals of general psychiatry*. 2018. Vol. 17. P. 1-9.
 28. Ribeiro I.J.S. et al. Stress and quality of life among university students: A systematic literature review // *Health Professions Education*. 2018. Vol. 4. No. 2. P. 70-77.
 29. Schacter D.L., Benoit R.G., Szpunar K.K. Episodic future thinking: Mechanisms and functions // *Current opinion in behavioral sciences*. 2017. Vol. 17. P. 41-50.
 30. Schneiderman N., Ironson G., Siegel S.D. Stress and health: psychological, behavioral, and biological determinants // *Annu. Rev. Clin. Psychol.* 2005. Vol. 1. No. 1. P. 607-628.
 31. Tindle R., Hemi A., Moustafa A.A. Social support, psychological flexibility and coping mediate the association between COVID-19 related stress exposure and psychological distress // *Scientific Reports*. 2022. Vol. 12. No. 1. P. 8688.
 32. VandenBos G.R. *APA Dictionary of Psychology* // American Psychological Association. – 2007.
 33. Wang S. et al. Stress and the brain: perceived stress mediates the impact of the superior frontal gyrus spontaneous activity on depressive symptoms in late adolescence // *Human brain mapping*. 2019. Vol. 40. No. 17. P. 4982-4993.

Spectral dynamics of electroencephalographic rhythms during verbal learning: analysis of the Rey test stages

Shlyakhov Ivan Sergeevich

Assistant; Department of Psychology; V.A. Almazov National Medical Research Center
Postgraduate student; Faculty of Psychology; Saint Petersburg State University

199225, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, Vadim Shefner str., 14, room 1, building 1

✉ i.shlyakhov@spbu.ru

Gorbunov Ivan Anatol'evich

PhD in Psychology

Senior Lecturer; Faculty of Psychology; Saint Petersburg State University

199178, Russia, St. Petersburg, Vasileostrovsky district, line 8-ya.O., 77

✉ i.a.gorbunov@spbu.ru

Tihonova Kseniya Aleksandrovna

Student; Institute of Medical Education; V.A. Almazov National Medical Research Center

134 Engels Ave., St. Petersburg, 194356, Russia, 3 letters A

✉ ksenia.tih@mail.ru

Abstract. This study is devoted to analyzing changes in the spectral power of primary cortical rhythms (delta: 1–4 Hz; theta: 4–8 Hz; alpha: 8–13 Hz; beta: 13–30 Hz; gamma: 30–50 Hz) in healthy adult participants while performing the Rey Auditory Verbal Learning Test (RAVLT). Particular attention is paid to the topographic distribution and dynamics of these rhythms during the stages of memorizing words from a verbal list, introducing an interfering list, and during immediate and delayed recall of the material. The study aims to identify neurophysiological markers of initial encoding, automation of memorization, mechanisms for overcoming interference, and processes of systemic consolidation of long-term memory. The obtained data are intended to clarify the temporal organization of mnemonic processes and spectral indicators of cognitive load, which may contribute to the development of diagnostic and rehabilitation techniques for assessing and correcting verbal memory. The study involved 60 healthy subjects (ages 18–44) who had no neurological or mental disorders. EEG was recorded using 19 channels (10–20 system) with a "Mizar-202" electroencephalograph. Spectral analysis was conducted using the Welch method, and power was logarithmically transformed. Statistical processing included RM-ANOVA with Holm correction ($\alpha = 0.05$). The study of neurophysiological markers of memory and mechanisms of interference is gaining particular significance in the context of assessing cognitive disorders. The evaluation of electroencephalographic rhythms accompanying the processes of memorization, interference, and recall of information allows for a deeper understanding of the mechanisms of cognitive resource redistribution and an assessment of the role of functional organization of rhythms in implementing mnemonic tasks. The results demonstrate statistically significant differences in the power of EEG rhythms depending on the stage of the RAVLT test. Alpha and beta synchronization are associated with active information processing and voluntary attention, while the reduction of low-frequency rhythms indicates the overcoming of interference. The observed dynamics of rhythms confirm the functional specialization of cortical areas when performing verbal tasks of varying complexity. Experimental data supplement the understanding of the temporal and spatial organization of mnemonic processes and can be utilized for assessing the state of cognitive functions in clinical practice.

Keywords: Cognitive functions, Memory, Interference, Verbal learning, RAVLT, Alpha rhythm, Beta rhythm, Delta rhythm, Spectral analysis, Electroencephalography

References (transliterated)

1. Sozinov A. A., Digovtsov G. V., Limonova O. O. Konsolidatsiya, rekonsolidatsiya pamyati, ugashenie i zabyvanie: obzor literatury // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. 2023. T. 20. № 3. S. 131-156. DOI: 10.21702/rpj.2023.3.7. EDN: ENJUBJ.

2. Miller G. A. The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // *Psychological Review*. 1956. Vol. 63. № 2. P. 81-97.
3. Limonova O. O., Digovtsov G. V. Osobennosti proyavleniya pamyati i ee vliyanie na zhizn' cheloveka // *Prioritetnye nauchnye napravleniya: ot teorii k praktike: sbornik materialov XXXVIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Novosibirsk, 28 aprelya 2017 goda. Novosibirsk: Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva, 2017. S. 88-91. EDN: YOLDQV.
4. Babiloni C., Vecchio F., Mirabella G. et al. Hippocampal, amygdala, and neocortical synchronization of theta rhythms is related to an immediate recall during Rey auditory verbal learning test // *Hum Brain Mapp*. 2009. Vol. 30. № 7. P. 2077-2089.
5. Allakhverdov M. V. Interpretatsiya interferentsionnykh fenomenov i teoriya "ironicheskogo" myshleniya Deniela Vegnera // *Peterburgskii psikhologicheskii zhurnal*. 2015. № 12. S. 16-37. EDN: VAAWBP.
6. Klimesch W. EEG-alpha rhythms and memory processes // *International Journal of Psychophysiology*. 1997. Vol. 26. № 1-3. P. 319-340.
7. Stipacek A., Grabner R. H., Neuper C., Fink A., Neubauer A. C. Sensitivity of human EEG alpha band desynchronization to different working memory components and increasing levels of memory load // *Neuroscience Letters*. 2003. Vol. 353. № 3. P. 193-196.
8. Nyhus E., Curran T. Functional role of gamma and theta oscillations in episodic memory // *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. 2010. Vol. 34. № 7. P. 1023-1035. DOI: 10.1016/j.neubiorev.2009.12.014. EDN: YPZMVS.
9. Johnson E. L., Yin Q., O'Hara N. B. et al. Dissociable oscillatory theta signatures of memory formation in the developing brain // *Curr Biol*. 2022. Vol. 32. № 7. P. 1457-1469.
10. Boonstra T. W., Powell T. Y., Mehrkanoon S., Breakspear M. Effects of mnemonic load on cortical activity during visual working memory: linking ongoing brain activity with evoked responses // *Int J Psychophysiol*. 2013. Vol. 89. № 3. P. 409-418.
11. Staudigl T., Hanslmayr S., Bäuml K. H. Theta oscillations reflect the dynamics of interference in episodic memory retrieval // *J Neurosci*. 2010. Vol. 30. № 34. P. 11356-11362.
12. Rodriguez-Larios J., Haegens S. Genuine beta bursts in human working memory: controlling for the influence of lower-frequency rhythms // *BioRxiv*. 2023.
13. Schmidt R. et al. Beta oscillations in working memory, executive control of movement and thought, and sensorimotor function // *Journal of Neuroscience*. 2019. T. 39. № 42. S. 8231-8238. DOI: 10.1523/JNEUROSCI.1163-19.2019. EDN: ISBHZS.
14. Harmony T. The functional significance of delta oscillations in cognitive processing // *Frontiers in Integrative Neuroscience*. 2013. T. 7. S. 83. DOI: 10.3389/fnint.2013.00083. EDN: SOIHMZ.
15. Alfimova M. V., Golimbet V. E. Primenenie "Testa slukhorechevoi pamyati Reya" u bol'nykh shizofreniei: metodicheskie rekomendatsii. Moskva: GBUZ "PKB № 1 DZM", 2024. S. 29.
16. Vakil E., Blachstein H. Rey Auditory-Verbal Learning Test: structure analysis // *J Clin Psychol*. 1993. Vol. 49. № 6. P. 883-890. EDN: HIJLQX.
17. Rosenberg S. J., Ryan J. J., Prifitera A. Rey Auditory-Verbal Learning Test performance of patients with and without memory impairment // *J Clin Psychol*. 1984. Vol. 40. № 3. P. 785-787.

Attitude towards significant life situations, subjectivity and objectivity, PTSD risk, and sleep quality among representatives of Mariupol and Saint Petersburg

Bogachev Aleksei Mikhailovich

Researcher at the Center for the Prevention of Extremism in Education and Youth Environment, A. I. Herzen Russian State Pedagogical University; Senior Lecturer of the Department of Practical Psychology, Mariupol State Humanitarian University named after A.I. Kuindzhi

197198, Russia, Saint Petersburg, Bolshaya Pushkarskaya str., 6, sq. 20

✉ amb1976@mail.ru

Butenko Tat'yana Aleksandrovna

Senior Lecturer; Department of Tourism; Priazovsky State Technical University
13 Chernomorskaya St., Mariupol, Donetsk People's Republic, 354002, Russia

✉ tat.nazare@mail.ru

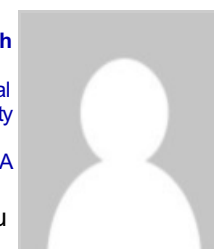

Yaroslavskii Andrei Dmitrievich

Postgraduate student; Department of General and Social Psychology; A. I. Herzen Russian State Pedagogical University

185000, Russia, Rep. Karelia, Petrozavodsk, Kirova str., 8A

✉ KarilainLp@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the attitude towards a significant life situation, subjectivity and objectivity of the individual, the risk of developing post-traumatic stress disorder (PTSD), and sleep quality among representatives of the cities of Mariupol and St. Petersburg. The object of study – students of Mariupol State University named after A.I. Kuindzhi and Herzen University. The aim of the research was to establish possible connections between the subjective attitude towards life activities and the ability to overcome the consequences of psychological trauma ("getting out of the PTSD risk zone"), as well as quality of life, expressed in the quality of sleep and dreams. The study was also aimed at clarifying possible differences on the abovementioned and other criteria between representatives of St. Petersburg and Mariupol and opening up prospects for further research in the relevant area. Within the framework of the research, methods such as surveys, testing, source analysis, mathematical analysis, and interpretation of the obtained data were applied. The scientific novelty of the research lies, firstly, in clarifying the relationships between the risk of PTSD development, quality of life (in the area of sleep and dreams), and the level of subjectivity of the individual (including such characteristics as activity and locus of control). Additional factors of novelty were introduced into the study through a comparative analysis of the results obtained from samples of subjects from Mariupol and St. Petersburg. The conclusions of the study confirm the hypotheses formulated by its authors regarding the existence of a relationship between the risk of PTSD development and the ability of a person to express themselves as a subject of their own life activities, as well as between subjectivity and quality of life, general integration of personality (the marker of which is the ability to use dreams as a "coping strategy"). In particular, the authors draw the following conclusion: a high risk of PTSD is significantly related to the rejection of a significant situation, a refusal of the internal locus of control, and, conversely, acceptance of the external locus of control, nightmares, insomnia, a sense of loss of personal control over the situation when falling

asleep, and a deterioration in overall sleep quality (the corresponding relationships vary from weak to moderately strong). Further research in this area appears to be extremely promising.

Keywords: Personality, Object, Trauma, Development, Dialogue, Relationship, Integration, Dream, Subject, Psychotherapy

References (transliterated)

1. Rotter, Dzh. B. Sotsial'noe obuchenie i klinicheskaya psikhologiya. – N'yu-Iork: Prentis-Kholl, 1954. – 466 s.
2. Adler, A. Individual'naya psikhologiya i razvitie rebenka. – M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2017. – 114 s.
3. Bakhtin, M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. – M.: Iskusstvo, 1986. – 445 s. EDN: VQMUMN.
4. Bogachev, A. M. O nekotorykh aspektakh prakticheskoi raboty so snovideniyami // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2020. – № 1. – S. 54-67. – DOI 10.7256/2454-0722.2020.1.32332. – EDN FXNAMX.
5. Bogachev, A. M., Vysotskaya, Yu. A., Vintonyuk, T. G. Psikhologicheskie osobennosti proyavleniya posttravmaticheskogo stressovogo rasstroistva u mirnogo naseleniya regiona, podvergshegosya lokal'nyim voennym deistviyam (na primere g. Mariupol') // Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya. – 2024. – T. 13, № 3. – S. 216-232. – DOI 10.17759/cpse.2024130311. – EDN KGHZDI.
6. Bogachev, A. M. Psikhologiya snovidenii: obosnovanie i razvitie sinteticheskogo podkhoda // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2024. – № 3. – S. 49-72. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.3.71244. – EDN FOSVFE.
7. Bogachev, A. M., Vyalkova, I. A., Vintonyuk, T. G. Reabilitatsiya lits, perezhivshikh shokovuyu psikhologicheskuyu travmu, metodami glubinnoi ekzistentsial'noi psikhologii // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2023. – № 4. – S. 26-47. – DOI 10.7256/2454-0722.2023.4.43580. – EDN UAMTBL.
8. Bogachev, A. M. Sinteticheskaya kontseptsiya raboty so snovideniyami: aprobatsiya v oblasti psikhologicheskoi psikhoterapii i razvitiya lichnosti // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2024. – № 1. – S. 1-23. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.1.43920. – EDN WMFRTA.
9. Bogachev, A. M., Ermakova, N. G. Faktor rasprostranennosti posttravmaticheskikh stressovykh rasstroistv sredi studentov g. Mariupolya // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2024. – № 2. – S. 1-12. – DOI 10.7256/2454-0722.2024.2.70023. – EDN ZBERQX.
10. Bogachev, A. M., Teplykh, G. I., Kavchuk, P. N. Formirovanie obshcherossiiskoi grazhdanskoi identichnosti na osvobodzhennykh v khode SVO territoriyakh: riski i perspektivy // Psikhologiya i psikhotekhnika. – 2023. – № 3. – S. 44-52. – DOI 10.7256/2454-0722.2023.3.40634. – EDN HPOLBN.
11. Boulbi, D. Sozdanie i razrushenie emotsional'nykh svyazei / V. V. Starovoitova. – 2-e izd. – M.: Akademicheskii Proekt, 2004. – 232 s. EDN: QXILLP.
12. Burlachuk, L. F., Korzhova, E. Yu. Psikhologiya zhiznennykh situatsii. – M.: Rossiiskoe pedagogicheskoe agentstvo, 1998. – 263 s. EDN: RVAYIJ.
13. Vasilyuk, F. E. Perezhivanie i molitva (opyt obshchepsikhologicheskogo issledovaniya). – M.: Smysl, 2005. – 191 s.
14. Vygotskii, L. S. Sbranie sochinenii: V 6-ti t. T. 3 Problemy razvitiya psikhiki / Pod red. A. M. Matyushkin. – M.: Pedagogika, 1983. – 368 s.

15. Vygotskii, L. S. *Sobranie sochinenii: V 6-ti t. T. 6.* – M.: Pedagogika, 1984. – 400 s.
16. Grot, N. Yu. *Ustoi npravstvennoi zhizni i deyatel'nosti.* – Moskva: Kniga po trebovaniyu, 2013. – 30 s.
17. Dol'to, F. *Na storone podrostka.* – Ekaterinburg: Rama Publishing, 2010. – 720 s.
18. Klyain, M. *Psikhoanaliticheskie trudy.* – Izhevsk: ERGO, 2010. – 320 s.
19. Korzhova, E. Yu. *Vvedenie v psikhologiyu zhiznennykh situatsii.* – SPb.: Obshchestvo pamyati igumenii Taisii, 2015. – 326 s. EDN: UQHSAN.
20. Korzhova, E. Yu., Berdnikova, A. V. *Metodika "Otnoshenie k znachimoi zhiznennoi situatsii" // Praktikum po psikhologii zhiznennykh situatsii / Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. A. I. Gertsena.* – Sankt-Peterburg: Firma "Stiks", 2016. – S. 60-73. – EDN VXAKQJ.
21. Kokhut, Kh. *Analiz samosti: sistematicheskii podkhod k lecheniyu nartsissicheskikh narushenii lichnosti / Per. s angl.* – M.: Kogito-Tsentr, 2003. – 308 s.
22. Lakan, Zh. *Funktsiya i pole rechi i yazyka v psikhoanalize / Per. s frants. A. K. Chernoglazova.* – M.: Izd-vo "Gnozis", 1995. – 192 s.
23. Levin, K. *Dinamicheskaya psikhologiya: Izbrannye trudy / Pod obshch. red. D. A. Leont'eva i E. Yu. Patyaevoi; [sost., per. s nem. i angl. yaz. i nauch. red. D. A. Leont'eva, E. Yu. Patyaevoi].* – M.: Smysl, 2001. – 572 s.
24. Leont'ev, A. A. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'.* – M.: Smysl, Akademiya, 2005. – 352 s.
25. Lisina, M. I. *Formirovanie lichnosti rebenka v obshchenii.* – SPb.: Piter, 2009. – 320 s. EDN: QXXJKN.
26. *Lokus kontrolya // Sotsiologiya: Entsiklopediya / Sost. A. A. Gritsanov, V. L. Abushenko, G. M. Evel'kin, G. N. Sokolova, O. V. Tereshchenko.* – Minsk: Knizhnyi Dom, 2003. – 1312 s.
27. Losev, A. F. *Zhizn'.* – SPb.: 1993. – 534 s.
28. Maler, M. *Psikhologicheskoe rozhdenie chelovecheskogo mladentsa: simbioz i individuatsiya / Per. s angl.* – M.: Kogito-Tsentr, 2011. – 413 s. EDN: SDSHCV.
29. Maslov, Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie.* – Akademiya, 2005. – 304 s.
30. Myasishchev, V. N. *Lichnost' i nervozy.* – L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1960. – 426 s.
31. Noimann, E. *Proiskhozhdenie i razvitie soznaniya.* – Refl-buk, Vakler, 1998. – 462 s.
32. Petrovskii, A. V. *Problema razvitiya lichnosti s pozitsii sotsial'noi psikhologii // Voprosy psikhologii.* – 1984. – № 4. – S. 15-20.
33. Petrovskii, V. A. *Deyatel'nostnoe oposredstvovanie mezhlichnostnykh otnoshenii: fenomeny, sushchnost' // Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo.* – 2011. – № 1. – S. 5-11. EDN: OIZZJN.
34. Platonov, K. K. *O sisteme psikhologii.* – Moskva: Mysl', 1972. – 216 s. EDN: VZHEVV.
35. *Praktikum po psikhologii zhiznennykh situatsii / Pod red. E. Yu. Korzhovoi.* – SPb.: ООО "Firma "Stiks", 2016. – 268 s.
36. Prangishvili, A. S. *Issledovaniya po psikhologii ustanovki.* – Tbilisi: Izd-vo Metsniereba, 1967. – 340 s.
37. *Psikhologicheskaya nauka v Rossii XX stoletiya: problemy teorii i istorii / Pod red. A. V. Brushlinskogo.* – M.: Izdatel'stvo "Institut psikhologii RAN", 1997. – 576 s.
38. *Psikhologiya lichnosti v trudakh otechestvennykh psikhologov.* – 2-e izd., ispravl. i dop. – SPb.: Piter, 2009. – 464 s.
39. Stolin, V. V. *Samosoznanie lichnosti.* – M.: Izdatel'stvo Moskovskogo Universiteta,

1983. – 284 s.
40. Ukhtomskii, A. A. Dominanta. – SPb.: Piter, 2002. – 448 s.
41. Freid, Z. Dostoevskii i ottseubiistvo // Khudozhnik i fantazirovanie (sbornik rabot). – M.: Respublika, 1995. – S. 285-294.
42. Freid, Z. Po tu storonu printsipa naslzhdeniya. Ya i Ono. Neudovletvorennost' kul'turoi: per. s nem. – SPb.: Aleteiya, 1998. – 251 s.
43. Freid, Z. Ya i Ono. – Moskva: MPO "METTEM", 1990. – 56 s.
44. Freid, Z., Ryazantsev, S. My i smert'. – SPb.: VEIP, 1994. – 383 s.
45. Khilmann, D. Opus psikhologii: sotvorenie dushi // Zhurnal Prakticheskoi Psikhologii i Psikhoanaliza. – 2005. – № 3. – S. 2-9.
46. Kholmogorova, A. B., Garanyan, N. G., Petrova, G. A. Sotsial'naya podderzhka kak predmet nauchnogo izucheniya i ee narusheniya u bol'nykh s rasstroistvami affektivnogo spektra // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. – 2003. – № 2. – S. 15-25. EDN: RIDNHL.
47. Yung, K. G. Psikhologicheskie tipy. – M.: "Universitetskaya kniga", OOO "Firma "Izdatel'stvo ACT", 1998. – 720 s.
48. Yung, K. G. Arkhetip i simvol. – M.: Izdatel'stvo "Renessans", SP "IVO-SiD", 1991. – 299 s.

Dreams and semiotic schemas as intermediaries between soul and body

Rozin Vadim Markovich

Doctor of Philosophy

Chief Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Mskovskaya oblast', g. Mskow, ul. Goncharnaya, 12 str.1, kab. 310

 rozinvm@gmail.com

Abstract. The author discusses another way of connecting the soul and the body. But first, the author considers the solution of this question in the Ancient World, by Aristotle, Descartes and Z.Freud. Descartes' solution boils down to the assumption that the bodily process (the movement of animal spirits) creates conditions for the mental (passions), while Freud's has a more complex picture: mental (mental) processes create conditions for bodily transformation, and those, in turn, for new mental changes. The author bases his own approach on the assumption that dreams and semiotic schemes act as intermediaries between the soul and the body. To substantiate this assumption, he offers a reconstruction and explanation of two cases (the author's childhood dream and C. Jung's teenage memory). The author shows that all the main processes involved in the construction of dreams are twofold: psychological, i.e. related to the soul, and physiological, related to the body. On the one hand, desire as a program is a semiotic and psychic education in which events to be realized are set through language. On the other hand, a program is a physiological process that creates pressure and tension in the body that requires resolution. The dual nature of programs and other dream processes allows us to consider dreams as intermediaries between the soul and the body. Schematics play a major role in rational thinking. Scheme – This is the construction (invention) of an individual, which makes it possible to resolve a problematic situation, thereby setting a new reality and vision, and opening up the opportunity to act in a new way. At the end of the article, the author problematizes the question of the desire of a psychologist and a physician to get an answer to the question of how the mechanisms that allow the transition from the

soul to the body and back, which determine these transitions, are arranged. In his opinion, this formulation of the question is not entirely correct. Not transitions, but interdependence, the simultaneous action of the soul and body, mediated by dreams and schemas.

Keywords: situation, problems, reconstruction, intermediaries, mentality, conscience, schemes, dreams, body, soul

References (transliterated)

1. Latur B. Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu. Per. s ang. I. Polonskoi. – M., 2014. – 384 s.
2. Mid M. Kul'tura i mir detstva. Izbrannye proizvedeniya. – M.: Nauka, 1988. – 430 s.
3. Nazloyan G.M. Zerkal'nyi dvoynik. Utrata i obretnenie. Psikhoterapiya metodom kul'turnogo portretirovaniya. – M.: Druza: Mosk. in-t maskoterapii, 1994. – 116 s.
4. Porshnev B. O nachale chelovecheskoi istorii. – M.: Nauka, 1974. – 487 s.
5. Rozin V.M. Kak arkhaicheskii chelovek poznaval i osvivaival mir (kul'turno-semioticheskoe ob'yasnenie) // Kul'tura i iskusstvo. – 2023. № 9. – S. 56-68.
6. Rozin V.M. Uchenie o snovideniyakh i psikhicheskikh real'nostei – jedno iz uslovii psikhologicheskoi interpretatsii iskusstva // V.M. Rozin Priroda i genezis evropeiskogo iskusstva (filosofskii i kul'turno-istoricheskii analiz). IFRAN. – M.: Golos, 2011. – S. 350-397.
7. Rozin V.M. Ponyatie i fenomen travmy: biologicheskii, psikhologicheskii i sotsiokul'turnyi aspekty // Elektronnyi filosofskii zhurnal Vox. Vyp. 42. – S. 50-69.
8. Rozin V.M. Istoriya i filosofiya nauki. 2-e izd. – M.: Yurait, 2018. – 414 s.
9. Rozin V.M. Proiskhozhdenie cheloveka, formirovanie znakov, skhem i orudii / V. Rozin Priroda i genezis tekhniki. – M.: De'Libri, 2024. – 390 s.
10. Stepin V.S, Stochik A.M., Zatravkin S.N. Istoriya i filosofiya meditsiny. Nauchnye revolyutsii XVII-XIX vekov. – M.: Akademicheskii proekt, 2017. – 236 s.
11. Teilor E. Pervobytnaya kul'tura. – M.: Sotsekgiz, 1939. – 602 s.
12. Freid Z. Istoriya bolezni freilein Elizabet fon R. // MPZh 1992 N 2.
https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/1992_n1/25834
13. Freid Z. Lektsii po vvedeniyu v psikhoanaliz. M., 1923.
<https://www.litlib.net/bk/54219/read/3>
14. Yung K. Vospominaniya, snovideniya, razmyshleniya. – Kiev, izd. Air Land, 1994. – 408 c.
15. The Psychology of Dreams: Inside the Dream Mind. Published on September 23, 2016.
<https://www.brescia.edu/2016/09/psychology-of-dreams/>

Relationships between personality traits and experience of loneliness

Levchuk Il'ya Aleksandrovich

independent researcher

123290, Russia, Moscow region, Moscow, Shelepikhinskaya embankment, 34k2, kv 1141

✉ levchukeli@gmail.com

Abstract. The aim of the study is to identify the relationships between various aspects of the loneliness and psychological well-being, satisfaction of basic psychological needs, social

intelligence, and levels of hopelessness. The following methods were used: Ryff's Psychological Well-Being Scale (RPWB), Hall's Social Intelligence Test (adapted by G. Rezapkina), the Basic Psychological Needs Satisfaction Scale (BPNSS), Beck's Hopelessness Scale (BHS), and the Loneliness Experience Questionnaire (Manakova). Statistical analysis included correlation analysis. Significant negative correlations were found between the negative, spiritual, and physical aspects of loneliness and components of psychological well-being, basic needs satisfaction, and social intelligence. A positive interpretation of loneliness as a temporary state was positively associated with self-awareness, self-motivation, autonomy, and personal growth. The most pronounced destructive effects were associated with the spiritual interpretation of loneliness and fear of responsibility. This study is the first to conduct a comprehensive analysis of the relationships between different aspects of the loneliness experience and four key psychological parameters: psychological well-being, basic needs satisfaction, social intelligence, and hopelessness. The scientific novelty lies in the empirical confirmation of the differentiated impact that various interpretations of loneliness have on these domains. The findings confirm that it is the interpretation of loneliness—not loneliness itself—that determines its psychological impact. Psychological processing and cognitive reappraisal of loneliness emerge as key mechanisms for preventing maladaptation and supporting mental health. Future research should focus on the development of cognitive intervention programs and preventive strategies aimed at mitigating the negative psychological consequences of loneliness.

Keywords: hopelessness, character strengths, social intelligence, belongingness, competence, autonomy, basic psychological needs, loneliness, psychological well-being, experience of loneliness

References (transliterated)

1. Nguyen T. T., Lee E. E., Daly R. E., Wu T., Tang Y., Tu X., Van Patten R., Jeste D. V., Palmer B. W. Predictors of loneliness by age decade: Study of psychological and environmental factors in 2,843 community-dwelling Americans aged 20-69 years // *Journal of Clinical Psychiatry*. – 2020. – Vol. 81, no. 6. – Article e20m13378. DOI: 10.4088/jcp.20m13378 EDN: KKZZJM
2. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya. WHO launches commission to foster social connection [press-reliz]. – 15 noyabrya 2023 g. – URL: <https://www.who.int/news/item/15-11-2023-who-launches-commission-to-foster-social-connection> (data obrashcheniya: 01.05.2025).
3. Dubrovina I. V. Fenomen psikhologicheskogo blagopoluchiya v kontekste sotsial'noi situatsii razvitiya // *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya*. – 2020. – T. 17, № 3. – S. 9-21. EDN: YHWSRS
4. Soldatova G. V., Shingaev S. M. Sovremennye issledovaniya psikhologicheskogo blagopoluchiya sub"ektiv obrazovaniya // *Psikhologiya cheloveka v obrazovanii*. – 2024. – T. 6, № 3. – S. 288-299. DOI: 10.33910/2686-9527-2024-6-3-288-299 EDN: HVXDGY
5. Deci E. L., Olafsen A. H., Ryan R. M. Self-determination theory in work organizations: The state of a science // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. – 2017. – Vol. 4, No. 1. – P. 19-43.
6. Raian R. M., Desi E. L. Teoriya samodeterminatsii i podderzhka vnutrennei motivatsii, sotsial'noe razvitie i blagopoluchie / nauch. per. R. A. Voronovoi // *Vestnik Altaiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. – 2003. – № 3(1). – S. 91-111.

7. Savenkov A. I. Struktura sotsial'nogo intellekta // *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*. – 2018. – T. 7, № 2. – S. 7-15. DOI: 10.17759/jmfp.2018070201 EDN: OTTFLQ
8. Gart Z. Kak sotsial'nyi intellekt vliyaet na kachestvo zhizni i kak razvit' ego u rebenka // *Roditel'skii universitet [elektronnyi resurs]*. – 15 iyunya 2024. – URL: <https://roditel'skiiuniversitet.rf> (data obrashcheniya: 01.05.2025).
9. Serafini G., Lamis D. A., Aguglia A., Amerio A., Nebbia J., Geoffroy P. A., Pompili M., Amore M. Hopelessness and its correlates with clinical outcomes in an outpatient setting // *Journal of Affective Disorders*. – 2020. – Vol. 263. – P. 472-479. DOI: 10.1016/j.jad.2019.11.144 EDN: ENBDHM
10. Karagöl A., Törenli Kaya Z. Healthcare workers' burn-out, hopelessness, fear of COVID-19 and perceived social support levels // *The European Journal of Psychiatry*. – 2022. – Vol. 36, no. 3. – P. 200-206. DOI: 10.1016/j.ejpsy.2022.01.001 EDN: XXAATG
11. Manakova E. A. Oprosnik perezhivaniya odinochestva // *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal*. – 2018. – № 69. – S. 149-171. DOI: 10.17223/17267080/69/9 EDN: VAEUAV
12. Hui E. K. P. Self-determination as a psychological and positive youth development construct // *The Scientific World Journal*. – 2012. – Article ID 759358.
13. Chirkov V. Differentiating autonomy from individualism as independence: A self-determination theory perspective on internalization of cultural orientations and well-being // *Teoriya determinatsii*. – 2003.

The formation of career identity in college students of pedagogical profile: personal determinants and interaction mechanisms.

Borozinets Daniil Vladimirovich

Postgraduate student, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University

123022, Russia, Moscow, Presnensky district, Stolyarny lane, 16 p. 1

✉ d.borozinetss@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the current issue of studying the personal determinants and interaction mechanisms that influence the formation of career identity among college students in pedagogical profiles. Despite theoretical work on specific aspects, the comprehensive impact of personal indicators, such as various types of academic motivation, career-adaptive abilities, and psychological attitudes towards learning, on the process of forming the career identity of future educators, including the nature of mediating mechanisms, remains underexplored. The aim of the study was to identify psychological indicators that act as predictors of career identity in future educators at the concluding stage of their education and the nature of their interrelationships. The subject of the research was the process of career identity formation among senior college students receiving secondary vocational education in pedagogical fields. The research subject consisted of personal characteristics that predict the formation of career identity in students of pedagogical colleges and the nature of their interrelations. The sample consisted of 102 respondents—third-year students from pedagogical colleges. A set of validated psychodiagnostic questionnaires aimed at diagnosing psychological indicators of career identity, types of academic motivation, career-adaptive abilities, and psychological attitudes towards learning was used. Statistical processing included correlational analysis, hierarchical multiple regression analysis, and analysis of direct

and indirect mediation effects. The scientific novelty of the study lies in clarifying the complex relationship between various types of academic motivation, career-adaptive abilities, and psychological attitudes as direct and mediated predictors of career identity among students of pedagogical colleges. It was found that self-esteem motivation and career adaptability indicators are positive predictors of career identity formation, while introjected motivation and perceived barriers to career identity formation are negative predictors. Significant mediation effects were identified: developmental barriers completely mediate the relationship between external motivation and career identity. Additionally, introjected motivation serves as a mediator in the relationship between self-development motivation and career identity, transforming the potentially positive impact of the aspiration for self-development into a negative one. The findings expand scientific understanding of the psychological mechanisms of professional development among students in pedagogical colleges and may serve as an additional source of scientific data for specialists developing psycho-pedagogical support and accompaniment programs.

Keywords: identity, development barriers, secondary vocational education, professional self-determination, career adaptability, academic motivation, personal determinants, future teachers, college students, career identity

References (transliterated)

1. Anan'ev B. G. Chelovek kak predmet poznaniya. 3-e izd. M. [i dr.]: Piter, 2010. 282 s. EDN: QXABYZ.
2. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost'. SPb.: Piter, 2008. 240 s. EDN: QOABEJ.
3. Morozova I. A., Shevchenko S. A., Kuz'mina E. V. Abiturient vuza kak predstavitel' pokoleniya Z: lichnostnye kachestva i tsennostnye orientiry // Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznaniya. 2023. T. 42, № 1. S. 90-104. DOI: 10.52575/2712-7451-2023-42-1-90-104. EDN: CGEIQD.
4. Freid Z. Psikhologiya mass i analiz chelovecheskogo "Ya". SPb.: Azbuka-Attikus, 2013. 192 s.
5. Erikson E. Identichnost': yunost' i krizis / per. s angl. A. V. Tolstykh; obshch. red. i predisl. A. V. Tolstykh. M.: Izdatel'skaya gruppa "Progress", 1996. 350 s.
6. Berns R. Chto takoe Ya-kontseptsiya / pod. red. D. Ya. Raigorodskii. Samara: Bakhrakh M, 2003. S. 65-96.
7. Rodzhers K. Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka / per. s angl. M. M. Iseninoi; pod red. E. I. Iseninoi. M.: Progress, 1994. 480 s.
8. Rubinshtein S. L. Osnovy obshchei psikhologii. SPb.: Piter, 2018. 713 s.
9. Antonova N. V., Belousova N. V. Samoopredelenie kak mekhanizm razvitiya identichnosti // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya. 2011. № 2. S. 79-92. EDN: OGKBET.
10. Super D. E. A life-span, life-space approach to career development // Journal of vocational behavior. 1980. Vol. 18. P. 282-298. DOI: 10.1016/0001-8791(80)90056-1.
11. Savickas M. L. Career construction theory and practice // Career development and counseling: Putting theory and research to work / eds. R. W. Lent, S. D. Brown. 2nd ed. John Wiley & Sons Inc., 2013. P. 147-183.
12. Savickas M. L., Porfeli E. J. Career Adapt-Abilities Scale: Construction, reliability, and measurement equivalence across 13 countries // Journal of Vocational Behavior. 2012. Vol. 80, № 3. P. 661-673. DOI: 10.1016/j.jvb.2012.01.011.
13. Leung S. A. et al. Testing the career adaptability model with senior high school

- students in Hong Kong // *Journal of Vocational Behavior*. 2022. Vol. 139. P. 103808. DOI: 10.1016/j.jvb.2022.103808. EDN: QBCVDN.
14. Vroom V. H. *Work and motivation* / V. H. Vroom. New York: Wiley, 1964. 331 p.
 15. Efimova A. D., Shadrina A. V. Podkhody zarubezhnykh avtorov k opredeleniyu i teoriyam motivatsii sotrudnikov v organizatsii // *Vestnik nauki*. 2025. T. 4. № 3 (84). S. 21-33. EDN: LTYFAY.
 16. Deci E. L. The "What" and "Why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // *Psychological inquiry*. 2020. Vol. 11. P. 227-268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.
 17. Landau M. J., Keefer L. A., Oyserman D. et al. The college journey and academic engagement: How metaphor use enhances identity-based motivation // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2014. Vol. 106, № 5. P. 679-698. DOI: 10.1037/a0036414.
 18. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. Oprosnik "Shkaly akademicheskoi motivatsii" // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2014. T. 35, № 4. S. 96-107. DOI: 10.17759/pse.2017220206. EDN: SJVWLN.
 19. Demin A. N., Sedykh A. B., Sedykh B. R. Standartizatsiya metodiki izmereniya kar'ernogo samoopredeleniya // *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal*. 2017. T. 14. № 2. S. 151-170. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.9. EDN: YUSGPL.
 20. Kondratyuk N. G. Burmistrova-Savenkova A. V., Morosanova V. I. Shkala kar'erno-adaptatsionnykh sposobnostei M. Savikasa i E. Porfeli: psikhometricheskie kharakteristiki russkoyazychnoi versii na vyborke podrostkov // *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 2021. T. 18, № 3. S. 555-575. DOI: 10.22363/2313-1683-2021-18-3-555-575. EDN: EQRQDF.
 21. Sunnatova R. I. Fenomen uchebnoi leni starsheklassnikov i udovletvorennost' otnosheniyem znachimykh vzroslykh i odnoklassnikov // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2022. № 1(55). S. 410-425. DOI: 10.32744/pse.2022.1.26. EDN: HRVECW.
 22. Mitina L. M. *Psikhologiya lichnostno-professional'nogo razvitiya sub'ektov obrazovaniya*. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 376 s. EDN: WNSCOZ.
 23. Chen H., Fiorini S. R., Feng J., Li Y., Lu Y., Sun M. How Does Career Adaptability Predict Professional Identity Among Young Adults? The Mediation Role of Future Work Self and the Moderation Role of Perceived Social Support // *Journal of Career Development*. 2020. Vol. 47, № 4. P. 419-433.
 24. Assor A., Vansteenkiste M., Kaplan A. Identified versus introjected approach and avoidance motivations in school and in sports: The limiting role of introjection for performance and psychological well-being // *Handbook of motivation at school* / K. R. Wenzel, A. Wigfield. New York: Routledge/Taylor & Francis Group, 2009. P. 523-543.
 25. Lent R. W., Brown S. D. Social cognitive career theory at 25: Empirical status of the interest, choice, and performance models // *Journal of Vocational Behavior*. 2019. Vol. 115. Art. 103316. DOI: 10.1016/j.jvb.2019.06.004.

Types of career representations and their relationship with self-confidence among future educators

Postgraduate student; Department of Age and Educational Psychology; Tambov State University named after G. R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392036, Russia.

✉ korshikovama@gmail.com

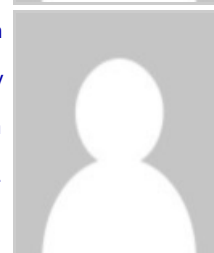
Tenyushev Boris Ivanovich

PhD in Psychology

Professor; Department of Age and Educational Psychology; Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392036, Russia.

✉ btenushev@mail.ru

Koval' Nina Aleksandrovna

Doctor of Psychology

Professor, Head of the Department; Department of Age and Educational Psychology; Tambov State University named after G.R. Derzhavin

33 Internatsionalnaya str., Tambov, 392036, Russia

✉ kafspsey@mail.ru

Abstract. The object of this study is the career representations of young men and women studying to become educators, while the subject is the relationship between types of career representations and components of self-confidence among future educators. The aim of the research is to identify the impact of self-confidence and its components on the development of types of career representations among future educators. The results of the work include data on the development of specific types of career representations and components of a self-confident personality, as well as the connections between them among young men and women who are future educators. These findings can serve as a basis for organizing further research on the development of career representations and self-confidence, as well as practical work on the diagnosis and development of career representations and self-confidence among young men and women. The study employed a specially developed diagnostic method for career representation types; a set of methods for diagnosing components of a self-confident personality; and statistical methods for processing and analyzing empirical data. The novelty of the research lies in identifying age-related features in the development of career representation types and establishing the influence of self-confidence and its psychological components on the development of various types of career representations among young men and women. The results obtained from the work lead to the following conclusions: 1) among young men and women, future educators, the most developed career representation types are the attractive, socially oriented, affiliative, and authoritarian types, while the pragmatic and gloristic types are the least developed; 2) all types of career representations in them require further development to varying degrees; 3) among future educators, self-assessment of abilities plays the largest role in the development of career representations, followed by optimism, self-efficacy, hope, resilience, autonomous causal orientation, risk propensity, and tolerance for uncertainty in decreasing order of importance.

Keywords: perception, career, features of confidence, the components of confidence, self-confidence, types of career ideas, career ideas, future teacher, adolescence, teaching profession

References (transliterated)

1. Meshcheryakov B.G., Zinchenko V.P. Bol'shoi psikhologicheskii slovar'. – M.; Praim-Evroznak, 2002. – 672 s.
2. Il'in E.P. Psikhologiya riska / E.P. Il'in. – Sankt-Peterburg: Piter, 2021. – 288 s. – URL: <https://ibooks.ru/bookshelf/377312/reading> (data obrashcheniya: 25.04.2025). – Tekst: elektronnyi.
3. Gordeeva T.O., Sychev O.A., Osin E.N. Razrabotka russkoyazychnoi versii testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) // Psikhologicheskaya diagnostika. – 2010. – № 2. – S. 36-64. EDN: SUFPGP.
4. Gordeeva T.O. Optimizm kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala // V: Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika. – Moskva: Smysl, 2011. – S. 131-137.
5. Gusev A.I. Tolerantnost' k neopredelennosti kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala // V: Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika. – Moskva: Smysl, 2011. – S. 300-329.
6. Druzhinin V.N. Psikhologiya obshchikh sposobnostei: uchebnoe posobie dlya vuzov / V.N. Druzhinin. – 3-e izd. – Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2024. – 349 s. – (Vysshee obrazovanie). – Tekst: elektronnyi // Obrazovatel'naya platforma Yurait [sait]. – URL: <https://urait.ru/bcode/541200> (data obrashcheniya: 24.04.2025).
7. Zhdanovich A.A. Kar'ernye orientatsii v strukture professional'noi Ya-kontseptsii studentov: avtoref. dis ... kand. psikhol. nauk: 19.00.01. – Moskva, 2008. EDN: NKMZSV.
8. Klimov E.A. Vvedenie v psikhologiyu truda: Uchebnik dlya vuzov. – M.: Kul'tura i sport, YuNITI, 1998. – 350 s.
9. Krutetskii V.A., Balbasova E.G. Pedagogicheskie sposobnosti, ikh struktura, diagnostika, usloviya formirovaniya i razvitiya: uchebnoe posobie. – M.: Prometei, 1991. – 109 s.
10. Lafi S.G., Piletskaite-Markovene M.E. Poisk novykh oshchushchenii, ego mesto i znachenie v psikhologicheskoi samorealizatsii // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2014. – № 9.
11. Maddi S. Smysloobrazovanie v protsesse prinyatiya reshenii // Psikhologicheskii zhurnal. – 2005. – № 2. – S. 87-101. ISSN: 0205-9592.
12. Fromm E. Revolyutsiya nadezhdy. – Per. Panfilova. – M.: AST, 2018. – 220 s.
13. Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency. American Psychologist. – 1982. – 37 (2). – P. 133.
14. Deci E.L. The psychology of self-determination. – Toronto: Lexington books, 1980. – 258 p.
15. Deci E.L., Ryan R.M. Overview of self-determination theory: an organismic dialectical perspective // Handbook of self-determination research / E.L. Deci, R.M. Ryan (Eds.). – Rochester, NY: The University of Rochester Press, 2002. – P. 3-33.
16. Frenkel-Brunswik E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // Journal of Personality. – 1949. – № 18. – P. 108-143.
17. Frenkel-Brunswik E. Tolerance toward ambiguity as a personality variable // American Psychologist. – 1948. – № 8. – P. 268.
18. Snyder C.R., Shorey H.S., Cheavens J., Pulvers K.M., Adams V.H. III, & Wiklund C. Hope and academic success in college. Journal of Educational Psychology. – 2002. – 94(4). – P. 820-826. – URL: <https://doi.org/10.1037/0022-0663.94.4.820>.

The role of psychological resilience, academic engagement, and optimal experience in the development of self-directed learning activities of adult learners

Bragina Elena Vladimirovna

Postgraduate student; Faculty of Psychology; Saint Petersburg State University

199034, Russia, St. Petersburg, nab. Makarova street, 6

✉ nedoeduru@yandex.ru

Kolesnikova Viktoria Yuryevna

Lecturer; Faculty of Finance and Economics; Federal State Educational Budgetary Institution of Higher Education

'Financial University under the Government of the Russian Federation'

Postgraduate student; Faculty of Psychology; Saint Petersburg State University

197198, Russia, Saint Petersburg, Petrogradsky district, 15-17 Sriezinskaya St.

✉ kolesnikovav827@gmail.com

Abstract. Technological progress has forever changed the subject of lifelong learning and its landscape. Under the influence of the digital environment, a new culture of learning is being formed, which can be successfully utilized by universities in adapting the content, nature, and forms of further education to contemporary sociocultural conditions. One direction for optimizing further education is preparing students for independent learning activities in the context of lifelong learning. Successfully addressing this task requires identifying the adult learner's ability to adapt and self-modify. Psychological resilience, engagement in learning, and optimal experience have been the focus of attention in both foreign and domestic psychological research for several decades, studying the educational behavior of adults in situations of change. However, scholars have not yet reached an understanding of their role in the independent learning activities of adults. This article is dedicated to examining key approaches and discussion directions related to the psychological resilience of individuals, optimal experiences, and academic engagement to determine their role in developing the autonomy of adult learners' educational activities. The analysis and synthesis of foreign literature on the research problem utilized descriptive methods, categorization methods, comparative-historical methods, and hermeneutic methods. Approaches to defining psychological resilience, as well as the concepts of "flow" and "optimal experience," which have not been previously presented in Russian, are considered. Their roles in developing the independent learning activities of adult learners are analyzed. The thesis is proposed that the engagement of adults in further education should be viewed as a complex, emotionally significant outcome of successfully overcoming psychological barriers encountered during the educational process. The ability of a learner to manage themselves or the situation, consciously engage in learning while maintaining their value orientations despite changes in their life context, and achieve "flow" in their educational activities underpins the continuity of their educational experience. Understanding psychological resilience as a process containing a dynamic balance of stability and variability is most productive for developing methodologies that study the personal psychological resources of engagement and disengagement of adults in further education, as well as for creating measures aimed at enhancing their autonomy in lifelong learning.

Keywords: psychological resilience, learner engagement, optimal best, flow, adult learner, independent learning activities, optimization, additional professional education, lifelong learning, foreign approaches

References (transliterated)

1. Adaptatsionnyi aspekt DPO vzroslykh v sfere menedzhmenta // Psikhologicheskie i pedagogicheskie problemy obrazovaniya v usloviyakh tsifrovoy transformatsii i sotsial'nykh vyzovov / pod red. N. V. Bordovskoi, S. T. Posokhovo. – M. : Rusains, 2022. – S. 124-138.
2. VTsIOM (2023). Obuchenie dlinoyu v zhizn' [Elektronnyi resurs] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obuchenie-dlinoju-v-zhizn> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
3. Kiseleva N.V. Vovlechenost' obuchayushchikhsya v nepreryvnoe obrazovanie na raznykh etapakh obrazovatel'nogo protsessa // Psikhologiya i Psikhotekhnika. 2017. № 4. S. 74-81. DOI: 10.7256/2454-0722.2017.4.24659 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=24659
4. Kasworm C. Adult meaning making in the undergraduate classroom // Adult Education Quarterly. – 2003. – Vol. 53, № 2. – P. 81-98. DOI: 10.1177/0741713602238905 EDN: JKPZRN
5. Chickering A.W., Gamson Z.F. Seven principles of good practice in undergraduate education // New Directions for Teaching and Learning. – 1991. – № 47. – P. 63-69.
6. Tinto V. Stages of Student Departure: Reflections on the Longitudinal Character of Student Leaving // The Journal of Higher Education. – 1988. – Vol. 59(4). – P. 438-455.
7. Engeström Y. From learning environments and implementation to activity systems and expansive learning // Actio: An International Journal of Human Activity Theory. – 2009. – № 2. – P. 17-33.
8. Nikandrov N.D. Perspektivy razvitiya obrazovaniya v Rossii. – SPb. : GUP Izd. Spb., 2005. – S. 27. EDN: QSXGOR
9. Phan H.P., Ngu B.H. Positive psychology: the use of the framework of achievement bests to facilitate personal flourishing // Well-being and Quality of Life / ed. A. A. V. Boas. – Rijeka : InTech, 2007. – P. 19-33.
10. Abuhamdeh S. Investigating the "Flow" Experience: Key Conceptual and Operational Issues // Frontiers in Psychology. 2020. – Vol. 11. URL: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.00158>. EDN: VBYRCD
11. Grishina N.V., Kostromina S.N., Odintsova M.M. Oprosnik "Dinamicheskaya ustoichivost' lichnosti" // Novye psikhologicheskie issledovaniya. – 2024. – № 3. – S. 75-94. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_03_04 EDN: HAAPWI
12. Song P., Cai X., Qin D., Wang Q., Liu X., Zhong M., Li L., Yang Y. Analyzing psychological resilience in college students: a decision tree model // Heliyon. – 2024. – Vol. 10(11). – P. 1-16. DOI: 10.1016/j.heliyon.2024.e32583 EDN: OIUBZK
13. Ngu B.H., Phan H.P. Achievement bests framework, cognitive load theory, and equation solving // New Pedagogical Challenges in the 21st Century – Contributions of Research in Education. – 2015. – Ch. 16. – P. 287-306.
14. Phan H.P., Ngu B.H., Wang H.-W., Shih J.-H. Empirical validation of the psychological concept of a perceived feeling of 'energy': Advancement into the study of positive psychology // PLoS ONE. – 2021. – Vol. 16(11): e0259762. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0259762>. EDN: GVTWCZ
15. Qureshi A., Wall H., Humphries J., Balani A. B. Can personality traits modulate student engagement with learning and their attitude to employability? // Learning and Individual Differences. – 2016. – Vol. 51. – P. 349-358.

16. Cassidy S. Resilience building in students: the role of academic self-efficacy // *Frontiers in Psychology*. – 2015. – Vol. 6. – P. 17-81.
17. de la Fuente J., Fernández-Cabezas M., Cambil M., Vera M.M., González-Torres M.C., Artuch-Garde R. Linear relationship between resilience, learning approaches, and coping strategies to predict achievement in undergraduate students // *Frontiers in Psychology*. – 2017. – Vol. 8. – Art. 1039.
18. Gao Y., Wang X., Reynolds B. L. The mediating roles of resilience and flow in linking basic psychological needs to tertiary EFL learners' engagement in the informal digital learning of English: a mixed-methods study // *Behavioral Sciences*. – 2025. – Vol. 15, № 1. – Art. 85. DOI: 10.3390/bs15010085 EDN: HZGXPY
19. Sinclair V.G., Wallston K.A. The development and psychometric evaluation of the Brief Resilient Coping Scale // *Assessment*. – 2004. – Vol. 11. – P. 94-101. DOI: 10.1177/1073191103258144 EDN: JLJFXH
20. Alva S.A. Academic invulnerability among Mexican-American students: the importance of protective resources and appraisals // *Hispanic Journal of Behavioral Sciences*. – 1991. – Vol. 13, № 1. – P. 18-34. DOI: 10.1177/07399863910131002 EDN: JMGSPJ
21. Ibrahim A.K.A. The relative contribution of psychological flow and resilience in anticipating the cognitive failure of elementary school students // *Education Research International*. – 2022. – Art. 4525063. – 14 p.
22. Werner E. Resilience in development. *Current Directions in Psychological Science*. – 1995. – Vol. 4(3). – P. 81-85.
23. Fleming J., Ledogar R.J. Resilience, an evolving concept: a review of literature relevant to Aboriginal research // *Pimatisiwin*. – 2008. – Vol. 6, № 2. – P. 7-23.
24. Mao Y., Luo X., Wang S., Mao Z., Xie M., Bonaiuto M. Flow experience fosters university students' well-being through psychological resilience: a longitudinal design with cross-lagged analysis // *British Journal of Educational Psychology*. – 2024. – Vol. 94. – P. 518-538. DOI: 10.1111/bjep.12661 EDN: KJQDUC
25. Barber B. K. Annual research review: the experience of youth with political conflict – challenging notions of resilience and encouraging research refinement // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. – 2013. – Vol. 54. – P. 461-473.
26. Rutter M. Psychosocial resilience and protective mechanisms // *Risk and Protective Factors in the Development of Psychopathology* / eds. J. Rolf, A. S. Masten, D. Cicchetti, K. H. Nüchterlein, S. Weintraub. – New York : Cambridge Univ. Press, 1990. – P. 181-214.
27. Luthar S.S. Resilience in development: a synthesis of research across five decades // *Developmental Psychopathology: Risk, Disorder, and Adaptation* / eds. D. Cicchetti, D. J. Cohen. – New York : Wiley, 2006. – P. 740-795. DOI: 10.1002/9780470939406.ch20 EDN: WTCKNN
28. Luthans F., Youssef-Morgan C.M. Psychological capital: An evidence-based positive approach // *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. – 2017. – Vol. 4(1). – P. 339-366.
29. Baumert A., Schmitt M., Perugini M., et al. Integrating personality structure, personality process, and personality development // *European Journal of Personality*. – 2017. – Vol. 31, № 5. – P. 503-528. – DOI: 10.1002/per.2115. EDN: YKQRWQ
30. Sosnowska J., Kuppens P., De Fruyt F., Hofmans J. A dynamic systems approach to personality: the Personality Dynamics (PersDyn) model // *Personality and Individual Differences*. – 2019. – Vol. 144. – P. 11-18.
31. Csikszentmihalyi M., Massimini F. On the psychological selection of bio-cultural

information // New Ideas in Psychology. – 1985. – Vol. 3. – P. 115-138.

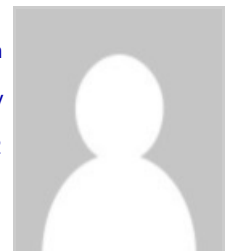
32. Bonaiuto M., Mao Y., Roberts S., Psalti A., Ariccio S., Ganucci Cancellieri U., Csikszentmihalyi M. Optimal experience and personal growth: flow and the consolidation of place identity // *Frontiers in Psychology*. – 2016. – Vol. 7. – Art. 1654.
33. Csikszentmihályi M. Flow and the foundations of positive psychology. – Harper Collins, 2014. – 314 p.
34. Seligman M., Csikszentmihályi M. Positive psychology // *American Psychologist*. – 2000. – Vol. 55(5). – P. 5-14.
35. Nakamura J., Csikszentmihályi M. The concept of flow // *Handbook of Positive Psychology* / eds. C. R. Snyder, S. J. Lopez. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. – P. 89-105.
36. Pintrich P. R., Schunk D. H. Motivation in Education: Theory, Research, and Applications. – Upper Saddle River : Merrill Prentice-Hall, 2002. – 460 p.
37. Melhe M.A., Salah B.M., Hayajneh W.S. Impact of training on positive thinking for improving psychological hardiness and reducing academic stresses among academically-late students // *Educational Sciences: Theory and Practice*. – 2021. – Vol. 21, № 1. – P. 132-146. DOI: 10.12738/jestp.2021.3.010 EDN: AKHWDJ
38. Fraillon J. Measuring student well-being in the context of Australian schooling: discussion paper. – Carlton South (VIC) : Australian Council for Research, 2004. – 54 p.
39. Schaufeli W.B., Salanova M., González- Romá V., Bakker A.B. The measurement of engagement and burnout: A two sample confirmatory factor analytic approach // *Journal of Happiness Studies*. – 2002. – Vol. 3(1). – P. 71-92. EDN: EROTDZ
40. Rajala A., Sannino A. Students' deviations from a learning task: an activity-theoretical analysis // *International Journal of Educational Research*. – 2015. – Vol. 70. – P. 31-46.
41. Magolda M.B. Self-authorship // *New Directions for Higher Education*. – 2014 (166). – P. 25-33.
42. Kahu E.R., Nelson K. Student engagement in the educational interface: understanding the mechanisms of student success // *Higher Education Research and Development*. – 2018. – Vol. 37, № 1. – P. 58-71.
43. Astin A. W. Student involvement: a developmental theory for higher education // *Journal of College Student Development*. – 1999. – Vol. 40. – P. 518-529.
44. Babanskii Yu.K. Izbrannye pedagogicheskie trudy. – M.: Pedagogika, 1989. – 558 s.

Analysis of cognitive profiles in schizophrenia and NSAID-induced psychosis

Alekseev Il'ya Andreevich

Postgraduate student; Department of Neuro- and Pathopsychology; Lomonosov Moscow State University
123308, Russia, Moscow, Khoroshevo-Mhevnik district, Novokhoroshevsky ave., 15, sq. 32

✉ alexseev97i@mail.ru

Thostov Aleksandr Shamilevich

Doctor of Psychology

Professor; Department of Neuro- and Pathopsychology, Lomonosov Moscow State University

123308, Russia, Moscow, Khoroshevo-Mhevnik district, Novokhoroshevsky ave., 15, sq. 32

✉ tkhostov@gmail.ru

SHustov Aleksandr Dmitrievich

PhD in Medicine

Psychiatrist-psychotherapist, psychiatrist-narcologist; LLC 'Hospital 10'

123308, Russia, Moscow, Khoroshevo-Mhevnik district, Novokhoroshevsky ave., 15, sq. 32

✉ sashashustov777@mail.ru

Abstract. The present study is aimed at analyzing and comparing cognitive profiles in disorders of various origins: endogenous, represented by cases of schizophrenia, and exogenous, caused by the use of new psychoactive substances (NSAIDs), mainly synthetic cathinones and cannabinoids. The object of study is the features of cognitive impairments that manifest themselves in such functional areas as memory, attention, and thinking. The study involves identifying differences in the structure, severity, and potential stability of these disorders, which is of particular importance in the context of modern differential diagnosis. A comparative analysis of cognitive characteristics in conditions of various origins makes it possible not only to clarify ideas about the patterns of their formation, but also to lay the foundations for an individualized approach to restoring cognitive functions within the framework of rehabilitation therapy, taking into account the specifics of disorders in each group. The BACS scale, Schulte tables, the "Elimination of excess" technique and the "Missing details" subtest of the Wexler test were used. The paper presents systematic differences in the cognitive characteristics of patients with schizophrenia and NSAID-induced psychoses. It has been established that schizophrenia is dominated by disorders in the field of semantic processing, verbal memory and sustained attention, characterized by stability. The group of NSAID psychoses is dominated by regulatory and executive deficits, including a weakening of voluntary control, a decrease in working memory, and situational thinking errors. These disorders, unlike the schizophrenic profile, are characterized by greater lability. The data obtained clarify the understanding of the cognitive organization of psychotic states of different origins and can be used in the practice of differential diagnosis, as well as in the construction of individual cognitive correction programs. Despite the differences, both groups show similar difficulties in thinking flexibly and paying attention, which may make it difficult to differentiate in the acute period. The identified profiles make it possible to more accurately distinguish between psychoses of various origins and serve as the basis for building individualized cognitive correction programs, taking into account the specifics of disorders in each group.

Keywords: new psychoactive substances, cognitive impairment, differential diagnosis, attention, synthetic drugs, psychosis, schizophrenia, thinking, cognitive functions, memory

References (transliterated)

1. Antsyborov A. V., Mrykhin V. V. Sinteticheskie katinony "soli dlya vann": mekhanizm deistviya, toksikologicheskie aspekty, klinika, formirovanie zavisimosti // Interaktivnaya nauka. 2017. № 5 (15). S. 29-39. EDN: YNBYIJ.

2. Bokhan N. A. i dr. Klinicheskaya tipologiya psikhopatologicheskikh rasstroistv u potrebitelei sinteticheskikh kanabinoidov (spaisov) // Sibirskii vestnik psikiatrii i narkologii. 2015. № 4 (89). S. 18-23. EDN: VBCMHL.
3. Dargan P. I. et al. The impact of changes in UK classification of the synthetic cannabinoid receptor agonists in 'Spice' // International Journal of Drug Policy. 2011. Vol. 22, № 4. P. 274-277. <https://doi.org/10.1016/j.drugpo.2011.02.006>.
4. Every-Palmer S. Synthetic cannabinoid JWH-018 and psychosis: An explorative study // Drug and Alcohol Dependence. 2011. Vol. 117, № 2-3. P. 152-157. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2011.01.012> EDN: ONJQVV.
5. Dubatova I. V., Antsyborov A. V., Shiryayev O. Yu. Sinteticheskie katinony i kannabinoidy - "dizainerskie narkotiki" // Interaktivnaya nauka. 2017. № 4 (14). S. 39-42.
6. Mendelevich V. D. Psikhoticheskie rasstroistva v rezul'tate upotrebleniya narkotikov: sovremennoe sostoyanie problemy // Narkologiya. 2015. № 7. S. 93-100.
7. Gold J. M. et al. Selective attention, working memory, and executive function as potential independent sources of cognitive dysfunction in schizophrenia // Schizophrenia Bulletin. 2018. Vol. 44, № 6. P. 1227-1234. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbx155>.
8. Keefe R. S. E. et al. The Brief Assessment of Cognition in Schizophrenia: reliability, sensitivity, and comparison with a standard neurocognitive battery // Schizophrenia Research. 2004. Vol. 68, № 2-3. P. 283-297. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2003.09.011>.
9. Vinnikova M. A., Shakhova S. M. Klinicheskie proyavleniya i obshchie podkhody k terapii pri sindrome zavisimosti ot sinteticheskikh kannabinoidov ("Spais") // Narkologiya. 2016. № 4. S. 34-43. EDN: VWACAJ.
10. Bersani G. et al. Cannabis and schizophrenia: impact on onset, course, psychopathology and outcomes // European Archives of Psychiatry and Clinical Neuroscience. 2014. Vol. 264, № 2. P. 129-138. <https://doi.org/10.1007/s00406-013-0412-5>.
11. Harvey P. D. Domains of cognition and their assessment // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2019. Vol. 21, № 3. P. 227-237. <https://doi.org/10.31887/DCNS.2019.21.3/pharvey>.
12. Karyakina M. V. Kognitivnye narusheniya pri shizofrenii: mnenie gruppy ekspertov o sovremennom sostoyanii problemy // Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya. 2022. T. 32, № 3. S. 83-90. EDN: DVNIQW.
13. Nuechterlein K. H. et al. The MATRICS Consensus Cognitive Battery, part 1: test selection, reliability, and validity // American Journal of Psychiatry. 2008. Vol. 165, № 2. P. 203-213. <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2007.07010042>.
14. Green M. F., Horan W. P., Lee J. Social cognition in schizophrenia // Nature Reviews Neuroscience. 2015. Vol. 16, № 10. P. 620-631. <https://doi.org/10.1038/nrn4005>.
15. Plotnikov V. V., Plotnikov D. V. Kognitivnye narusheniya pri shizofrenii: sovremennyye predstavleniya // Psikiatriya i psikhofarmakoterapiya. 2018. T. 20, № 3-4. S. 27-33.
16. Fervaha G. et al. Motivational deficits and cognitive test performance in schizophrenia // JAMA Psychiatry. 2014. Vol. 71, № 9. P. 1058-1065. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2014.1105>.
17. Baumann M. H. et al. Bath salts, spice, and related designer drugs: The science behind the headlines // Journal of Neuroscience. 2014. Vol. 34, № 46. P. 15150-15158. <https://doi.org/10.1523/JNEUROSCI.3223-14.2014> EDN: UPMONP.

18. Luethi D., Liechti M. E. Designer drugs: Mechanism of action and adverse effects // Archives of Toxicology. 2020. Vol. 94, № 4. P. 1085-1133.
<https://doi.org/10.1007/s00204-020-02693-7> EDN: TOPPPN.
19. Banister S. D. et al. Pharmacology of valinate and tert-leucinate synthetic cannabinoids... // ACS Chemical Neuroscience. 2016. Vol. 7, № 9. P. 1241-1254.
<https://doi.org/10.1021/acscchemneuro.6b00137> EDN: XTROVF.
20. Kuropka P., Zawadzki M., Szpot P. A narrative review of the neuropharmacology of synthetic cathinones // Human Psychopharmacology. 2023. Vol. 38, № 3. P. e2866.
<https://doi.org/10.1002/hup.2866> EDN: OCSOUO.
21. Petrov D. S. i dr. Mediko-sotsial'nye problemy i metody diagnostiki kognitivnykh narushenii u patsientov, upotrebl'yayushchikh "spais" // Problemy sotsial'noi gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny. 2021. T. 29, № 5. S. 1121-1124.
<https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-5-1121-1124> EDN: JBCNTB.
22. Cohen K., Weinstein A. M. Synthetic and non-synthetic cannabinoid drugs and psychosis: Neurobiology // Current Psychiatry Reports. 2018. Vol. 20, № 3. Art. 3.
<https://doi.org/10.1007/s11920-018-0873-3>.
23. Bilel S. et al. Cognitive dysfunction and impaired neuroplasticity following repeated exposure to the synthetic cannabinoid JWH018 in male mice // British Journal of Pharmacology. 2023. Vol. 180, № 21. P. 2777-2801. <https://doi.org/10.1111/bph.16156> EDN: YQLUCC.
24. Zawilska J. B., Wojcieszak J. Synthetic cannabinoids: More than innocent substitutes for marijuana // International Journal of Neuropsychopharmacology. 2013. Vol. 16, № 11. P. 2597-2616. <https://doi.org/10.1017/S1461145713001247> EDN: SOQBDH.
25. Zeigarnik B. V. Patopsikhologiya. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1986. 287 s.
26. Kritskaya V. P., Meleshko T. K. Patopsikhologiya shizofrenii. M.: In-t psikhologii RAN, 2015. 392 s. EDN: UGZWGF.
27. Plotnikov V. V. Patologiya myshleniya pri shizofrenii (kliniko-eksperimental'noe issledovanie): avtoref. dis. ... d-ra med. nauk. M., 1974. 32 s.
28. Tiganov A. S. (red.) Psikhatriya: rukovodstvo dlya vrachei. T. 1. M.: Meditsina, 2012. 832 s.
29. Castaneto M. S., Gorelick D. A., Desrosiers N. A. et al. Synthetic cannabinoids: epidemiology, pharmacodynamics, and clinical implications // Drug and Alcohol Dependence. 2022. Vol. 225. Art. 108764.
<https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2021.108764>.
30. Skvortsov A. A. Narusheniya programmirovaniya, regul'yatsii i kontrolya myshleniya: o vozmozhnom metode ikh issledovaniya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya. 2008. № 1.
31. Khersonskii B. G. Klinicheskaya psikhodiagnostika myshleniya: prakticheskoe rukovodstvo. M.: Smysl, 2012. 432 s.
32. Fiorentini A., Cantù F., Crisanti C., Cereda G., Oldani L., Brambilla P. Substance-Induced Psychoses: An Updated Literature Review // Frontiers in Psychiatry. 2021. Vol. 12. Art. 694863. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.694863> EDN: WSNRBD.
33. Karimi I., Pooyanmehr N. Substances Led to Psychosis: A Systematic Review // The Open Psychology Journal. 2024. Vol. 17, № 1.
<https://doi.org/10.2174/0118743501297735240510161825> EDN: WGPHXX.
34. McCutcheon R. A., Keefe R. S. E., McGuire P. K. Cognitive impairment in schizophrenia: aetiology, pathophysiology, and treatment // Molecular Psychiatry. 2023. Vol. 28. P.

- 1902-1918. <https://doi.org/10.1038/s41380-022-01926-8> EDN: OEMBOR.
35. Cohen K., Weinstein A. M. The effects of cannabinoids on executive functions: evidence from cannabis and synthetic cannabinoids-a systematic review // *Brain Sciences*. 2018. Vol. 8, № 3. Art. 40. <https://doi.org/10.3390/brainsci8030040>.
 36. Theunissen E. L., Reckweg J. T., Hutten N. R. P. W. et al. Psychotomimetic symptoms after a moderate dose of a synthetic cannabinoid (JWH-018): implications for psychosis // *Psychopharmacology*. 2021. Vol. 239. P. 1251-1261. <https://doi.org/10.1007/s00213-021-05940-6>.
 37. Elrassas H., Elsayed Y. A., Abdeen M. S. et al. Synthetic cannabinoids impact on cognitive functions // *The Egyptian Journal of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery*. 2023. Vol. 59. Art. 151. <https://doi.org/10.1186/s41983-023-00764-x> EDN: RSJSBC.
 38. Moura B. M., Van Rooijen G., Schirmbeck F. et al. A network of psychopathological, cognitive, and motor symptoms in schizophrenia spectrum disorders // *Schizophrenia Bulletin*. 2021. Vol. 47, № 4. P. 915-926. <https://doi.org/10.1093/schbul/sbab002> EDN: GXYWGS.
 39. de Oliveira M. C. et al. Toxicity of synthetic cannabinoids in K2/Spice: A systematic review // *Brain Sciences*. 2023. Vol. 13, № 7. Art. 990. <https://doi.org/10.3390/brainsci13070990> EDN: TEBSCU.
 40. Green M. F., Kern R. S., Heaton R. K. Longitudinal studies of cognition and functional outcome in schizophrenia: implications for MATRICS // *Schizophrenia Research*. 2020. Vol. 220. P. 21-28. <https://doi.org/10.1016/j.schres.2020.03.047>.
 41. Keefe R. S. E., Harvey P. D. Cognitive impairment in schizophrenia // *Handbook of Experimental Pharmacology*. 2022. Vol. 271. P. 11-37. https://doi.org/10.1007/164_2021_523.
 42. Ordak M. et al. Pharmacotherapy of patients taking new psychoactive substances: a systematic review and analysis of case reports // *Frontiers in Psychiatry*. 2021. Vol. 12. Art. 669921. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2021.669921> EDN: YVWCCT.
 43. Kahn R. S., Sommer I. E., Murray R. M. et al. Schizophrenia // *Nature Reviews Disease Primers*. 2021. Vol. 7, № 1. Art. 58. <https://doi.org/10.1038/s41572-021-00296-9> EDN: KVFSPE.
 44. Li Z. et al. Systematic review and meta-analysis on the effects of chronic peri-adolescent cannabinoid exposure on schizophrenia-like behaviour in rodents // *Molecular Psychiatry*. 2025. Vol. 30, № 1. P. 285-295. <https://doi.org/10.1038/s41380-024-02575-9>.

The Influence of Family Relationships on the Perceived Quality of Life Among Parents of Adolescent Cancer Patients in Remission

Silovskaya Natalia Vitalievna

Senior Lecturer; Institute of Education; I. Kant Baltic Federal University

Alexander Nevsky St., 14, Kaliningrad, 236041.

✉ snatalia108@gmail.com

Merzlyakova Yuliya Sergeevna

Graduate student; Institute of Pedagogy, Psychology and Social Technologies; Udmurt State University

1 Universitetskaya str., Izhevsk, Udmurt Republic, 426034, Russia

✉ john.anderson.2019@mail.ru

Tsverkov Stanislav Petrovich

Senior Lecturer; Institute of Education; I. Kant Baltic Federal University

14 A Nevsky St., Kaliningrad, 236041

✉ mail@tsverkov.ru

Alimova Anna Olegovna

Graduate student; Institute of Education; I. Kant Baltic Federal University

14 A Nevsky St., Kaliningrad, 236041

✉ alimovaanna38@gmail.com

Abstract. This article presents the findings of a study examining the relationship between family dynamics and the perceived quality of life among parents raising adolescents with a cancer who had been in remission for up to 5 years at the time of the study. In a group of parents of adolescents (N=70), assessments were conducted on quality of life, family adaptability, and cohesion. The study employed the SF-36 Quality of Life Questionnaire (Medical Outcomes Study – Short Form Health Survey) and the Family Adaptability and Cohesion Evaluation Scale (FACES-3). Principal component factor analysis revealed six key factors of family relationships that influence family resilience and quality of life: physical functioning (0.567), mental health (0.688), social functioning (0.571), vitality (0.634), cohesion (0.730), and flexibility (0.607).

Novelty and Results. This is the first study to examine the relationship between family dynamics and the quality of life of parents of adolescents with cancer in remission. The findings indicate that family relationships among these parents are characterized by a high degree of cohesion and interdependence, as well as flexibility and some degree of chaos in the adaptation process. The results can be utilized by professionals in psychology, medicine, and social work to develop psychosocial rehabilitation programs aimed at improving the quality of life not only of the adolescent but also of their entire family. Key directions for psychological interventions in families with children in cancer remission should include fostering goal-setting skills and strengthening internal resources for both parents and the family as a whole. The situation of a child's oncological disease is associated with long-term psycho-emotional stress of the parent, which persists during the period of the disease's entry into remission and negatively affects the quality of life of all family members. Factor analysis using the principal component method revealed 6 factors of family relationships that influence family viability and quality of life: physical functioning (0.567), mental health (0.688), social functioning (0.571), vitality (0.634), cohesion (0.730), flexibility (0.607). The obtained data demonstrate that family relationships of parents of teenagers are characterized by a high degree of cohesion and interdependence, as well as flexibility and some chaos in the adaptation process. The obtained results may be of significant importance for specialists in the field of psychology, medicine and social work, providing valuable data for the creation of support and intervention programs aimed at improving the quality of life both a patient and

entire family.

Keywords: social and psychological rehabilitation, psycho-emotional state, cohesion, family adaptation, parents, remission, quality of life, type of family relationships, adolescents, oncological diseases

References (transliterated)

1. Vsemirnaya organizatsiya zdavookhraneniya. Cancer in children [Elektronnyi resurs]. 2021. 5 s. Rezhim dostupa: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/cancer-in-children> (data obrashcheniya: 03.06.2024).
2. Detskaya onkologiya. Natsional'noe rukovodstvo / Pod red. M.D. Alieva, V.G. Polyakova, G.L. Mentkevicha, S.A. Mayakovoi. M.: Izdatel'skaya gruppa RONTs, Prakticheskaya meditsina, 2012. 684 s.
3. Pak E. E., Lysenko I. B., Kotlyarova A. B., Dmitrieva V. V. Rezul'taty kompleksnogo lecheniya zlokachestvennykh limfom u detei i podrostkov // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN. 2009. № 1-5. S. 112-118.
4. Rukavitsin O. A. Issledovanie kachestva zhizni v onkologii i gematologii // Farmaekonomika. Gematologiya. Sankt-Peterburg, 2007. S. 764-786.
5. Sullivan M., Karlsson J. The Swedish SF-36 Health Survey III. Evaluation of criterion-based validity: results from normative population // J Clin Epidemiol. 1998. Vol. 51, No. 11. P. 1105-1113.
6. Shilovskaya N. V., Glavatskikh M. M., Reverchuk I. V. Koping-povedenie blizhaishikh rodstvennikov onkobol'nykh detei v remissii kak faktor ikh kachestva zhizni // Educational Bulletin Consciousness. 2025. Vol. 27, No. 1. P. 11-25. DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2025-27-1-11-25.
7. Jiménez, N. N. V., Montes, J. E. O., & Alcocer, E. C. P. Hospital pedagogy: A space of love and recognition for the oncological pediatric patient. Texto & Contexto - Enfermagem, 2019, No. 28, DOI: 10.1590/1980-265X-T CE-2018-0112.
8. Aleksandrova O. V., Dermanova I. B., Tkachenko A. E., Kushnareva I. V. Otnoshenie k budushchemu i vospriyatie situatsii rodstvennikami detei, bol'nykh onkologii // Sbornik materialov nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, 2018. S. 50-52.
9. Miklin D. N. Psikhopatologicheskaya simptomatika (proyavleniya distressa, trevogi, depressii i somatizatsii) u blizhaishikh rodstvennikov gematoonkobol'nykh: kliniko-dinamicheskii aspekt // Sibirskii vestnik psikiatrii i narkologii. 2021. № 1(110). S. 38-43. DOI: 10.26617/1810-3111-2021-1(110)-38-43.
10. Miklin D. N., Glavatskikh M. M., Reverchuk I. V. Klinicheskie osobennosti stress-sovladayushchego povedeniya i kachestva zhizni u zhenshchin-rodstvennits onkologicheskikh bol'nykh // Meditsinskaya sestra. 2019. № 1. S. 18-21. DOI: 10.29296/25879979-2019-01-05.
11. Miklin D. N., Reverchuk I. V. Osobennosti klinicheski znachimykh narushenii psikhicheskogo zdorov'ya u rodstvennikov onkogematologicheskikh bol'nykh // Meditsinskaya psikhologiya v Rossii. 2021. № 4. S. 45-53. DOI: 10.24412/2219-8245-2021-4-8.
12. Badr H., Krebs P. Psychological functioning and coping in caregivers of children with cancer: A systematic review // Psycho-Oncology. 2013. Vol. 22, No. 5. P. 1055-1064.
13. Shishkova A. M. i dr. Osobennosti psikhologicheskogo statusa rodstvennikov patsientov so zlokachestvennymi novoobrazovaniyami // Voprosy onkologii. 2023. № 6.

- S. 789-798. DOI: 10.37469/0507-3758-2023-69-6-1081-1090.
14. Reverchuk I. V. Teoreticheskie i metodologicheskie protivorechiya stanovleniya biopsikhosotsial'noi paradigmy // Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii. 2008. № 4. S. 109-123.
 15. Busygina N. P. Psikhologicheskaya pomoshch' onkologicheskim bol'nym v svete kholisticheskoi modeli bolezni // Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal. 2000. № 1. S. 77-97.
 16. Ivanov E. A., Turchin A. S. Osobennosti vliyaniya blizhaishego okruzheniya na psikhologicheskoe samochuvstvie bol'nykh s onkourologicheskim diagnozom // Chelovecheskii faktor: Sotsial'nyi psikholog. 2016. № 1. S. 293-300.
 17. Kostina N. I. Psikhologicheskaya pomoshch' onkopol'nym i rodstvennikam na statsionarnom etape // Zlokachestvennye opukholi. 2016. № 4. S. 161-162. [[5] Yarovaya E. G. K probleme psikhologosotsial'nogo soprovozhdeniya onkologicheskikh bol'nykh // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya. 2014. № 1. S. 178-196.
 18. Reverchuk I. V., Glavatskikh M. M., Miklin D. N. Primenenie psikhosemanticheskikh metodov v diagnostike psikhoemotsional'nogo statusa blizhaishikh rodstvennikov onkopol'nykh // Obrazovatel'nyi vestnik "Soznanie". 2018. № 5. S. 52-57.
 19. Suroegina A. Yu. Dinamika psikhoemotsional'nogo sostoyaniya i interpersonal'nykh otnoshenii podrostkov i molodezhi, perenessikh tyazheluyu fizicheskuyu travmu. M.: MGPPU, 2011. S. 40-47.
 20. Devis Kh. Kak pomoch' sem'e, v kotoroi ser'ezno bolen rebenok. Moskva: Eterna, 2011. 220 s.
 21. Hastings R. P. et al. Difficulties of Parent Caregivers of Children with Cancer: Psychological Impacts // Supportive Care in Cancer. 2019. Vol. 27, No. 4. P. 1391-1400.
 22. Miller K. D. et al. The Role of Coping Strategies in Reducing Stress Levels Among Cancer Caregivers // Health Psychology. 2020. Vol. 39, No. 2. P. 115-123.
 23. Ware J. E. Jr, Sherbourne C. D. The MOS 36-item short-form health survey (SF-36). I. Conceptual framework and item selection // Medical Care. 1992. Vol. 30, No. 6. P. 473-483.
 24. Aaronson N. K. et al. Multilingual quality of life questionnaire: development and psychometric validation of the EORTC QLQ-C30 // European Journal of Cancer. 1993. Vol. 29A, No. 2. P. 212-219.
 25. Chernikov A. V. Sistemnaya semeinaya terapiya: Integrativnaya model' diagnostiki. M.: Klass, 2001. 208 s.
 26. Eidemiller E. G., Dobryakov I. V., Nikol'skaya I. M. Semeinyi diagnoz i semeinaya psikhoterapiya. SPb.: Rech', 2006. 352 s.
 27. Amirdzhanova V. N., Goryachev D. V. Populyatsionnye pokazateli kachestva zhizni po oprosniku SF-36 (rezul'taty mnogotsentrovogo issledovaniya kachestva zhizni "MIRAZh") // Nauchno-prakticheskaya revmatologiya. 2008. № 1. S. 36-48.
 28. Fedunina N. Yu., Bannikov G. S., Vikhristyuk O. V. Svyaz' semeinoi splochnosti i adaptivnosti po oprosniku FACES-3 s korrelyatami suitsidal'nogo povedeniya v podrostkovom vozraste // Vestnik RGGU. Psikhologiya. Pedagogika. 2017. № 3 (09). S. 22-35.

The Experience of Loneliness: A Philosophical-Psychological Analysis of the Phenomenon

Senior Lecturer; Department of Psychology and Education; Far Eastern Federal University
 Senior Lecturer; Department of Psychology and Sociology; Kherson Technical University
 Medical psychologist; Department of Clinical Psychology and Psychotherapy; Medical Center, Far Eastern Federal University

690091, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Frunzensky district, Ocean Avenue, 19a

✉ khoroshikh.pavel@inbox.ru

Kravtsova Yuliana Vladimirovna

Student; Department of Psychology and Education; Far Eastern Federal University
 690091, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Frunzensky district, Ocean Avenue, 19a

✉ kravtcova.yv@dvfu.ru

Abstract. The study is dedicated to the exploration of the phenomenon of loneliness in contemporary psychological science. The authors conduct a comparative analysis of existing concepts of loneliness as presented in domestic and foreign literature, emphasizing the polysemy and complexity of this notion. Approaches from various scientific schools — philosophy, sociology, psychology — are examined, each offering its own understanding of loneliness. Special attention is given to the historical aspect of the problem, starting from ancient times and extending to the present day. Differences in the interpretations of loneliness by various thinkers, such as Hegel, Marx, Nietzsche, Sartre, Camus, and others, are highlighted. The authors note that the modern era is characterized by a new level of perception of loneliness due to the global spread of digital communications, which influence social behavior and the perception of individuality. The relevance of the study is determined by the necessity for an in-depth examination of the impact of loneliness on personal development and psychological well-being, especially among adolescents, whose inner world proves vulnerable to the negative consequences of loneliness. The methodology of the research includes a literary review of domestic and foreign publications, systematization, and critical analysis of existing approaches to defining loneliness. The main method is analytical-theoretical, allowing for the classification of scientists' views on loneliness and the formation of a working concept. Attention is given to the formulation of a clear working definition of loneliness that allows for a deeper understanding of the mechanisms of its emergence and experience. The scientific novelty of this research lies in the attempt to integrate contemporary views on the phenomenon of loneliness into a unified theoretical space, enabling a holistic understanding of the causes, mechanisms, and forms of experiencing loneliness. A deep comparative analysis of various approaches to understanding loneliness, including cultural, historical, and interdisciplinary contexts, has been conducted for the first time. The uniqueness of the study lies in identifying key factors that determine the emergence and consequences of loneliness in the digital age, as well as a detailed examination of the features of loneliness experiences among adolescents. The research complements existing knowledge by offering a new definition of loneliness based on an integrative approach, which emphasizes the role of personality traits, social conditions, and individual preferences in shaping the experience of loneliness. The findings expand the prospects for further empirical studies aimed at developing effective methods for preventing the negative consequences of loneliness and supporting young people during their personal development.

Keywords: Theory of loneliness, Prevention of loneliness, Communication technologies, Adolescence, Digital era, Social isolation, Subjective experience, Psychological state, Personality, Loneliness

References (transliterated)

1. Gegel', G. V. F. Entsiklopediya filosofskikh nauk. Filosofiya dukha. Moskva: Mysl', 1977. 471 s.
2. Nitsshe, F. Volya k vlasti: Opyt pereotsenki vsekh tsennostei. Moskva: Zhanna, 1994. 363 s.
3. Toro, G. D. Zhizn' v Iesu. Moskva, 1980. 230 s.
4. Kamyu, A. Izbrannye proizvedeniya. Moskva: Panorama, 1993. 448 s.
5. Veis, R. S. Voprosy izucheniya odinochestva // Labirinty odinochestva. 1989. S. 114-128.
6. Lebedev, V. I. Psikhologiya i psikhopatologiya odinochestva i gruppovoi izolyatsii // Psikhologiya i psikhopatologiya odinochestva i gruppovoi izolyatsii. 2002. S. 22.
7. Slobodchikov, I. M. Sovremennye issledovaniya perezhivaniya odinochestva // Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie. 2007. № 3. S. 27-35. EDN: ICJGTF.
8. Vasilyuk, F. E. Psikhologiya perezhivaniya. Moskva: Izdatel'stvo MGU, 1984. 240 s. EDN: TPDZTN.
9. Osin, E. N., Leont'ev, D. A. Odinochestvo kak predmet psikhologicheskogo issledovaniya // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2013. № 1. S. 55-81. EDN: QYZBYJ.
10. Korchagina, S. G. Genezis, vidy i proyavleniya odinochestva. Moskva, 2005. 196 s. EDN: UVGSDB.
11. Burnashev, R. F., Rakhmankulova, S. Z. Filosofiya ekzistentsializma kak metod analiza global'nykh problem sovremennosti // Universum: obshchestvennye nauki. 2025. № 4 (119).
12. Mironov, A. V. Ponyatiinyi apparat issledovaniya problemy sotsial'nogo odinochestva / A. V. Mironov // Paradigmy istorii i obshchestvennogo razvitiya. 2021. № 21-22. S. 84-88. EDN: ALJNQC.
13. Nabieva Z.B. Sravnitel'nyi analiz otechestvennykh i zarubezhnykh issledovaniy fenomena odinochestva. // Psikholog. 2023. № 5. S. 206-216. DOI: 10.25136/2409-8701.2023.5.44060 EDN: ASMXWG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=44060
14. Metodologicheskie podkhody k issledovaniyu odinochestva // Molodezh' Sibiri - nauke Rossii: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk, 24 aprelya 2024 goda. Krasnoyarsk: Sibirskii institut biznesa, upravleniya i psikhologii, 2024. S. 245-248. EDN: PKNNOS.
15. Korol', N. V., Molozhavskaia, D. A. Vzaimosvyaz' odinochestva i depressii v period rannei vzroslosti // Flagman nauki. 2023. № 4(4). S. 518-523. DOI 10.37539/2949-1991.2023.4.4.021. EDN: GPXAAK.
16. Kiseleva, A. V. Ideya sverkhcheloveka v filosofii Fridrikha Nitsshe / A. V. Kiseleva // Rossiya i mir v istoricheskoi retrospektive: materialy XXIX mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, k 320-letiyu osnovaniya Sankt-Peterburga. V 3 t., Sankt-Peterburg, 07 aprelya 2023 goda. Tom 2. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet promyshlennykh tekhnologii i dizaina, 2023. S. 878-883. EDN: LPRMCO.
17. Baranova, K. M. Chelovek i Priroda v proizvedeniyakh transtsendentalistov / K. M. Baranova // Chelovek i vremya v yazyke i literature: Sbornik nauchnykh trudov po lingvistike i literaturovedeniyu, posvyashchennyi yubileyu doktora filologicheskikh nauk, professora Ol'gi Gennad'evny Chupriny, Moskva, 08 fevralya 2024 goda. Moskva: OOO "Yazyki narodov mira", 2024. S. 199-205. EDN: YLCMNS.

18. Shiyani, A. Mezhdunarodnyi nauchnyi seminar "Transtsendental'nyi povorot v sovremennoi filosofii - 9: metafizika, epistemologiya, teoriya soznaniya, kognitivistika i iskusstvennyi intellekt, teologiya" (11-13 aprelya 2024 g., Moskva, Rossiya) / A. Shiyani // HORIZON. Fenomenologicheskie issledovaniya. 2024. T. 13, № 2. S. 648-659. DOI 10.21638/2226-5260-2024-13-2-648-659. EDN: DTMJIU.
19. Grigorova, A. N., Shevyreva, E. G. Teoreticheskie aspekty problemy odinochestva v psikhologii / A. N. Grigorova, E. G. Shevyreva // Psikhologiya psikhicheskikh sostoyanii: sbornik materialov XVII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii dlya studentov, magistrantov, aspirantov, molodykh uchenykh i преподаvatelei vuzov, Kazan', 16-17 fevralya 2023 goda. Kazan': Kazanskii universitet, 2023. S. 97-102. EDN: LHIYYB.
20. Kochneva, E. M., Rybkina, V. S. Praktika izucheniya fenomena odinochestva v psikhologii / E. M. Kochneva, V. S. Rybkina // Nizhegorodskii psikhologicheskii al'manakh. 2023. № 1. S. 98-107. EDN: OFLCAU.
21. Murtazina, I. R. Osobennosti perezhivaniya odinochestva vzroslyimi v svyazi s ikh lichnostnymi kharakteristikami / I. R. Murtazina // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya. 2024. T. 14, № 1. S. 96-112. EDN: BUEQDE.

Features of the manifestation of self-determination and behavioral control among first and third-year students

Polyakov Aleksandr Sergeevich

PhD in Psychology

Associate Professor; Department of Psychology, Moscow International University

17 Leningradsky ave., Begovoy district, Moscow, 125040, Russia

✉ aleksandr-pv@mail.ru

Grunenkova Ekaterina Viktorovna

Student; Department of Psychology, Moscow International University

17 Leningradsky ave., Begovoy district, Moscow, 125040, Russia

✉ kategrunenкова@yandex.ru

Abstract. The subject of this study is the features of self-determination and its relationship with behavior control among first-year and third-year students. The authors discuss the theoretical foundations of self-determination within the framework of Deci and Ryan's theory, including basic psychological needs (autonomy, competence, relatedness). Special attention is given to the comparative analysis of self-determination and behavioral control indicators among students of different years. The authors explore how these indicators change during the learning process and identify statistically significant differences between groups. It is shown that first-year students demonstrate a higher level of autonomy and willpower control, while third-year students exhibit increased anxiety when making mistakes. A particular emphasis is placed on the identified correlations between autonomy and emotional control, as well as between anxiety and sense of belonging. These results are significant for understanding the psychological mechanisms of students' adaptation to the educational process. The study sample consisted of 41 students aged 17 to 21 years. Psychological methods: Basic Psychological Needs Satisfaction Scale (M. Gagne), Behavior Control Questionnaire (E.A. Sergienko et al.), and Motivation Orientation Scale for Making Mistakes (K.

Schell). Statistical methods: Mann-Whitney U test and Spearman's correlation analysis. The novelty of the research lies in the comprehensive study of the relationship between the level of self-determination, behavior control, and attitudes towards mistakes among first-year and third-year students. Differences in the manifestation of autonomy, competence, and relatedness between first-year and third-year students were identified for the first time, as well as their correlations with emotional and willpower control. The main conclusions of the study are: first-year students have higher indicators of autonomy and willpower control than third-year students, which may be related to adaptation to the educational environment; the level of self-determination correlates with emotional control and motivation when making mistakes but does not depend on students' age; an inverse relationship was found between autonomy and anxiety about mistakes, highlighting the importance of developing self-determination to reduce stress. The results of the study can be used to develop strategies for supporting students in the learning process.

Keywords: Fear of making mistakes, Self-regulation, Emotional regulation, Students, Psychological needs, Motivation, Behavioral control, Psychological well-being, Self-determination, Adaptation

References (transliterated)

1. Anokhin P. K. *Filosofskie aspekty teorii funktsional'noi sistemy: izbrannye trudy.* – Moskva: Nauka, 1978. – 399 s.
2. Borzova T. V., Plotnikova E. S. *Proyavlenie samodeterminatsii v lichnostnoi, deyatel'nostnoi i sotsial'noi samorealizatsii studentov* // *Psikholog.* – 2020. – № 4. – S. 12-21. – DOI 10.25136/2409-8701.2020.4.33082. EDN: OYPFVZ
3. Borzova T. V. *Psikhologiya ponimaniya kak resurs razvitiya sovremennogo vuzovskogo obrazovaniya.* – Khabarovsk: Tikhookeanskii gosudarstvennyi universitet, 2023. – 218 s. EDN: SCLCJZ
4. Gordeeva T. O. *Teoriya samodeterminatsii: nastoyashchee i budushchee. Chast' 1: Problemy razvitiya teorii* // *Psikhologicheskie issledovaniya.* – 2010. – № 4(12). – S. 11. EDN: MUXUPT
5. Gutkina N. I. *Kontseptsiya L.I. Bozhovich o stroenii i formirovanii lichnosti (kul'turno-istoricheskii podkhod)* // *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya.* – 2018. – T. 14, № 2. – S. 116-128. – DOI 10.17759/chp.2018140213. EDN: USBSJL
6. Kon I. S. *Sotsializatsiya detei v izmenyayushchemsya mire* // *Voprosy vospitaniya.* – 2010. – № 1. – S. 18-24. EDN: QZDEZV
7. Kudinov S. I. *Polisistemnaya kontseptsiya samorealizatsii lichnosti* // *Dizain i tekhnologii.* – 2014. – № 41(83). – S. 114-120. EDN: TBRLDX
8. Kostenko V. Yu., Leont'ev D. A. *Vzglyad na sebya so storony: rol' refleksii i samodeterminatsii v razvitii lichnosti* // *Mir psikhologii.* – 2016. – № 3(87). – S. 97-108.
9. Leont'ev D. A. *Ot fenomena samostoyatel'nosti k mekhanizmam samodeterminatsii* // *Voprosy obrazovaniya.* – 2024. – № 1. – S. 142-161. – DOI 10.17323/vo-2024-17626. EDN: PFHLDU
10. Maslou A. *Psikhologiya bytiya.* – 2-e izd. – Moskva: Akademicheskii proekt, 2022. – 275 s.
11. Podbutskaya N. V., Knysh A. E. *Aprobatsiya shkaly napravlenosti motivatsii pri sovershenii oshibki K. Shella (EOMS: The Error-Oriented Motivation Scale)* // *Psikhologicheskii zhurnal.* – 2020. – T. 41, № 2. – S. 127-138. – DOI

10.31857/S020595920008571-4. EDN: NGQVEU

12. Rastorgueva E. N. Samoaktualizatsiya: samodeterminatsiya ili samotransstsendentsiya? (K probleme lichnostnogo razvitiya) // Mir psikhologii. – 2017. – № 1. – S. 194-203. EDN: YZICZF
13. Sergienko E. A., Vilenskaya G. A., Vetrova I. I. Novyi metod otsenki psikhicheskoi regul'yatsii – oprosnik "Kontrol' povedeniya" // Eksperimental'naya psikhologiya. – 2023. – № 1. – S. 182-200. DOI: 10.17759/exppsy.2023160111. EDN: WPQZOW
14. Sergienko E. A., Vilenskaya G. A., Kovaleva Yu. V. Kontrol' povedeniya kak sub'ektnaya regul'yatsiya. – Moskva: Institut psikhologii RAN, 2010. – 353 s. EDN: TGHHTV
15. Suvorova I. Yu., Babii A. A., Korzun N. V. Adaptatsiya obshchei shkaly udovletvoreniya bazovykh psikhologicheskikh potrebnosti E. Desi i R. Raiana // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya. – 2021. – № 1-2(55). – S. 55-66. EDN: FWHHJC
16. Erikson E. G. Detstvo i obshchestvo. – Sankt-Peterburg: Piter, 2019. – 448 s.
17. Deci E. L., Ryan R. M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality // Journal of Research in Personality. – 1985. – Vol. 19, Issue 2, – P. 109-134. – DOI 10.1016/0092-6566(85)90023-6
18. Keith N., Frese M. Effectiveness of error management training: A meta-analysis // Journal of Applied Psychology. – 2008. – Vol. 93(1). – P. 59-69. – DOI 10.1037/0021-9010.93.1.59
19. Perreault D., Mask L., Morgan M., Blanchard C. M. Internalizing emotions: Self-determination as an antecedent of emotional intelligence // Personality and Individual Differences. – 2014. – Vol. 64. – P. 1-6. – DOI 10.1016/j.paid.2014.01.056
20. Ryan R. M., Deci E. L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55 (1). – P. 68-78. – DOI 10.1037/0003-066X.55.1.68. EDN: GSHHWJ
21. Rybowski V., Garst H., Frese M., Batinic B. Error Oriented Questionnaire (EOQ): Reliability, validity, and different language equivalence // Journal of Organizational Behavior. – 1999. – Vol. 20 (4). – P. 527-547. – DOI: 10.1002/(SICI)1099-1379(199907)20:43.0.CO;2-G
22. Schwartz B. The paradox of choice: Why more is less / B. Schwartz. – New York: HarperCollins, 2004. – 304 p.

Color as a factor in the educational environment design: recent research review

Vorobei Anna Sergeevna

Postgraduate student; Sociology and Philosophy Department; Smolensk State University

214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, Przhivalskogo str., 4

✉ super_ka@mail.ru

Abstract. Color in an educational environment can both direct the student's attention and create a cognitive load that is irrelevant to educational tasks. This paper reviews data published over the past ten years on the problem of finding the relationship between the color design of educational spaces and various psychological and cognitive characteristics of students.

The purpose of the work is to collect and systematize knowledge, identify trends and new directions in color research in the learning spaces, review promising ideas to determine the vector of further study of the scientific problem and the application of the results obtained. Special attention is paid to the hybrid nature of the modern educational environment. In the process of work, methods of comparative analysis, systematization and generalization were used.

Based on the analysis, the following conclusions were formulated:

1. The context of learning, where a person has cognitive goals, color research often remains outside the scope of research tasks.
2. The results obtained in the analyzed works do not yet make it possible to draw definitive conclusions about the influence of color in the educational environment on the cognitive abilities, success and emotions of students.
3. The vast context of the modern educational environment remains beyond the scope of research interest. The accumulated data on the color design of classrooms seem to be of little informative in the current learning environment, when the transition between digital and physical environments is carried out more often and faster.
4. Due to methodological and resource constraints, only certain color properties and a limited part of the color spectrum come into the focus of researchers' attention.
5. There is little data to draw conclusions about the age, gender and socio-cultural specifics of perception and the role of color in the educational environment.

Keywords: signaling principle, emotional design, virtual reality, color preferences, cognitive functions, multimedia learning, cognitive skills, learning environment, color, learning efficiency

References (transliterated)

1. Hampshire A., Trender W., Chamberlain S. R., Jolly A. E., Grant J. E., Patrick F., Mazibuko N., Williams S. C., Barnby J. M., Hellyer P., Mehta M. A. Cognitive deficits in people who have recovered from COVID-19 // *EClinicalMedicine*. 2021. No. 39.
2. Alan S., Turkum B. Disruption to Schooling Impedes the Development of Abstract Reasoning and Theory of Mind in Children. 2023.
3. Griber Yu. A. *Prikladnye issledovaniya tsveta: uchebnoe posobie*. M.: Soglasie, 2022.
4. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu*. M.: Smysl, 2001.
5. Griber Yu. A., Selivanov V. V., Veber R. Tsvet v obrazovatel'noi srede dlya pozhilykh lyudei: obzor sovremennykh issledovaniy // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2020. № 5 (47). S. 368-383.
6. Llorens-Gámez M., Higuera-Trujillo J. L., Omarrementeria C. S., Llinares C. The impact of the design of learning spaces on attention and memory from a neuroarchitectural approach: A systematic review // *Frontiers of Architectural Research*. 2022. No. 11(3). Pp. 542-560.
7. Dzulkifli M., Mustafar M. F. The Influence of Colour on Memory Performance: A Review // *The Malaysian journal of medical sciences*. 2013. No. 20. Pp. 3-9.
8. Lomov S. P., Amanzholov S. A., Fedosenko E. V. Rol' belogo tsveta v formirovanii komfortnoi obrazovatel'noi sredy // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2022. № 75 (3). S. 244-247.
9. Kulikova A. A., Solomakha E. N., Rodionova Yu. V. Psikhologo-pedagogicheskoe vliyanie tsveta v dizaine obrazovatel'nykh uchrezhdenii // *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*. 2022. № 74(4). S. 145-147.

10. Marchenko M. N., Sidorenko M. M. Ispol'zovanie tsveta v dizain-proektirovanii zhilykh i obshchestvennykh prostranstv i ego vliyanie na razvitie detei // Naukosfera. 2022. № 12(2). S. 6-9.
11. Plavnik A. S. Znachenie tsvetovogo oformleniya pomeshcheniya dlya mladshikh shkol'nikov v uchebnom protsesse // Didakt. 2022. № 1(9). S. 102-106.
12. Grebenyuk, M. S. Vliyanie tsveta i osveshcheniya na komfort v obrazovatel'nykh sredakh // Nauka i obrazovanie v novykh realiyakh: problemy, diskussii, puti sovershenstvovaniya : Materialy XXXII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnodar, 11 dekabrya 2023 goda. Krasnodar: OOO "Izdatel'stvo Panorama", 2023. S. 12-13.
13. Jiang A., Yao X., Hemingray C., Westland S. Young people's colour preference and the arousal level of small apartments // Color Research & Application. 2021. No. 47(3). Pp. 783-795.
14. Uluçay N. Ö. An interior design exhibition: An assessment of color scheme preferences and the emotional states of students // Color Research & Application. 2018. No. 44(1). Pp. 132-138.
15. Costa M., Frumento S., Nese M., Predieri I. Interior Color and Psychological Functioning in a University Residence Hall // Frontiers in Psychology. 2018. No. 9.
16. Dehvari H., Mirshojaeian H. I., Maddahi S. The Effect of Educational Background on Students' Color Preferences for Improving the Quality of Learning in Learning Environments (A Case Study: Undergraduate Students Majoring in Computer and Architecture in Mashhad). 2023. Pp. 1-15.
17. Salahaddin B., Husein H., Sazgar S. The Impact Of Colour On Students' Perception In Learning Spaces // Tikrit Journal of Engineering Sciences. 2021. No. 28. Pp. 33-43.
18. Yildirim K., Çağatay K., Ayalp N. Effect of wall colour on the perception of classrooms // Indoor and Built Environment. 2014. No. 24.
19. Güneş E., Olguntürk N. Color-emotion associations in interiors // Color Research & Application. 2019. No. 45(1). Pp. 129-141.
20. Von Castell C., Stelzmann D., Oberfeld D., Welsch R., Hecht H. Cognitive performance and emotion are indifferent to ambient color // Color Research & Application. 2017. No. 43(1). Pp. 65-74.
21. Oh J., Park H. Effects of Changes in Environmental Color Chroma on Heart Rate Variability and Stress by Gender // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2022. No. 19(9).
22. AL-Ayash A., Kane R. T., Smith D., Green-Armytage P. The influence of color on student emotion, heart rate, and performance in learning environments // Color Research & Application. 2016. No. 41(2). Pp. 196-205.
23. Llinares C., Higuera T., Juan L., Serra J.. Cold and warm coloured classrooms. Effects on students' attention and memory measured through psychological and neurophysiological responses // Building and Environment. 2021. No. 196.
24. Duyan F., Unver R. A research on the effect of classroom wall colours on student's attention // A/Z : ITU journal of Faculty of Architecture. 2016. No. 13(2). Pp. 73-78.
25. Min Y. H., Lee S. Does interior color contrast enhance spatial memory? // Color Research & Application. 2019. No. 45.
26. Griber Yu. A., Delov A. A. Vliyanie tsveta na pokazateli kratkovremennoi pamyati // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2023. № 5 (65). S. 500-518.
27. Barrett P., Davies F., Zhang Y., Barrett L. The Holistic Impact of Classroom Spaces on

- Learning in Specific Subjects // Environment and Behavior. 2016. No. 49.
28. Andrievich A. I. Vliyanie tsvetovoi gammy uchebnykh pomeshchenii na rabotosposobnost' studentov // Vestnik UIGTU. 2018. № 2 (82). S. 7-8.
 29. Lipson-Smith R., Bernhardt J., Zamuner E. et al. Exploring colour in context using Virtual Reality: Does a room change how you feel? // Virtual Reality. 2021. No. 25. Pp. 631-645.
 30. Cha S. H., Zhang S., Kim, T. W. Effects of Interior Color Schemes on Emotion, Task Performance, and Heart Rate in Immersive Virtual Environments // Journal of Interior Design. 2020. No. 45(4). Pp. 51-65.
 31. Xia G., Henry, P., Li, M., Queiroz, F., Westland, S., Yu, L. A Comparative Study of Colour Effects on Cognitive Performance in Real-World and VR Environments // Brain Sciences. 2022. No. 12(31).
 32. Weijs M. L., Jonauskaitė D., Reutimann R., Mohr C., Lenggenhager B. Effects of environmental colours in virtual reality: Physiological arousal affected by lightness and hue // Royal Society Open Science. 2023. No. 10(10).
 33. Fajardo M. L. N., Higuera-Trujillo J. L., Llinares C., Lighting, colour and geometry: Which has the greatest influence on students' cognitive processes? // Frontiers of Architectural Research. 2023. No. 12(4). Pp. 575-586.
 34. Brooker A., Franklin A. The effect of colour on children's cognitive performance // British Journal of Educational Psychology. 2016. No. 86(2). Pp. 241-255.
 35. Jang D., Choi K. Colour in virtual classroom: Effects of colour schemes and interior elements on students' preference and attention // IASDR 2023: Life-Changing Design. 2023. Pp. 9-13.
 36. Xia G., Henry P., Chen Y., Queiroz F., Westland S., Cheng Q. The effects of colour attributes on cognitive performance and intellectual abilities in immersive virtual environments // Computers in Human Behavior. 2023. No. 148.
 37. Meusel F., Scheller N., Rey G. D., Schneider S. The influence of content-relevant background color as a retrieval cue on learning with multimedia // Education and Information Technologies. 2024. No. 1(22).
 38. Griber Yu. A., Tsygankova K. Yu., Ustimenko Yu. A. Tsvet kak trigger: vliyanie khromaticheskikh kharakteristik sensorykh knopok na motivatsiyu prikosnoveniya // Psikholog. 2022. № 6. S. 73-87.
 39. Alpizar D., Adesope O. O., Wong R. M. A meta-analysis of signaling principle in multimedia learning environments // Educational Technology Research and Development. 2020. No. 68. Pp. 2095-2119.
 40. Wong R. M., Adesope O. O. Meta-analysis of emotional designs in multimedia learning: A replication and extension study // Educational Psychology Review. 2021. No. 33(2). Pp. 357-385.

Psychological aspects of the use of digital educational technologies

Gushkova Svetlana Aleksandrovna

Postgraduate student; Department of Pedagogy, Psychology and Social Work; Omsk Humanitarian Academy

644105, Russia, Omsk region, Omsk, ul. Fourth Chelyuskintsev, 2A

✉ glushkova.s.a@gmail.com

Abstract. The article analyzes the effects of the digital environment in the modern education system. The documents regulating the activities of the subjects of the educational process in the conditions of using the digital environment are being studied. Variable opinions of scientists on the problem of the psychological impact of the digital environment on adolescents of the alpha generation are given. An assessment of the expediency of using a virtual environment and consideration of negative psychological consequences are given. The purpose of this article is to study the problem of psychological effects on adolescents in the context of the use of digital educational resources. The topic of the article is relevant in connection with the requirements of legislation in the field of education. The development of market relations leads to the need to develop electronic communication skills starting from school. The school education system should reflect the real needs of modern society, therefore, the introduction and proper use of digital resources will help to implement the required standards in the field of Internet communications. Scientific research is conducted in accordance with the principles of psychological sciences. The basic determinant in the research is the process of communication between users in the environment of Internet technologies. In turn, a specific method of studying the meaningful data of digitalization of modern education is a general scientific analysis of research on the problem of psychological aspects in the context of the implementation of the digital educational environment. The theoretical analysis demonstrates the identification of an ambivalent effect for users of the digital environment. Noteworthy is the transformation of the spatiotemporal features of online communication, the distortion of reality and the formation of a preferred lifestyle due to the nihilism of existing social values and the preference in choosing the authorities of their circle of public personalities. The results of the study signal the need for the formation of psychological support in order to minimize the negative impact of the virtual world on the fragile personality of adolescents.

Keywords: nihilism, cognitive distortion of reality, informationalism, psychological effects, education, market economy, information society, Internet technologies, alpha generation, digital environment

References (transliterated)

1. Serkina N. E. Ponyatie setevogo obshchestva M. Kastel'sa // Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2019. № 2. S. 161–169. URL: <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-12017>
2. Dedov N. P. Psikhologicheskie osobennosti ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologii v obrazovatel'noi deyatel'nosti / N. P. Dedov, O. A. Komissarova, I. V. Kokhova, O. E. Petrunya // Vestnik evraziiskoi nauki. 2023. T. 15. №1. URL: <https://esj.today/PDF/35FAVN123.pdf>
3. Krainov A. L., Shalaeva N. V. Problemy i perspektivy razvitiya tsifrovogo obshchestva: sotsial'no-filosofskii analiz // Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke. 2022. Tom 11, № 5A. S. 150–156. doi: 10.34670/AR.2022.55.58.018
4. Kozlova N. Sh. Tsifrovyye tekhnologii v obrazovanii. Vestnik Maikopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. 2019. №1. S. 83–91. URL: <https://doi.org/10.24411/2078-1024-2019-11008>
5. Blinov V. I., Sergeev I. S., Esenina E. Yu. Osnovnye idei didakticheskoi kontseptsii tsifrovogo professional'nogo obrazovaniya i obucheniya. M., 2019. 24 s.
6. Sycheva T.A. Statisticheskii analiz primeneniya tsifrovyykh resursov v obrazovatel'nom protsesse pedagogami Kuzbassa v 2021/2021 uchebnom godu // Simvol nauki. 2021. №10-1. S.24-25.

7. Tsifrovye resursy dlya organizatsii obrazovatel'nogo protsessa i otsenki dostizhenii obuchayushchikhsya v distantsionnom formate: obzor tsifrovyykh resursov dlya distantsionnogo obrazovaniya. N. Novgorod: Mininskii universitet. 2020. 50 s.
8. Mukhametzyanova F.G., Stepanova K.I. Razmyshleniya o novykh pokoleniyakh obuchayushchikhsya i osobennosti pokoleniya Al'fa v global'nom obrazovanii // Global'naya ekonomika i obrazovanie. 2021. 1 (2). S. 42-50.
9. Danilova L.N. Psikhologo-pedagogicheskii portret pokoleniya al'fa // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsiokinetika. 2022. T. 28. № 4. S. 5–12. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2022-28-4-5-12>
10. Poladov, Sh. Tsifrovye obrazovatel'nye resursy i ikh vidy po predstavleniyu i sodержaniyu // Molodoi uchenyi. 2024. № 7 (506). S. 237-239.
11. Analiz rynka tsifrovyykh obrazovatel'nykh instrumentov v Rossii v 2019-2023 gg., prognoz na 2024-2028 gg. URL: <https://marketing.rbc.ru/research/26927/>
12. Bagdasar'yan N. G., Romashkina A. P. Tsifrovoe povedenie lichnosti v internet-kommunikatsiyakh: kul'tura i riski // Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna». Seriya «Nauki o cheloveke i obshchestve». 2021. №1. S. 61–72.
13. Vaganova O.I., Gladkov A.V., Konovalova E.Yu., Voronina I. R. Tsifrovye tekhnologii v obrazovatel'nom prostranstve // BGZh. 2020. №2 (31) doi: 10.26140/bgzh-2020-0902-0012
14. Yanitskii M. S. Psikhologicheskie aspekty tsifrovogo obrazovaniya. Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom. 2019. 2 (34). S. 38–44.
15. Korytova G.S. Psikhologicheskaya transformatsiya lichnosti obuchayushchegosya v usloviyakh tsifrovizatsii obrazovaniya // Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie. Pedagogical Review. 2024. № 2(54). S. 159–167. <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2024-2-159-167>
16. Kutsenko S.M., Malatsion S.F. Ob organizatsii distantsionnogo obucheniya v usloviyakh pandemii // Uchenye zapiski ISGZ. 2020. № 1 (18). S. 89–98.
17. Sokolova A. A., Generalova N. V., Sokolova N. A. Tendentsii razvitiya tsifrovoi obrazovatel'noi sredy v kontekste rasprostraneniya massovykh otkrytykh onlain resursov: rossiiskii opyt. Finansy i biznes. 2020. №4 (16). S. 111–130.
18. Morozov A. V. Sovremennye tendentsii razvitiya tsifrovogo obrazovaniya: «Za» i «Protiv» // Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo. 2020. №3-1. C. 673–674.
19. Parker A. (2020). Interaction in distance education: the critical conversation. AACE review (formerly AACE Journal) 13-17. Waynesville, NC USA: Association for the Advancement of Computing in Education (AACE). <https://www.learntechlib.org/primary/p/8117/>
20. Vetrov A. N. Sreda avtomatizirovannogo obucheniya so svoistvami adaptatsii na osnove kognitivnykh modelei. Sankt-Peterburg. 2020. 271 s.
21. Malinochka A. V. Osobennosti tsifrovoi obrazovatel'noi sredy v shkole. Tsifrovaya obrazovatel'naya sreda v shkole: psikhologicheskie riski i vozmozhnosti: sbornik metodicheskikh razrabotok kraevogo konkursa sredi pedagogov-psikhologov Stavropol'skogo kraia. Stavropol': SKIRO PK i PRO. 2022. C. 6–19.
22. Galimullina E. Z. Pedagogicheskoe obespechenie dostizheniya predmetnykh obrazovatel'nykh rezul'tatov shkol'nikami v tsifrovoi obrazovatel'noi srede. Kazan'. 2023. 220 s.

23. Khamitov R.M. Tsifrovizatsiya obrazovaniya i ee aspekty. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya. 2021. № 3. doi: 10.17513/spno.30771
24. Polupan K. L. Kontseptual'nye osnovy proektirovaniya individual'nogo obrazovatel'nogo marshruta studenta v tsifrovoi obrazovatel'noi srede universiteta. Kaliningrad: FGAOU VO «Balt. feder. un-t im. Immanuila Kanta», 2021. 458 s.

Laws and contradictions of personality's digital information culture development

Flerov Oleg Vladislavovich

PhD in Pedagogy

Researcher ; Scientific Research Center ; Mbscow Witte University

115432, Russia, Mbscow, Danilovsky district, 2nd Kozhukhovsky passage, 12

✉ olegflyoroff@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is determined by penetration of the digital environment into people's lives at all levels that actualizes issues of developing personality's digital qualities both at the level of individual skills and more complex didactic units. The article aims at revealing the laws and contradictions of contemporary digital environment influence on individual's information culture as pedagogically considered quality. The research is based on the postulates of fundamental works that studied the information culture concept in social and later pedagogical paradigms against the background of computerization era as well as modern works that consider it from interdisciplinary humanitarian positions. The main research methods are dialectical analysis that makes possible to compare various factors in person's digital information culture development, abstraction that allows us to discuss the information impact without reference to its content, and synthesis that helps to form understanding of solutions to emerging contradictions. The paper grounds digital information culture as a new type of personality quality in comparison with information culture in the traditional sense. It emphasizes the increasing influence of spontaneous non-institutional information environment on cognitive processes. The novelty of the article consists in considering the development of information culture from a generalized theoretical standpoint of digital information influence as opposed to the traditional study of forming specific information qualities with a technological emphasis. The author concludes that the studied laws and contradictions correspond to the general pedagogical dialectic of human individuality and mass education interaction.

Keywords: information consumption, information route, informational society, pedagogical dialectics, personality development, digital information, digital space, information culture, pedagogical contradictions, pedagogical laws

References (transliterated)

1. Toffler A. Tret'ya volna. N'yu-Iork: Morrow, 1980. 544 s.
2. Bell D. Prihod postindustrial'nogo obshchestva: eksperiment v sotsial'nom prognozirovanii. N'yu-Iork: Basic Books, 1973. 507 s.
3. Kastel's M. Stanovlenie obshchestva setevykh struktur // Novaya postindustrial'naya volna na Zapade: antologiya / pod red. V.L. Inozemtseva. M.: Academia, 1999. S. 492-505.
4. Maklyuen M. Ponimanie sredstv massovoi informatsii: rasshireniya cheloveka. N'yu-

- Iork: McGraw-Hill, 1964. 324 s.
5. Abdeev R.F. *Filosofiya informatsionnoi tsivilizatsii*. M.: Vldos, 1994. 336 s.
 6. Inozemtsev V.L. *Sovremennoe postindustrial'noe obshchestvo: priroda, protivorechiya, perspektivy*. M.: Logos, 2000. 302 s.
 7. Rakitov A.I. *Nash put' k informatsionnomu obshchestvu // Teoriya i praktika obshchestvenno-nauchnoi informatsii*. M.: INION, 1989. S. 31-52.
 8. Lerner I.Ya. *Protsess obucheniya i ego zakonomernosti*. M.: Znanie, 1980. 96 s.
 9. Ershov A.P. *Shkol'naya informatika v SSSR: ot gramotnosti k kul'ture // Informatika i obrazovanie*. 1987. № 6. S. 3-11. EDN: YRBLLZ
 10. Sukhanov A.P. *Informatsiya i progress*. Novosibirsk: Nauka, 1988. 190 s.
 11. Vorob'ev G.G. *Tvoya informatsionnaya kul'tura*. M.: Molodaya gvardiya, 1988. 303 s.
 12. Gaidareva I.N. *Informatsionnaya kul'tura lichnosti v usloviyakh transformatsii rossiiskogo obshchestva: sotsiologicheskii aspekt: dis. ... kand. sotsiol. nauk*. Maikop, 2002. 150 s. EDN: NMCXRR
 13. Gorelova E.V. *Informatsionnaya kul'tura i ee rol' v formirovanii lichnosti: dis. ... kand. kul'turologii*. Nizhnevartovsk, 2008. 135 s. EDN: NQETAR
 14. Zhubinskii A.I. *Aksiologicheskoe izmerenie protsessov informatizatsii v sovremennom obshchestve: dis. ... kand. filos. nauk*. Armavir, 2010. 175 s. EDN: QFATEF
 15. Zaitseva L.A. *Chelovek v sisteme tsennosti informatsionnogo obshchestva: dis. ... kand. filos. nauk*. Moskva, 1999. 107 s.
 16. Stokov A.A. *Tsifrovaya kul'tura i tsennosti rossiiskogo obrazovaniya: dis. ... kand. filos. nauk*. Nizhnii Novgorod, 2021. 165 s. EDN: UJIIAO
 17. Gritsenko S.V. *Informatsionnaya kul'tura lichnosti v postindustrial'nom obshchestve: dis. ... kand. filos. nauk*. Perm', 2005. 228 s. EDN: UCXUYZ
 18. Zalevskaya A.A. *Razvitie professional'noi sub'ektnosti lichnosti v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva: dis. ... kand. filos. nauk*. Novocherkassk, 2023. 185 s.
 19. Kazantseva V.P. *Informatsionnaya kul'tura lichnosti: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. ... kand. filos. nauk*. Krasnoyarsk, 2008. 168 s. EDN: NQHYBX
 20. Polyakova G.V. *Informatsionnaya kul'tura v sovremennom obshchestve: filosofskie aspekty: dis. ... kand. filos. nauk*. Moskva, 2015. 150 s. EDN: VPGURL
 21. Nosova S.S. *Metamorfozy tsifrovogo setevogo obshchestva: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. ... kand. filos. nauk*. Tomsk, 2022. 176 s. EDN: ILYMWO
 22. Zubareva S.S. *Informatsionnaya real'nost' tsifrovogo pokoleniya: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. ... kand. filos. nauk*. Rostov-na-Donu, 2023. 179 s. EDN: LQOOZD
 23. Lazinina E.V. *Kommunikativnye protsessy v virtual'noi real'nosti tsifrovogo obshchestva: sotsial'no-filosofskii analiz: dis. ... kand. filos. nauk*. Rostov-na-Donu, 2023. 191 s. EDN: TFZQIZ

Psychological predictors of panic attacks in sleep disorders

Velichko Yuliya Aleksandrovna

Medical psychologist, Altai Regional Clinical Hospital
656024, Russia, Altai Territory, Barnaul, Lyapidevskiy str., 1

✉ yuliasboikova@gmail.com

Stoyanova Irina Yakovlevna

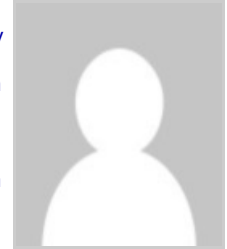

Doctor of Psychology

Professor; Professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling; National Research Tomsk State University. Leading Researcher of the Department of Affective States; Research Institute of Mental Health Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences

36 Lenin Ave., Tomsk, 656902, Russia, Tomsk region

✉ ithka1948@mail.ru

Kuzmina Anna Sergeevna

PhD in Psychology

Leading Researcher; Altai State University

656049, Russia, Altai Territory, Barnaul, Lenin str., 61, office 302

✉ annakuz87@yandex.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the prevalence of panic attacks, their negative impact on health and quality of life, as well as the need to identify psychological factors contributing to nocturnal panic attacks, which currently remain insufficiently studied. The purpose of this study is to identify the individual psychological characteristics of patients with panic disorder as psychological predictors of nocturnal panic attacks to increase the effectiveness of psychological care. The study involved 29 patients with established diagnoses of Panic disorder (F41.0) and agoraphobia (F40.0) aged 21-43 years. The duration of panic attacks ranges from one year to twelve years. Research methods: methods of clinical and psychological diagnostics (questionnaires, testing, projective methods), methods of mathematical statistics. The results of the study showed that patients with frequent panic attacks at night are characterized by a more anxious experience of the disease, accompanied by pronounced fears of panic attacks, anxiety for their future and attitude to the social environment as the main source of anxiety, than patients with rare panic attacks at night. Patients with frequent panic attacks at night are characterized by a more pronounced shift of the locus of control towards externality in the field of interpersonal relations and in relation to health. Patients with frequent panic attacks at night are characterized by an intrapsychic orientation of personal response to the disease, whereas patients with rare panic attacks at night are characterized by an internal picture of the disease without pronounced disorders of mental and social adaptation. The prospects of the study are related to the expansion of the sample in terms of studying the manifestations of panic attacks of young students, manifestations of coping behavior, as well as the creation of comprehensive programs of psychological assistance and prevention of mental health disorders.

Keywords: psychological predictors, the survey, mood, projective methods, anxiety, the locus of control, attitude to the disease, A night's sleep, panic attacks, psychological help

References (transliterated)

1. Vein A.M. Psikhoterapiya v lechenii vegetativnykh krizov (panicheskikh atak) i psikhofiziologicheskie korrelyaty ee effektivnosti // Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya. 2010. №4. S. 98-108.
2. Golubev V.L., Bashmakov M.Yu. Panicheskie ataki i nochnoi son // Russkii meditsinskii zhurnal. 1999. 2(1). C. 3-6.
3. Karyagina T.D., Shevtsov K.D. Psikhoterapevticheskaya rabota s panicheskimi atakami: klinicheskaya i fenomenologicheskaya perspektiva // Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya kak sredstvo resheniya lichnostnykh, semeinykh i professional'nykh

- problem. 2019. S. 29-64.
4. Korabel'nikova E.A. Narusheniya sna pri panicheskom rasstroistve // Zhurnal nevrologii i psikiatrii. 2018. № 4 (2). S. 99-107.
 5. Korabel'nikova E.A., Yakovleva E.V. Insonmiya pri panicheskom rasstroistve // International Journal of Innovative Medicine. 2023. № 02. S. 4-9.
 6. Korabel'nikova E.A., Yakovleva E.V. Rol' insomnii i ee korrektsii pri panicheskom rasstroistve // Annaly klinicheskoi i eksperimental'noi nevrologii. 2022. № 16(4). S. 62-70.
 7. Panicheskoe rasstroistvo. Klinicheskie rekomendatsii. M.: MZ RF, 2021. 103 s.
 8. Sokolova L.P. Narusheniya sna i bodrstvovaniya: klinicheskie proyavleniya i napravleniya terapii // Nervnye bolezni. 2021. №2. S. 54-63.
 9. Tartynskii K.M. Depressii i panicheskie ataki. Vzaimosvyaz', psikhopatologiya, terapiya: avtoref. dis. ... kand. med. nauk: 14.01.06. M., 2019. 24 s.
 10. Fedoryaka D.A. Osobennosti vnutrennei kartiny bolezni u lits s panicheskim rasstroistvom: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk: 19.00.04. SPb., 2019. 25 s.
 11. Khikmatullaeva Sh.Sh., Khaidanov N.K., Mukhamedsaidova I.A., Arziev Sh.Sh., Fatkhullaev Sh.Sh. Klinicheskie aspekty panicheskogo rasstroistva // Tendentsii razvitiyanauki i obrazovaniya. 2020. №62-2. S. 33-36.
 12. Agargun M.Y., Kara H. Recurrent sleep panic, insomnia, and suicidal behavior in patients with panic disorder // Compr Psychiatry. 1998. V. 39. Rp. 149-151.
 13. Burchakov D. I., Tardov M. V. Insomnia in the practice of a therapist: the role of doxylamine // Medical advice. 2020. Pp. 45-53.
 14. Çetinkaya Ö.G., AltınbaşK., İpekçioğlu D. [et al.] Nocturnal Panic Attack: Is It an Another Subtype? // Düşünen Adam The Journal of Psychiatry and Neurological Sciences. 2011. V. 24. Rp. 189-198.
 15. Lopes F.L., Nardi A.E., Nascimento I. [et al.] Nocturnal panic attacks // ArqNeuropsiquiatr. 2002. V. 60(3-B). Rp. 717-720.
 16. Medic G., Wille M., Hemels M. Shortand longterm health consequences of sleep disruption // Nat. Sci. Sleep. 2017. V. 9. Pp. 151-161.
 17. Riemann D., Baglioni C., Bassetti C. [et al.] European guideline for the diagnosis and treatment of insomnia // J. Sleep Res. 2017. V. 26(6). Pp. 675-700.
 18. Schenberg L.C. Panic disorder // Neurosci. Biobehav. Rev. 2014. Vol. 46 (3). Rp. 343-344.
 19. Shin J., Park D., Ryu S. et al. Clinical implications of agoraphobia in patients with panic disorder // Medicine (Baltimore). 2020. V. 99(30). Pp. 21-41.
 20. Vashadze Sh.V., Khimshiashvili D., Shavadaze M., Salvaridze T. Panic frustration and sleep disorder // Endless light in science. 2023. № 02. Rp. 4-9.
 21. Zakharov A. V., Khivintseva E. V. Clinical use of melatonin in the treatment of sleep disorders // Effective pharmacotherapy. 2019. V. 15(44). Pp. 42-47.

The essence of the meta-resource of life successfulness and its relationship with personality resources of constructive life among employees of internal affairs bodies of the Russian Federation

Semenova Natalya Aleksandrovna

Abstract. The relevance of the study of the meta-resource of life successfulness and its relationship with the personality resources of a constructive life among employees of internal affairs bodies is due to a number of mutually determining factors: the need to identify and study such personality resources that would help a modern person to carry out a constructive life in modern conditions, the prospects for the development of a resource approach in labor psychology; the need to study the resource capabilities of the personality of employees of internal affairs bodies in the conditions of modern reality in connection with the increasing requirements for their professional work activities. Attention is paid to the system of personality resources, and a point of view on the organization of resources for the constructive life of an individual is presented. Purpose of the study: to discover and substantiate the relationships between the components of life successfulness and the indicators of constructive life resources of the personality of employees of the internal affairs bodies. The study involved 892 respondents of the internal affairs bodies, of which 388 were women and 504 men. The sample was mixed in age and professional activity. Diagnostic techniques are aimed at measuring such resources of an individual's constructive life as: motivational and psychological states; integrative personal characteristics that contribute to effective and successful overcoming of life's difficulties; characteristics of subjectivity. The meta-resource of an individual's life successfulness was studied using the author's "Life Successfulness" methodology. As a result of the correlation analysis, a large number of significant relationships between the components of the meta-resource of life successfulness and indicators of personality resources for a constructive life were established. The component of emotional experiences has the least number of significant correlations with indicators of constructive life successfulness.

Keywords: resources of constructive life, psychology of work, resource approach, psychological resources, person, resources, police officer, meta-resource life successfulness, personality meta-resources, personality resources

References (transliterated)

1. Abul'khanova K. A. *Strategiya zhizni*. M.: Mysl', 1991. 229 s.
2. Aleksandrova L. A., Zolotareva A. A., Markova V. I. Russkoyazychnaya versiya kratkoi shkaly rezilientnosti: psikhometricheskii analiz na primere vyborok studentov, mnogodetnykh roditelei i roditelei detei s invalidnost'yu // *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal*. 2022. № 1. S. 65-75.
<https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>. EDN: MKQKVW
3. Anokhin P. K. *Printsipial'nye voprosy obshchei teorii funktsional'nykh sistem*. Printsipy sistemnoi organizatsii funktsii. M.: Nauka, 1973. 61 s.
4. Antsyferova L. I. Lichnost' v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh: pereosmyslivanie, preobrazovanie situatsii i psikhologicheskaya zashchita // *Psikhologicheskii zhurnal*. 1994. T. 15. № 1. S. 3-18. EDN: SAFDIZ
5. Bazhanova N. A. Lichnostnaya gotovnost' k peremenam v kontekste issledovaniya fenomena "ozhidaniya". Perevod i aprobatsiya oprosnika "Personal change-readiness"

- survey" // Acta eruditorum. Nauchnye doklady i soobshcheniya (Prilozhenie k zhurnalu "Vestnik RKhGA", T. 2). SPb.: Izd-vo RKhGA, 2005. S. 169-178.
6. Bodrov V. A. Problema preodoleniya stressa. Chast' 2. Protsessy i resursy preodoleniya stressa // Psikhologicheskii zhurnal. 2006. T. 27. № 2. S. 115-116.
 7. Vodop'yanova N. E. Sovremennye kontseptsii resursov sub'ekta professional'noi deyatel'nosti // Vestnik SPbGU. Seriya 16: Psikhologiya. Pedagogika. 2015. № 1. S. 45-54. EDN: TSIRZH
 8. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. Diagnostika dispozitsionnogo optimizma, validnost' i nadezhnost' oprosnika TDO-P // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2021. № 18(1). S. 34-55. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-1-34-55>. EDN: QDVGRU
 9. Gordeeva T. O., Sychev O. A., Osin E. N. Razrabotka russkoyazychnoi versii Testa dispozitsionnogo optimizma (LOT) // Psikhologicheskaya diagnostika. 2010. № 2. S. 36-64. EDN: SUFPGP
 10. Deeva N. A. Metodika "Zhiznennaya uspehnost'": struktura i validizatsiya // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2022. T. 19. № 3. S. 494-520. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2022-3-494-520>. EDN: SBSDJV
 11. Dikaya L. G., Zhuravlev A. L., Zankovskii A. N. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy issledovaniya adaptatsii i realizatsii professionala v usloviyakh nepreryvnykh sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii // Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Organizatsionnaya psikhologiya i psikhologiya truda. 2016. T. 1. № 1. S. 7-48. EDN: XVOZER
 12. Dikaya L. G. Sub'ektnaya aktivnost' i razvitie lichnosti // Metodologiya kompleksnogo chelovekoznaniya i sovremennaya psikhologiya / Pod red. A. L. Zhuravleva, V. A. Kol'tsovoi. M.: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2008. S. 176-182. EDN: WFHCCL
 13. Elshanskii S. P., Anufriev A. F., Kamaletdinova Z. F., Saparin O. E., Semenov D. V. Russkoyazychnaya versiya shkaly nadezhdy Ch. R. Snaidera // Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii. 2014. № 7 [Elektronnyi resurs]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2014/07/36446> (data obrashcheniya: 02.07.2024). EDN: SNLIIB
 14. Konopkin O. A. Osoznannaya samoregulyatsiya kak kriterii sub'ektnosti // Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya. 2012. T. 9. № 4. S. 97-101.
 15. Lifeline i drugie novye metody psikhologii zhiznennogo puti / sost., obshch. red. A. A. Kronika. M.: Progress, 1993. 230 s.
 16. Leont'ev D. A., Rasskazova E. I. Test zhiznестоikosti. M.: Smysl, 2006. 63 s.
 17. Lomov B. F., Surkov E. N. Antitsipatsiya v strukture deyatel'nosti. Moskva: Nauka, 1980. 279 s. EDN: TERDUV
 18. Mainina I. N., Vasanov A. Yu. Standartizatsiya metodiki "Shkala ekzistentsii" A. Lengle, K. Orgler // Psikhologicheskii zhurnal. 2010. T. 31. № 1. S. 87-99. EDN: MANCNT
 19. Markov V. N. Resursnyi podkhod k psikhologicheskoi diagnostike: osnovnye printsipy // Vestnik RUDN. Seriya Psikhologiya i pedagogika. 2010. № 4. S. 6-10. EDN: NBGLAN
 20. Markova V. I., Aleksandrova L. A., Zolotareva A. A. Russkoyazychnaya versiya kratkoi shkaly rezilientnosti: psikhometricheskii analiz na primere vyborok studentov, mnogodetnykh roditelei i roditelei detei s invalidnost'yu // Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal. 2022. № 1 (45). S. 65-75. <https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106>. EDN: MKQKVW
 21. Morosanova V. I. Soznatel'naya samoregulyatsiya kak metaresurs dlya dostizheniya

- tselei i resheniya problem chelovecheskoi deyatel'nosti // Psikhologicheskii vestnik Moskovskogo universiteta. 2021. № 1. S. 4-37.
<https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.01>. EDN: PUYXXO
22. Semenova N. A. Metaresurs zhiznennoi uspešnosti kak psikhologicheskii prediktor professional'noi uspešnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del // Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh. 2024. T. 29. № 1(96). S. 89-101.
<https://doi.org/10.24412/1999-6241-2024-196-000-000>
 23. Semenova N. A. Zhiznennaya uspešnost' lichnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii: kontseptual'noe obosnovanie i strukturno-funktsional'naya organizatsiya // Prikladnaya psikhologiya i pedagogika. 2024. T. 9. № 2. S. 64-81.
<https://doi.org/10.12737/2500-0543-2024-9-2-64-81>. EDN: DCJHNY
 24. Toloček V. A. Professional'naya uspešnost': ot sposobnostei k resursam (dopolnyayushchie paradigmy) // Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2009. T. 6. № 3. S. 27-61. EDN: PBGPBB
 25. Ul'yanina O. A. Lichnostnaya kompetentnost' spetsialistov pravookhranitel'noi sfery: psikhotekhnologii formirovaniya v obrazovatel'nykh organizatsiyakh vysshego obrazovaniya. Moskva: OOO "Nauchno-izdatel'skii tsentr INFRA-M", 2022. 220 s.
<https://doi.org/10.29039/01884-2>. EDN: FWEOUS
 26. Fromm E. Dusha cheloveka. M.: OOO "Izdatel'stvo ACT": OOO "Tranzitkniga", 2004. 572 s. EDN: QXIYNZ
 27. Khobfoll S. Vliyanie kul'tury, okruzheniya i lichnostnykh osobennostei na stressovyi protsess: razvitie teorii sokhraneniya resursov // Prikladnaya psikhologiya. 2001. № 50 (2). S. 337-421.
 28. Sharanov Yu. A., Ustyuzhanin V. N. Situatsii neopredelennosti i slabostrukturirovannye problemy kak sistemnye atributy pravookhranitel'noi deyatel'nosti // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2018. № 4 (80). S. 223-229. EDN: YRQEXJ
 29. Shchukina A. M. Psikhologiya samorazvitiya lichnosti. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2015. 520 s.
 30. Bokhan T. G., Galazhinsky E. V., Leontiev D. A., Rasskazova E. I., Terekhina O. V., Ulyanich A. L., Shabalovskaya M. V., Bogomaz S. A., Vidyakina T. A. Covid-19 and subjective well-being: perceived impact, positive psychological resources and protective behavior // Psychology. Journal of the Higher School of Economics. 2021. No 18 (2). pp. 259-275. <https://doi.org/10.17323/1813-8918-2021-2-259-275>. EDN: OVUHJX
 31. Carver C. S., Scheier M. F. Optimism. Handbook of Positive psychology. Oxford University Press, 2002. 829 p.
 32. Cascio J. A educação em um mundo cada vez mais caótico // Boletim Técnico do Senac. 2021. No 47 (1). pp. 101-105.
 33. Peterson C., Steen T. A. Optimistic explanatory style // V knige: Handbook of positive psychology. Oxford University Press, 2002. pp. 244-256.
<https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780195187243.013.0029>
 34. Scheier M. F., Carver C. S. Optimism, coping, and health: assessment and implications of generalized outcome expectancies // Health Psychology: Official Journal of the Division of Health Psychology, American Psychological Association. 1985. No 4(3). pp. 219-247.
 35. Seligman M. E., Abramson L. Y., Semmel A., von Baeyer C. Depressive attributional style // Journal of Abnormal Psychology. 1979. No 88 (3). pp. 242-247.
<https://doi.org/10.1037/0021-843X.88.3.242>
 36. Snyder C. R., Harris C., Anderson J. R., Holleran S. A., Irving L. M., Sigmon S. T., et al.

The will and the ways: Development and validation of an individual-differences measure of hope // Journal of Personality and Social Psychology. 1991. No 60. pp. 570-585. EDN: HIUNFL

37. Werner E. E., Smith R. S. Vulnerable but invincible. New York: McGraw-Hill, 1982. 229 p.
38. Windle G., Bennett K. M., Noyes J. A methodological review of resilience measurement scales // Health and Quality of Life Outcomes. 2011. No 9: 8.
<https://doi.org/10.1186/1477-7525-9-8> URL:
<https://hqlo.biomedcentral.com/articles/10.1186/1477-7525-9-8> (data obrashcheniya: 02.06.2024). EDN: WHWXSR

Psychotechnics for Diagnosing Professional Types in the Context of Digital Transformation

Rubtsova Nadezhda

Doctor of Psychology

Professor of the Department of General Psychology and Occupational Psychology of the Russian New University (Moscow)

22 Radio str., Moscow, 105005, Russia

✉ hope432810@yandex.ru

Lenkov Sergey Leonidovich

Doctor of Psychology

Chief Analyst of the Department for Coordination of Scientific Research and Training of Highly Qualified Personnel; Federal State Budgetary Institution 'Russian Academy of Education'

119121, Russia, Moscow, Khamovniki district, Pogodinskaya str., 8

✉ new_psy@mail.ru

Abstract. Contemporary professional realities, where neural networks generate code and VR therapists adjust mental states, challenge the adequacy of traditional occupational classifications. This research focuses on developing psychodiagnostic techniques for assessing professional psychotypes that account for the digital transformation across all labor sectors. The core scientific objective involves modernizing an original psychological typology of professions by introducing a digital integration parameter and creating corresponding diagnostic tools. The study proceeds from the premise that this approach will not only preserve fundamental classification principles but also capture emerging hybrid professional forms at the intersection of digital and traditional competencies, ultimately enabling accurate assessment of professional characteristics in today's digital environment. The methodology seamlessly integrates classical labor psychology approaches with contemporary digital concepts, synthesizing advancements from cognitive psychology, neuroscience, and digital labor anthropology. The research consistently applies a methodological principle of dialectical balance between continuity and change in professional psychotype evolution. While maintaining the foundational structure of the original typology, it incorporates a digital dimension. Scientific innovation is demonstrated through the development and validation of two diagnostic tools: a modified occupational orientation questionnaire and a novel digital engagement assessment. Psychometric testing on a representative sample, including confirmatory factor analysis, confirmed high reliability and validity. A key theoretical contribution is the substantiation of the digital integration parameter, which revealed distinct patterns of professional adaptation to digital environments and identified new hybrid

professional roles. These roles retain core features of traditional metatypes while evolving their operational content to meet digital economy demands. The practical significance lies in creating robust diagnostic instruments to assess workforce digital readiness, predict professional identity crises during transitions, and design personalized development programs. Organizational applications include evaluating digital competencies, crafting individual growth trajectories, optimizing recruitment processes, and preventing digital-age professional maladaptation – collectively enhancing organizational resilience amid digital transformation.

Keywords: Professional hybrids, Psychometrics, Diagnostics, Digital integration, Integrative-typological approach, Labor transformation, Professional psychological types, Digitalization, Psychotechnics, Metacognitive mechanisms

References (transliterated)

1. Vannovskaya O. V. Metodologicheskie osnovy vnedreniya tsifrovyykh tekhnologii v obrazovatel'nyi protsess vuza // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2024. № 2. S. 251-269. DOI 10.35231/18186653_2024_2_251.
2. Gavrilenko N. N. Kognitivnye riski tsifrovizatsii protsessa podgotovki perevodchikov // Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie. 2024. № 4(56). S. 176-196. DOI 10.24412/2076-913X-2024-456-176-196.
3. Greber D. Bredovaya rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda / per. s angl. M. : Ad Marginem Press, 2024. 368 s.
4. Kapitsa A. A., Abakumova I. V. Osobennosti empatii i tsennosti pri vospriyatii tsifrovoy zhivopisi u lits raznoi professional'noi napravlenosti // Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya. 2024. T. 12, № 3. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/110PSMN324.pdf> (data obrashcheniya: 10.04.2025). EDN: AXWCCV
5. Karpov A. V. Metakognitivnaya regulyatsiya informatsionnoi deyatel'nosti. Yaroslavl' : OOO "Filigran'", 2023. 743 s. EDN: HFYCYP
6. Karpov A. V., Len'kov S. L., Rubtsova N. E. Metakognitivnaya determinatsiya udovletvorennosti rabotoi v professiyakh informatsionnogo tipa // Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal. 2021. T. 18, № 3. S. 86-103. DOI 10.21702/rpj.2021.3.6. EDN: HDFJWQ
7. Len'kov S. L. Sub'ektno-informatsionnyi podkhod k psikhologicheskim issledovaniyam. Tver' : Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2001. 128 s. EDN: XBJFHP
8. Len'kov S. L. Psikhologicheskaya tipologiya professional'noi deyatel'nosti informatsionnogo kharaktera // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2012. № 4(43). S. 72-83. EDN: QAEDBF
9. Len'kov S. L., Rubtsova N. E., Nizamova E. S. Oprosnik "Vovlechenost' v sferu iskusstvennogo intellekta" i ego psikhometricheskie svoistva // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2025. № 1. S. 179-196.
10. Mazilov V. A., Slepko Yu. N. Nauchnye traditsii v kontekste sovremennogo istoriko-psikhologicheskogo poznaniya // Psikhologicheskii zhurnal. 2025. T. 46, № 1. S. 113-118. DOI 10.31857/S0205959225010122. EDN: NASMXU
11. Martsinkovskaya T. D. Vremya v tvorchestve L.S. Vygotskogo // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2024. T. 47, № 4. S. 256-269. DOI 10.11621/LPJ-24-48. EDN: EHOJAE
12. Mikhailova E. E. Filosofiya v obrazovatel'nom prostranstve informatsionnogo obshchestva // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. 2014. № 1. S. 83-87. EDN: SNFVLV

13. Prof'ev M. A. Istoriko-filosofskie aspekty psikhologii udalennoi raboty: sub'ektnost', identichnost' i virtual'nye vzaimodeistviya // Nauchnyi poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura. 2025. № 1(55). S. 90-95. DOI 10.54348/SciS.2025.1.15. EDN: TUFAM
14. Rubtsova N. E., Len'kov S. L. Oprosnik "Integrativno-tipologicheskaya professional'naya napravlennost' lichnosti": razrabotka vtoroi versii // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2023. № 1(130). S. 158-170. DOI: 10.20323/1813_145X_2023_1_130_158_170. EDN: UNZWTC
15. Rubtsova N. E. Kontseptsiya integrativno-tipologicheskogo podkhoda k psikhologicheskoi klassifikatsii professional'noi deyatel'nosti // Psikhologiya i psikhotekhnika. 2012. № 2(41). S. 51-60. EDN: QAEEZF
16. Rubtsova N. E., Len'kov S. L. Psikhodiagnostika v tsifrovom mire. Tver' : Pechatnitsa, 2025. 168 s. EDN: DAQJME
17. Selyuch M. G., Leifa A. V., Nikitina A. A. Osobennosti professional'noi vostrebovannosti i tolerantnosti k neopredelennosti pedagoga v tsifrovoi obrazovatel'noi srede // Nauchnoe obespechenie sistemy povysheniya kvalifikatsii kadrov. 2025. № 1(62). S. 116-127. EDN: GRAXHH
18. Soldatova G. U., Chigar'kova S. V., Ilyukhina S. N. Tekhnologicheskii rasshirennaya lichnost': razrabotka i aprobatsiya shkaly samoupravleniya tsifrovoi povsednevnyost'yu // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2024. T. 47, № 2. S. 175-200. DOI 10.11621/LPJ-24-20. EDN: HDXGHE
19. Tolochev V. A. Professional'naya kar'era: fenomen, kontseptsii, "apokrify" // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya. 2025. T. 48, № 1. S. 30-54. DOI 10.11621/LPJ-25-02. EDN: WWYYPL
20. Usol'tseva V. V., Shitova P. S. Pokazateli adaptatsii studentov-psikhologov k tsifrovoi transformatsii obrazovaniya v protsesse obucheniya v vuze // Razvitie obrazovaniya. 2024. T. 7, № 2. S. 92-98. DOI 10.31483/r-111330. EDN: TOGKBQ
21. Tsifrovizatsiya kak determinanta transformatsii kognitivnoi podsistemy psikhiki / A. V. Karpov, E. V. Karpova, A. V. Chemyakina, M. V. Bashkin // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2024. № 5(71). S. 536-556. DOI 10.32744/pse.2024.5.31. EDN: KQTUOD
22. Chebotareva O. A., Dem'yanova Zh. V., Umarova E. V., Morozova M. V. Izmeneniya v metodike obucheniya v svyazi s osobennostyami myshleniya // Perspektivy nauki. 2024. № 6(177). S. 268-271. EDN: OYDBTI
23. Sharapov N.A. Uspeshnost' kar'ery v informatsionno-orientirovannykh professiyakh // Psikholog. 2025. № 1. S. 20-42. DOI: 10.25136/2409-8701.2025.1.73083 EDN: IQCAZP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73083
24. Shvab K. Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya / per. s angl. M. : Eksmo, 2017. 208 s.
25. Shugurov M. V., Mozhilin S. I. Tsifrovaya transformatsiya nauki: mezhdistsiplinarnyi podkhod // Naukovedcheskie issledovaniya. 2022. № 4. S. 101-129. DOI 10.31249/scis/2022.04.06. EDN: MYOWXP